КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ВОСЬМОЙ

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Подготовка Балканской войны 1912 г.—Записки А. С. Суворина.—Из дневника А. Н. Куропаткина (1905—1906 г.г.).—Переписка Александра III с гр. М. Т. Лорис-Меликовым (1880—1881 г.г.).—К истории Лорис-Меликовской конституции.—Октябрьский переворот и ставка.—Омские события при Колчаке.—Указы Е. И. Пугачева.—Литература 60-х г.г.—Революция 1848 г.—В годы реакции.—Иконь А. Матюшенко и др.

ЦЕНТРАРХИВ
1923

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
1. Дипломатическая подготовка Балканской войны 1912 г. Предисловие *А. Л. Попова*	3—48
2. Записки А. С. Ермолова Николаю II в 1905 г.	49—69
3. Из дневника А. Н. Куропаткина (с 23 декабря 1905 г. по 12 марта 1906 г.).	70—100
Примечания.	98—100
4. Переписка Александра III с гр. М. Т. Лорис-Меликовым. (1880—1881 г.г.)	101—131
5. К истории Лорис-Меликовской «конституции». (Заседание совета министров 8 марта 1881 г.). Предисловие *А. А. Сергеева*	132—152
I. Из дневника Е. А. Перетца	133—150
II. Из дневника вел. кн. Константина Николаевича	151—152
Примечания	152—
6. Октябрьский перев[illegible] [illegible] *А. Г. Шляпникова*	153—175
7. [illegible]ские события при Колчаке. (Окончание.)	176—192
8. Указы Е. И. Пугачева и его сподвижников. Предисловие *С. А. Голубцова*	193—206
Списки с „Указов" Е. И. Пугачева и автографы деятелей восстания 1773 г.	
9. Литература 60-х годов по отчетам III отделения	207—232
10. Ф. М. Решетников и „Северная Пчела". Предисловие *А. Кунцевой*	233—236
11. Неизданная сказка А. П. Чехова. Предисловие *С. Любимова*	237—239

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ АРХИВИСТА.

12. Революция 1848 г. и французские подданные в Москве. Сообщил *В. М.*	240—241
13. В годы реакции. Сообщил *А. М. Зайончковский*	242—243
14. Письмо В. Г. Короленко к С. Ф. Шарапову. Сообщил *В. Дмитриев*	243—244
15. Николай Романов 28 февраля—4 марта 1917 г. Сообщил *А. Сергеев*	244—246
16. Пенсионная практика Временного Правительства. *М. Г. Флеер*	246—250
17. Казнь Афанасия Матюшенко. Сообщил *К. И. Вешнов*	250—254

University of Michigan

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ Р. С. Ф. С. Р.

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
В. В. Адоратского, В. В. Максакова, М. Н. Покровского,
В. П. Полонского, В. М. Фриче

ТОМ ПЕРВЫЙ (ВОСЬМОЙ)

1925

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1925 ЛЕНИНГРАД

Гиз № 9022. Главлит № 31862. Напеч. 5000 экз.

1-я Образцовая типография Госиздата. Москва, Пятницкая, 71.

Replacement
Harvard,
10-1-35
30753

DK
1
K89
1925

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА

Балканской войны 1912 г.

Среди материалов архивного фонда бывш. мин. ин. дел, относящихся к делопроизводству III политического отдела (Ближне-Восточного), сохранились коллекции документов, подобранные по вопросу о дипломатической подготовке Балканской войны.

Указанные коллекции отнюдь не могут претендовать ни на исчерпывающую полноту, ни на достаточную выразительность и характерность подбиравшегося в министерстве материала, ни на свободу от исторически ненужного архивного балласта; в них имеются кроме того значительные хронологические пробелы.

В основу настоящей публикации, представляющей собою первую из имеющих исследовать за нею частей, положена одна из указанных выше коллекций (носящая заголовок «Дипломатические переговоры, предшествовавшие 1 войне»; 16 сентября 1911 г.—21 июля 1912 г.), существенно пополненная материалами, заимствованными из делопроизводств других отделов и вместе с тем подвергшаяся значительному сокращению в результате отсеивания всего того, чем без явного ущерба для дела представилось возможным пренебречь.

Публикуемые материалы представляют кусок истории активной русской политики на Балканах, тех последних усилий русской дипломатии, законным детищем коих явились балканские войны, эти предтечи империалистской войны.

Обследуемый кусок истории оказывается по необходимости вырванным из близлежащего исторического контекста.

Предпосылаемые документам вводные строки имеют своим назначением, хотя бы в самых беглых и фрагментарных чертах, напомнить читателю о существовании генетической связи между публикуемыми «переговорами» и предшествующими им «поступами» русской политики на Балканах.

«Нам надо было поставить Балканы под стеклянный колпак, пока мы разделяемся с другими, более спешными делами», — говорил министр иностранных дел кн. Лобанов, объясняя линию внешней политики, принимаемую русским правительством в 90-х годах.

Известно, что это была линия, направленная на соискание главою государства адмиральского звания, на получение шефства над водами Тихого океана, линия, оборвавшаяся в 1904 г. в связи с полным провалом испытуемого.

Претерпев в связи с указанными «спешными» делами горькую неудачу, получив дополнительные разочарования в делах внутреннего управления, после недолгих

хождений своего будущего премьера по приемным парижских банкиров, царское правительство охватывается обновленными чувствами дружбы и признательности к своей старой союзнице и вместе с тем попадает в объятия к ее новым английским друзьям.

Соглашение 1907 года означало для России не только воздержание от активности в делах Средней Азии, но и определяло собою возвращение ее при первых возможностях к активной политике на Ближнем Востоке.

Правда, возвращаясь на Ближний Восток, Россия находила теперь положение здесь существенно изменившимся.

Не забудем, что в 1897 году, в момент своего явственного устремления к Тихому океану, русская дипломатия стабилизовала ближневосточные дела исключительно путем обоюдного соглашения с Австрией, путем полюбовного с нею раздела сфер влияния на Балканах. Когда, в 1903 г., вспышка четнического движения в Македонии грозит накалить политическую атмосферу на полуострове, делом тушения македонского пожара занимаются представители тех же двух «наиболее заинтересованных» на Балканах держав, обсуждающие в Мюрцштеге, в стенах охотничьего замка Габсбургов, программу реформ в Македонии. Заслуживает внимания маленькая подробность: мюрцштегская программа официально сообщалась Порте в нотах, врученных одновременно русским и австро-венгерским послами,—это служило торжественным провозглашением принципа, по которому всякие действия на Балканском полуострове должны предприниматься не иначе, как по взаимному соглашению.

Годы 1904—1905 отмечаются принципиальным изменением традиционной английской политики в ближневосточном вопросе и значительным ростом английского влияния на Балканах. Балканский вопрос становится предметом особых забот европейского концерта, а лейтмотивом всех действий этого концерта являются англо-германские антагонизмы.

Еще раньше, во время англо-турецкого табасского инцидента 1906 г., имевшая случай манифестировать в пользу Англии русская дипломатия, руководимая поклонником сэра Эд. Грэя, с неизбежностью должна была теперь итти и в балканских делах в английском фарватере.

Можно сказать, что линия этого нового английского фарватера в известной степени, до известного предела даже гармонировала с теми «историческими задачами» на Балканах, к осуществлению которых русская дипломатия почувствовала себя вновь призванной. Напомним, что старый лозунг Гладстона «растерзать тело Турции» начинает приобретать в Англии некоторую популярность. В резидирующем в Лондоне «Балканском Комитете» слышатся речи и выносятся резолюции на тему об ответственности Англии за установление порядка в Македонии. Влиятельный член «Балканского Комитета» Ноэль Бэкстон (в своей книге, «Europe and the Turks», изданной в 1907 г.) проводит мысль о желательности довести дело до открытого разрыва на Балканах, пустив застрельщиком Болгарию. Тенденции эти отражаются и в английских официальных кругах: в тронной речи (29—I—1908 г.) подчеркиваются серьезные опасения, внушаемые положением в Македонии; сэр Э. Грэй обращается к Извольскому (28—II—1908 г.). с официальным заявлением о неотложности македонских реформ; оживляется деятельность в Болгарии английских агентов, стимулирующих у болгар агрессивные стремления в Македонии.

Вместе с тем не менее явственно намечаются тенденции австро-германской политики. Когда, набросанный при свидании в Свинемюнде (август 1907 г.) Извольским

и Бюловым и средактированный затем Извольским совместно с Эренталем, проект судебных реформ в Македонии обсуждается (в декабре того же года) на конференции послов в Константинополе, германский посол к немалому удивлению своих коллег подвергает проект резкой критике, а австрийский представитель жестокую критику собственного проекта молчаливо одобряет. План судебной реформы в Македонии рушится в корне. Конец русско-австрийского соглашения на Балканах уже намечается явственно... «Циничный жест» австро-венгерской дипломатии находит исчерпывающее объяснение в тех переговорах, которые ведет в это время гр. Эренталь с турецким правительством—он обещает последнему отказаться от поддержки собственного проекта реформ, если Турция согласится на постройку железной дороги через Новобазарский санджак. Проектируемая ветка, длиною в 160 км., должна сомкнуть австрийскую сеть с турецкой дорогой от Митровицы на Салоники. Громадность ее экономического и политического значения—особенно в предвидении соединения турецкой сети с греческой—было неоспоримо. «Таким образом получится,—говорил Эренталь 28—I—1908 г. в венгерской делегации,—прямое сообщение Вена—Будапешт—Сараево—Афины—Пирей, которая послужит кратчайшей дорогой из центральной Европы в Египет и Индию».

Австрийский проект не без основания квалифицировался русским министерством ин. дел., как решительное и непоправимое нарушение русско-австрийского соглашения о разделе сфер влияния на Балканах. Не без основания, возвращаясь к активности на Ближнем Востоке, русское правительство ставит на очередь вопросы об усилении своей боевой мощи (заседание Государств. Думы 30—VI—1908 г.), те самые вопросы, которые в эту же пору фиксируют внимание английского правительства, вносящего в парламент законопроект о широкой судостроительной программе (24—II—1908 г.). В то же время в противовес австрийскому ж.-д. проекту русскими финансовыми кругами выдвигается старый сербский проект Дунайско-Адриатической дороги (от Мрдаре до Дьякова и далее на побережье), и делегат русских банков, Вышнеградский, ведет в Париже переговоры с представителями французских и итальянских финансовых групп.

Разумеется, в каких бы формах русская активная политика на Балканах ни проявлялась, формы эти оказывались различными сторонами одной и той же, неизменной для политики царизма, сущности—его исконного тяготения к проливам.

При функциональном расстройстве экономики и военной системы не приходилось, конечно, и помышлять о какой-либо акции, хотя бы отдаленным образом напоминавшей обручевский проект 1897 г. о прямом захвате верхнего Босфора. Ведь совсем недавно (28—I—1908 г.) Совет государственной обороны на заседании, посвященном вопросу «о подготовке к войне с Турцией», признал «необходимым ныне избегать принятия таких агрессивных действий, которые могут вызвать политические осложнения».

Оставалось, следовательно, рассчитывать или на длительный затяжной процесс мирного проникновения или на тонкую дипломатическую игру, становившуюся тем более тонкой, чем более слабыми были реальные рессурсы, утончавшуюся порой до того предела, когда запутавшимся игрокам приходилось ретироваться с дипломатической сцены с испорченной репутацией. Первые же шаги новой русской политики на Балканах, характеризующиеся чертами такой игры, игры, несогласованной с видами англо-французской дипломатии, а потому—рискованной, ознаменовываются

неудачей, известной под именем дипломатической Цусимы. Мы имеем в виду все то, что связано с фактом аннексии Боснии и Герцеговины.

Склонные к драматизации исторического процесса исследователи факт этот нередко полагают исходным пунктом всей той цепи событий, которые привели в конечном счете к империалистской войне. Факт этот ждет еще своего документального освещения, но и то, что уже известно о нем, наделяет его всеми характерными для узлового момента особенностями и вместе с тем помогает правильной исторической установке той роли запевалы, какую начинает играть царская Россия в ближне-восточном концерте.

Не спрашивая броду у своих старших друзей, русский министр иностранных дел стремительно бросается к водам Босфора, которых он надеется достигнуть путем дипломатической сделки со своим исконным антагонистом на Балканах.

19—VI—1908 г. Эренталь получает от Извольского многозначительный меморандум. нетерпеливый министр заявляет об отсутствии со стороны России возражений против проведения санджакской дороги; вместе с тем он выражает согласие на то, чтобы «связь с Боснией и Герцеговиной Австрия сделала постоянной»; взамен всего этого он хочет получить открытие проливов для русских военных судов. Полагая себя связанным в босне-герцеговинском вопросе секретными соглашениями с Австрией 1881 и 1884 г. г., Извольский при личном свидании с Эренталем в Бухлау (15—IX—1908 г.) безоговорочно подтверждает свое согласие на аннексию, в то время как Эренталь сохраняет себе свободу действий ссылкой на то, что вопрос о проливах должен быть решен Европой. Пока нашаливший дипломат в поисках сочувствия и поддержки совершает свое дипломатическое турнэ по Европе, Эренталь успевает поставить русское правительство перед совершившимся фактом (6—X—1908 г.). Компенсируя Турцию отказом от Новобазарского санджака, австрийский министр ин. дел. превентивным санкционированием независимости Болгарии завоевывает симпатии последней и тем наносит дополнительный удар престижу своего неудачливого соперника. Ставка Извольского на проливы оказывается битой, Берлинский же Трактат и status quo на Балканах нарушаются и нарушаются исключительно в пользу Австрии. Попытки Извольского, направленные к организации дипломатической самообороны путем созыва конференции держав и вознаграждения наиболее пострадавших, терпят фиаско.

Поглощенная всецело марокканским вопросом, искусно обостряемым германской дипломатией, Франция не проявляет интереса ни к вопросу о русских притязаниях на проливы, ни к вопросу о созыве конференции. Расчетливая и осторожная и раньше, после июльского переворота в Константинополе позиция Англии становится в ближне-восточном вопросе особенно осторожной и выжидательной: усматривая полную неготовность России к серьезным выступлениям, Англия не оказывает политике Извольского реальной поддержки. Предъявляемое 23—III—1909 г. германским послом в Петербурге ультимативное требование открытого признания аннексии выполняется Извольским безоговорочно, с «унизительною» поспешностью. По тому же вопросу о проливах заключаемое с Италией соглашение в Ракониджи (25—X—1909 г.), являющееся единственным фактом, могущим войти в актив царской ближне-восточной политики в период 1908—1909 г.г., разумеется, не может исправить положения.

Поставленная перед фактом нарушения «равновесия» на Балканах и завоеванного здесь двуединой монархией господствующего положения, встречающая после-

низвержения Киамиля (февраль 1909 г.) ярко выраженную германскую ориентацию в Константинополе, изолированная от дружественных держав в своих наивно-активистских тенденциях, русская дипломатия оставлялась на второй год в том же классе для переподготовки в балканском вопросе и вынуждалась заняться исправлением наделанных ею ошибок—под наблюдением сэра Грэя восстановить добрососедские отношения с Австрией (соглашение 1910 г.), заявить в Потсдаме (4—XI—1910 г.) о своей готовности к поддержанию status quo на Балканах и затем перейти к очередным делам, т.-е. к медленной, строго локализованной, подготовительной работе на полуострове, работе по созданию, так называемой балканской федерации.

Строго говоря, эта подготовительная работа велась и раньше. Аннексия, лишь юридически оформившая созданное 30 лет тому назад для Боснии и Герцеговины положение, принципиально не внесла ничего нового, но, вместе с санджакским жел.-дор. начинанием, явилась ярким выражением австрийских агрессивных стремлений на Балканах, обострявших существовавшие антагонизмы и прежде всего и больнее всего ударявших по интересам Сербии. Напомним, что еще по договору 1882 г. с Австрией Сербия соглашалась оставить Боснию и Герцеговину за Македонию. Напомним, что в период своих неудачных попыток Извольский требовал для Сербии территориальной компенсации, дающей ей через юго-восточную часть Герцеговины выход к берегам Адриатики. Крушение национальных сербских надежд вызывает в стране острое возбуждение и рефлектирует образованием кабинета, открыто принимающего программу сопротивления Австрии. Вместе с тем все расчеты сербских политиков направляются теперь на территории, лежащие к югу, т.-е. на спорные районы Македонии.

Созданное тем же фактом и осложненное коронованием князя Фердинанда умаление сюзеренных прав султана стимулировало исконные болгарские притязания на Македонию. Взаимно антагонистические сербские и болгарские притязания на македонские вилайеты встречают отпор в младотурецкой национальной политике, но не теряют от того ни на иоту в своей все возрастающей напряженности. Тот же Македонский вопрос и обостряющийся вопрос Критский создают с момента младотурецкой революции и в Греции почву, благоприятную для антитурецкого движения. Не приходится в данном случае и говорить о тех сербах, которых называли черногорцами, которым удалось сохранить свою независимость от теснившей их Турции, но пришлось стать в полувассальные отношения к России.

Конъюнктура на Балканах, как видим, не отличалась простотой, зато давала русской дипломатии благодарный материал для «производительной» работы, заслуживавшей полного поощрения со стороны осмотрительных англо-французских друзей.

Цель, намечавшаяся русской дипломатией, была отчетливая и ясная, такая же отчетливая и ясная, как и прежде—овладение проливами: средством для достижения этой цели являлись прежде всего балканские славянские государства; очередной задачей—их вовлечение в орбиту русской политики и создание союза, направленного против Турции.

Ущербленная австрийской агрессией, поставленная под постоянную угрозу австрийского удара, при содействии русской дипломатии заключающая в Париже заем на военные цели, Сербия с момента аннексии оказывается отброшенной всецело в русскую сферу влияния.

Главным объектом русской дипломатической обработки должна была стать Болгария, в течение последнего десятилетия сильно выросшая экономически и культурно, быстро приобретавшая значение решающего фактора среди государств Балканского полуострова.

С момента сентябрьских софийских торжеств 1907 года, посвященных юбилею русско-турецкой войны, русское представительство в Софии приступает к энергичному «обволакиванию» болгарских правящих кругов, к организации болгарского «общественного мнения». Русский поверенный в делах в Болгарии план своих работ, к которым он собирался приступить «без потери времени», при этом определял так [1]): прежде всего—«взглянуть на нее (Болгарию. *А. П.*) не как на цель, а как на средство, которое выгодно может быть использовано нами»; далее—«использовать унаследованный от войны 78 г. культ России как страны-освободительницы», укрепить «нравственные связи» с болгарами и, наконец,—«перейти к конкретному уговору», оставаясь в то же время «хозяином положения, имея все нити в руках, а следовательно, и возможность сделать решающий шаг тогда, когда это будет соответствовать нашим видам».

Та работа, какую развивает русский дипломатический представитель в Софии вкупе с русским военным агентом, оказывается настолько энергичной, что даже энергичному министру ин. дел приходится неоднократно удерживать своих сотрудников от излишнего рвения. Осторожность приходилось соблюдать тем большую, что отяготившее государственный бюджет крупными расходами на вооружение болгарское правительство к тому времени было особенно сильно преисполнено национального нетерпения в деле достижения своих «исторических целей».

Главная роль в русско-болгарских переговорах в тот период выпадает на русского военного агента, полковника Леонтьева, который интересуется преимущественно вопросом о военной конвенции. Известно, что русское правительство было связано с Болгарией секретным военным соглашением 1902 года, направленным исключительно против Румынии и Австрии и утратившим к рассматриваемому времени всякое политическое значение. Во время частых свиданий полк. Леонтьева с болгарскими генералами разговор обычно вращался вокруг вопроса об условиях, на каких должна быть заключена новая военная конвенция. Конвенция, очевидно, должна была быть направлена теперь против Турции.

Затевая свою «игру» в Вене, руководитель русского дипломатического ведомства отнюдь не был расположен, как мы видели, к «непосредственным действиям», не был расположен уже по одному тому, что для этого не было реальных возможностей. Естественно и понятно, что и теперь он давал своему представителю в Софии директиву держать курс на «соглашение исключительно политического характера, а не на военное». Правда, недели за две до тырновского акта, русское правительство, склоняя Болгарию к «совместному с Россией плану действий», для объявления независимости выражало готовность заключить с княжеством военную конвенцию. Русской дипломатии не посчастливилось и в этой скромной попытке. Болгарское правительство уклонилось от русского предложения. «Князь все время колебался,—рассказывает об этом полк. Леонтьев [2]),—и окончательное решение принял

[1]) См. депешу Сементовского-Курило от 12/XI—1907 г.

[2]) См. донесение полк. Леонтьева на имя нач-ка генер. штаба от 1/X—1908 г.

только в воскресенье, 26 сентября, когда ему стала известна сущность русского предложения... На другой же день, в понедельник, князь делает роковой шаг, идущий совершенно вразрез с нашими желаниями... Князю нужно было спешить: задержись он еще немного,—и ему волей-неволей пришлось бы пойти навстречу русским предложениям... князь не потерялся и быстро принял решение, сразу сделавшее его чуть ли не господином положения... Своим тырновским переворотом князь сразу поймал двух зайцев... отделался от слишком тесной военной связи с Россией, могущей его скомпрометировать в глазах Австрии, и одновременно получил столь давно и страстно желанную им царскую корону»...

Упустив политически выигрышный момент объявления независимости, русское правительство спешит сыграть привычную для него роль «освободителя» и посредством финансовой сделки укрепить отношения с новообразовавшимся царством: отказываясь от части причитающегося ему от Турции военного долга, оно выражает готовность освободить Болгарию от вытекающих из факта провозглашения независимости финансовых обязательств последней по отношению к Турции, взяв с Болгарии долговое обязательство на ту же сумму: 7/20 апреля 1909 г.

Извольский подписывает декларацию «об отказе России в пользу Турции от 40 аннуитетов военного вознаграждения»; 8/XII—1909 г. заключается русско-болгарская конвенция, «о займе в 82 милл. франков».

Приступ национализма в турецкой политике вызывает в дальнейшем согласительные настроения у болгар. «В последнее время, — сообщает Сементовский-Курило 28—I—1909 г. [1]), — отношения между соседями настолько обострились, что даже вооруженное столкновение становилось вероятным». В это же время болгарский представитель в Белграде ведет переговоры о заключении секретной военной конвенции с Сербией. Македонский вопрос является, однако, камнем преткновения, и переговоры остаются висеть в воздухе. Во время приезда царя Фердинанда в Петербург в феврале 1909 г. Извольский обещает Болгарии содействие в достижении ею своих национальных вожделений, «для каковой цели,—по словам министра [2]),—имеется уже конкретное понятие сан-стефанской Болгарии». Вместе с тем он убеждает Фердинанда прежде всего «решительно отказаться от агрессивных действий против Сербии». В помощь Извольскому привлекается и столь занятая в ту пору своими «местными» делами союзная дипломатия: осенью того же года (октябрь 1909 г.) Милованович ведет с Пишоном беседы на тему о «более тесном единении между балканскими государствами» и просит руководителя французской внешней политики «оказать давление на Болгарию». «Г. Пишон, — доносил русский посол в Париже [3]), — выразил министру полное сочувствие Франции установлению этого соглашения».

В чем заключалась в ту пору сущность сербо-болгарских разногласий? Милованович отстаивал мысль о разделе Македонии. Болгарские политики противопоставляли этому идею автономной Македонии, рассчитывая таким путем подойти к вопросу о воссоединении этой области с королевством.

Не безынтересным представляется то обстоятельство, что русская дипломатия принимает сербскую точку зрения. В своем инструктивном письме [4]) к Сементовскому

[1]) См. письмо Сементовского-Курило Чарыкову от 28/I—1909 г.

[2]) См. секретн. телеграмму Извольского Сементовскому от 17/II—1909 г.

[3]) См. депешу Нелидова из Парижа от 29/X—1909 г.

[4]) См. секр. письмо Извольского Сементовскому от 20/III—1909 г.

министр основы для соглашения схематически намечал так: «Район Константинополя и проливы входят в исключительную сферу интересов России»; Болгария «будет иметь право стремиться к расширению своих границ в размере сан-стефанской Болгарии»; Сербии отводятся «области, открывающие ей доступ к побережью Адриатического моря». Построенное на таких основах соглашение Извольский считал возможным «подкрепить» особою военною конвенциею. «Быка надо взять за рога...,— комментировал Сементовский занятую русским дипломатическим ведомством в Македонском вопросе позицию [1]), — стремиться к автономии Македонии нам не приходится... Поставленная цель может быть достигнута лишь при условии раздела Турции».

Во время посещения Фердинандом Петербурга Извольский вручает сопровождающим болгарского царя министрам Малинову и Паприкову разработанный министерствами — ин. дел и военным — новый проект военной конвенции с Болгарией. Как признавался сам автор проекта [2]), отличительною чертою его являлась «разница в обязательствах», принимаемых на себя Россиею и Болгарией: в то время, как Россия обязывалась лишь к проведению мобилизации, Болгария должна была открыть военные действия.

Тенденции русской политики в отношении Болгарии вырисовываются с достаточной ясностью: соблазняя болгар перспективой раздела Турции, русская дипломатия стремилась не только к «удержанию в своих руках нитей болгарской политики», не только к предупреждению самочинного выступления Болгарии, она пыталась превратить Болгарию в своего прямого вассала, как это ей почти удалось сделать с Черногорией заключением 2—XII—1910 г. составленной в аналогичном духе военной конвенции.

Домогательства русских империалистов встречают в болгарских правящих сферах серьезный отпор. Вторая по счету попытка петербургской дипломатии связать Болгарию военной конвенцией не удается. В апреле—мае 1910 г. на ряде устраиваемых русским представителем в Софии, «длящихся целыми днями», совещаний, в которых принимают участие Малинов и генералы Паприков и Николаев, русский проект подвергается всестороннему обсуждению.

Посвящаемая этим совещаниям информация русского посланника составляется в минорных тонах и содержит в себе преимущественно указания на «основные черты болгарского характера — подозрительность и упрямство» [3]). Вопрос о будущих разграничениях с Сербией попрежнему срывает переговоры. Попытка воспользоваться тревогой, порождаемой слухами о румыно-турецкой конвенции (сентябрь 1910 г.), и завязать болгаро-сербские переговоры в Белграде также разбивается об уклончивость болгар [4]). Старания русского военного ведомства соблазнить болгар военными заказами парализуются конкуренцией германских заводчиков, получающих заказы на изготовление орудий и миноносцев. «Наше положение в этом отношении даже ухудшилось,—жалуется военный министр в письме к управляющему министерством ин. дел [5]),—очевидно намерение (болгар. *А. П.*) уклониться от русской помощи».

---

[1]) См. секр. письмо Сементовского от 13/I—1910 г.
[2]) См. секр. письмо Извольского Сементовскому от 22/III—1910 г.
[3]) См. секр. письмо Сементовского от 14/V—1910 г.
[4]) См. секр. телеграмму Гартвига от 22/IX—1910 г.
[5]) См. секр. письмо военного м-ра управляющему мин-вом ин. дел от 27/III—1911 г.

Сменяющий Извольского Сазонов не только усваивает основную линию своего предшественника, но еще с большей настойчивостью, с большей систематичностью и еще ближе подходит к вопросу. Он начинает с того, что последнюю депешу Извольского, излагавшую точку зрения министерства на принципы русско-болгарского соглашения, заменяет тождественной депешей за своей подписью [1]). Вместе с тем он наставляет своего представителя в Софии в случае упорства болгар в вопросе о «разнице обязательств» уступить, оговорив осторожно, что от необходимости выполнения взятых на себя обязательств русское правительство будет все же считать себя свободным. В то же самое время, при всей своей осторожности, Сазонов с прогрессирующей отчетливостью заостряет свои планы на войне с Турцией. При этом, устанавливая «принцип сохранения свободы решения относительно военных действий против Турции», Сазонов уже в декабре 1910 года намечает сокрушение Турции исключительно руками будущих балканских союзников [2]). Он разъясняет болгарам: «Военное вмешательство наше в турецко-болгарскую войну не всегда будет полезно для болгар, а, в особенности, в конечном фазисе войны, так как последствием такого вмешательства может явиться открытие военных действий с чьей-нибудь третьей стороны». Прежде же всего и сильнее всего Сазонов стремится к тому, чтобы примирить болгаро-сербские разногласия. Своему представителю в Софии он наказывает при обсуждении вопроса о разделе Македонии, во избежание обострения антагонизма между обоими государствами,—воздерживаться от точного определения территорий. Он советует болгарам быть умеренными и осторожными, он предостерегает их от того, чтобы, стесняя развитие Сербии в сторону Македонии, они не толкнули королевство на сближение с Австро-Венгрией; он угрожает им, что, в случае затяжки переговоров, Россия оставит за собой право поступить так, как диктуют ей ее интересы [3]). Хотя Сазонову, как и его предшественнику, также не удалось заключить формального соглашения с болгарами, однако продукция его работы на полуострове прогрессивно возрастает, положение России на Балканах заметно укрепляется. Оно укрепляется настолько, что, строго говоря, отпадает даже необходимость в особом формальном соглашении с Болгарией.

Не только субъективные факторы—возрастание боевой мощи русской армии—определяют теперь более решительный и энергичный тонус русской политики на Балканах. Целый ряд объективных факторов как общеевропейского, так и местного балканского значения действовал в том же направлении.

Правда, английское правительство и теперь, как и в 1908 г., проявляет большую сдержанность в вопросе о притязаниях России на проливы, и Бенкендорфу не удается получить от Грэя обещания поддержать перед Турцией ее требования [4]). Зато переговоры с Францией по тому же вопросу ставятся на более твердую почву. Последовавшее за потсдамскими переговорами охлаждение в русско-французских

---

[1]) См. письмо Сазонова Сементовскому-Курило от I/XII—1910 г.

[2]) См. там же.

[3]) См. И. Гешов, «Балканский Союз». Изд. 1915 г., стр. 28.

[4]) Необходимо подчеркнуть, что вопрос об отношении Англии к развертываемой Россией на Балканах политике с особою настоятельностью требует документального освещения. Публикация документов по истории до-военных русско-английских отношений, а равным образом отношений русско-французских, предшествующих периоду 1910—1914 г., приобретает таким образом значение неотложной задачи.

отношениях сменяется рецидивом сближения. В апреле 1911 г. русский поверенный в делах в Берлине заявляет о том, что действия Франции в Марокко признаются русским правительством «корректными и естественными». А происходящее 18/31 августа 1911 г. в Красном Селе совещание начальников русского и французского штабов, где детально обсуждается план предстоящего совместного вооруженного выступления против Германии, само по себе является столь ярким фактическим доказательством возрождающейся русско-французской дружбы, что утрачивается необходимость цитировать произносимые на совещании речи генералов Жилинского и Дюбайля, посвященные тому же вопросу о взаимных обязательствах и взаимной признательности [1]). В то же самое время, не прерываясь, продолжаются переговоры, которые ведет в Париже Извольский с Де-Сельвом [2]).

К началу сентября Сазонов, полагая, что наступает момент, когда приходится «приступить в отношении наших вопросов к определенным переговорам и, может быть, даже действиям», дает Извольскому директиву добиваться закрепления предыдущих переговоров с французами «обменом писем между обоюдными министрами иностранных дел». А в середине сентября русский посол в Константинополе получает и формальную инструкцию приступить к переговорам с Портою о проходе через проливы русских военных судов. Шаги русского правительства на Балканах начинают отличаться такой твердостью, что, когда тот же посол, стараясь склонить Порту к уступкам, неосмотрительно обещает последней содействие установлению дружественных отношений с балканскими государствами и сохранению status quo на полуострове,—он получает от своего патрона заслуженный упрек в неосторожности [3]).

Назревание итало-турецкого конфликта в северо-африканских турецких владениях, создавая немалые затруднения в делах тройственного союза, расценивается русскою дипломатиею как явление «выгодное» и входит внушительным звеном в международную конъюнктуру, благоприятствующим укреплению активистских тенденций русской дипломатии [4]).

В благоприятном для русской дипломатии смысле складывается к тому времени и обстановка на самом Балканском полуострове.

С половины января 1911 г. Болгария находится в напряженной таможенной войне с Турцией, всякий товарообмен между соседними государствами прекращается. Болгария вынуждена начать с Сербией переговоры о таможенном соглашении. Заострявшееся против Турции таможенное соглашение косвенно оказывалось направленным и против Австро-Венгрии, против ее тяготения к Салоникам, которые болгары искони считали своим неотъемлемым достоянием.

Впервые после 1905 года, года таможенной войны между Сербией и Австрией, болгарские и сербские интересы объединялись по конкретному жизненному поводу на твердой экономической основе. «Отношения между Болгарией и Сербией, доселе корректные, но холодные,—пишет по этому поводу секретарь русского посольства в София [5]),— как будто за последние дни сдвинулись с мертвой точки».

---

[1]) См. «Материалы по истории франко-русских отношений 1910—14 г.», изд. НКИД 1922 г., стр 701—704.

[2]) См. там же, стр. 112, 115, 118—144.

[3]) См. там же, стр. 531.

[4]) См. там же письмо Извольского Нератову от 13/26 сентября 1911 г., стр. 115.

[5]) См. донесение Урусова из София от 1/II—1911 г.

Происходившая в Болгарии внутренняя политическая борьба приводит к середине марта 1911 года к власти народняко-прогрессистскую руссофильскую коалицию Гешова-Данева. «России нужно иметь сильную активную политику. Это нужно ей, нужно и нам, балканским славянам, которые существуют только благодаря мощному существованию России»,— говорил Данев русскому посланнику в одной из своих бесед по окончании министерского кризиса [1]). Хотя во главе нового кабинета становится Гешов, более осторожный, склонный на первых порах уделять преимущественное внимание ликвидации болгаро-турецких трений, но положение русского дипломатического представительства в Софии остается твердым и устойчивым. В письме от 28/III Урусов писал: «Работы еще предстоит много, но условия работы ныне крайне легки, и работа может быть до крайности производительна — Болгария вошла ныне в орбиту русской политики» [2]).

Очередное восстание в Албании, деятельно поддерживаемое Австрией, у которой оживляется также тяготение к Новобазарскому санджаку, выдвигает лозунг «автономной Албании» с границами, простирающимися до пределов Болгарии, и подымает болгарофильские настроения сербов. Проводимая младотурками политика истребления болгарского населения в Македонии действует на болгар в том же направлении.

Взаимное тяготение соседних стран становится настолько сильным, что грозит даже перелиться через те формы, какие определяла им русская дипломатия: в мае месяце Урусов с огорчением узнает, что Милованович без его ведома ведет с Гешовым переговоры о поднятии восстания в Македонии и объявлении войны Турции [3]). Подобный «самостоятельный от России образ действий» представлялся русской дипломатии не только «нежелательным», но прямо «опасным». Он представлялся опасным тем более, что шел вразрез с намечавшейся русским правительством кампанией дипломатических переговоров в Константинополе о проходе русских военных судов через проливы и грозил сорвать необходимое урегулирование с Турцией вопроса о мало-азиатских железных дорогах. «Наиболее действительным средством была бы решимость России взять в свои властные руки переговоры о политическом сближении Сербии и Болгарии», — писал по этому поводу Урусов [4]), откликаясь на преподанные ему министерством инструкции о «несвоевременности» выступления балканских государств против Турции.

Русской дипломатии не приходилось принимать предупредительных мер. С возникшими сербо-болгарскими переговорами повторилась старая история: коль скоро дело дошло до вопроса о разграничениях в Македонии, переговоры затормозились сами собой: пробивающие себе путь к берегам Адриатики сербы предъявили претензии на северные округа Македонии, в частности на округ Ускюбский; занятые осуществлением проекта железно-дорожной линии Кюстендиль-Куманово и укреплением своего влияния в Ускюбе, болгары не соглашались уступать последний.

Русской дипломатии удается при таких условиях удержать сербо-болгарские переговоры в своих руках и сохранить положение арбитра в спорных вопросах.

[1]) См. письмо Урусова от 28/III—1911 г.

[2]) Необходимо отметить, что к рассматриваемому времени относится заключение Болгарией небольшого жел.-дор. займа в Англии, а некоторое время спустя она будет вести переговоры о крупном займе с парижской биржею.

[3]) См. письмо Урусова от 2/V — 1911 г.

[4]) См. там же.

Правда, работы попрежнему «предстояло много», и работа была не легкая. Трудность условий работы характеризуются уже одним фактом — величайшей конспирацией, которой покрываются переговоры: даже в Белграде часто не знают о том, что предпринимает русская дипломатия в Софии; собирающийся выехать в Софию, чтобы оказать помощь Неклюдову, Гартвиг удерживается министерством, «дабы не возбудить предположения о существовании переговоров» [1]); в переговоры не посвящается даже русский посол в Париже, неоднократно жалующийся на свою неосведомленность в вопросе.

Но инициативная роль Петербурга становилась день ото дня значительнее. Предпринятая министерством ин. дел объединительная работа быстро подвигалась вперед.

Руками русской дипломатии выковывалось соглашение, в тексте которого, по меткому замечанию Пуанкарэ, слова «status quo» упоминаются только тогда, когда речь идет о необходимости его нарушения; выковывался военный союз балканских народов, направленный против той страны, которая владела «ключом» от русского «дома».

А. Попов.

---

[1]) См. секретную телегр мму Нератова от 17/V—1911 г.

№ 1. Секретная телеграмма посланника в Софии.

София. 16(29) сентября 1911 г. № 61.

Только что Тодоров подтвердил мне, что Болгария совсем не интересуется сущностью Триполийского вопроса и триполийских событий. Но возможные последствия итальянской оккупации, а именно— либо война, либо албанское движение, либо в случае уступки со стороны Порты — свержение младо-турок их противниками и внутреннее замешательство в Турции, подобные последствия не могут не иметь серьезного отражения в Болгарии. Тодоров прочел мне только что расшифрованную телеграмму Сарафова, в коей он предлагает между прочим, чтобы наш посол преподал ему совет болгарам держаться крепко заодно с Сербией, Черногорией и Грецией, дабы сохранить Балканский полуостров неприкосновенным для балканских народов. Я позволил себе сказать Тодорову, что очень сочувствую мысли установить и усилить искреннюю связь с сербами на случай всегда возможных непредвиденных осложнений и чужого вмешательства, но что я не считаю такую опасность близкой; на всякий же случай самым серьезным образом попросил болгарское правительство в лице Тодорова быть с нами вполне откровенным и ни на что не решаться, не посоветовавшись с нами предварительно. Тодоров заверил меня, что настоящее правительство никогда не приготовит России сюрпризов. Мое личное мнение, что опасность происходящего лежит именно в том, что события готовят почти неопреодолимое испытание для младо-турок и, следственно, скорые внутренние потрясения. В последнем же случае я опасаюсь, что остановить болгар будет почти невозможно.

Неклюдов.

№ 2. Депеша посла в Константинополе.

Буюкдере. 17(30) сентября 1911 г, № 95.

Опасение, как бы итальянское наступление на Триполи не вызвало возбуждения Восточного вопроса, уже побудило и римский, и венский кабинеты, как известно, обратиться с циркулярным телеграфным предупреждением к балканским прав-вам, увещевая их хранить мир

и спокойствие. Об основаниях этого опасения и о 3 конкретных для него поводах было упомянуто в моей телеграмме вашему прев-ву ст 13 сего сентября за № 572 [1]), при чем было выяснено, что означенное опасение разделяется в полной мере здешним германским послом и что среди болгар, греков и черногорцев замечается ныне сильно приподнятое настроение. Так как для нас очень важно, чтобы упомянутые опасения не оправдались, то я полагаю, что с нашей стороны не встретится возражений против проектированного графом Эренталем обсуждения этого предмета всеми державами, не исключая, однако, по моему, и Италии. Но, когда будут сделаны балканским прав-вам внушения и с русской стороны, то казалось бы необходимым иметь в виду, что, несмотря на усилия держав и даже на искреннюю сдержанность балканских прав-в, удары, наносимые Италиею загнившему зданию турецкой империи, могут его не только ослабить, но и опрокинуть. В предвидении этой возможности нам крайне желательно по возможности поощрить и ускорить тот процесс взаимного сближения и соглашения между балканскими прав-вами и народностями, который начался в прошлом году и о развитии коего я имел честь телеграфировать 13 сего сентября за № 573 [2]). Здешний болгарский посланник при первом же теперешнем свидании со мной сообщил мне с радостью, что Софийский синод ныне признал желательным соглашение со вселенскою патриархиею, чему он до сих пор противился. Г. Сарафов отметил также с удовлетворением, что не только взаимные греко-болгарские убийства и насилия в Македонии прекратились, но что между обеими народностями распространяется все шире убеждение в необходимости согласиться и сплотиться для отстаивания общих обеим интересов от посягательств турок. Примером успеха в этом направлении является представление Порте. по общем совещании, тождественных петиций (такриров) вселенским патриархом, болгарским экзархом и армянским местоблюстителем по вопросам школьному и о воинской повинности. Турки оказались вынужденными отнестись к этому выступлению чрезвычайно примирительно, именно ввиду его коллективного характера. Мне известно через черногорского поверенного в делах, который после своего успеха в вопросах об Адриатической дороге и Скутарийском озере усиленно хлопочет о балканском «споразумении» в видах будущей балканской федерации под покровительством России, что между Болгарией и Грецией

[1]) В своей беседе с Чарыковым 13/IX германский посол высказывал опасения по поводу возможного, по его мнению, обострения Восточного вопроса в случаях: «если Турция, лишенная возможности оборонять Триполи, попытается вознаградить себя походом в Фессалию», и «если внутренняя катастрофа и действия итальянского флота на турецких побережьях вовлекут балканские государства в нападение на Турцию».

[2]) В тел. № 573 Чарыков доносил, что ...среди балканских государств замечается приподнятое настроение и надежда «выместить на Турции все, содеянное ею им и их сродникам зло» и что параллельно с этим «ускоряется сближение между Болгарией и Грецией».

достигнуто соглашение по самому острому для обеих вопросу о Салониках в том смысле, что, в случае распадения Турции, Салоники и Константинополь станут вольными городами в составе федерации. Г. Попович ожидает также, что болгары согласятся признать Ускюб за сербами, если Болгария получит Адрианополь. Только между Черногорией и Сербией отношения попрежнему плохи на личной господарской почве, так что между ними о соглашении нет разговоров. Когда здешние балканские представители заговаривают со мной на эту тему, я высказываю им следующее. Их интересы, совпадающие в данном случае с интересами держав, побуждают желать в настоящее время — и несмотря на итало-турецкую войну — сохранения на балканском полуострове мира и status quo. Но ввиду невозможности предугадать, как отзовется на турецком государстве нападение Италии, было бы благоразумно со стороны балканских государств постараться столковаться о своих общих интересах, отнюдь не для того, чтобы напасть на Турцию или изменить в чем-либо свое корректное отношение к ней, а для того, чтобы не начать драться друг с другом в случае наступления турецкой катастрофы и чтобы, напротив, выступить уверенно, соединенными дружественными силами, на защиту означенных интересов. Мне кажется, что теперь настала психологическая минута для подобного принципиального сближения. Если даже, как я думаю, Турция переживет теперешний кризис, упомянутое соглашение станет «un point acquis» для русских и общебалканских интересов на благо всем его участникам, даже в мирное время и в пределах существующего на Балканах положения.

Н. Чарыков.

№ 3. Секретная телеграмма посланника в Белграде.

Белград. 18 сентября (1 октября) 1911 г. [1])

По поводу обострения Триполийского вопроса имел вчера продолжительную беседу с Миловановичем, который не без тревоги осведомился об итальянском ультиматуме, опасаясь каких-либо осложнений на Балканском полуострове. Я старался в согласии с циркулярной телеграммой вашего превосходительства рассеять опасения министра, сказав, что сохранение мира на Балканах будет зависеть от самих славянских государств, интересам коих турецко-итальянское столкновение не представляет никакой угрозы. Милованович в отношении образа действий Сербии дал мне самые успокоительные заверения. На мой взгляд, не может быть сомнения в том, что Сербия, неукоснительно следуя указаниям императорского правительства, будет в пределах крайней возможности соблюдать спокойствие: с ее стороны менее всего можно ожидать каких-либо активных выступлений, она нуждается в мире и до поры до времени дорожит поддержанием

[1]) В оригинале № отсутствует.

добрых отношений с Турцией. Но, как я неоднократно доносил, в Сербии не найдется правительства, которое в силах было бы сдержать народ в случае: а) занятия Болгарией Македонии, б) революции и взрыва фанатизма в Коссовском вилайете и в) вступления австрийских войск в санджак. Последняя случайность более всего пугает сербское правительство, не без основания опасающееся выступления Австрии, под предлогом охраны «status quo» на Балканах. Сегодня утром посетил меня Пашич, подтвердивший опасения и заверения Миловановича. Он напомнил, что за время албанского движения Австрия неустанно принимала различные военные меры и что ныне у нее на боснийско-герцеговинской границе сосредоточено 80.000 войска в полном вооружении. Смею думать, при обсуждении возможных случайностей означенное обстоятельство заслуживает особого внимания.

Гартвиг.

№ 4. Секретная телеграмма посланника в Софии.

София. 19 сентября (2 октября) 1911 г. № 65.

Сегодня Тодоров сообщил мне совсем доверительно следующее: болгарский кабинет полагает и надеется, что столкновение Турции с Италией ограничится одним Триполийским вопросом. Но горькое сознание турецкого унижения может вызвать в Турции через некоторое время внутренние потрясения и создать опасности для балканских христианских государств и народностей. Ввиду сего и соображаясь с советами, высказанными мною Тодорову 16 числа, кабинет решил ныне же приступить к установлению возможно более искреннего согласия с Сербией на почве полюбовного разграничения и объединения интересов обеих стран на полуострове и в целях охранения status quo от всякого посягательства извне или же со стороны Турции, могущего нанести ущерб этим интересам. Сегодня Тодоров уже имел первые объяснения в этом смысле с сербским поверенным в делах и просил Гешова и царя Фердинанда не слишком замедлять возвращением в Софию. В Белград послан конфиденциально Ризов. Гешов предлагает Миловановичу свидание в вагоне на обратном пути через Белград. Тодоров добавил, что царь Фердинанд, несомненно, одобрит эти начинания, но, вероятно, подчинит свое окончательное согласие одному главному условию: это, чтобы соединенные Сербия и Болгария могли опираться на поддержку России и на помощь ее в случае крайней нужды. Для Болгарии эта помощь вообще могла бы в сущности ограничиться обеспечением ее тыла от нападения Румынии. Я ответил Тодорову, что не замедлю довести все это до сведения вашего, пока же могу лишь одобрить самый факт единения с Сербией, но с нарочитой оговоркой, чтобы единение это имело ближайшей целью охранение status quo на Балканах. Я следующим образом оцениваю все вышеизложенное: король не чужд этому плану—см. заявления

Фичева французскому посланнику,—но не принял еще окончательного решения; кабинет искренен, и мои доводы имеют на него действие. Соглашение Болгарии с Сербией имеет один опасный элемент — искушение воспользоваться им для наступления. Но, с другой стороны, нынешняя минута, столь благоприятная для устранения печальной сербско-болгарской вражды, может не повториться. Нам следует решить, что́ для нас желательнее: отсутствие вышеизложенной, впрочем, гадательной опасности или же соглашение Сербии с Болгарией, с заручкой, разумеется, нашего воздействия? Если желательным будет признано сербо-болгарское соглашение, то следует, не теряя времени, выработать и сообщить мне те основания, на которых Россия готова была бы покровительствовать соглашению, и те случаи, в коих согласившиеся стороны могут рассчитывать на нашу поддержку. Считаю также долгом предупредить против ложных слухов. В настоящую минуту, например, в Сербию усиленно проникают слухи о соглашении между Австрией и Болгарией, направленном против сербских интересов. Тодоров сказал мне, что он доподлинно знает, что эти слухи передаются и в Белград, и в сербскую миссию здесь болгарами-стамбуловистами.

Неклюдов.

№ 5. Секретная телеграмма врем. упр. министерством ин. дел посланнику в Софии.

С.-Петербург. 21 сентября (4 октября) 1911 г. № 1401.

Сообщается в Белград.

Вашу № 65 получил.

Приветствуя искреннее стремление Болгарии и Сербии полюбовно разграничить и объединить их интересы в виду сложного нынешнего положения,—мы вместе с тем вполне одобряем и ограничительную оговорку вашу о ближайшей цели объединения, а именно, согласования обоюдных действий в видах сохранения status quo. Действительно, самовольное выступление славянских держав не только не встретит нашего сочувствия, но, по нашему убеждению, будет для держав этих гибелью, ибо вызовет и оправдает дальнейшие выступления со стороны Австрии. Иначе стояло бы дело, если бы последовало вызывающее действие со стороны Турции. Мы надеемся, что в таком случае обе державы обратятся к нам за советом и вполне готовы совместно обсудить положение. Для вашего личного сведения присовокупляю, что предметом наших работ явилось бы согласование наших действий в зависимости от возможных шагов Австрии.

Нератов.

№ 6. Весьма доверительное письмо посла в Вене.

Вена. 22 сентября (5 октября) 1911 г.

Граф Эренталь, несомненно, не ожидал столь острого поворота вопроса о конфликте из-за Триполи. В принципе Австро-Венгрия, как и Германия, не оспаривали права Италии на территорию Триполитании, но Эренталь был уверен, что пока не следовало ожидать разрыва между Италией и Турцией и столь энергичных со стороны Италии военных действий. Сан-Джулиано, которого обвиняли в чрезмерной уступчивости по отношению к графу Эренталю, перехитрил его и доказал, что тройственный союз не всегда однозначущее с тройственным единомыслием. Вот настоящая причина раздраженного состояния, в котором находится граф Эренталь.

Появление итальянской эскадры у албанского побережья и морские действия в виду Превезы настолько озлобили Эренталя, что можно даже было ожидать разрыва между обеими союзными державами. Во всяком случае было предписано всем морским офицерам, находящимся в отпуску, вернуться на свои суда, и эскадра должна была быть наготове на всякий случай. К счастью, объяснение и опровержение итальянского правительства касательно высадки у Превезы успокоили общественное мнение, и инструкции, данные герцогу Абруцкому, отчасти удовлетворили Эренталя, который во всех своих разговорах с представителями держав настаивает на необходимости сохранения территориального status quo на Балканском полуострове; непосредственные интересы Австро-Венгрии были бы затронуты, если военные действия Италии касались бы территории Албании.

Мой французский коллега Крозье сообщил мне крайне доверительно, что Эренталь выказал раздражительность и в разговоре с ним, обвиняя Францию в возбуждении Марокккского вопроса и напрасном военном походе на Фец, который несогласен с Алжезирасским договором; он прибавил также, что общественное мнение Франции, отголоском которого он является, относится слишком враждебно к Германии. На это Крозье возразил вполне основательно и с некоторой горячностью, что поход в Марокко вызван гуманитарными целями, которые стоят выше всего, Франция доказала свою умеренность, так как войска ее даже не вошли в Фец, раз (sic!) цель была достигнута; Германия же, отправляя военное судно в Агадир, возбудила общественное мнение во Франции и, может быть, побудила этим и Италию принять энергичные меры для защиты своих экономических интересов в Африке. Впрочем, непосредственные переговоры между Францией и Германией, надо надеяться, приведут к соглашению. Крозье счел также долгом прибавить, что и Австро-Венгрия нарушила договор на Балканском полуострове и поколебала этим силу трактатов.

Германский посол Чиршский, в свою очередь, заметил раздражительность Эренталя и в разговоре со мною заявил, что, по его мнению,

Италия должна была занять войсками Триполи, как это сделала Англия в Египте, без всякого объявления войны, потому что одно это слово опасно для балканских государств, где малейшая искра может зажечь общую войну, тем более, что слабость Турции станет явной.

Итальянский посол герцог Аварна относится более снисходительно к раздражительности Эренталя, хотя ему пришлось ее испытать сильнее, чем другим. Он считает состояние графа Эренталя болезненным и нервную его раздражительность лишь кратковременной. Герцог Аварна сообщил мне доверительно, что предложение короля черногорского действовать совместно с Италией против Турции было энергично отвергнуто и было сообщено вашему превосходительству королевским послом Мелегари с заверением о нежелании Италии распространения конфликта с Турцией за пределы Триполитанского вопроса. Королевское правительство крайне благодарно нам за сделанное поверенным в делах Обнорским энергичное представление в смысле воздержания Черногории от всякого вмешательства в итальянско-турецкую войну.

Турецкий посол Решид-паша избегает говорить о своих разговорах с графом Эренталем; он высказывает только убеждение, что великие державы должны будут вмешаться для прекращения войны между Турцией и Италией. Он находит, что Италия уничтожила дерзким образом все договоры с Турцией и начала войну при небывалых условиях. Будущий министр иностранных дел не мог говорить иначе, а Решиду-паше трудно будет, как он сам это сознает, отказаться от этого портфеля. Он жертвует собой с большим бескорыстием, потому что он отдает себе прекрасно отчет, что для Турции он, вероятно, останется навсегда министром иностранных дел, которому придется подписать с Италией тяжелый для самолюбия Оттоманской Порты мир.

Гирс.

№ 7. Секретная телеграмма посланника в Белграде.

Белград. 23 сентября (6 октября) 1911 г. № 147.

Копия в Софию.

Считаю долгом представить по поводу телеграммы Неклюдова № 65 дополнительные данные и некоторые возражения. Прежде всего в этой телеграмме ставится дилемма: допускать сербо-болгарское соглашение, либо воспротивиться ему. На мой взгляд ответ возможен только положительный. Настоящая минута такова, что оба государства совершили бы величайшее преступление пред Россией и славянством, если бы проявили хотя малейшее колебание. Опасений, о коих упоминает Неклюдов, быть не может, ибо, если Тодоров правильно осветил дело, соглашение имеет в виду, помимо распределения сфер влияния, «охрану» взаимных интересов на случай осложнений в будущем, стало быть, исключает ближайшее активное выступление, на ко-

торое сербы не пойдут без согласия России. Почин в возбуждении нынешних переговоров принадлежит не столько болгарским министрам, сколько Ризову, которого много лет знаю как ярого сторонника сербо-болгарского соглашения. Король Фердинанд всегда противился в угоду Австрии, а болгарское правительство не решалось делать естественной уступки сербам в Македонии, опасаясь мести македонских комитетов. Ответственность перед этими комитетами ныне взял на себя Ризов, обещавший свое воздействие на них. Это склонило Тодорова к возложению на Ризова доверительной миссии—прозондировать почву в Белграде. Ризов беседовал со мною, Пашичем и Миловановичем; моя роль заключалась преимущественно в примирении сторон насчет распределения сфер влияния, вечного камня преткновения. Некоторые результаты достигнуты, и Ризов сегодня уехал в Вену обнадеженный. Он рассчитывает склонить Гешова и короля Фердинанда, которому, наконец, придется отказаться от политики лавирования между Россией и Австрией. Оговорки, которых ожидает от короля Тодоров, мне кажутся совершенно недопустимыми: ведь речь идет о двойственном соглашении между Сербией и Болгарией, а вовсе не о русско-сербо-болгарской конвенции, где особыми условиями определялась бы и роль России. В этих видах, казалось бы едва ли желательным выработка и сообщение нами болгарам оснований нашей помощи и поддержки. Такое сообщение было бы в самом деле не только соблазном, но прямо поощрением сербов и болгар к активному выступлению и, в конце концов, скомпрометировало бы Россию в глазах прочих держав, имеющих интересы на Балканском полуострове. Ни Сербия, ни Болгария не могут обусловливать свое согласие какими-то предварительными обязательствами со стороны России. Полагаю, что выработка условий соглашения должна всецело принадлежать обоим славянским государствам. Затем проект представляется на одобрение императорского правительства, которое, конечно, всегда и во всех случаях оставляет за собой верховное руководительство и, коли найдет нужным, окажет свою помощь.

Гартвиг.

№ 8. Депеша посланника в Белграде.

Белград. 25 сентября (8 октября) 1911 г. № 56.

В секретных телеграммах своих я имел честь представить императорскому министерству картину того общего тревожного настроения, которое охватило Сербию при первом известии о турецко-итальянском столкновении.

Настроение это, надо сознаться, вполне оправдывалось уже тем обстоятельством, что одновременно почти вся европейская печать в один голос заговорила о грозных последствиях возникшего кон-

фликта, прозрачно намекая даже на возможность или вероятность государственного переворота в Турции. Что же могло бы обозначить собою это внезапное крушение режима, созданного в Константинополе, как не полную анархию на всем протяжении Балканского полуострова?

Перед Сербиею, как отчасти и пред прочими малыми государствами, сама собой возникала трудно разрешимая дилемма: соблюдать ли, наперекор всем грозным предзнаменованиям, выжидательное положение и таким образом подвергнуть себя риску быть захваченною событиями врасплох? Либо заранее принять все необходимые меры к защите своих интересов и тем самым неосторожно создать благовидный предлог для той державы, которая, как здесь хорошо известно, только и ждет случая, чтобы хоть с некоторым основанием выступить для поддержания нарушенного status quo на Балканах?

Полученные здесь вскоре известия о принятой на себя великими державами задаче—сделать все возможное в целях локализации военных операций — вывели белградское прав-во из крайне напряженного состояния и возымели самое благотворное действие на политические и общественные круги. На-ряду с этим я воспользовался сведениями, заключавшимися в сообщенных мне вашим превосходительством телеграммах из Цетинье, Афин и Софии, чтобы рассеять мрачные мысли короля Петра, о коих его величество поведал мне на аудиенции.

Твердое решение сербского прав-ва не нарушать спокойствия, само собой разумеется, вызывает крайнее озлобление в оппозиционной среде, откуда раздаются голоса, настоятельно требующие мобилизации королевской армии. Органы австрофильской печати осыпают министров, и главным образом Миловановича, резкими нападками, обвиняя их в трусости, беззаботливости и близорукости, которую будто бы так ярко проявил министр иностранных дел уже во время аннексионного кризиса. По мнению этих газет, для Сербии подготовляется новый тяжелый удар — захват Австриею Новобазарского санджака.

К этим науськиваниям австрийских провокаторов здесь давно привыкли, и потому они не вызывают большого впечатления.

При всем том, однако, было бы ошибочно думать, что тревога в Сербии совсем миновала. Этого не может быть уже потому, что не миновала и самая опасность, о которой ежедневно свидетельствуют десятки агентских телеграмм.

Для Сербии, как я имел честь неоднократно доносить, опасность эта троякого рода: революция в Коссовском вилайете, захват Болгариею Македонии и вступление австрийских войск в Новобазарский санджак. Которая из них наиболее вероятна при нынешних, крайне осложнившихся, обстоятельствах — сказать трудно.

Но сомнения не может быть в том, что во всех трех случаях — сербские войска вынуждены будут переступить границу.

Гартвиг.

№ 9. Секретная телеграмма посла в Вене.

Вена. 25 сентября (8 октября) 1911 г. № 42.

Весьма доверительно.

Болгарский председатель совета министров Гешов был у меня сегодня и сообщил мне свой разговор с Сельвом и Эренталем. Оба показались ему оптимистами и сказали ему, будто бы Италия для скорой ликвидации Триполийского вопроса согласится признать для Триполи номинальный сюзеренитет Турции и дать ей денежное вознаграждение. Затем Гешов сказал мне, что Неклюдов и Гартвиг очень настаивают перед ним и Милованович на заключении союза Болгарии с Сербией под покровительством России. Гешов прекрасно отдает себе отчет, что такой балканский блок, заключенный при нынешних тревожных условиях, сильно возбудит против Болгарии и Сербии Австрию, за которой в этом случае будут стоять Румыния и Турция. Прежде чем решиться на такой шаг, Гешов желал бы знать, на какую гарантию со стороны России может рассчитывать Болгария. Гешов прибавил, что ему известно, что Неклюдов поехал в Давос к министру иностранных дел, чтобы изложить ему этот вопрос. Я ответил, что всякое сближение Болгарии с Сербией будет встречено с нашей точки зрения только сочувственно. Сплочение православного славянского элемента — большая сила, но я ничего не могу ему сказать насчет условий гарантий такого союза, так как инструкции, данные Неклюдову и Гартвигу на этот счет, мне неизвестны. Наши представители на Балканах являются единственными компетентными органами для таких переговоров. Могу только посоветовать выждать возвращения в Софию Неклюдова. Кроме того, в данное время наш общий интерес — соблюдение самого строгого нейтралитета. «Это возможно,— возразил мне Гешов.—На Балканском полуострове, если все будет тихо, во всяком случае, мы ни на какой шаг не решимся без ведома России».

Гирс.

№ 10. Секретная телеграмма врем. упр. министерством ин. дел послу в Константинополе.

С.-Петербург. 26 сентября (9 октября) 1911 г. № 1438.

Сообщается в Софию.

Болгарский посланник передал, что его правительство очень встревожено полученным им из серьезного источника известием о производящейся мобилизации в Адрианопольском округе и сосредоточении турецких войск на болгарской границе. В случае подтверждения этого сведения, болгарское военное ведомство должно будет, в свою очередь, принять некоторые военные меры предосторожности;

отсюда опасность возбуждения умов и инцидентов нежелательных для сохранения мира.

Благоволите объясниться по этому поводу с турецким правительством, указав на необходимость прекращения означенных военных мер, стоящих в противоречии с только что заявленным Турцией желанием скорейшего мирного исхода.

Одновременно вы могли бы обратить внимание турок на желательность сократить военные меры на границе Греции. В этом смысле получает указания и Бомпар.

Нератов.

№ 11. Секретная телеграмма поверенного в делах в Софии.

София. 28 сентября (11 октября) 1911 г. № 68.

Получил телеграмму № 1438. Ссылаюсь на мою телеграмму № 67 [1]).

Тодоров искренно благодарит за порученное послу в Константинополе выступление касательно необходимости прекращения мобилизации в Адрианопольском вилайете. Он сообщил мне, что решено выждать результата сказанного выступления и, в случае неудовлетворительного ответа Порты, произвести мобилизацию артиллерии, на что нужно две недели, тогда как остальные войска мобилизируются в шесть дней. Настроение правительства спокойно, но оно, повидимому, готово ко всяким осложнениям и вовсе не боится их. Тодоров дал мне уверение, что Болгария первая не начнет военных действий против Турции, но высказал уверенность, что она сумеет дать отпор, а совместно с Сербией, Черногорией и Грецией несомненно уничтожит турок; в таком случае помощь, ожидаемая от России, сводилась бы к нейтрализации Румынии. До сих пор с Грецией, несмотря на старания греческого посланника, никакого соглашения не существует. Завтра возвращается Гешов и сообщит о результатах поездки Ризова в Белград. Настроение в обществе и политических и военных кругах весьма приподнятое: оппозиция очень довольна наступившими осложнениями, ждет или войны, или падения коалиционного кабинета и замены его Радославовым. Турецкий поверенный в делах крайне обеспокоен слухами о готовящейся мобилизации болгарской армии и опасается, что факт этот послужит в Константинополе сигналом к войне. По последним известиям Сарафов получил от Порты заявление вполне благоприятного и успокоительного свойства. Положение остается тем не менее крайне тревожным, и осложнения на почве болгаро-турецкой неприязни могут возникнуть и разрастись.

Урусов.

---

[1]) В телеграмме за № 67 от 26/IX 1911 г. Урусов сообщает о крайне тревожных настроениях, создающихся в Софии под впечатлением от мобилизации турецких корпусов Адрианопольского вилайета, и просит сделать соответствующее представление в Константинополе.

№ 12. Секретная телеграмма поверенного в делах в Софии.

София. 28 сентября (11 октября) 1911 г. № 69.

По приказанию военного министра главный интендант армии генерал Диков обратился ко мне со следующим заявлением: болгарская армия нуждается в 200.000 шинелях и в 150.000 пар сапог. Не может ли она получить эти вещи в самом непродолжительном времени распоряжением российского главного интендантства от законтрактованных им поставщиков. В случае, если нужное количество не находится у поставщиков в готовом виде, не будет ли возможно получить означенные выше предметы из вещевых складов интендантства. Ввиду настоятельной нужды в означенных вещах и в случае отказа с нашей стороны Болгария принуждена будет обратиться с подобною просьбою к Австрии. Кроме того, Болгарии нужны тысячи две ремонтных лошадей. Может ли она рассчитывать получить их из России при посредстве российских ремонтных комиссий. Считал бы крайне желательным в настоящую минуту оказать просимую помощь Болгарии, так как обращение ее к Австрии может быть использовано последней в своих видах, как доказательство приготовлений Болгарии к войне.

Урусов.

№ 13. Депеша поверенного в делах в Афинах.

Афины. 29 сентября (12 октября) 1911 г. № 28.

Рядом последовательных телеграмм я имел честь доносить вашему прев-ству об отношении греческого прав-ва к внезапно вспыхнувшей между Италией и Турцией войне из-за Триполи.

С самого начала кризиса г. Венизелос, со свойственным ему трезвым взглядом на вещи, понял, что теперешние обстоятельства не представляют пока никакой аналогии с событиями осени 1906 г., когда Турция находилась под угрозой вторжения в ее пределы австро-венгерской и болгарской армий и когда Греция имела поэтому основания надеяться извлечь для себя, на почве Критского вопроса, выгоды из затруднительного положения своей соседки.

Афинский кабинет вполне отдает себе отчет, что, доколе турецко-итальянская война ограничивается вопросом о Триполи, малейший неосторожный шаг Греции угрожал бы ей расправой со стороны турок, которые с величайшей охотой выместили бы на ней заодно и свою бессильную злобу против итальянцев.

Не будучи еще подготовленною к войне и не надеясь на поддержку извне, Греция решила ввиду этого занять пока выжидательное положение. Активного выступления с ее стороны возможно ожидать лишь в том случае, если бы Австро-Венгрия или балканские державы сочли

момент подходящим для осуществления своих замыслов на Балканах. В этом случае, конечно, и Греция едва ли останется безучастной зрительницей событий.

В настоящую минуту, однако, опасения за сохранение мира между Грецией и Турцией стали возникать с другой стороны, о которой я равным образом подробно телеграфировал вашему пр-ству.

Военные мероприятия Турции вдоль греческой границы невольно внушали здесь мысль о затаенном намерении Порты или, вернее, комитета «Единение и Прогресс» произвести диверсию в сторону Греции. В этом смысле появились за последнее время статьи в некоторых турецких газетах, и даже такой выдающийся член младо-турецкого комитета, коим является оттоманский военный агент в Берлине Энвербей, будто бы заявил, что о мире Турция будет говорить с Европой после занятия Афин.

Придавать этим тревожным признакам преувеличенное значение было бы, конечно, неуместно, но столь же неосторожно было бы со стороны греков оставлять их вовсе без внимания. Упорно веденная за последние три года среди масс турецкого населения анти-греческая пропаганда разожгла против них фанатизм мусульман, а слабость нынешнего оттоманского правительства не дает ручательства, что оно сможет удержать в своих руках управление событиями. Наконец, не лишено правдоподобия опасение, что тяжелый удар, только что нанесенный престижу младо-турецкого комитета, побудит сторонников его к попытке восстановить свое обаяние, пожав дешевые лавры в ином направлении.

При указанных условиях, мобилизация войск Янинского и Салоникского вилайетов, со включением в число последних мало-азиатских редифов Айдинского вилайета, несомненно, являлась угрозой Греции, тем более, что, как ваше прев-ство изволили заметить в секретной телеграмме от 18 сего сентября № 1356 [1]), силы эти едва ли могут быть использованы против Италии.

Ввиду сего эллинское правительство подготовлялось, в целях успокоения общественного мнения страны и в особенности приграничного населения, произвести частичную мобилизацию войск на турецкой границе. В ответ на сделанное мне по этому поводу предупреждение со стороны греческого министра иностранных дел я указал моему собеседнику на опасные осложнения, к которым может повести эта мера, именно, в виду того брожения умов в Турции, на которое указывал сам Грипарис. Министр согласился с этим замечанием и заявил мне, что мобилизация будет произведена во всяком случае лишь в самых скромных размерах, дабы ее оборонительный характер оставался совершенно ясным. Афинский кабинет, по его словам, лишь крайне

[1]) В телеграмме от 18/IX за № 1356 министр ин. дел проводит мысль о желательности, чтобы Греция не навлекла на себя подозрений Турции, вооруженные силы которой придают ей серьезный вес при решении балканских вопросов.

неохотно пошел бы на этот шаг, но оставить в настоящее тревожное время свою северную границу совершенно беззащитной было бы с его стороны преступлением перед страной.

Однако вторичные заверения в миролюбии Турции и отсутствии у нее каких-либо агрессивных замыслов против Греции, сделанные здесь оттоманским поверенным в делах, от имени Саид-паши и турецкого военного министра, внесли некоторое успокоение. Как я имел честь телеграфировать вам 27 сего сентября за № 59 [1]), эллинское прав-во решило, во внимание к дружественным заявлениям Порты, отказаться пока, в ожидании дальнейшего развития событий, от предположенной мобилизации.

Резюмируя сказанное, позволю себе еще раз подтвердить вынесенное мною из бесед с эллинскими м-рами и из наблюдений за здешним настроением.

Греция останется спокойною, пока нынешняя война не вызовет осложнений на Балканах и доколе Турция не обнаружит прямой попытки вознаградить себя на ее счет за потерю Триполи.

Сознавая, что Критский вопрос мог бы послужить к тому благодарным предлогом, эллинский м-р иностр. дел заверил меня, что афинский кабинет будет и впредь прилагать всяческие усилия к избежанию каких-либо осложнений на этой почве.

Татищев.

№ 14. Письмо врем. упр. министерством ин. дел на имя военного министра.

29 сентября (12 октября) 1911 г. № 644 [2]).

При сем имею честь представить на заключение и зависящее распоряжение вашего в. пр-ва копию с секретной телеграммы поверенного в делах в Софии, в коей изложены некоторые ходатайства болгарского правительства [3]).

Считаю долгом присовокупить, что по моему мнению представляется весьма желательным удовлетворить сказанные ходатайства, во избежание обращения Болгарии с тою же просьбою к Австрии, что, как справедливо указывается князем Урусовым, легко могло бы быть использовано последней во враждебных нам целях.

О последующем имею просить ваше пр-ство не оставить меня уведомлением.

Нератов.

---

[1]) В телеграмме за № 59 Татищев сообщал о посещении 26/IX турецким поверенным в делах в Афинах Венизелоса и Грипариса и о сделанных им от имени Порты миролюбивых заверениях, в связи с чем последовала со стороны греческого правительства отмена мобилизации.

[2]) Воспроизводим текст письма по сохранившемуся черновику.

[3]) См. выше телеграмму Урусова за № 69.

№ 15. Секретная телеграмма поверенного в делах в Софии.

София. 30 сентября (13 октября) 1911 г. № 71.

Гешов обратился ко всем представителям великих держав — с просьбой довести до сведения их правительств — с заявлением следующего содержания:

«Было бы желательно, чтобы, сообщая болгарскому правительству заверения Турции, великие державы гарантировали Болгарии искренность этих заверений, а также и то, что Болгария не подвергнется в будущем нападению».

Считаю долгом сообщить, что мысль о подобной гарантии со стороны великих держав всецело исходит от французского посланника, который видит в этой мере последнюю возможность предупредить мобилизацию со стороны Болгарии. Гешов, вернувшийся вчера, пошел на это предложение в виду того воинственного настроения, которым воодушевлен кабинет, главным образом генералы Никифоров и Тодоров. Итальянский посланник надеется устроить так, чтобы его правительство поддержало перед Берлином и Веной своевременность такого общего выступления. Между тем все сведения, пришедшие до сих пор из Константинополя, самым категорическим образом свидетельствуют о полном миролюбии Турции по отношению к Болгарии. Сарафов получил от турецкого военного министра и министра иностранных дел и телеграфировал сюда самые успокоительные и мирные заверения, и великими державами, по ходатайству Тодорова, уже были предприняты в Константинополе некоторые предохранительные шаги, до выяснения результатов коих новое выступление держав может быть сочтено преждевременным. Таким образом опасения болгарского кабинета не оправдываются настоящим положением вещей, на что было обращено внимание Гешова английским посланником и мною; однако Гешов очень встревожен и несколько растерян, как перед общественным мнением, так и вследствие того, что находится в одиночестве среди своих коллег, считающих, на-ряду со многими, настоящий момент удобным для разрешения Македонского вопроса, на каковую точку зрения как будто, к сожалению, соблазняется стать и сам Гешов. Впечатление получается такое, будто против кабинета имеется искусственная интрига, могущая окончиться из-за вопроса о мобилизации падением Гешова, который с нетерпением ждет ответа императорского правительства на свое вышеизложенное обращение [1]).

Урусов.

---

[1]) 2 октября текст телеграммы Урусова был сообщен послам в Париже, Лондоне, Берлине, Вене, Константинополе и Риме.

№ 16. Секретная телеграмма посланника в Белграде.

Белград. 1(14) октября 1911 г. № 158.

Сообщая мне переданное в телеграмме моей № 155 [1]) известие о проезде болгарского председателя совета министров через Белград без предупреждения, Милованович был введен в заблуждение вполне благоразумною осторожностью Гешова, который, для отвлечения внимания, пропустил предварительно некоего болгарина под своим именем. Сам же Гешов под строгим инкогнито прибыл на другой день в Белград и с вызванным им Миловановичем проехал до станции Ягодино, беседуя о сербо-болгарском соглашении. Впечатления Милановича самые благоприятные [2]). На сей раз болгары, повидимому, признали настоятельную важность итти рука об руку с Сербиею. Гешов уверял, что ныне и король Фердинанд пришел к таковому сознанию. Оба министра наметили в общих чертах основные условия соглашения, которое будет иметь характер оборонительного и наступательного союза. Оборонительного — в случае нападения какой-либо державы на одну из договаривающихся сторон, наступательного — на случай возникновения балканских осложнений, которые непосредственно угрожали бы их интересам. Относительно распределения сфер — сербы заранее отказываются от каких-либо притязаний на Солунский вилайет; болгары — на Скутарийский и часть Ускюбского к северу от Шар-Планины. Спорные подробности представляются на третейский суд России. Милованович настойчиво указывал на необходимость, чтобы переговоры велись под постоянным наблюдением России и чтобы третий экземпляр договора был официально сообщен императорскому правительству. Гешов сказал, что таково желание и его партии. Передаточным каналом в письмах, строго секретных, по желанию Гешова, избран сербский посланник в Софии Сполайкович. Выбор прекрасный. Во время беседы Милованович всячески старался выведать, не скрывается ли под неожиданным склонением короля Фердинанда в пользу соглашения какой-либо выработанной в Вене уловки; но никаких данных к сему не обнаружилось. Гешов, видимо, с полной искренностью обсуждал дело, не скрывая при этом, что в Болгарии более всего опасаются тайных замыслов со стороны Румынии. Милованович, под своими впечатлениями недавнего посещения Бухареста, старался успокоить Гешова, что сербо-болгарское соглашение и явится самою верною гарантиею против козней этой державы.

Для сообщения всего изложенного Милованович заходил ко мне вместе с Пашичем, который, как лидер властвующей радикальной партии, вполне одобрял предварительные переговоры министра-председателя с Гешовым. Свидание последних осталось тайной для всех.

Гартвиг.

---

[1]) Телеграмма № 155 в делах отсутствует.

[2]) О совещании Гешова с Миловановичем см. книгу И. Е. Гешова «Балканский союз», стр. 14 изд. 1915 г.

№ 17. Секретная телеграмма поверенного в делах в Цетинье.

Цетинье. 1(14) октября 1911 г. № 145.

Вернувшийся на-днях из Антивари король Николай, пригласив меня во дворец, заявил мне, что через неделю он вступит со своими войсками в санджак, и что тогда всякие советы со стороны России будут тщетными. Я заметил его величеству, что такое заявление кажется мне совершенно непостижимым после неоднократных представлений со стороны императорского правительства о необходимости для Черногории воздерживаться от самостоятельных выступлений против Турции, и в особенности после категорического заверения о невмешательстве Черногории в итальяно-турецкую войну, только что данного мне, в отсутствии короля, от имени его величества, министром иностранных дел Греговичем. Я добавил, что во всяком случае такой шаг Черногории встретил бы самое энергичное осуждение и отпор со стороны всех держав и в особенности России. После минутного молчания, король вдруг сказал мне, что он пошутил и что Черногория status quo не нарушит. Как я узнал позднее, такое же заявление, с той же последующей оговоркой о шутке, было сделано королем в тот же день болгарскому и сербскому посланникам, ввиду чего я и не считаю возможным умолчать перед императорским министерством об этом по меньшей мере странном припадке веселости черногорского господаря. Сегодня король с министром-президентом, военным министром, генералом Мартиновичем и большой свитой выехал в Грахово, откуда последует в Никшич.

Обнорский.

№ 18. Секретная телеграмма врем. упр. министерством ин. дел посланнику в Софии.

С.-Петербург. 2(15) октября 1911 г. № 1489.

Телеграмма № 71 получена. Сообщается в Париж, Лондон, Берлин, Вену, Константинополь, Рим.

Благоволите доверительно высказаться перед Гешовым в следующем смысле.

По поводу его обращения к державам о гарантии искренности турецких заверений мы обменяемся взглядами с другими кабинетами.

В настоящую же минуту можем быть выразителями всеобщего убеждения, что Турции не может притти на мысль напасть на Болгарию. От этого Турция ничего не выиграет, даже в случае военного успеха, ибо решающее слово будет принадлежать не Турции. Поэтому мы предостерегаем болгарское правительство от увлечения мыслью, что со стороны Турции возможно нападение и что, вследствие сего, Болгарии будто бы первой выгоднее выступить с военными действиями.

Если такое настроение существует в болгарских сферах, то обеспечена ли Болгария с тыла и существует ли у нее согласие с Сербиею, которая в случае движения к югу, несомненно, поставит себя под удары Австро-Венгрии. Недостаточно обдуманные действия Болгарии, вызвав волнения в Македонии и Албании и общее замешательство среди разноплеменных местных элементов, приведут неминуемо к занятию Новобазарского санджака и дальнейших округов австрийскими войсками, что поставит в конце концов Болгарию в непосредственное соприкосновение с Австро-Венгрией, а такой исход всегда признавался в самой Болгарии весьма опасным для ее будущего развития.

Все изложенное побуждает нас продолжать наши советы спокойствия, в уверенности, что Болгария только выиграет от продолжения принятого ею планомерного образа действий, совершенно обеспечивающего ее основные национальные интересы, даже на почве Македонского вопроса.

Нератов.

№ 19. Секретная телеграмма врем. упр. мин. ин. дел посланнику в Софии

С.-Петербург. 2 (15) октября 1911 г. № 1492.

Ввиду критического оборота, который грозит принять положение в Болгарии, весьма важно самым доверительным образом выяснить, с какими впечатлениями вернулся Гешов из Вены. Он пробыл там дольше, чем предполагалось, и уклонился от сбещанного свидания с Миловановичем на обратном пути. Ввиду сего позволительно спросить, не Австрия ли толкает Болгарию к активному выступлению, действуя в таком случае с явно эгоистическим намерением занять санджак и задушить Сербию.

Благоволите, возможно обстоятельно, проверить это впечатление,—что необходимо для определения дальнейшего отношения нашего ко всему вопросу.

Нератов.

№ 20. Секретная телеграмма врем. упр. мин. ин. дел послам в Берлине, Вене, Лондоне и Париже.

С.-Петербург. 2(15) октября 1911 г. № 1493.

Сообщается в Рим и Константинополь.

Ссылаюсь на телеграмму Урусова № 71.

Ввиду критического настроения, начинающего овладевать Болгарией, мы полагали бы желательным совместное воздействие великих держав в целях успокоения. Благоволите осведомиться о взгляде на вопрос министра иностранных дел и о способах, коими, по его мнению, лучше всего осуществить просимое Гешовым совместное ручательство.

Мы, с своей стороны, не прекращаем успокоительное воздействие в Софии.

Нератов.

№ 21. Секретная телеграмма врем. упр. мин. ин. дел послу в Берлине.

С.-Петербург. 2(15) октября 1911 г. № 1499.

По разным признакам допустима возможность согласования нынешнего выступления Болгарии о гарантии держав с активными планами Австро-Венгрии на Балканах. Весьма желательно было бы выяснить намерения венского кабинета. Думаю, что удобнее всего сделать это в Берлине, где не сочувствуют в принципе ни агрессивной политике Эренталя, ни возможности увеличения замешательств в Турции. Объяснения в этом смысле желательно облечь в частную форму и лично от вас без упоминания об инструкциях из Петербурга. О последующем благоволите телеграфировать.

Нератов.

№ 22. Секретная телеграмма врем. упр. мин. ин. дел послам в Берлине, Париже, Вене и Лондоне.

С.-Петербург. 3(16) октября 1911 г. № 1516.

Сообщается в Рим, Константинополь и Софию.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 1493.

Германский, французский и английский представители запросили нашего мнения о циркулярном обращении Гешова, заявив готовность последовать в этом вопросе нашей инициативе. Я предложил тогда, чтобы представителями пяти держав в Софии, на основании уже полученных этими державами в отдельности заверений Порты, сообща было заявлено Гешову, что державы убеждены в отсутствии у Порты намерения напасть на Болгарию, и что о таковом своем заявлении Болгарии державы уведомили Порту. Сделанное в Софии заявление должно бы быть затем доведено сообща же до сведения Порты с присовокуплением, что державы этим путем принимают во внимание предыдущие заверения Порты о ненамерении нападать на Болгарию.

Если бы которая-нибудь из держав, соглашаясь с таким образом действий, не считала бы достаточными уже сделанных Портою заверений, то следовало бы сообща попросить у Порты заявления в этом смысле.

Первый порядок нам кажется предпочтительнее, чтобы пощадить самолюбие Порты.

Благоволите в этом смысле объясниться с правительствами, при коих вы аккредитированы, и о последующем телеграфируйте.

Нератов.

№ 23. Секретная телеграмма посла в Париже.

Париж. 4(17) октября 1911 г. № 145.

Получил телеграммы №№ 1489, 1491 и 1493.

Французское правительство затрудняется высказаться в пользу просимой Гешовым формальной гарантии, считая таковую практически неосуществимой, но оно готово оказать самое энергическое совместное воздействие на Порту и об ответе ее сообщить болгарскому правительству. Французскому посланнику в Константинополе предписано совещаться с русским и английским послами и присоединяться к их шагам в вышеизложенном смысле.

Извольский.

№ 24. Секретная телеграмма посла в Лондоне.

Лондон. 4(17) октября 1911 г. № 239 [1]).

Телеграмму № 1516 получил.

О' Бэйрн передаст вам ответ Грэя, который, по-моему, совсем совпадает с вашим предложением. Никольсон очень сочувственно относится к вашему предложению и поддерживает его пред отсутствующим Грэем. Никольсон не видит необходимости в требовании новых мирных гарантий по отношению к Болгарии. С одной стороны, он не думает, чтобы сейчас Порта имела какое-либо агрессивное намерение по отношению к Болгарии, с другой же он опасается, что этим без всякой необходимости будет нанесено оскорбление Порте.

Бенкендорф.

№ 25. Секретная телеграмма врем. упр. мин. ин. дел послам в Берлине, Лондоне, Вене и Париже.

С.-Петербург. 4(17) октября 1911 г. № 1526 [2]).

Сообщается в Константинополь.

Ссылаясь на вашу телеграмму № 1816. Вот формула, предлагаемая нами для обращения в Софии.

От имени своего правительства нижеподписавшийся честь имеет довести до сведения болгарского правительства, что российское правительство, получив от Высокой Порты официаль-

[1]) Перевод с французского.
[2]) Перевод с французского.

ное заверение в том, что оттоманское правительство не питает никаких агрессивных замыслов по отношению к Болгарии, выражает убеждение, что Турция не нападет на Болгарию. Нижеподписавшийся считает нужным отметить, что, обращаясь с настоящим заявлением к Высокой Порте, российское правительство примет к сведению прежние заверения оттоманского правительства.

Если заинтересованные правительства примут означенную формулу, их представители в Константинополе могли бы быть уполномочены составить соответствующее обращение к Порте.

Нератов.

№ 26. Секретная телеграмма посла в Париже.

Париж, 5(18) октября 1911 г.

Получил телеграмму № 1517.

Де-Сельв вполне соглашается на предложенную вами процедуру и принимает выработанную формулу сообщения болгарскому правительству. Французским представителям в Софии и Константинополе даются соответствующие инструкции.

Извольский.

№ 27. Секретная телеграмма поверенного в делах в Софии.

София, 5(18) октября 1911 г. № 73

Получил телеграммы №№ 1488 [1]) и 1492.

Положение, несомненно, успокаивается. Повторные заверения о миролюбии Порты здешнего турецкого поверенного в делах, вполне откровенные объяснения Ассим-бея с Сарафовым и известие о благожелательном отношении великих держав к просьбе Гешова о гарантиях повернули последнего на прежний путь мирной политики и желания добрососедских отношений с Турцией. Что же касается разговора Гешова с Эренталем, то таковой был полностью сообщен лично Гешовым нашему послу в Вене. Какого-либо яркого впечатления разговор этот на Гешова не произвел. Между прочим Эренталь выразил одобрение и за то, что он в соблюдении status quo и мира на Балканах следует примеру и желанию великих держав. Политический путь Австрии в Болгарии лежит через короля Фердинанда—его происки и интриги тем и опасны, что не подлежат какому-либо непосредственному контролю на месте. Продолжающееся в нынешнее неспокойное время пребывание короля в Австрии, что вызывает здесь общее недовольство, может возбудить подозрение относительно подготовляющихся намере-

[1]) Телеграммы № 1488 в делах не имеется.

ний этой державы, не проявившихся, однако, здесь в сколько-нибудь заметной и действительной форме. Обострившееся отношение создалось на почве внутренней политики и всеобщего подъема, неизбежного когда как-либо затрагиваются болгаро-турецкие отношения. С Милованновичем Гешов беседовал на возвратном пути в Софию три часа—результатом свидания Гешов весьма доволен; между прочим был затронут вопрос о возможном совместном выступлении против Турции. Остается лишь предполагать, что подобный обмен взглядов при наличности в Софии крайне возбужденного настроения и мог внушить Гешову мысль, быстро им отброшенную, о более активной политике. Во всяком случае нынешнее болгарское правительство настолько искренно и открыто расположено к России, что о каком-либо непосредственном влиянии австрийской дипломатии на нынешних министров не может быть и речи. В продолжение только что прошедших дней австрийский посланник, еще мало освоившийся с положением вещей, ни разу не уклонился от вполне согласных с другими посланниками действий и мнений и на-днях собирается ехать в отпуск.

Урусов.

№ 28. Секретная телеграмма поверенного в делах в Софии.

София. 5(18) октября 1911 г. № 74.

Копия в Константинополь.

Турецкий поверенный в делах вчера сделал Гешову официальное сообщение от имени Порты о ее миролюбии относительно Болгарии и, указав на принятые военные меры успокоительного характера, просил ответного сообщения болгарского правительства. Сегодня Гешов даст ответ болгарского правительства следующего содержания:

«Болгарское правительство, принимая к сведению официальное заверение Высокой Порты, что резервисты Драмы будут распущены, а также, что не будут увеличены корпуса в Адрианополе и Киркилиссе и будут исчислены по 100 на батальон, заявляет, что оно этими мерами удовлетворено в полной мере. Все же оно считает нужным настаивать на немедленном и точном исполнении сделанных в этом смысле распоряжений. Вместе с тем болгарское правительство заявляет, что призыв резервистов не был объявлен и что оно не запрещало и запрещать не намерено вывоз в Турцию зернового хлеба и фуража» [1]). Обсудив совместно со мною положение, Гешов решил при вручении ответа не скрывать от Рефик-бея вновь сделанного обращения Болгарии к великим державам с просьбою получить гарантию искренности турецких заверений.

Урусов.

[1]) Текст сообщения приводится в переводе с французского.

№ 29. Секретная телеграмма поверенного в делах в Софии.

София. 6(19) октября 1911 г. № 75.

Копия в Афины.

Греческий посланник вновь и не в первый раз сообщил Гешову о желании своего правительства достигнуть соглашения с Болгарией на случай, если какая-либо из этих держав подвергнется нападению со стороны Турции. Соглашение должно установить взаимное обязательство оказать при таковом нападении вооруженную помощь и объявить Турции войну. Гешов, желая вообще установления со всеми балканскими державами хороших отношений, ответил посланнику в благожелательных, но общих выражениях. Я указал Гешову, что Россия приветствует всякое согласование общих интересов балканских держав, но что на предполагаемое Грецией соглашение нужно итти с большой осторожностью, ибо у Греции имеется постоянный повод к недоразумениям с Турцией—Крит, и, заручившись помощью Болгарии, греки легко могут повести более активную и, следовательно, опасную и эгоистическую политику.

Урусов.

№ 30. Секретная телеграмма врем. упр. мин. ин. дел поверенному в делах в Софии.

С.-Петербург. 6(19) октября 1911 г. № 1547.

Сообщается в Вену, Берлин, Лондон, Париж и Константинополь.

Ссылаясь на мою телеграмму № 1526.

Ввиду замечания австрийского правительства не видим препятствий, чтобы предполагаемая формула заявления была сообщена устно, а не письменно. Сговоритесь в этом смысле с коллегами.

Нератов.

№ 31. Секретная телеграмма посланника в Софии.

София. 10(23) октября 1911 г. № 77.

Здесь все совершенно успокоилось. Официозная газета «Мир» перепечатала в пятницу превосходную заметку, доказывающую необходимость наилучших отношений между Болгарией и Турцией. Теперь выяснилось, что турки, кем-то и чем-то напуганные, действительно, сделали первые шаги к мобилизации адрианопольского корпуса, но были во-время остановлены энергичным вмешательством Ассимбея, выехавшего в эту самую минуту из Софии в Константинополь. Болгарские военные, испугавшись возможности быть опереженными в мобилизации, подняли тревогу, к которой немедленно присоедини-

лась пресса, особенно оппозиционная. Тодоров и другие министры были увлечены этой паникой. Напротив того, Гешов, прибывший в разгар кризиса и поддержанный энергичными действиями русского поверенного в делах и английского посланника, выказал твердость и благоразумие и вполне овладел положением. Между прочим, сильно содействовали успокоению членов кабинета ваша телеграмма № 1401 и телеграмма Чарыкова № 625 [1]), которые Урусов счел уместным сообщить в парафразе и с необходимыми пропусками Гешову. Могу лишь вполне одобрить все мероприятия Урусова, но только обращаю внимание ваше на то, что фраза его в телеграмме № 73 о короле Фердинанде, как проводнике австрийского влияния, основана на личных соображениях общего свойства и не имеет никакого касательства к настоящему кризису. Напротив того, король Фердинанд телеграфировал из Вены самые настоятельные советы успокоения и не одобрял даже просьбы о «гарантии» держав. Король вернулся сюда в пятницу утром.

Неклюдов.

№ 32. Секретная телеграмма посланника в Софии.

София. 11(24) октября 1911 г. № 80.

№ 1. За время трехчасового свидания ночью в вагоне Гешов и Милованович обменялись самыми дружелюбными взглядами по предмету сербо-болгарского союза. Гешов записал под диктовку Миловановича предлагаемые сербами основания союза. Одна из статей предвидит возможность наступательных действий в Македонии и Старой Сербии. Статья эта не нравится ни Гешову, ни его коллегам, которые не оставили еще всякой надежды на установление добрососедских сношений с Турцией и на возможность достижения широкой автономии для Македонии и Старой Сербии. Вполне одобряя их взгляд, я предложил Гешову, в качестве чисто личного моего измышления, иной текст, который ему на первый взгляд понравился, но над коим он еще подумает. Оба эти текста в третьей телеграмме. Благоволите сообщить ваше о них мнение. Гешов крайне доволен своим субботним докладом у короля Фердинанда. Король вполне одобрил все шаги к установлению единения с Сербией и предоставил кабинету полную свободу выработать основания союза. В противность моим ожиданиям болгары до сих пор не связывают вопроса о сербском союзе с вопросом о защите их нами со стороны Румынии, но Гешов уже дважды предупреждал меня, что болгары не иначе заключат союз, как с полного согласия России на все статьи договора и с сообщением обеими сторонами текста.

Неклюдов.

---

[1]) В телеграмме № 625 от 22/IX 1911 г. Чарыков сообщал, что предпринятая Турцией мобилизация связана исключительно с объявлением войны Италиею, носит умеренный и частичный характер и не является угрозой ни для Болгарии, ни для Греции.

№ 33. Секретная телеграмма посланника в Софии.

София. 11(24) октября 1911 г. № 81.

№ 2. Ссылаюсь на телеграмму Урусова № 75.

Я повторил Гешову доводы Урусова, ратующие против принятия греческого соглашения, и, вообще, указал ему на опасность подобной, чисто воинственной, постановки вопроса. Гешов согласился со мной насчет последнего, но выразил все-таки желание кабинета не отвергать греков и найти какую-либо иную формулу для установления желаемого с обеих сторон единения. Сегодня Гешов добавил мне, что король Фердинанд особенно настаивает на соглашении с греками. Со своей стороны, он, Гешов, имел достоверные сведения, что Эренталь предлагал Греции вступить в балканский антиславянский блок, т.-е. блок Австрии, Румынии и Албанцев. Гешов полагает, что, отстраняя совсем греков, болгары могут действительно кинуть их в подобную комбинацию. Предлагаемый мною лично текст сербо-болгарского соглашения редактирован так, что не только Греция и Черногория, но даже и Порта могли бы под ним подписаться, что особенно нравится Гешову.

Неклюдов.

№ 34. Секретная телеграмма посланника в Софии.

София. 11(24) октября 1911 г. № 82 [1]).

Основы соглашения, предложенные Милововичем: 1) полный оборонительный союз против кого бы то ни было, кто совершит нападение на Болгарию или на Сербию; 2) оборонительный союз против кого бы то ни было, кто попытается занять Македонию, Старую Сербию или северную часть Албании; 3) наступательный союз: I) с целью освобождения Македонии и Старой Сербии при обстоятельствах, по мнению обеих договаривающихся сторон, подходящих; II) с целью прекращения анархии или резни в провинциях, в которых задеты интересы сторон или одной из них. Основы соглашения, предложенные Неклюдовым: Сербия и Болгария заключают тесный союз с целью: 1) сбоюдной защиты двух стран против всякой нападающей на них державы; 2) отстаивания территориального status quo в турецких провинциях, граничащих с обеими странами, от попыток изменить этот status quo либо занятием территории, либо другими способами; 3) защиты в упомянутых турецких провинциях жизненных интересов национальностей с какой-либо из договаривающихся сторон мерами, полностью соответствующими степени опасности, угрожающей жизненным интересам данных национальностей.

Обе договаривающиеся стороны будут счастливы, если и другие балканские страны примкнут к этому союзу.

Неклюдов.

[1]) Перевод с французского.

№ 35. Секретная телеграмма посланника в Софии.

София. 12(25) октября 1911 г. № 83.

Австрийский посланник получил, наконец, предписание к устному заявлению, формула коего значится в вашей телеграмме 6 октября. Но английский посланник еще не получил предписания. Это заявление, уже и так запоздалое, крайне желательно для Гешова, которого оппозиция громко обвиняет, что его обращение к державам, унизительное для Болгарии, осталось к тому же без всякого действия. Между тем в субботу открывается Народное Собрание, и для Гешова крайне важно было разбить перед тем оппозиционную интригу. Нам же в настоящую минуту необходимо всячески поддерживать кабинет Гешова. Посему прошу спешно разрешения сделать заявление до субботы, к чему, как я уже выяснил, охотно присоединятся другие три посланника. Я знаю, английское запоздание не вызвано никакими особыми соображениями лондонского кабинета и его представителя. Мои отличные отношения с сим последним служат к тому ручательством, что никакого недоразумения отсюда не выйдет.

Неклюдов.

№ 36. Секретная телеграмма вр. упр. мин. ин. дел посланнику в Софии.

С.-Петербург. 17 (30) октября 1911 г. № 1632.

Получил №№ 80, 81, 82.

Предварительно дачи заключения по существу желал бы знать те замечания Гешова на ваш текст, о возможности коих вы упоминаете. Лично полагаю, что было бы лучше нам не выступать с определенными пунктуациями, предоставив формулировку исключительно самим договаривающимся. В частности, и в виду желаемой возможности привлечения и Турции и других, полагал бы в вашем пункте 2 вместо слов, «в провинциях, граничащих с обеими странами», выразиться общее «на границах».

Относительно третьего пункта опасаюсь, что определение «жизненных интересов» легко подаст обеим сторонам повод к вредным для дела разногласиям.

Нератов.

№ 37. Депеша посланника в Софии.

София. 17 (30) октября 1911 г. № 38.

Только в субботу, 15 октября, было сделано г. Гешову представителями России, Франции, Германии и Австрии то словесное сообщение, которое служило предметом обмена мнений и многочисленных теле-

грамм и имело целью успокоить Болгарию относительно намерений Порты. Сделано было это сообщение точно по формуле, преподанной в телеграмме вашего прев-ва от 6 октября, за № 1526.

В сущности, ни в каких успокоительных заверениях не было нужды; все уже давно успокоилось, и между Софией и Константинополем установились вновь самые дружелюбные отношения (до первого недоразумения—понятно). Но г. Гешов все-таки дорожил сообщением, так как и при дворе и в оппозиционной печати его критиковали за обращение к державам, и оставление державами этого обращения без всякого ответа, понятно, подорвало бы престиж Гешова.

Вот почему я настаивал на необходимости сообщения и перед вашим прев-вом и перед моим британским коллегой.

Сэр Генри Бакс Айронсайд был с самого начала против сообщения: видел в обращении Гешова к державам совершенно ненужный шаг, навязанный ему французским посланником (с чем я лично не могу до некоторой степени не согласиться). Кстати у сэра Генри с г. Палеологом—личные нелады, и это, конечно, усугубляло их разногласие, но когда австрийский посланник получил, наконец, приказание присоединиться к нашему общему шагу и я обратился к сэру Генри, не получившему никаких указаний из Лондона, с просьбой вызвать таковые,—то британский посланник сдался весьма охотно на мои доводы и протелеграфировал в Лондон *срочно*, прося дозволения присоединиться к нашему шагу, дабы помочь тем Гешову и вывести его из фальшивого положения. К сожалению, на эту срочную телеграмму целых 2 дня не приходило никакого ответа, вследствие чего я, сговорившись с сэром Генри, решил сделать г. Гешову ожидаемое им сообщение в субботу; в тот же день сделали то же сообщение и остальные 3 посланника.

Неклюдов.

№ 38. Депеша посланникав Софии.

София. 17 (30) октября 1911 г. № 39.

Триполийские события отозвались здесь вначале тем кризисом, который улажен был довольно легко, благодаря благоразумию г. Гешова и нового турецкого министра иностранных дел, Ассим-бея. С тех пор он служил скорее сближению болгар с турками. Отнюдь не надо, однако, основывать на этом преувеличенных надежд. Со стороны болгар,—людей реальной политики и подбирателей выгоды всюду, где таковая представится,—сближение с турками обозначает желание немедленно что-нибудь у них выговорить. В настоящую минуту они хотят выговорить: 1) постройку линии Кюстендиль — Куманово, 2) возможно более выгодный для Болгарии торговый договор и 3) облегчение для болгарской школьной пропаганды в Македонии. Если турки не сделают болгарам существенных уступок по этим вопросам, то болгарское дружелюбие превратится в недоверие и враждебность.

Но, кроме того, и другие причины могут нарушить добрососедские отношения между болгарами и турками: усиленные албанские грабежи и убийства в Македонии, вооружение турок невдалеке от болгарских границ и тому подобное могут каждую минуту вызвать новый кризис в болгаро-турецких отношениях.

И в этом смысле безнадежно затягивающиеся военные действия в Триполи представляют, конечно, лишнюю опасность для Порты и лишнее искушение для болгар.

Неклюдов.

№ 39. Секретная телеграмма посланника в Софии.

София. 18(31) октября 1911 г. № 84.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 81.

Гешов снова говорил мне о греческом предложении и настаивает на сообщении ему мнения о сем императорского кабинета. Я полагаю, что в той форме, которую предложила Греция, т.-е., что, если Турция нападет на одну из стран, то другая обязана объявить Турции войну,— соглашение было бы опасным для мира на Балканах. Но соглашение, направленное исключительно к охранению status quo, могло бы быть лишь полезно и нам приятно. Если вы согласны с этим, то благоволите возможно скорее уполномочить меня выразить Гешову этот взгляд от имени императорского правительства.

Неклюдов.

№ 40. Секретная телеграмма посланника в Белграде.

Белград. 20 октября (2 ноября) 1911 г. № 171.

Сербский посланник в Константинополе сообщил, что наш посол настойчиво советует, чтобы Сербия каким-либо конкретным шагом засвидетельствовала о желании своем войти в тесное соглашение с Турцией в целях охранения общих интересов балканских государств. В здешних правительственных кругах это вызвало некоторое смущение. За последние годы сербское правительство явило не мало доказательств своего искреннего дружелюбия к Турции и готовности поддержать с ней добрососедские отношения, не встречая, однако, взамен сего ни малейшего расположения турок к защите интересов сербского населения в пределах империи. Приняв, согласно указаниям императорского правительства, твердое решение поддерживать и впредь самые мирные отношения с Турцией, сербы считают едва ли своевременным выступить с какими-либо союзническими предложениями в Константинополе, где до сих пор не хотят понять значения тесного сближения со славянами. С своей стороны, могу только присоединиться к этой

точке зрения сербского правительства. Вполне ясные и откровенные шаги к сближению должны быть сделаны турками, а не сербами, ничем не вызываемое выступление коих было бы с надменностью принято турками, как заискивание. Помимо сего полагаю, что настойчиво предлагаемый Чарыковым шаг сербского правительства вызвал бы недоверие в Софии и, несомненно, повредил бы налаживающемуся сербоболгарскому сближению, которое и для славян и для России несравненно важнее, нежели весьма проблематическая балканская конфедерация во главе с младотурками, доказавшими свою политическую недальновидность.

Гартвиг.

№ 41. Секретная телеграмма вр. упр. мин. ин. дел посланнику в Софии.

С.-Петербург. 22 октября (4 ноября) 1911 г. № 1688.

№ 84 получил.

Полагаю, что руководящие начала, изложенные в телеграмме моей № 1632, вполне применимы и по отношению к Греции с сохранением в силе принципа status quo, что можете заявить Гешову.

Нератов.

№ 42. Секретная телеграмма вр. упр. мин. ин. дел посланнику в Белграде.

С.-Петербург. 22 октября (4 ноября) 1911 г. № 1694.

В виду разнесшихся в печати суждений о давлении России в смысле образования балканской федерации с участием Турции, считаем долгом пояснить, что принцип взаимного сближения балканских народностей нами попрежнему считается правильным. Что же касается формулы, то, вполне предоставляя ее выработку почину самих договаривающихся, полагаем, что она должна допускать мысль о присоединении и Турции к соглашению.

В этом смысле мы высказываемся и в Софии.

Нератов.

№ 43. Секретная телеграмма посланника в Белграде.

Белград. 22 октября (4 ноября) 1911 г. № 172.

Весьма доверительно. Вскоре после возвращения короля Фердинанда Гешов раза два обращался к сербскому посланнику в Софии с заявлением о желательности возможно скорее приступить к переговорам относительно проектированного сербо-болгарского соглашения. Осведомившись об этом, Милованович тотчас же вызвал Сполайковича. По тщательном обсуждении дела с Пашичем и некоторыми дру-

гими политическими деятелями, Милованович вручил Сполайковичу, вернувшемуся вчера в Софию, первый набросок проекта соглашения, который служил исходной точкой для переговоров с болгарским правительством. Передавая мне весьма доверительно содержание проекта, Милованович убедительно просил сохранить его в строжайшей тайне. Излагаю текст в общих чертах: после обычного предисловия об одушевляющих королей Петра и Фердинанда чувствах взаимной дружбы, одиннадцать статей соглашения проектированы в нижеследующем порядке: Ст. 1. В случае, если владениям одной из договаривающихся сторон угрожает нападение какой бы то ни было третьей державы, другая сторона обязуется без замедления и без всяких оговорок оказать помощь своей союзнице всеми имеющимися у нее военными силами. Ст. 2. В случае, если бы какая-либо из европейских держав (чтобы не сказать Австрия) обнаружит явное стремление присвоить или оккупировать, хотя бы и на-время, часть балканской территории, и таковые действия ее признаны были бы одною из договаривающихся сторон достаточным поводом к открытию военных действий—casus belli,—то другая сторона, как и в первой статье, обязана помогать союзнице военною силою. Ст. 3. Если положение на Балканах будет признано одной из сторон благоприятным для осуществления национальных задач, то, предварительно активных действий, она обязана договориться с другой стороной. Если соглашение не будет достигнуто, дело представляется на суд России, положительное и отрицательное решение коей обязательно для обеих сторон. В случае отказа России высказаться определенно, упорствующая сторона может начать действия на свой страх, но другая обязана соблюдать благожелательный нейтралитет, мобилизировав армию, которая должна быть готовою оказать помощь, если Турция найдет поддержку в третьей державе. Помощь союзнице является, однако, обязательной, если одна из сторон вынуждена будет объявить войну Турции в случае поголовной резни, взрыва фанатизма и революции в смежных с Сербией и Болгарией провинциях. Ст. 4. Во всех вышеприведенных случаях территории, занятые союзницами, составляют временно общую собственность; но Сербия заранее отказывается в пользу Болгарии от Адрианопольского вилайета и части Коссовского на юг от Шар-Планины; в свою очередь Болгария отчуждает Сербии Скутарийский вилайет и часть Коссовского к северу от Шар-Планины. Относительно полюбовного дележа Битолийского и Салоникского вилайетов—договаривающиеся стороны будут ходатайствовать о милостивом третейском решении государя императора. Ст. 5 предвидит заключение военной конвенции, которая, составляя нераздельную часть соглашения, должна быть выработана к 31 января 1912 года. Ст. 6. Соглашение имеет силу до 31 декабря 1916 года, с обычными оговорками о прекращении и продолжении. Ст. 7. Соглашение в двух экземплярах на сербском и болгарском языках скрепляется подписью обоих монархов и контрассигнируется министрами иностранных дел; к военной конвенции присоединяются

подписи особых военно-уполномоченных. Ст. 8. Третий экземпляр соглашения и военной конвенции, с французским переводом, сообщается благосклонному вниманию императорского правительства с просьбою исходатайствовать всемилостивейшее соизволение на утверждение 4-й статьи. Ст. 9. Обе стороны допускают в будущем, по предварительному взаимному уговору, присоединение к настоящему соглашению других держав, как-то: Черногории и Греции. Ст. 10. Сообщение кому бы то ни было означенной конвенции допустимо лишь по обоюдном испрошении сторонами согласия России. Ст. 11. Все недоразумения по букве и смыслу настоящего соглашения представляются на суд России. Смею думать, что в изложенном виде проект соглашения едва ли дает повод к каким-либо опасениям, особенно, если принять во внимание, что допускаемое статьей 3-й активное выступление при благоприятных для славян обстоятельствах, которые нельзя не предусмотреть ввиду подготавляющегося исподволь развала Турции, достаточно обуздывается обязательными обращениями за советами к императорскому правительству.

Гартвиг.

№ 44. Депеша посланника в Белграде.

Белград. 23 октября (5 ноября) 1911 г. № 63.

Дело пресловутой балканской федерации, под главенством Оттоманской империи, снова поставлено на очередь. Достойно внимания, что политическая комбинация эта всплывает наружу всякий раз, как Турция испытывает какие-либо внешние затруднения. При этом, что также весьма характерно, в указанных выше случаях энергические настояния на скорейшем привлечении славянских государств к балканскому союзу обнаруживаются не в константинопольских правительственных кругах, как следовало бы ожидать, а в среде тех уже немногочисленных дипломатов, политиков и публицистов Европы, которым все еще хочется верить в турецкое перерождение. Но интересно поставить себе вопрос: как же относятся к идее конфедерации сами-то балканские державы, усиленно приглашаемые сплотиться воедино?

Что касается славянских государств, то они, надо сознаться, в достаточной мере равнодушны ко всем периодически подогреваемым толкам о готовящейся и принимающей будто совсем определенную форму балканской федерации; страстная проповедь о громадной важности для славян союза с Турцией представляется им малоубедительной; хотя, при известных условиях, они, особливо под давлением России, конечно, не противились бы вступлению на этот путь. Однако вовсе не потому, чтобы они ожидали для себя ни весть каких благ от сближения с Турциею, а исключительно в расчете добиться некоторой передышки от хронически возникающих на Балканах тревог, выиграть

время и, собравшись исподволь с силами, приступить в благоприятную минуту к окончательной расплате со своим исконным неприятелем. Другой точки зрения на конфедерацию у славян быть не может. И не нам, конечно, ставить им это в упрек; ибо, по крайнему разумению моему, и сама Россия едва ли иначе оценивает помянутую политическую комбинацию.

В самом деле, в чем заключается сокровенный смысл и значение политики России на Ближнем Востоке? По-моему, она преследует две ясные, вполне определенные конечные цели:

1) облегчить призванным ею к самостоятельной жизни славянским народностям достижение их заветных идеалов, что сводится к полюбовному между ними разделу всего турецкого достояния на Балканском полуострове, и

2) осуществить и свою собственную вековую историческую задачу: стать твердою ногою на берегах Босфора, у входных ворот «Русского озера».

Спрашивается, можно ли, ввиду указанных задач России и славянских государств на Ближнем Востоке, считать балканскую федерацию во главе с Турцией прочной, жизненной политической системой, будто бы всецело обеспечивающей интересы ее сочленов—очевидно, нет. На нее можно смотреть лишь, как на временную, выжидательного характера, комбинацию, к которой дозволительно примкнуть только потому, что ни Россия, ни славяне не в состоянии сейчас осуществить то, что рано или поздно они должны сделать непременно. Совсем в другом положении находится Турция. Для нее, и только для нее, федерация представляет одни выгоды, как это ни покажется на первый взгляд странным после всего изложенного. Да, балканская федерация выгодна для Турции, во-первых, потому, что она на более продолжительный срок отдалила бы ликвидацию своих европейских владений; а, во-вторых, и это главное, потому, что, обеспечив союзом со славянами status quo на Балканах и приобретя таким образом благожелательный нейтралитет России, она могла бы свободнее располагать всеми своими военными силами для защиты других частей империи от разбойничьих захватов со стороны мнимых друзей и покровителей молодой Турции. К сожалению, или к счастью, в Константинополе никогда не хотели этого понять. На все вызовы и уговоры вступить в союз с балканскими государствами, младо-турки отвечали двойной игрой. Конфедерация в их руках служила своего рода «диверсией», военной хитростью в минуты опасности. Они делали вид, дабы запугать Европу, что вот-вот не сегодня-завтра совсем готовы сговориться насчет федерации и... тотчас по миновании опасности, открыто становились в ряды врагов России и славянства. Так младо-турки действовали во время аннексионного кризиса, в период обострения албанского движения; так, очевидно, поступят они и теперь, по окончании триполийских затруднений. Вот почему я позволяю себе считать балканскую конфедерацию во главе с Турциею весьма проблематическою комбинациею, сочувство-

вать которой до известной степени мы, конечно, можем, но в осуществимость которой верить нельзя до тех пор, пока в Оттоманской империи властвуют младо-турецкие комитеты.

С этой точки зрения едва ли согласится наш посол в Константинополе, которому сейчас, — не знаю, насколько справедливо — почти вся европейская печать приписывает весьма активную роль в склонении турок к союзу с балканскими государствами. Дозволительно, однако, спросить себя, каким образом мысли свои, вполне сочувственные конфедерации, гофмейстер Чарыков согласует с высказанными им взглядами в депешах, которые получены мною с последним курьером? Так, в депеше от 17 октября № 95 наш посол характеризует турецкую империю «загнившим зданием», которое могут опрокинуть даже удары, наносимые Италиею, вовсе не такие уж страшные, если судить по военным реляциям. Далее, в № 94, от того же числа, гофмейстер Чарыков говорит, что ослабление Турции чужими руками для русских интересов «вовсе невредно».

Ведь, как то, так и другое утверждение прямо в корне подрывает значение и пользу столь настойчиво проповедуемой системы сближения Турции со славянскими государствами. В самом деле, какую цель может иметь, какую выгоду и кому именно может принести постановка конфедерации на подгнившем фундаменте, готовом рухнуть при малейшем к нему прикосновении? А затем, какой расчет нам усиливать Турцию славянскими союзами, когда, напротив, ослабление ее для нас вовсе не вредно? Над этими вопросами стоит серьезно подумать; особливо, если принять во внимание, что, по словам гофмейстера Чарыкова, в турецкой печати (да и в одной ли печати) замечается стремление свалить на Россию вину за теперешнюю беду, и что при настоящем настроении турецких мусульман было бы достаточно даже пустяшного повода, дабы накопившееся и бессильное против Италии и Германии озлобление повернуть против единственного соседа Турции из числа великих держав—России.

Да, чисто младотурецкая логика! Одна из держав тройственного союза не так давно самовольно присваивает две оттоманские провинции на Ближнем Востоке, и Турция, быстро примирившись с этою потерею, вымещает свою досаду и злобу на России открытым переходом в лагерь ее врагов. Ныне другая держава того же союза, при молчаливом попустительстве третьего сочлена, среди бела дня грабит африканские владения Турции, и последняя не колеблется снова винить в том Россию, угрожая даже возбуждением против нее мусульманского фанатизма!

И вот, перед такой-то перспективой—от России настоятельно требуется благожелательное покровительство сформированию балканской конфедерации. А на-ряду с этим что-то вовсе не замечается открытых, смелых шагов в этом направлении со стороны турок. По газетным и телеграфным сообщениям, в константинопольских правительственных сферах весьма туманно обсуждался вопрос о каких-то новых

союзах, а в мечетях мусульманское духовенство проповедывало о священной войне против России и об истреблении гяуров—подданных султана.

Но, как бы то ни было, если, в силу высших политических соображений, сближение славянских государств с Турцией признается все же желательным,—то, повторяю, сербы противиться этому не будут. Однако королевское правительство, как я имел честь телеграфировать, считало бы крайне опасным выступать ныне пред турками с какими-либо союзническими предложениями, как то советовал гофмейстер Чарыков сербскому посланнику в Константинополе.

При наличности более отрицательного отношения болгар к проектируемой конфедерации всякий заискивающий шаг сербов в Царьграде неминуемо вызвал бы недоверие в Софии и повредил бы делу сербо-болгарского соглашения, которое по своей политической важности составит новую эпоху в истории славянства.

Гартвиг.

(Окончание следует.)

ЗАПИСКИ А. С. ЕРМОЛОВА [1]).

Печатаемые ниже две всеподданнейшие записки принадлежат перу б. министра земледелия и государственных имуществ в эпоху политической «весны» 1904—1905 г.г. А. С. Ермолова. Первая записка датирована самим автором 17 января 1905 г., вторая—31 января того же года. Первая записка представляет собой, в сущности, изложение беседы Ермолова и Николая II 17 января 1905 г. по поводу положения дел, создавшегося в результате событий кровавого воскресенья 9 января, беседы, закончившейся несколько неожиданно для нелюбившего экспромптов царя учреждением совещания министров с председателями департаментов государственного совета для выработки «мер государственной важности, последними событиями вызываемых». Записка от 31 января является логически продолжением первой, но уже в форме всеподданнейшего монолога, в котором идея «непосредственного общения царя с народом», высказанная Ермоловым 17 января, находит выражение в виде всесторонне мотивированного предложения поспешить с созывом «всенародной земской думы», как единственного средства восстановить потерянное правительством доверие страны. 9 января убедило царя, что, говоря его словами, «невозможно положение правительства, если оно опирается только на войска». Выслушав это признание, Ермолов предложил царю «отдать себе ясный отчет, на кого же опираться». По его мнению, катастрофы 9 января не было бы, если б в России было настоящее правительство, но вместо него действовали «отдельные министры, между которыми, как по клеточкам, поделено государственное управление». Отдельные министры не могли предупредить расстрелов 9 января, не могли сообща выработать каких-либо предохранительных мер, так как совещания министров не узаконены царем, а в компетенцию комитета министров «дела подобного рода» не входили. Даже происходившие под председательством царя особые совещания не давали результатов, так как министры большей частью не знали, о чем царю «угодно будет с ними говорить». Николай, согласившись, что совещания под его председательством, действительно, «далеко не достигали цели», приказал Ермолову поехать прямо после приема к председателю комитета министров и передать ему от его имени, чтоб он *немедленно* собрал совещание из всех министров и председателей департаментов государственного совета по поводу мер, необходимых для успокоения страны. Ермолов, признав, что такие совещания помогут организовать солидарное правительство, в дальнейшей беседе продолжал, однако, настаивать на необходимости установить, на кого же правительство должно опираться, так как в дворянстве — раскол, а в земских собраниях консервативное направление не получило преобладания. Страна же требовала реформ — о чем свидетельствовали многочисленные адреса на высочайшее имя, — и

не верила министрам, стоявшим в виде непроницаемой стены между царем и народом. Средостение это следовало уничтожить и установить «непосредственное прямое общение между царем и народом». Отказавшись говорить, в каких формах он мыслит это «общение», Ермолов выразил только убеждение в безусловной необходимости «призвания представителей русской земли» и в том, что царю «нужно самому пойти навстречу народным пожеланиям». В заключение Ермолов просил царя поручить учрежденному им совещанию, помимо рассмотрения вопросов, связанных с событием 9 января, обсудить мероприятия, намеченные указом 12 декабря 1904 г., «но идущие далее реформ, им возвещенных». Царь согласился.

Через две недели Ермолов вошел к царю с новым докладом по поводу «неуспешной пока борьбы с внутренним врагом». Отметив, что подавление рабочих беспорядков не привело к умиротворению страны, а скорее дало обратные результаты, так как беспорядки перекинулись в деревни, где они «в сто раз опаснее, чем в городах», — Ермолов дал во второй своей записке яркую картину дезорганизации во всех сферах русской общественной жизни. Он отметил развал высшей и средней школы, раскол в дворянстве, объединение которого представлялось ему невозможным в условиях полицейского режима, борьбу крайних течений в земстве, агитацию среди пока безмолвной многомиллионной крестьянской массы, «подавленной множеством стоящего над ней начальства», разобщенность правительственной администрации, усилившуюся с учреждением должности петербургского генерал-губернатора, которому было присвоено право принимать чрезвычайные меры без ведома отдельных министров и совещания последних. Ермолов выход видел только в обращении к «безмолвному большинству народа», в созыве всенародной земской думы, иначе, — казалось ему, — власть самых энергичных администраторов окажется эфемерной. Предвидя, что в этой думе могут раздаться голоса об учредительном собрании, Ермолов успокаивал царя соображением, что эти голоса будут заглушены огромным большинством, «верным народным преданиям, коренным основам русского государственного строя». Ермолов не побоялся произнести страшное слово «конституция»: «когда назреет время, — сказал он, — жалует русский царь своему народу и конституцию». Записка заканчивается просьбой исполнить это немедленно, ибо дорог каждый день и час, при чем автор подсказывает царю и форму его волеизъявления о созыве народных представителей — манифест или надпись на одном из многочисленных всеподданнейших адресов.

Через две с половиной недели после этого доклада Ермолова страна узнала, какую конституцию «пожаловал» ей царь: 18 февраля подписан был рескрипт на имя министра внутренних дел Булыгина о «привлечении достойнейших, доверием народа избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений». Николай записал в этот день в своем дневнике: «дай бог, чтоб эта важная мера принесла России пользу и преуспеяние!» Однако этой «важной мере» не суждено было претвориться в жизнь: наступила первая революция, которая Булыгинскую думу смела с политической арены и, при всех своих неудачах, завоевала народу многим больше, чем могло «пожаловать» ей самодержавие.

I.

При всеподданнейшем докладе моем 17 января 1905 года государь император обратился ко мне с вопросом о настоящем положении дел. На это я испросил у его величества соизволение высказать свое откровенное мнение по всей совокупности переживаемых нами событий, что мною и было сделано в следующих выражениях:

«Россия переживает в настоящее время тяжкое, беспримерное в истории ее положение, последствия которого предугадать невозможно. Ваше величество—самодержавный царь русской земли, но нужно, чтобы самодержавие стояло незыблемо, опираясь на твердую почву, и чтобы никакие события не могли его поколебать. А между тем, обстоятельства идут быстро, и надобно предвидеть все возможное. Если путем пролития крови на улицах С.-Петербурга удалось остановить движение рабочих, то действительного успокоения этим не только не достигнуто, а, может быть, наоборот; агитация не прекратилась, но может принять другие формы, может выразиться в ряде покушений, которые, сколько известно, уже теперь подготовляются анархист-(с)кими деятелями и от которых никто и вы сами, ваше величество, не застрахованы, несмотря на все принимаемые для охраны вас меры. Мы знаем, что вы смерти не боитесь, в вашей личной храбрости все уверены, но ваша жизнь принадлежит России, и вы должны подумать, что будет с государством, с троном, если покушение удастся».

Государь.—Я смерти не боюсь, верю в промысел божий, но знаю, что́ не имею права рисковать своей жизнью.

«Да, не имеете права рисковать, не должны рисковать, но вам необходимо подумать о том, на каки́х началах самодержавное правление ваше должно найти опору. На одну вооруженную силу, на одни войска вам опираться нельзя. 9 января войска выполнили тяжкую выпавшую на их долю задачу—стрелять в беззащитную толпу. Волнения, происходившие в Петербурге, теперь перекинулись в бо́льшую часть городов России, и везде приходится их усмирять вооруженною силою. Покуда это еще удается, и войска исполняют свой долг, но, во-первых, что́ придется делать тогда, когда беспорядки из городов перейдут в селения, когда поднимутся крестьяне, когда начнется резня в деревнях,—какими силами и какими войсками усмирять тогда эту новую пугачевщину, которая разольется по всей земле, а во-вторых, ваше

величество, можно ли быть уверенным, что войска, которые слушались теперь своих офицеров и стреляли в народ, но которые вышли из того же народа, которые даже теперь находятся в постоянном общении с населением, которые слышали вопли и проклятия, к ним обращенные со стороны их жертв, — при повторении подобных случаев поступят так же?»

Государь.—Я понимаю, что невозможно положение правительства, если оно опирается только на войска...

«Да, ваше величество, но надобно же вам отдать себе ясный отчет, на кого опираться. Вы можете опираться только на народ, но для этого нужно, чтобы народ мог в вас верить и продолжать видеть в вас своего защитника, а между тем посмотрите, что́ происходило 9 января. Массы рабочих со всех концов Петербурга собираются ко дворцу вашего величества не со злыми намерениями, не с целью ниспровержения престола, не с целью даже предъявления вам каких-либо требований политического характера—о тех требованиях, которые были заявлены в их прошениях на основании наущения разных революционных деятелей, огромная масса этих рабочих не знала и их не понимала, ею руководила только одна мысль,—они шли к своему царю для того, чтобы повергнуть к престолу верноподданнические заявления о своих насущных нуждах и потребностях, чтобы излить перед вами всю горечь, всю тяжесть своего положения. Представители этой массы ранее обращались к вашим министрам, но никем не были приняты, никто их не выслушал, хотя в то же время делались собрания фабрикантов [2]), и их мнения выслушивались и принимались в расчет. Толпа шла к вам, введенная в заблуждение своими вожаками и верившая в то, что вы ее примете, что вы к ней выйдете сами и выслушаете ее мольбы... Я не буду говорить о том, что́ произошло далее,—толпу встретили залпами, разгоняли оружием. Быть может, для охранения внешнего порядка и нельзя было иначе поступить,—этого я не касаюсь, но факт тот, что среди этой беззащитной толпы оказалось много сотен жертв, даже не понимавших, из-за чего их убивают. Думаю я, ваше величество, что если бы у нас было настоящее правительство, то это можно было бы предупредить. Я не знаю, возможно ли было бы вашему величеству выйти к этой толпе, но я думаю, что ее заявления должны были быть заблаговременно выслушаны и рассмотрены и, быть может, вашему величеству можно было бы заранее объявить, что вы соизволите принять депутацию от рабочих, что повелите рассмотреть и удовлетворить их законные пожелания, откинув все то, что не могло исходить от рабочих, вроде нелепого требования об отделении церкви от государства и тому подобных, очевидно со стороны навеянных, фраз. К сожалению, таких предупредительных мер принято не было, и роковые события произошли. Но нужно, чтобы ваше величество в той или иной форме обратились к народу со своим царским словом, нужно, чтобы население непосредственно от вас услышало глубокое сожаление ваше о том, что́ произошло, выражение воли вашего величества рассмо-

треть и удовлетворить законные ходатайства и пожелания рабочих, а главное, нужно проявление участия к невольным жертвам катастрофы. Среди массы погибших были не одни вожаки и революционеры, была толпа, были женщины и дети, даже случайно находившиеся на месте происшествия. Нужно, чтобы ваше величество пришли к ним на помощь. Если тут были виновные и заслужившие свою участь, то их семьи и дети представляют тех же невинных жертв, а вашему величеству необходимо отнестись к ним ко всем с одинаковой милостью. По Петербургу ходят теперь разные барышни, разные курсистки за сбором пожертвований для пострадавших. Я знаю, что они уже приходили к некоторым членам государственного совета. Ко мне они еще не обращались, но если они ко мне придут, то я почту себя обязанным дать, что̀ окажется для меня возможным, и я дам, не справляясь, куда деньги пойдут, действительно ли в пользу невинных жертв катастрофы или на дальнейшую агитацию. Когда меня будут просить о помощи во имя пострадавших, я не сочту себя в праве отказать, но нужно, ваше величество, чтобы пришли на помощь не мы, а вы, и только тогда народ отделит вас от действительно виновных в событии 9 января лиц».

Государь.—Я уже решил обратиться к народу с воззванием или манифестом, и у меня лежит несколько проектов таких манифестов. За сим я предполагаю, как только водворится хотя внешний порядок, принять депутацию от рабочих [3]) и непосредственно к ним обратиться, а также решил притти на помощь и жертвам катастрофы [4]).

«Ваше слово, государь, обращенное к народу, я считаю безусловно необходимым. Я позволил себе говорить вам об этом 10 января, следовательно, на другой день после катастрофы. То, что появилось после этого,—объявление, подписанное министром финансов и ген.-губернатором Треповым, не может заменить его [5]). Для народа этого недостаточно. Министра финансов он не знает, он не понимает, почему министр финансов говорит вашим именем, народу неизвестно, в ведении какого министерства находятся фабрики и заводы. Народ не знает нас, министров, а знает вас, ваше величество, и ваш голос должен он услышать. Точно так же не произведет никакого впечатления и послание св. синода [6]). Вам известно, что духовенство у нас никакого влияния на население не имеет, и что оно иногда само для поддержания православия обращается к мерам чисто полицейского свойства. Не знаю, известно ли вам, что когда, по случаю рождения наследника цесаревича, в одной раскольничьей церкви на юге начали звонить в колокола, то виновные в том раскольники были посажены под арест. В Киеве, недавно, едва ли не накануне издания указа 12 декабря 1904 г., возвещавшего о веротерпимости [7]), и после манифеста 1903 года, в котором проводилась та же мысль о веротерпимости, с одной раскольничьей молельни было приказано сбить крест. Не может иметь и не имеет наше духовенство при таких условиях никакого влияния на народ, и его воззвание столь же мало произведет впечатления, как и объявление министра финансов.

Позвольте мне затем, государь, коснуться другого вопроса нашего государственного строя, недостатки которого при настоящих событиях выказались особенно рельефно. В том, что произошло, виновато правительство, виноваты мы, ваши министры; но что же мы могли сделать при настоящем строе нашей государственной организации, при котором в действительности правительства нет, а есть только отдельные министры, между которыми, как по клеточкам, поделено государственное управление. Каждый из нас знает свою часть, но что делают другие министры, иногда даже в области совершенно однородных дел, мы не знаем и не имеем никакой возможности узнать. Когда за несколько дней до 9 января пошли слухи, что нечто приготовляется, когда многие из нас сознавали, что необходимо принять решительные меры для предупреждения ожидавшихся волнений, что же мы, отдельные министры, могли сделать? О том, что происходило, что готовилось, я мог судить только по слухам; я знал об этом не более, чем любой обыватель г. Петербурга. Более того, когда накануне 9 января у министра внутренних дел состоялось совещание ввиду ожидавшихся событий, в этом совещании участвовали, кроме чинов министерства внутренних дел и несколько военных, только министр финансов и случайно заехавший к кн. Святополк-Мирскому министр юстиции ст.-секретарь Муравьев. Я допускаю, что не было оснований приглашать министра земледелия и государственных имуществ, в ведении которого в Петербурге нет ни фабрик, ни заводов, но каким образом можно было не привлечь в этом совещании (Sic! *Ред.*) министра путей сообщения, у которого на заводах находится несколько тысяч рабочих, и управляющего морским министерством, в ведении которого десятки тысяч рабочих Балтийского, Обуховского, Колпинского заводов? Их не сочли даже нужным спросить, что́ у них делается, что́ они предполагали бы сделать. К ним обращались рабочие, но что́ они могли бы им сказать, не имея никаких сведений о том, что́ предпринял министр финансов, и рискуя, следовательно, поступив иначе, внести в дело еще бо́льшую смуту? С своей стороны, проникнутый сознанием важности минуты, я думал созвать у себя собрание министров, но в силу чего я мог бы это сделать? Я мог бы пригласить только некоторых в качестве своих знакомых, но для того, чтобы это было настоящее совещание министров, нужно, чтобы подобные совещания были узаконены вашим величеством, чтобы они были *обязаны* собираться во всех важных случаях для обсуждения вопросов высшего государственного управления. Существующее учреждение—комитет министров—этой задаче совершенно не удовлетворяет, так как дела подобного рода не входят в круг его компетенции. Так, когда в заседании 11 января председатель поднял вопрос о необходимости представить на благовоззрение вашего величества об учреждении высшей комиссии из нескольких назначенных вашим величеством сановников для рассмотрения событий 9 января во всей их совокупности и для установления ответственностей, комитет министров, при всем сочувствии своем этой

мере по существу, не счел себя в праве, в лице старейших своих членов, принять этот вопрос к своему рассмотрению без особого на то высочайшего уполномочия. Вашему величеству несколько раз угодно было собирать нас в особых совещаниях под высочайшим своим председательством, но я позволю себе высказать, что эти совещания не всегда достигали цели и не приносили результатов, которых можно было ожидать, и вот почему. Мы являлись к вам по вашему зову неподготовленными, большею частью мы даже не знали, о чем вашему величеству угодно будет с нами говорить. Мы не имели возможности заблаговременно обсудить эти вопросы между собою, вследствие чего и происходило в вашем присутствии такое разногласие во мнениях, в котором вам самим бывало не легко разобраться. Я не ожидаю, чтобы и при предварительном совещании министров нам всегда удавалось достигать единодушия, но тогда мы будем представлять на ваше благовоззрение два обдуманных, мотивированных мнения, по которым вы уже будете иметь возможность сказать свое верховное решающее слово».

Государь.—Да, я сознаю, что эти совещания под моим председательством далеко не достигают цели, почему я так редко их и созываю. Но я уже решил образовать совещание из министров. Поезжайте прямо отсюда к председателю комитета министров и передайте ему мою волю, чтобы он немедленно собрал совещание из всех министров и председателей департаментов государственного совета для обсуждения тех мероприятий государственной важности, которые вызываются событиями последнего времени, а равно представил бы заключение совещания о мерах, необходимых для успокоения страны. Скажите ему далее, что я желаю, чтобы такие же совещания собирались и впредь по вопросам высшего государственного управления, притом как по инициативе председателя совещания, так и по тем вопросам, которые отдельные министры признают нужным в это совещание вносить. Я уже ранее хотел изменить порядок собрания совета министров и слить этот совет с комитетом министров с тем, чтобы в исключительных случаях заседания совета происходили бы под моим личным председательством, но об этом можно будет еще подумать, тем более, что это требовало бы изменений в самом законе об учреждении комитета министров. Теперь же роль совета может исполнять то совещание, о котором я говорил, тем более, что я в самом близком будущем намерен созвать это совещание и под своим председательством.

«Я думаю, ваше величество, что то совещание, которое вы высочайше соизволили повелеть образовать, должно внести в дело государственного управления существенные улучшения и устранить рознь и полное отсутствие солидарности между министрами, которые существуют теперь. Позвольте мне откровенно сказать вашему величеству, что в настоящее время у нас правительства нет. Я имею счастье сидеть перед вами и всеподданнейше докладывать. Это и есть в данную минуту правительство, но завтра на это же место сядет другой министр,

и будет другое правительство, и этот другой министр может докладывать вашему величеству дела в совершенно обратном направлении тому, как их докладывал его предместник. На таких началах прочное государственное управление существовать не может. Но это только одна сторона дела. Для того, чтобы правительство было прочно, нужно знать, на кого ему опираться. Несколько лет тому назад опорою правительства считалось дворянство, и был предпринят целый ряд мер, чтобы усилить влияние дворянства на местах, было коренным образом изменено земское положение, чтобы дать в нем дворянству преобладающее влияние. Но с тех пор положение дела существенно изменилось. Не говоря уже о том, что в самом дворянстве происходит раскол, доказательством которому служат разница мнений и споры, происходящие ныне даже в самом сердце России—Москве, земские собрания, несмотря на преобладание дворян, не получили консервативного направления, которого от них ожидали, а скорее—наоборот. Сознание необходимых реформ, необходимости выхода из настоящего положения проникло повсюду, и теперь, ваше величество, получаете ежедневно от земских собраний и от дворянских собраний всеподданнейшие адреса, в которых обращаются к вам, как к самодержавному царю, с просьбой разрешить сплотиться вокруг трона для того, чтобы ваше величество непосредственно от представителей населения услышали голос страны, голос русского народа. Нельзя считать все эти заявления и адреса преступными, и не от одних только представителей крайних партий они исходят. К вашему величеству обращаются как к державному вождю русской земли и желают,—я позволю себе сказать, справедливо желают,—чтобы ваше величество непосредственно услышали голос народа, который теперь, как думают у нас в России, не доходит до вашего величества потому, что будто бы мы, ваши министры, образуем вокруг вас непроницаемую стену и не только не даем вам возможности узнать и услышать правду, не только не идем навстречу вашим благим предначертаниям на пользу вашего народа, но ставим им преграды, и, быть может, это общераспространенное мнение имеет некоторое основание. Так, ваше величество, вы 12 декабря минувшего года издали благодетельный указ, в котором возвестили народу целый ряд высоко важных реформ. Этот указ был объявлен, но что же произошло с тех пор? Мы больше месяца сидим в комитете министров за разработкою ваших предначертаний, мы по совести стремимся выполнить волю вашего величества, но что же знает об этом народ? Какие же результаты от деятельности комитета министров он до сих пор видел. Отсюда и возникает предположение, что мы, министры, относимся к вашим предначертаниям враждебно, что мы стремимся оттянуть их осуществление, загасить вашу волю, как недавно выразилась по этому поводу одна из газет» [8]).

Государь.—Скажите председателю комитета министров, что я требую, чтобы по мере того, как я буду утверждать журналы комитета,

немедленно помещались в газетах сообщения о главных намеченных мерах и результатах обсуждения дел в комитете.

«Высочайший указ вашего величества возвещает целый ряд в высшей степени важных реформ, которые, несомненно, будут проведены согласно вашей воле, но нужно, чтобы народ в это верил, а он нам, министрам, и в этом случае не доверяет, и потому я позволю себе вернуться к тому, что́ я высказывал при обсуждении в совещании под вашим председательством проекта указа 12 декабря—о необходимости привлечения к участию в законодательной работе представителей населения, но только теперь надо пойти в этом вопросе далее. Мы живем быстро, и того, что было достаточно $1^1/_2$ месяца тому назад, теперь уже слишком мало. Теперь уже нельзя ограничиться теми слабыми формами участия выборных представителей в подготовительной разработке отдельных законопроектов, о котором была речь тогда. Теперь нужно непосредственное прямое общение между царем и народом. Я не буду пока говорить о формах, в которых это общение может выразиться, о том, как организовать призвание представителей русской земли, но глубоко убежден, что теперь или в ближайшем будущем это призвание безусловно необходимо и что вашему величеству нужно самому пойти навстречу народным пожеланиям для того, чтобы в самом народе найти опору царскому престолу. Думаю я, что теперь, когда Россия ведет такую тяжкую войну с Японией, последствия которой едва ли возможно предугадать, эта опора более, чем когда-либо, необходима, потому что только народ может дать вам силу, потребную для борьбы как с внутренним, так и с внешним врагом, но нужно к этому обратиться пока еще не поздно, а при настоящих условиях ни за один день поручиться нельзя. Дозвольте поэтому, ваше величество, учрежденному вами совещанию сверх вопросов, непосредственно связанных с событием 9 января, рассмотреть также вопрос о дальнейших мероприятиях, направленных к той же цели, как и указ 12 декабря, но идущих далее реформ, им возвещенных».

На сие последовало высочайшее его императорского величества соизволение.

После доклада его величеству текущих дел министерства и по возвращении в помещение, отведенное мне в Большом дворце, я изложил на бумаге сущность полученного мною высочайшего повеления и затем вновь вернулся в Александровский дворец, чтобы просить его величество прослушать мною написанное, ввиду того, что я придавал полученным мною указаниям значение акта высокой государственной важности. Прочитав мною написанное, государь, приказав сделать в тексте некоторые редакционные исправления, в остальном изволил изложенное одобрить и еще раз повелел мне немедленно сообщить председателю комитета министров высочайшее

повеление об образовании совещания, что мною того же 17 января и исполнено.

Самый текст высочайшего повеления изложен мною в нижеследующей, прочитанной и одобренной его величеством, редакции:

«При всеподданнейшем докладе моем 17 сего января, государю императору благоугодно было повелеть мне передать председателю комитета министров высочайшую его величества волю о том, чтобы статс-секретарь Витте немедленно собрал под своим председательством совещание из всех министров и председателей департаментов государственного совета для обсуждения настоящего положения и представления на благовоззрение его величества предположений совещания о мерах государственной важности, последними событиями вызываемых, в связи с дальнейшими мероприятиями к успокоению страны и необходимыми, по мнению совещания, реформами, сверх возвещенных в высочайшем указе 12 декабря 1904 года. Вместе с тем, государю императору благоугодно было повелеть статс-секретарю Витте собирать такие же совещания и впредь, когда это окажется необходимым по ходу высшего управления, как по его инициативе, так и по вопросам, которые отдельные министры признают нужным в это совещание вносить».

Статс-секретарь *Алексей Ермолов*.

17 января 1905 г.

II.

Трудную и смутную годину переживает ныне русская земля. С одной стороны, тяжелая и неудачная для нас война на далекой окраине страны вызывает крайнее напряжение ее сил и средств. С другой стороны, столь же неуспешная пока борьба с внутренним врагом, не останавливающимся ни перед какими мерами для достижения своих разрушительных целей; агитация в сфере фабричных рабочих уже принесла свои плоды и привела к целому ряду кровавых столкновений, при чем подавление внешних беспорядков отнюдь не сопровождалось внутренним умиротворением, а скорее—наоборот. Рабочие беспорядки наносят притом самим рабочим и всей нашей промышленности непоправимый ущерб, который точно так же входит в цели агитаторов. Но они этим не удовольствуются и теперь уже переносят свою деятельность в среду сельского населения, где рассчитывают найти подготовленную почву для агитации в самом болезненном для нашего крестьянства вопросе—о земле. Возникновение аграрных беспорядков среди сельского населения, которые будут во сто крат опаснее рабочего движения в городах и подавление которых будет неизмеримо труднее, составляет ныне, после успеха их деятельности среди рабочих, главную задачу агитаторов, и едва ли можно сомневаться в том, что их цель будет ими во многих местах достигнута. К тому имеются уже теперь зловещие признаки... На-ряду с этим, столь же несомненно,

что составляющая тайное ядро агитации кучка анархистов вступит на путь преступных покушений против лиц, которых они считают помехой своим вожделениям и которым они хотят мстить за свои неудачи, при чем от этих покушений ничья жизнь не застрахована.

Такова одна сторона переживаемых нами грозных событий. Но нельзя скрывать от себя, что они имеют и другую сторону, едва ли менее грозную и опасную для государственного благоустройства, это — именно та всеобщая дезорганизация во всех сферах нашей общественной жизни, которая отнимает у правительства всякую возможность успешной активной борьбы с повсеместно разлившейся и проникшей во все закоулки русской земли внутренней и глубокой смутой. Если внешние уличные беспорядки можно подавлять оружием, если толпы бунтарей можно разгонять войсками, где они есть в достаточном количестве и поколе можно рассчитывать на их повиновение начальству при столкновениях с народными массами, то с этой внутренней смутой борьба неизмеримо труднее; при тех средствах, которыми ныне располагает правительство, и при тех мерах, к которым оно доныне прибегало, борьба эта едва ли даже может иметь какие-либо шансы на успех. Не может эта борьба быть успешной, пока правительственная власть не найдет себе твердой опоры в самом народе,—а между тем, при настоящих условиях дезорганизация царит повсеместно, и правительству не на ком (Sic! *Ред.*) опереться. Тут приходится иметь дело с целым рядом явлений, даже более страшных, нежели уличные беспорядки, и устранение которых будет еще труднее, если вообще такое устранение возможно обычными мерами воздействия полицейского характера, в чем приходится более чем сомневаться, по крайней мере, на основании опыта.

Позволю себе привести наиболее яркие тревожные признаки этой дезорганизации во всех сферах русской жизни. Вашему величеству известно, что все высшие учебные заведения в настоящее время повсеместно в России закрыты, и возобновление занятий в них при настоящих условиях немыслимо. В аудитории пришлось бы вводить уж не полицию, как это иногда практиковалось прежде, хотя и безуспешно, но роты вооруженных солдат, что также не достигнет цели, так как ни один профессор под охраною штыков читать лекций не согласится, да не будет иметь и слушателей. Уже в настоящее время 342 профессора, в числе коих есть выдающиеся ученые и академики, засвидетельствовали об этом в своей известной записке [9]). Можно сказать, что их следует удалить, но, во-первых, кем же их заменить, а во-вторых, нельзя сомневаться в том, что их удаление повлечет за собой уход и всех остальных профессоров и преподавателей, и тогда высшее образование в России фактически перестанет существовать. В настоящее время волнения проникают уже в средние учебные заведения, часть которых тоже закрыта, а в других для подавления беспорядков вызывались войска и прибегалось к стрельбе против гимназистов. Этим ли путем возможно достигнуть умиротворения страны, и если

несомненно, что волнения в учебных заведениях представляют собою только отражение того настроения, которое существует в данную минуту в обществе, то, с другой стороны, кровавые репрессии против студентов и гимназистов неизбежно поведут к еще большему возбуждению общества против правительства, к таким мерам прибегающего. Ведь у этих студентов и гимназистов, которые не были преступниками, когда семья отдавала их в школы, есть отцы и матери, есть братья и сестры... Никакими насильственными мерами, никакими полицейскими воздействиями достигнуть умиротворения учебных заведений и восстановления в них занятий нельзя, а, наоборот, можно вызвать только еще бóльшую смуту, еще более страшные столкновения и вывести учащихся на путь активной борьбы и сопротивления власти, тогда как теперь эта борьба с их стороны еще только пассивная. Восстановиться же нормальная жизнь учебных заведений может лишь с общим успокоением страны.

В среде дворянства, которое некогда считалось вернейшим оплотом самодержавия и царского престола, теперь происходит печальный раскол, и оно уже не представляет собой той сплоченной, единодушной массы, коим оно являлось прежде. Даже в сердце России — в Москве,—в среде московского дворянства образовались две враждебные партии, и раздвоение зашло так далеко, что не могли даже состояться выборы губернского предводителя дворянства,—факт едва ли не беспримерный [10]). И не подлежит сомнению, что в среде дворянства есть лица, готовые примкнуть к крайним партиям и стать в ряды самой ярой оппозиции, если правительство не найдет возможным своевременно привлечь все дворянство на свою сторону и сплотить эту разрозненную ныне среду под одним общим знаменем служения порядку и правде. Но очевидно, что такое объединение невозможно под давлением одного только полицейского режима, преследующего лишь внешний порядок,—и пока правительство, пока высочайшая власть не выйдет сама навстречу их сокровенным стремлениям и пожеланиям блага народного, на почве общих, а не одних только узких дворянско-сословных интересов, над которыми само дворянство, в лице лучших своих представителей, давно уже возвысилось.

Еще прискорбнее, еще безвыходнее настоящее положение в земстве. Реформа 1891 года, направленная к тому, чтобы усилить в земских собраниях преобладание считавшегося в ту пору наиболее консервативным дворянского элемента, как известно, цели не достигла и сделала то, что нынешнее земство уже не может считаться истинным представителем даже чисто хозяйственных интересов местного населения, значительной части которого—крестьянству—доныне наиболее консервативному во всем, что не касается вопроса о земле, в земство старательно сокращен доступ, так же как и духовенству и купечеству. И в земстве ныне та же, но еще более обостренная, нежели в дворянстве, борьба крайних партий с партиею умеренных, при которой крайние элементы, пользуясь всеми, в том числе и нелегальными,

способами для достижения своих целей, всегда будут иметь перевес, в особенности при сочувствии некоторых наиболее беспокойных классов общества, в среду которого та же борьба переносится из зал дворянских и земских собраний и где она разжигается на разных банкетах, в заседаниях обществ, на разных дозволенных и недозволенных съездах и т. п. При настоящем взволнованном настроении всего общества, под влиянием ужасов войны и не менее ужасных внутренних событий, земские собрания не чувствуют себя в силах спокойно работать в пределах дозволенной им области местных хозяйственных интересов и вовлекаются в сферу вопросов государственной политики, выражая свои стремления и пожелания в форме всеподданнейших адресов, содержание которых далеко выходит за пределы означенной области, либо прибегают к способу пассивной борьбы, путем прекращения заседаний и отказа от работы, впредь до наступления более благоприятного времени в неизвестном будущем. А между тем, и тут есть почва для успокоения умов и для примирения партий—за исключением крайних, которые только в этой борьбе и получают силу, но которые неизбежно остались бы в меньшинстве и выказали бы полное свое бессилие при постановке дела на легальной почве. Путь для этого успокоения—все тот же царский призыв к общей дружной работе на благо народа, к служению правде, к выражению перед престолом истинных, давно назревших нужд и потребностей народа, столь обострившихся в настоящую тяжелую и смутную годину его исторической жизни.

Но позади дворянства и земства и ниже так называемых интеллигентных классов стоит громадная, многомиллионная масса русского народа, состоящая из крестьян, мещан и т. п. До этой темной массы также доходят отголоски происходящих ныне событий, и она не понимает, что́ вокруг нее творится, не знает, кто ей друг и кто враг. С одной стороны, она подавлена множеством стоящего над ней начальства, к которому она никогда не относилась иначе, как с величайшим недоверием, и от которого ничего доброго себе не ждет. С другой стороны, ее смущают разного рода радетели, которые разжигают самые опасные ее инстинкты, в надежде сделать ее послушным орудием для достижения своих преступных целей. За первыми народ не видит царя, а вторых нередко принимает за царских посланцев и берет из их рук разные золотые грамоты, сулящие ему осуществление его заветных мечтаний о земле. В глазах народа правительство—господа или паны—это—одно, это—враждебная ему сила, стоящая между ним и царем и мешающая царю излить на него свою благость в виде дополнительного наделения его помещичьими землями. На этой струне всяким агитаторам играть легко, и это—игра опасная, так как для нее всегда готова самая благодарная почва. Царским именем можно подвинуть народ на величайшие подвиги, но и на самые страшные преступления. Поэтому, крайне важно, чтобы и народ мог услышать настоящее царское слово, которое разоблачило бы перед ним обманщиков. Велика бедность рус-

ского народа, велики несомые им тяготы. Темна и бесправна эта масса, которая, однако, также стремится к правде и свету, ищет выхода из своей безвыходной нужды. На положение нашего крестьянства вашему величеству уже благоугодно было обратить свое милостивое внимание в высочайшем указе 12 декабря 1904 года, как и в манифесте 26 февраля 1903 г., но меры к улучшению крестьянского положения, вами предуказанные, едва ли возможно построить на правильных и верных началах, не выслушав непосредственно голоса народа о его нуждах и пожеланиях не в области неосуществимых мечтаний, но на почве реальных его потребностей, которые ближе всего знать самому же народу. Без этого—самые серьезные, но построенные на отвлеченных теоретических началах проекты могут оказаться несоответствующими действительным интересам крестьянства и внести в его жизнь только новую смуту и расстройство. Но народ безмолвен, его не спрашивают, и другим приходится пока говорить за него. Правда, что при настоящей темноте народных масс, при их бесправном, приниженном состоянии, они не всегда могут сознательно отнестись к своему положению, но на наиболее наболевшие вопросы их жизни и быта и они сумеют дать правильный ответ. Поэтому, при вашем обращении к народу, и эта наиболее многочисленная часть ваших верноподданных не должна быть ни забыта, ни обойдена. Если ваша царская милость простерлась ныне на рабочих, которым предоставлено, в лице своих выборных, свободно высказаться о своих нуждах и причинах своих неудовольствий, то тем важнее, казалось бы, обратиться с таким же призывом и к главной народной массе—крестьянству.

Стремления, пожелания и упования дворянских и земских собраний, являющихся пока единственными, хотя и не уполномоченными на то законом, выразителями всенародных нужд и пожеланий, выливаются в форме адресов, обращаемых к царскому престолу. Быть может, значительная часть этих адресов нелегальна и как таковые не могут даже в установленном порядке дойти до вашего величества, но их, тем не менее, нельзя считать ни преступными, ни исходящими от одних только представителей крайних революционных партий. В них уже слышится робкий,еще неуверенный в себе голос народа,к которому поэтому нельзя не прислушаться. Более того, только милостивым и внимательным отношением вашего величества к этим всеподданнейшим адресам и можно дать благонамеренной части русского общества пути и средства для борьбы с крайними элементами и способствовать сплочению элементов порядка, которые ныне представителями крайних партий подавлены и терроризованы, невзирая даже на численное меньшинство последних. Значительная часть этих адресов полна верноподданнических чувств, выражает готовность сплотиться вокруг царского трона на его защиту против смуты и крамолы, коль скоро будет дана на то законная почва, коль скоро царем будет услышан взывающий к нему голос удрученной русской земли.

Нельзя, затем, скрывать от себя, что при настоящих условиях одна правительственная власть, в лице министров, генерал-губернаторов, губернаторов и вплоть до низших органов администрации, бессильна для борьбы с разъедающим все наше государство злом, с заражающей весь организм русского народа гангреной, против которой никакое оперативное лечение не поможет, как не помогали никогда ссылки, заточения и всякие преследования отдельных лиц. Смута пустила глубокие корни и вызывает необходимость принятия мер более радикальных путем обращения к здоровым еще элементам русского народа, путем призыва их, призыва представителей этого народа с высоты царского престола для общего государева дела устроения земли русской. Не как к врагу своему, должен отнестись русский царь даже к заблудшей части своего народа, не путем преследования и репрессалий можно вернуть ее в лоно отчее, не на борьбу с народом должно выступать правительство, а, напротив, на нем, на русском народе в его совокупности, без различия состояний, убеждений, верований и языка, и только на нем должна и может опираться царская власть. Та дезорганизация, которая охватила все сферы русского общества, столь же наглядно выказывается ныне и в действиях правительства, которое не сплочено в лице единой сильной власти, а, напротив того, до последнего времени, было разобщено в лице отдельных министров, действовавших каждый за свой страх и в пределах своего разумения, и хотя по закону ответственных перед царем, но за которых фактически несет ответственность царь перед своим народом. И если тяжела шапка Мономаха, то еще тяжелее она в такие трудные минуты, как настоящая... Учрежденное ныне по воле вашего величества особое совещание министров и председателей департаментов государственного совета может до некоторой степени разобщенность отдельных органов правительственной власти устранить и злу помочь, но лишь отчасти, тем более, что ныне появились новые признаки раздвоения и расчленения власти, с учреждением С.-Петербургского генерал-губернаторства [11]), с присвоением генерал-губернатору права принятия всевозможных мер, иногда в высшей степени серьезных и чреватых последствиями, не только помимо, но и без ведома отдельных министров и общего их совещания. Нельзя скрывать от себя, что такое положение крайне опасно и что единой сплоченной и ответственной, не за отдельные свои действия, но за всю совокупность правительственной политики, власти будет при этом еще меньше.

Основы необходимого порядка на Руси и водворения в ней законности уже положены в высочайшем указе 12 декабря 1904 года. Но возвещенных в нем предначертаний вашего величества теперь уже недостаточно, так как необходимо и соответственное проведение их в жизнь, которое встретит неодолимые затруднения в царящей ныне на Руси смуте и недоверии общества к правящим сферам, в руки коих передано осуществление этих мероприятий. В обществе нет уверенности ни в прочности возвещаемого этим указом порядка, ни в том, что необ-

ходимые реформы будут приведены в соответствие с требованиями жизни. Царящей на Руси смуты, блуждания мысли и сомнений в самых началах нашей правительственной системы, при полном отчуждении власти от народа, указ не устранил, ожидавшегося от него успокоения он не внес, порядка не водворил, и даже сопровождавшее его грозное правительственное сообщение [12]) никакого воздействия на общество не оказало и только еще более распалило страсти. Антиправительственная борьба стала еще более напряженной, еще далее распространилась вглубь страны, охватила даже наиболее спокойные доселе сферы. По моему глубокому убеждению, выход из настоящего положения, на-ряду с полным объединением правительственной власти, может быть только один—непосредственное обращение вашего императорского величества к русскому народу, призыв свободно избранных представителей его, и притом представителей всех классов и состояний, в виде такого собрания, такой народной земской думы, в которой самые сокровенные думы и стремления русского народа могли бы найти себе верное отражение и выражение. А что стремления эти являются стремлением к порядку, к восстановлению силы и благоустройства русской земли, в том не может быть сомнения и не может быть иначе, пока жив и крепок еще русский народ, пока еще тверды вековые основы и устои его жизни, верность престолу, вера в промысел божий, преданность помазаннику божьему—русскому царю. И не заглушат его голос перед вами, государь, отдельные клики революционеров и анархистов, которые сильны и опасны лишь, пока они одни говорят и действуют среди благонамеренной, но инертной массы населения, составляющей громадное, хотя пока еще безмолвное, большинство вашего народа. К этому большинству и надо вам обратиться и дать ему возможность от имени всей русской земли высказать свое твердое уверенное слово, пока еще вражья сила не вконец его заполонила своими темными происками и лестью. Не революционный элемент, не опасность для царского престола, для могущества и единства русской земли представит такая всенародная земская дума, а напротив, она составит оплот вашему престолу, она закрепит ту основу, которую ныне хотят у него отнять, она восстановит исконную связь царя с народом, которые один без другого немыслимы. Правительственная же власть в лице министров, администрации и даже столь ненавистной ныне русскому обществу бюрократии явится тем, чем ей быть надлежит,—исполнительницею царской воли, основанной на свободно восходящих до высоты царского престола выражениях потребностей, нужд, стремлений и горя русской земли. Вне этого—несть спасения, и государство очутится на краю гибели, от которой не спасут его ни войска, ни министры, ни самые энергичные администраторы, власть которых явится эфемерной и призрачной, коль скоро она будет направляться, даже при самых лучших их намерениях, не в согласии и единении с голосом и пожеланиями народных масс. Голос этот пока доходит до вашего величества в виде обращаемых к вам адресов дворянских

и земских собраний, не всегда между собою единодушных, как не во всем единодушны в своих стремлениях и разные классы русского народа, но одинаково взывающих к русскому царю, в котором народ видит носителя правды и мира на земле, сосредоточие русского государства, источник его мощи, хранителя его единства. Других способов выражения своих стремлений и нужд, помимо этих адресов, пусть даже не всегда легальных, не всегда исходящих от большинства населения, у русского народа пока нет, а потому не велите, государь, их отметать, а обратите на них ваше царское око, внемлите звучащему в них голосу вашего народа и пойдите ему навстречу: пусть и народ услышит от вас в ответ ваше призывное ободряющее слово. Нужно это сделать, пока еще не поздно, пока Русь в своем богоданном царе, в своей силе и мощи не изверилась. Если эта вера, если эта духовная соль земли русской потеряет свою силу, то чем осолится?

Я знаю, что до вашего величества доходят и другие голоса даже из среды ближайших сотрудников ваших. Я знаю, что существует мнение об опасности созыва народных представителей, особенно в настоящую смутную годину, среди разыгравшихся страстей; существует опасение, что в собрании этих представителей могут подняться голоса о коренном изменении вековых устоев нашего государственного строя, об ограничении царской власти, о конституции; что земский собор может превратиться в учредительное собрание, что крестьянство может поднять вопрос о черном переделе, что опасность может угрожать даже единству русской земли. Что подобные голоса в собрании могут раздаться—этого отрицать нельзя, но, с другой стороны, нельзя не быть уверенным и в том, что в таком собрании, где все классы населения будут иметь своих представителей, где взгляд народа и его дух будет иметь верное выражение,—эти единичные голоса будут заглушены огромным большинством, верным народным преданиям, коренным основам русского государственного строя. Ведь эти голоса раздаются и теперь, и теперь они более опасны, не находя себе отпора среди безмолвия масс. Нет, государь, таких явлений бояться нечего, и никакой действительной опасности они не представят. Когда назреет время, жалует русский царь своему народу и конституцию. Но нельзя не видеть горшей опасности в том, если ничего не будет сделано, если настоящее настроение общества, не услышанное русским царем, не найдет себе законного исхода, если смута будет развиваться и охватывать все более глубокие слои населения, пока еще от нее свободные. С той бедой, которая тогда разразится, уж ничем нельзя будет совладать, и это будет гибель уже не одного только царского престола, не одного самодержавия, но и всего русского государства. Не дай бог никому из нас, верных подданных вашего императорского величества, верных сынов России, дожить до этого ужаса!..

Дозвольте мне, затем, государь, в заключение высказать, что́, по моему глубокому убеждению, надо сделать, и сделать немедленно,

пока еще время окончательно не упущено. При настоящих обстоятельствах дорог каждый день и каждый час.

Нужно—вся Россия ждет,—чтобы с высоты престола раздалось царское слово, в торжественной ли форме манифеста, в форме ли надписания вашим величеством на одном из поступающих к вам верноподданнических адресов,—непреложного решения вашего выслушать голос русского народа и для сего созвать, в ту пору, когда вы признаете сие благовременным, свободно избранных представителей от всех сословий русской земли, в виде всенародной земской думы. В такую смутную годину такая всенародная дума могла бы только подкрепить царственные думы державного вождя русской земли и облегчить бремя его забот о благе и нуждах его верноподданных и ничем не нарушила бы коренных основ нашего исконного государственного строя, сложившегося еще при царях—ваших великих предшественниках, не раз в тяжелые эпохи русской истории обращавшихся к своему народу и в тесном общении с ним находивших основу для своих предначертаний.

Одновременно с таким призывным царским словом, которое, как соборный благовест, раздастся по всей земле русской, пробудит лучшие ее силы, разгонит царящий над нею ныне мрак и заглушит дерзновенные голоса ее врагов, вашему величеству надлежало бы повелеть избранным вами старейшим, испытанным в служении царскому престолу, своим сановникам, купно с выдающимися деятелями русской земли, вашим величеством на то призванным, наметить тот способ, коим могло бы осуществиться созвание выборных представителей от всех сословий русского государства в определенном числе и надлежащем между ними соотношении, для образования всенародной русской земской думы. На эту думу, собранную, когда и где ваше императорское величество повелите, надлежит возложить обсуждение наиболее важных вопросов современной нашей жизни и поднесение к подножью царского престола истинного мнения русского народа, выраженного избранными им представителями, о наиболее соответственных для общего блага способах разрешения сих вопросов верховною волею вашего величества.

На-ряду с сим и тем путем, который вашему величеству угодно будет для того указать, надлежит обсудить вопрос о способах постоянного участия представителей населения,—в форме ли той же земской думы или ее делегации, или иным образом,—в предварительном рассмотрении важнейших законодательных мер и намеченных вами предначертаний к устроению русской земли прежде осуществления их державным вашего императорского величества произволением.

Твердо верую, что только таким способом обращения русского царя к своему народу будет положен предел царящей ныне смуте, на борьбу с навеянною извне революционно-социалистическою пропагандою выступит само общество, отыщутся способы и средства для уврачевания нанесенных войною тяжелых ран. Тогда наступит и столь необходимое успокоение страны, и жизнь ее войдет в свою нор-

мальную колею; государство станет на путь мирного развития, и намеченные вашим величеством реформы получат свое осуществление при полном доверии населения к деятельности правящих сфер. Россия возродится на исконных и неложных началах единения царя с народом, на которых издревле сложилась наша государственная жизнь в историческом ходе ее судеб. Если же эта исконная связь русского царя с его народом порвется, то уже никакими мерами ее не восстановить, но не будет тогда и дорогой нам России, еще мощной и живучей, но ныне неисповедимыми путями провидения тяжко испытуемой.

Статс-секретарь *Алексей Ермолов.*

31 января 1905 года.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Обе записки А. С. Ермолова напечатаны на машинке на обеих сторонах писчей бумаги, в первой—12 стр., во второй — 14 стр. В заголовке первой записки сделана рукой Икскуля следующая пометка: «По желанию статс-секретаря Алексея Ермолова настоящая записка вносится на хранение в архив государственного совета. Государственный секретарь барон Икскуль. 30/I. 5». В заголовке второй записки его же рукой написано: «Приобщить к первой записке статс-секретаря Ермолова. Государственный секретарь барон Икскуль. 14/II.5». Подписи «статс-секретарь Алексей Ермолов» и датировка в первой записке сделаны рукой Ермолова.

Записки были переданы в «собственные руки» управляющего архивом государственного совета С. А. Панчулидзева в запечатанных печатью Икскуля конвертах. К первой было приложено следующее сопроводительное письмо Икскуля к Панчулидзеву: «Глубокоуважаемый Сергей Алексеевич, прилагаю записку А. С. Ермолова. Она не подлежит оглашению и может быть выдаваема для прочтения в архиве не иначе как с моего разрешения. Совершенно вам преданный Ю. Икскуль. 31/I.5». Первая записка и письмо Икскуля были вложены в конверт и запечатаны 5 печатями Панчулидзева. На конверте последний сделал следующую надпись: «Записка, переданная г. государственным секретарем для хранения в государственном архиве 31 января 1905 года. *Пакет сей без разрешения г. госуд. секретаря не выдавать.* С. Панчулидзев. 31/I.905». Дополнительно ко второй записке гос. секретарь бар. Ю. А. Икскуль переслал сопроводительное к этой записке письмо А. С. Ермолова: «Глубокоуважаемый барон Юлий Александрович, позвольте препроводить к вам при сем, для приобщения к первой, и вторую мою записку, представленную мною государю императору 31 минувшего января. В этой записке я излагаю свои взгляды на современное положение и позволяю себе указывать на созвание народных представителей, как на единственный возможный выход из него. Искренно вам преданный А. Ермолов». На письме карандашная пометка рукою Икскуля: «17/IV. Прошу приложить к записке». На конверте, в котором было переслано это письмо, Панчулидзев, запечатав его своей печатью, сделал следующую надпись: «В секретное отделение. Письмо статс-секретаря А. С. Ермолова г. государственному секретарю барону Ю. А. Икскулю. Управляющий архивом С. Панчулидзев. 26 апреля 1908 г.». Обе записки и письмо в архиве государственного совета были запечатаны (большой печатью гос. канцелярии и четырьмя печатями Панчулидзева) в конверт, на котором была сделана следующая надпись: «Две записки, переданные на хранение в архиве государствен-

ного совета, от государственного секретаря. Первая—31 января 1905 г., вторая—15 февраля 1905 г. Не могут быть распечатаны без разрешения господина государственного секретаря». 2 января 1914 года конверт был распечатан, о чем на конверте была сделана следующая приписка: «Означенный пакет был вскрыт управляющим архивом 2 января 1914 года. Исп. д. архивариуса В. Строев». После просмотра записки вместе с прежним конвертом были вложены в новый конверт, запечатанный по образцу первого, на обложке его была повторена надпись первого конверта, скрепленная подписью того же В. Строева.

В настоящее время записка хранится в Ленинградском Историко-Революционном Архиве.

[2]) В январе 1905 г., в разгар забастовки, начавшейся 3 января, у мин. финансов Коковцева было совещание фабрикантов и промышленников с участием фабричных инспекторов по вопросу о мерах к прекращению забастовочного движения на петербургских фабричных и заводских предприятиях.

[3]) 19 января Николай II принял в Царском Селе, в присутствии Трепова и Коковцева, специально подобранную полицией депутацию от рабочих. Он обратился к ним с речью по поводу происходивших в столице волнений, обещая принять меры к улучшению быта рабочих. После приема рабочие посетили Знаменскую церковь и были накормлены обедом в лицее.

[4]) 12 января было опубликовано в газетах о пожертвовании царем и царицей 50.000 рублей в пользу семейств рабочих, убитых и раненых во время происшедших беспорядков в Петербурге.

[5]) 15 января в газетах было опубликовано сообщение, подписанное составившим его министром финансов Коковцевым и петербургским генерал-губернатором Треповым, с призывом к рабочим вернуться к труду, с уверениями, что нужды их «близки сердцу государя», повелевшего разработать вопрос о страховании, и что министерство финансов «готово приступить к разработке закона о дальнейшем сокращении рабочего времени». По распоряжению Трепова это сообщение во множестве экземпляров было распространено на фабриках и заводах.

[6]) В послании синода от 14 января, опубликованном 16 января, говорилось о новых «испытаниях» России, о смуте, созданной подстрекателями—«недостойным священнослужителем» (Гапоном) и подкупленными со стороны врагов России (японцев и англичан) лицами. Воззвание заканчивалось призывом к рабочим «беречься ложных советчиков, наемников врага».

[7]) В именном указе сенату 12 декабря 1904 года («О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка») признана была необходимость преобразований и внесения в законодательство «существенных нововведений». В начале указа говорилось о мерах к улучшению быта крестьян, которые должны быть «полноправными свободными сельскими обывателями». Далее указ признавал необходимым предоставить земским и городским учреждениям «более самостоятельности», ввести государственное страхование рабочих, пересмотреть исключительные законоположения, направленные против «врагов общественного порядка», охранять веротерпимость и пересмотреть узаконения о правах раскольников и инородцев, устранить излишние стеснения печати. На комитет министров указом возлагалась обязанность в кратчайший срок выработать мероприятия по всем указанным вопросам.

[8]) Это приказание Николая было исполнено: в газетах стали периодически появляться сообщения с изложением происходивших в комитете министров обсуждений различных мер, намеченных указом 12 декабря 1904 года.

[9]) В «Наших Днях» 19 января была напечатана записка 342 ученых, в которой говорилось, что «наш школьный режим представляет собой общественное и государственное зло... Наука может развиваться только там, где она свободна, где она ограждена от постороннего посягательства... где этого нет, там и высшая школа, и средняя, и начальная должны быть признаны без-

надежно обреченными на упадок и прозябание». Записка ставила школьную реформу в прямую зависимость от осуществления общей государственной реформы в России.

[10]) 28 янв. в московском губ. двор. собрании не могли состояться выборы моск. губ. предводителя дворянства вследствие отказа прежнего предводителя кн. Трубецкого баллотироваться вновь, т. к. в среде дворянства он не видел единодушия, а также вследствие отсутствия кандидатов, которые могли бы объединить дворянство. Выборы были отложены на май.

[11]) 15 января был опубликован именной указ сенату от 11 января об учреждении должности петербургского генерал-губернатора, коему предоставлялись исключительные полномочия «в видах охранения государственного порядка и общественной безопасности». На эту должность был назначен отдельным указом того же 11 января генерал-майор свиты его величества б. московский обер-полицеймейстер Д. Ф. Трепов, прославившийся осенью 1905 г. изданием приказа с знаменитой фразой: «патронов не жалеть».

[12]) Вслед за указом 12 декабря 1904 г. было опубликовано (15 дек.) правительственное сообщение, в котором говорилось, что пожелания собраний в Петербурге, гласных разных губернских земств осенью того же года о реформах внутреннего управления послужили поводом к живому обсуждению вопросов о реформах в печати, в губернских и земских собраниях, среди молодежи и вызвали даже антиправительственные демонстрации. Сообщение грозило, что впредь «всякое нарушение порядка и спокойствия и всякие сборища противоправительственного характера должны быть и будут прекращаемы всеми имеющимися в распоряжении властей средствами», и т. д. Сообщение не имело успеха. В прессе продолжалось оживленное обсуждение вопросов внутренних реформ, и даже в «Новом Времени» стали появляться такие статьи, как «На пороге к преобразованиям» и др.

Из дневника А. Н. Куропаткина [1]).

С 23 декабря 1905 года по 12 марта 1906 года.

23 декабря. Г. Шуанченпу.

Все чаще приходят известия, хотя и отрывочные, о начавшейся в России реакции. Сигнал будто бы подан с высоты трона. Будто бы придворная партия выдвигает Игнатьева и ломит Витте и что во главе реакции стоит великий князь Николай Николаевич, добивающийся военной диктатуры. Не знаю, насколько эти сведения верны, но считал бы лично роковым для России и государя делом, если бы он по слабости воли уступил бы таким злобным фигурам, как Николай Николаевич. Это был бы роковой шаг, если бы государь, дав манифест 17 октября, стал бы уклоняться привести его в исполнение. Уже и ныне престиж царской власти и престиж государя Николая II подорван не только в населении, но и в армии. Но пока государь искренно хочет исправить зло, причиненное им России по советам: Горемыкиных, Сипягиных, Плеве, Безобразовых, Абаза, Мещерских, Сергея Александровича и Николая Николаевича—пока государь, искренно и твердо о т к а з а в ш и с ь о т с а м о д е р ж а в и я, пойдет по пути, указанном им России в манифесте 17 октября, он останется во главе России, и, думаю, огромная масса армии останется ему верна. Но если начнутся новые колебания, и он снова начнет цепляться за выпущенную им из своих слабых рук самодержавную власть, то это станет сигналом для общих восстаний по Руси, армия разделится, будут междоусобные брани, и в результате представители крайних социал-демократических и даже анархических партий возьмут верх. Россия быстро пойдет к демократической федеративной республике. Но это еще не все. 140-милл. население, оставшееся без твердой власти, без правительства и раздираемое внутренними кровавыми распрями, представляет опасность для спокойствия всего мира. Все крайние социалистические партии должны теперь зорко присматриваться к тому, что происходит в России, и обдумывать вопрос: не следует ли события, происходящие в России, считать удобным моментом для начала социальной революции во всей Европе. И это будет ужасный переворот, который проглотит правительства,

[1]) См. «Красный Архив», т. VII, стр. 55—69.

капиталы и армии. Вот почему вмешательство в русские дела европейских государств вовсе не так невероятно, как это может казаться с первого взгляда: Вильгельм, Франц Иосиф, Эдуард и другие, начав приводить Россию в порядок, в сущности будут защищать собственные шкуры.

Я ознакомился с настроением армий, находящихся в Манчжурии, и смело могу утверждать, что офицерский состав и нижние чины возврата к прошлому, столь печальному, не желают и этот возврат считают невозможным.

Нижние чины, почти два года расшатываемые прокламациями, газетами, письмами из дому, уже не те, что были два года тому назад: они почувствовали свою силу и во многих случаях, как это ни печально признавать, уже заставляли своих начальников бояться себя, заставляли, действуя скопом, исполнять свои требования.

Дисциплина пошатнулась, и если начнется борьба за возврат самодержавия, то во многих случаях войска станут на сторону свободы и прогресса против мрачной реакции.

Лучшие элементы армии находят великое утешение при постигших Россию неудачах в сознании, что в результате неудач Россия явится обновленною, освобожденною не только от бюрократического режима, но и от безрассудств самодержавия. Это утешение нельзя отнять от армии. Это утешение армия не может заменить другим. Слабость самодержавной власти привела Россию к поражению. Искупление может быть одно, и вполне благородное,—отказ от самодержавия. Это и сделано манифестом 17 октября. Возврата быть не может.

28 декабря.

Праздники встречены и проходят тихо. Запасные 1-й очереди трех Сиб. корпусов отправлены благополучно. Теперь пошли запасные X ар. корпуса. Движение по Сибирской дороге несколько упорядочилось эти дни. Забайкальская дорога тоже стала возвращать теплушки и товарные вагоны исправнее, но все это пока очень не надежно, ибо в сущности попрежнему все движение в руках стачечников, и от произвола зависит прекратить движение. Стачечные комитеты продолжают наполнять армию прокламациями, в которых приглашают войска освободиться от своих начальников, выбрать себе тоже комитеты, которые, совместно с стачечными комитетами на железной дороге, и установят план перевозки войск. Указывают, что начальники плохо пользуются дорогой, что можно было бы перевести в Россию с 24 августа (перемирие) 750.000 человек. По сведениям из Сибири и России наши запасные—владивостокские, харбинские пленные и моряки—идут беспорядочно и буйствуют по дороге.

Из России получаем сведения из японских и шанхайских газет, очень преувеличенные и неблагоприятные для России. Имеется известие, что в Лифляндии объявлено республиканское правление,

что в Москве идет упорный бой на улицах, с употреблением артиллерии, что Ростовский гр. полк присоединился к бунтовщикам, что Мищенко (находящийся в армии) вступил в Москве в командование гренадерами и т. п.

Вчера виделся с ген. Линевичем, приезжавшим на несколько дней в Харбин. Имел с ним серьезный и неприятный для него разговор. Он не понимает важности совершающихся кругом нас событий и не признает нужным бороться против крайних партий, ведущих Россию к республике, раздроблению. Он несколько раз повторял мне, что порядок не будет восстановлен в России, пока не явится у нас свой Наполеон, способный сломить все и всех. Уж не себя ли он мнит этим Наполеоном?

Я ему с откровенностью высказал и повторил это начальнику штаба Благовещенскому, что считаю первую часть кампании, веденной Линевичем по эвакуации армии, проигранною. Что как я проиграл первую кампанию, имея помощниками Гриппенберга, Каульбарса и Бильдерлинга, а союзником его Линевича, так и он проиграл теперь первую часть кампании, имея помощниками: Казбека, Хрещатицкого, Надарова и Холщевникова. Я ему помогаю, но не во всем успеваю убедить его. Что революционная партия добилась захвата власти в Харбине, Владивостоке и Чите, подчиненных ему, Линевичу, вызвала беспорядок, втянула в политическую борьбу и разбойничество воинских чинов, отравляет армию, возмутила запасных тыла, вызвала несправедливую отправку вперед расшатанных, грабивших Владивосток запасных. Наша родина, в тяжелое переживаемое ею время,—говорил я,—нуждалась в присылке ей твердых боевых частей, дабы усмирить смуту, а мы ей послали бунтующие эшелоны запасных. Этим мы не только не усилили средств России для борьбы со смутою, но еще ослабили их. Снова вспомнил мое настояние посылать корпуса войск, а не запасных. Вспомнил и снова настаивал на необходимости с каждым эшелоном запасных посылать для поддержания порядка по одной роте пехоты.

Упрекнул старика, что если бы он послушался меня, то в России уже было бы два или даже три лишних корпуса войск: X, XVII и I армейские. Что XIII корпус не следовало посылать во главе всех корпусов. Перевозки морем идут очень медленно. Пока отправлено 11.000 человек. Я настаивал, чтобы мы готовили средства на 200.000 человек. Линевич возражал, что в России войск много, что для охраны пути движения запасных можно занять войсками станции, что запасные стремятся только попасть домой и беспорядков не делают.

Я снова настаивал на необходимости подготовки к серьезной борьбе, чтобы только не дать сибирским владениям России попасть в руки крайней партии социал-революционной, что иначе Сибирь придется завоевывать вторично. Что мы теперь же, без указаний из Петербурга, должны принять определенную программу для действий, в основу которой положить: 1) сохранение царской власти, но ограни-

чение ее Государственной Думой на основаниях манифеста 17 октября, 2) неделимость России. Поэтому крайняя партия, стремящаяся к республике и дроблению России, должна быть остановлена, лишена средств борьбы (железные дороги, телеграф, возмущение армии), лишена возможности возмущать армии. Что надо к этой цели итти систематично, надо занять прочно войсками различные важные пункты на железной дороге, сильнее, чем это сделано теперь, и подготовить средства снова вернуть владение и распоряжение железными дорогами, телеграфом. (Усиленно формировать железнодорожные части, готовить в большем числе телеграфистов.) Надо,—повторял я,—строить этапы. Указал, что в г. Шуанченпу моим распоряжением устроен этап на 3.000 человек, стоивший 8.500 рубл. Что надо готовиться с весны двинуть вдоль дороги артиллерию, обозы, конные части.

Что по отношению к армии надо усиленно водворять пошатнувшуюся дисциплину. Не оставлять безнаказанными случаи массового неповиновения запасных, отказывавшихся в разных частях выходить на занятия и работу и требовавших немедленной отправки их на родину.

После переговоров по этим вопросам ген. Линевич с неудовольствием прочел мне депешу государя, полученную через Шанхай, от 12 или 14 декабря о том, что он возлагает на ген. Ренненкампфа приведение в порядок Сибирской, Забайкальской и Восточно-Китайской дорог, другими словами—удаление с них стачечных комитетов. Приказывает дать ему столько войск, сколько ему для этой цели понадобится, и поручает ему действовать по соглашению с начальством Сибирского военного округа и тыла округа (Сухотиным и Ивановым). Линевич справедливо усматривает в этом назначении некоторый укор своей деятельности и не скрывает своего неудовольствия. Он говорил мне, что Петербург только портит ему дела, что его приказание ехать Захарову по Сиб. дороге для водворения там порядка было отменено из Петербурга депешею Палицына. Что он, Линевич, требовал только 7 сквозных поездов, но что Коковцев обессилил дорогу, отобрав с нее паровозы.

Относительно Ренненкампфа у Линевича было мнение первоначально пустить его по поручаемым ему для приведения в порядок дорогам в виде как бы туриста, для ознакомления с положением дела. Я возразил на это, что такое решение вызовет большую потерю времени, Линевич же указывал, что он опасается за результат принятия крутых мер; теперь запасные идут 3—4 поездами в сутки, а тогда все движение может на некоторое время приостановиться, что отразится волнением и даже бунтом в армии. С этим мнением не мог не согласиться, что мы находимся в заколдованном круге, и требуется действительно большая осторожность, чтобы не ухудшить нашего положения. Стачечные комитеты успели вселить в нижних чинах убеждение, что работают в интересах нижних чинов. Если комитеты будут устранены или если другие меры вызовут прекращение или заминку движения, рево-

люционная партия воспользуется этим, чтобы обратить неудовольствие нижних чинов против начальствующих лиц.

Миссия Ренненкампфа мне представляется весьма трудною и щекотливою.

Для успеха ее мне представляется необходимым:

а) Установление из Петербурга правительственной программы для действий как в азиатских владениях России, так и на дорогах, там проложенных, с целью восстановления в полной силе правительственной власти на железной дороге и в оседлых пунктах. Эта программа должна одновременно приводиться в исполнение всюду, как в России, так и в Сибири.

б) Объединение мероприятий по железной дороге, кои будут приниматься для борьбы с социал-революцион. и социал-демократической партиями, с мероприятиями в тех же видах, кои надлежит принять: а) по отношению гражданского населения Приамурья, Манчжурии и Сибири, б) по отношению войск в этих же местах.

в) Принятие мер к изъятию телеграфа из рук революционной партии и принятия в распоряжение правительственных властей телеграфной сети правительственной и железнодорожной. Без владения телеграфом успеха достигнуть нельзя. Не будет единения мер и быстрой подачи помощи туда, где в том встретится надобность.

г) Занятие железной дороги до Челябинска войсковыми частями в достаточной силе, чтобы подавить всякое насилие.

д) Неотложное принятие мер к установлению самого полного полицейского порядка во всех населенных пунктах, лежащих по дороге и на железной дороге (прекращение пьянства, разбоя, краж, бесчинства нижних чинов и офицеров на станциях, бесчинства железнодорожных агентов, отцепляющих по своему усмотрению вагоны с начальствующими лицами, распространяющих прокламации).

е) Принятие мер к самому строгому порядку и дисциплины в следующих по дороге воинских эшелонах (посылать в каждом эшелоне с запасными—по роте, а в некоторых—и по две роты пехоты).

ж) Принятие мер, дабы армия не разложилась прокламациями, особенно путем перевозки их по железной дороге.

Объединение сил и средств в предстоящей борьбе: железнодорожных, жандармских, полицейских, средств охранной стражи и войсковых (установление участков с военными начальниками, введение военного положения). Строгое беспощадное подавление всяких насильственных действий со стороны революционной партии: социал-демократической и социал-революционной, прекращение деятельности этих партий в Харбине и Чите [1]).

---

[1]) Особенно вредна так называемая социал-демократическая рабочая группа в Харбине, наводняющая армию прокламациями. Глава—студент Иванов. *Примеч. автора.*

з) Прекращение деятельности социал-демокр. и социал-револ. повременных изданий. Прекращение деятельности типографий этих органов, печатающих прокламации для войск.

Усиленное формирование на особых началах железнодорожных войск. Обращение саперных войск на железнодорожные надобности.

и) Для успеха водворения порядка и правительственной власти в азиатских владениях России и в частности на железных дорогах, необходимо, чтобы борьба наша с революционными партиями отнюдь не имела р е а к ц и о н н о г о характера. Эта борьба должна вестись от лица глубоких масс русского народа, для которых основы манифеста 17 октября неразрывно связаны с продолжением ограниченной царской власти и целости России.

Так должна в частности вестись и деятельность Ренненкампфа. Он должен всюду показывать приверженность к основам манифеста 17 октября, в смысле как указано выше, т.-е. с сохранением Российской и м п е р и и в ее настоящем виде с императором во главе, ограниченным во власти Государственной Думою и с населением этой империи, свободным в своих внутренних делах, свободным в своих верованиях по манифесту 17 октября. Самое надежное, если бы деятельность Линевича, Ренненкампфа, Сухотина и других, кому будет поручено водворение на Руси порядка, прекращение смуты, регламентировалась бы постановлением Государственной Думы, если бы, другими словами, деятельность этих лиц подкреплялась не только сочувствием, но требованием представителей народа (большинства сих представителей, ибо единогласия достигнуть будет нельзя).

Вчера приходил ко мне помощник Гиринского комиссара, проживающий в Шуанченпу, и доложил, что по получаемым им сведениям в южных районах Гиринской провинции подготовляется боксерское движение среди китайского населения, наподобие бывшего в 1900 году. Из числа признаков указывает на некоторую заносчивость китайского населения по отношению к нижним чинам и невнимательность властей к нашим требованиям.

Дал средства и приказал организовать тайную разведку не только в южной Гиринской провинции, но и в районе, занятом японцами. Оказалось, что никакой разведки у нас не организовано, и средств он не имеет. Помощник комиссара капитан Сенютин, хотя и проживает в Шуанченпу, но мне не подчинен.

29 декабря.

Вчера вечером ген. Лауниц докладывал мне, что в саперном батальоне (I армейского корпуса) один сапер из поповичей, выхватив красный флаг, стал провозглашать свободу и неповиновение начальникам; другой, схватив винтовку, приглашал нижних чинов итти бить офицеров. Оба быстро арестованы. Назначено следствие.

В команде запасных, неправильно присланных на этап в Шуанченпу (оказались 2 очереди, а не первой) произошли беспорядки.

Команда собрана из служивших в транспортах, госпиталях, этапных пунктах. Требовали свечей, чтобы играть в карты и пьянствовать. На перекличке несколько человек упало, притворяясь пьяными, не хотели признать начальниками 6 унтер-офицеров, к ним присланных для наблюдения за порядком, грубо относились к назначенному к ним офицеру. Назначил дознание, вызвал сотню казаков, роту пехоты. Приказал виновных поставить на чистку этапного пункта (масса навоза, оставленного проходившими конными частями с подарочными лошадьми), приказал уменьшить дачу мяса с $^3/_4$ ф. на $^1/_4$ ф., ибо отказались работать, бесились с жиру. Приказал принять все меры без пролития крови для водворения порядка, но не останавливаться перед употреблением оружия, когда будет оказано неповиновение. Потребовал, чтобы начальник дивизии Новиков лично руководил принимаемыми мерами. Приказал зачинщиков арестовать и передать следователю. Наиболее из них виновных отправить в полки, из которых были присланы, а кого надлежит, то отдать полковому суду. Просил сделать это быстро. Приговор полкового суда до 4 месяцев тюрьмы. Остальных оставить временно на этапном пункте и назначать на тяжелые работы (выкопать кругом этапного пункта глубокий ров и устроить изгородь).

1906 год.

4 января.

Новый год встретили тихо. Запасные отправляются довольно успешно и по расписанию. Уходит ежедневно 3—4 воинских сквозных поезда. По сведениям от Сухотина и Палицына, запасные идут буйно. Мое предложение об отправке с каждым эшелоном по роте пехоты до сих пор не уважается. Из России 1 января получены добрые вести о том, что кровавая борьба в Москве окончена. Революционеры частью перебиты, частью взяты в плен и что войска не присоединились к восставшим. Хуже обстоит дело у нас в Чите. Холщевников вел себя позорно. Передал городское управление, правительственные почту и телеграф в руки шайки социал-революционеров. Можно сказать, что в Забайкалье ныне республиканское правление. Восставшие захватили 750 ружей из железнодорожного батальона, вызвали смуту в войсках. Военные открыто печатают свои фамилии в офиц. органе области: «Забайкальских Ведомостях», называя себя социал-революционерами.

По моему предложению, двинули в Забайкалье 5 Вост.-Сиб. стр. дивизию с надежным генералом Полковниковым. Туда же едет и генерал Засулич, ибо там соберется весь II Сиб. корпус прежнего боевого состава.

Вчера объезжал полки 5 В.-Сиб. стр. див. Прощался с офицерами 18 В.-Сиб. стр. полка. После завтрака дал длинное разъяснение того, что происходит в России, какие образовались партии, что происходит в Забайкалье и на железной дороге. Необходимо было подготовить

их к тому, что они встретят в Забайкалье. Упорно подчеркивал, что их деятельность отнюдь не должна носить характер реакции против 17 октября. Что они вместе с царем и поставленным им правительством должны защищать царскую власть, ограниченную Государственною Думою, неделимость России, невмешательство армии в борьбу политических партий.

Полки представились хорошо. В 17 полку нет папах. В 20 полку и в госпитале недостаточно противопожарных средств. Одного ротного командира арестовал на 3 суток. 18 полк представился в полном составе. Отличный вид. Мороз и ветер были сильные.

19 полка не видел. В горной батарее запасные просили уволить их скорее, ибо они южане и боятся опоздать к началу полевых работ. Объяснил им, что очередь нарушена не будет.

В хлебопекарне, где прежде хлеб не удавался, стали теперь выпекать отличный хлеб, благодаря примеси американской пшеничной муки.

Полковникову с 17 офицерами для переезда в Забайкалье предоставили одну теплушку. И по моей просьбе, в Харбине дадут хороший классный вагон.

Офицеры 5 Вост.-Сиб. стр. див. очень дорожат привилегиями службы в Приамурском крае и ввиду предположения о переводе их в Иркутск в числе 96 человек просили о переводе их в войска, остающиеся в Приамурье. Необходимо выхлопотать им сохранение льготы, иначе состав дивизии разрушится, а дивизия прекрасная. Один шт.-оф. 18 полка, сидевший против меня за завтраком, 14 лет служил в Приамурье (два раза ранен в войну), остался до выслуги пенсии на службе (600 рубл.) один год, а теперь должен будет всего лишиться. Не ездил в жизни далее Иркутска, где окончил юнкерское училище.

6 января.

Вчера вечером получено известие, что через Хинганский перевал поезда идут крайне медленно. Приходится состав поезда делить на две части и проводить каждую отдельно. До Хингана ждут очереди 30 эшелонов; 6 эшелонов скопились в Харбине. Мороза на Хингане до 40°. У нас сегодня 28°. Паровозы промерзают, но, главное, ремонт их очень плох. Мастеровые железной дороги в мастерских занимаются более политикой, чем работают. Генерал Иванов говорил мне вчера, что, по заявлению начальника эксплоатации, только 50% мастеровых работает порядочно, остальные почти не работают. Иванов просил помощи мастеровыми из армии, и я охотно помогу, но горе в том, что Иванов и другие боятся неработающих мастеровых уволить, опасаясь забастовки на железной дороге. Между тем без принятия решительных мер, мы дождемся полной остановки деятельности на железной дороге. Затруднения на Хингане, о которых сказано выше, отразились приостановкой движения на 4—5 дней.

Линевич вчера с горечью говорил мне по телефону, что его деятельностью по эвакуации армии недовольны, что осуждают за вывоз запасных, а не целых частей войск. И поделом. Упрямый старик хотел сделать по-своему и вышло, конечно, хуже, но ему испортили много Казбек, Надаров и Холщевников. Особенно первый, потребовавший немедленного увольнения запасных из Владивостока. Это было сделано, когда запасные трех армий, которые справедливо обиделись нарушением их права быть вывезенными в Россию ранее запасных Владивостока, заволновались, стали грозить беспорядками.

12 января.

Сегодня 26-летняя годовщина штурма Геок-Тепе. Вспоминаю войска, которыми я там командовал на штурме. Нижние чины 21 дивизии были слабы, мелки, невзрачны, но офицеры были прекрасные. Много повредило делу то, что от полков 21 дивизии взяли по два батальона, без командиров полков. Отобрали нам частью худших нижних чинов. Особенно бранили тогда командира Ширванского полка полковника Линевича, ныне главнокомандующего. Он, действительно, отобрал к нам из оставшихся у него двух батальонов плохих людей (требовалось укомплектовать посылаемые батальоны за счет остающихся). Через 25 лет повторил то же: из армии отобрал, что похуже, и это направил в Россию, чтобы облегчить армию, освободить ее от ненадежных элементов, не думая о том, что России необходима была помощь, а то, что послано вперед: распущенные запасные тыла, Владивостока, моряки, пленные—только ослабляло Россию. Как 25 лет тому назад, так и теперь общий интерес был принесен в жертву узкому частному интересу. Основная черта характера осталась та же.

Сейчас получил известие из Владивостока крайне печальное и тревожное. Бог даст не подтвердится: что Селиванов убит пулеметами при осмотре батарей. Убит начальник штаба и два адъютанта, при нем находившиеся. 32 полк перешел «на сторону народа». Коменданта заменил Модль, тоже убитый. Казаки отступили за первую речку, где ожидают подкреплений.

Вот к чему нас привело заигрывание и слабость Казбека и слабость Линевича.

Необходимо принимать серьезные меры. Пересматривал список начальствующих лиц для замены Селиванова. Наиболее надежными считаю Русанова, Топорнина, Флейшера, Артамонова, но для приведения в порядок наиболее пригоден Мищенко—по своему авторитету и решительному характеру. Придется, быть может, вести сражения с возмутившимися войсками.

Сейчас Линевич по телефону говорил, что во Владивостоке плохо, хотя и не так, как передали мне. Что стрелки пока на стороне правительства, но часть крепостных артиллеристов взбунтовалась. Селива-

нов два часа говорил с ними, но не успел уговорить, а когда поехал от них, они стали стрелять в него и ранили в шею, что затем толпа артиллеристов пошла в город и освободила Мястковского и других арестованных. Власти растерялись. Принял мой совет послать для усмирения ген. Мищенко. Приказал приготовить к отправке во Владивосток 3 дивизию (Восточно-Сибирскую).

23 января.

Приезжал из Иркутска ген. штаба капитан Квитницкий, помощник заведующего передвижением Иркутского района (от Иннокентьевского к востоку). Рассказывал мне удивительные дела про Забайкалье. Думаю, много преувеличено. Говорил, что во главе революционной партии в Забайкалье стоит сам Холщевников с дочерью и с чинами своего штаба. Что там революционеры в Чите приготовились к отчаянной обороне. Имеют до 3.000 ружей. Захватили пулеметы, следовавшие в одну из частей войск, орудие запасной батареи и будто захватили орудие одной из батарей XIII корпуса. Что Читинский казачий батальон примкнул к бунтарям. Что в Читинском пехотном полку тоже большое брожение. Что без боя не сдадутся Ренненкампфу. Уверен, что кровопролитие легко может произойти, но уверен, что при п р о я в л е н и и с и л ы и убеждении в ее готовности действовать масса смирится и главарей можно будет захватить с малым кровопролитием или вовсе без кровопролития. Капитан Квитницкий про Сибирскую дорогу рассказывал тоже ужасы. По его словам, «о н а у м и р а е т е с т е с т в е н н о й с м е р т ь ю», и смерть наступит не позже как через два месяца (прекращением движения). Главными сему причинами он считает: 1) безначалие и слабоначалие. Начальство живет в Томске и все приказывает бумагами, которых никто не исполняет. 2) Каждый участок, каждое депо живет особой жизнью, не слушаясь начальства. 3) Особенно беспорядочно идет дело по службе тяги. Паровозы не ремонтируются, частью по недостатку крытых помещений, частью по нежеланию рабочих работать. Платят помесячно и поденно, а не поурочно и занимаются политикой, а не делом своим. Машинисты отказываются брать обратные грузы и идут резервом. При депо скопилась масса паровозов, требующих ремонта. Топлива очень мало, и оно нехорошо. Дрова сырые. Подрядчики плохи. Мошенничество большое. 4) Служба движения тоже в беспорядке. Передача подвижного состава не совершается. Массы грузов скоро два года стоят без движения, занесенные снегом. 5) Морозы мешают ремонту.

Все это он передавал Линевичу, но встретил отпор. Ивановский, новый начальник Сибирской дороги, зять Линевича, не смотрит так мрачно на дело и обещает скоро дать ш е с т ь сквозных воинских поездов.

24 января.

Генерал Экк высказал вчера, что из находящихся ныне в 71 дивизии штаб-офицеров он признает в высокой степени выдающимися Широкова (Дрисского полка) и Полянского (Бугульминского полка). Отличен командующий бригадою бывший командир Бугульминского полка Зароко-Зароковский. Этих трех надо быстро двигать вперед. Широков—генерального штаба. Хорош Горелов Черноярского или Бугульминского полка. Слабее других Бемельбург. Но это лично храбрый и очень заботливый командир, несколько ограничен. На Гаутолинском перевале был ранен.

Совершенно не выдержали боевого испытания: Чембарского полка ген. штаба Зароков. Выбыл после Ляояна 22 августа. Трусил.

Не выдержал экзамена полк. Тихонов; Черноярского полка. Угнетенное настроение. После сентябрьских боев вынужден был уйти.

Сейчас ген. Линевич из Харбина по телефону сообщил мне, что Чита покорилась. Что Сычевскому и Полковникову (ген.-майор, команд. II Сиб. корп., начальник 5 стр. див., большой молодец) удалось без пролития крови—большая заслуга—привести население и гарнизон к покорности. Стачечники приступили к сдаче оружия. Сдано свыше 2.000 ружей. 200 человек арестовано, в тюрьме. Из них 12 главарей. Арестовано и несколько офицеров. Холщевников отрешен от должности и тоже арестован. В Сретенск командирован Тисимо-Денисович тоже навести порядок. Ренненкампф прибавляет в своей депеше, что он очень доволен действиями Сычевского и Полковникова и помогает им. Линевич очень доволен. Говорит, что достаточно было Ренненкампфу простоять под Читою 10 дней с поднятым мечом, чтобы читинцы покорились.

Доволен осмотром, кажется, 29 полка, отправляемого в Иркутск. Очень довольны туда итти. Народ молодой, хороший. Командир, бывший Козловского полка, молодец.

Сегодня я получил из Владивостока два письма: одно от г. м. барона Икскуля, другое от подп. ген. штаба Гаврилицы. Очень печальные по содержанию. Полная распущенность. Город в значительной степени в руках мятежников. Ледоколы ходят по милости матросов. Железная дорога грузит уголь с согласия стачечников. Матросы ходят по городу вооруженные и придираются к офицерам. Гаврилица тем не менее считает, что гарнизон еще не расшатан вконец и можно живо его повернуть в сторону порядка. Надо, чтобы явился энергичный начальник. Против Казбека, все и всех распустившего, общее озлобление.

Икскуль в очень мрачных красках описывает ход порученного ему дела перевозки морем запасных в Россию. Масса проходимцев хочет поживиться на этом деле. Солидные фирмы избегают предлагать услуги, ибо цена низка. Те, которые предлагают за 120 рублей с че-

ловека—ненадежны. Ничего не устроил должным образом для приема запасных. Средств не отпущено. Нужных ему людей не дают. По этому письму я испросил у Линевича немедленно командировать во Владивосток Миллера, полковника инженерного, бывшего начальника этапов I армии, ныне и. д. начальника военных сообщений I армии. Человек чрезвычайно надежный, испытанной честности и энергичный. Линевич согласился. Командирую с Миллером трех хороших офицеров. Это совершенно не мое дело, но при общей растерянности и неопытности надо было быстро помочь. Икскуль жалуется на нервное расстройство. Гаврилица свидетельствует, что Икскуля на долго не хватит, Миллер может заменить его с успехом.

Провожаю все эти дни по одному и по два эшелона запасных I арм. корпуса. Отлично выглядят. Хорошо, тепло одеты. Все были новгородцы (Выборгского, Вильманстрандского, Нейшлотского полков). Сегодня Петровского полка, тверцы. Эти поменьше. В боях Петровцы были слабее Выборжцев и Нейшлотцев. Смотрят на меня, при проходе мимо них, ласково, любовно. Много с ними пережили вместе радости и горя. Нейшлотцы могут вспоминать, как я их встретил под выстрелами на Шахэ усталых, мокрых, голодных, и, ободрив их, двинул вперед (у Немировича эта сценка описана подробно). Вильманстрандцы могут вспоминать, как я их направлял 1 октября в первый для них бой и лично вел к сопке с деревом. Петровцы могут вспоминать, как рано утром 4 октября при обходе мною, около сопки с деревом, под сильным неприятельским огнем, окопов, занятых Петровцами (я шел с наружной стороны), они уговаривали меня спуститься к ним в траншею, а когда я не послушался, то несколько человек быстро выскочили из траншеи взяли меня на руки и спустили на дно траншеи. То был тяжелый вид: после боя ночью на 4 число всюду лежали трупы — наши и японские. Многие из них с следами тяжкого рукопашного боя.

Офицеры пришли проводить запасных. Отношения теплые. Были и командиры. Из них Нейшлотского—полк. Торчаловский—не из важных. Другие в I корпусе довольно хороши, особенно Царицынского полка полк. Николаев, Выборгского—Михеев, Каспийского георг. кавалер . . . . . [1]), Вильманстрандского—георг. кавалер Тихомиров, Самарского—Драгомиров, Новочеркасского—Каренов. Провожают тепло.

27 января

Вчера поздно вечером Линевич передавал, что в Чите г. м. Полковников и г. м. Сычевский распоряжались энергично и успешно. Одного 17 стр. полка, с Тишиным, прибывшего в Читу, было достаточно, чтобы заставить всех бунтарей смириться. После требований немедленно покориться и сдать оружие, таковое стало сдаваться в очень большом

[1]) На месте точек в подлиннике пустое место; фамилия осталась не вставленной. *Прим. ред.*

числе. Сдавали женщины и даже дети... Ружья, холодное оружие. При обыске отобрано 100 пудов пироксилину, много приготовленных бомб, ручных гранат, особых адских машин. Арестовано 81 нижний чин железно-дорожного батальона, арестовано 80 мастеровых. При аресте оружейного мастера он убил одного офицера. Арестовано и несколько офицеров. Холщевников не арестован, а отрешен от должности.

Вчера сидел у меня Гершельман, назначенный командующим войсками московского военного округа, и г. м. Михаил Васильевич Алексеев—на место генер.-квартирмейстером в комитет государственной обороны. Вспоминали трудности войны. Гершельман жаловался на состав 9 п. дивизии, с которой ему пришлось итти в бой по приходе из России. Было в ротах по 30 старослужащих и 30 молодых солдат, но прошедших порядочно курс обучения. Все остальные запасные из Полтавской губернии, уже участвующие в беспорядках, многие старые, самых старших сроков. Не только не было военного одушевления, но не было и охоты итти в бой. Война была ненавистною.

Гершельман говорил, что дивизия окрепла на позициях на Шахэ, когда привыкла к ежедневной опасности.

Доставили мне еще брошюру социал-революционной партии под заглавием «К офицерам русской армии». Содержание то же, и тот же основной клич: «чем хуже, тем лучше».

Выпишу следующие слова, как общую характеристику всех подобных изданий, во множестве распространившихся в армии во время военных действий.

«Всякая ваша победа грозит России бедствием упрочения «порядка», всякое поражение приближает час избавления. Что же удивительного, что русские радуются успехам наших противников».

И несмотря на то, что армию систематически развращали, понижали ее боевые качества, мы крепли и к августу доросли до права на победу. Ген. Алексеев говорил мне, что у солдат III армии было твердое желание продолжать войну до победы. Что без победы они не хотели возвращаться домой: «бабы засмеют»,—говорили они.

30 января.

Прочел сегодня японско-китайский договор. Много опасностей для будущего России представляет этот договор. Прежде всего, в договоре указано, без согласия с Россией, что иностранцы допускаются в Харбин, Хайлар, Цицикар, Айгунь и Манджуль [1]), последнее непонятно. Что это за Манджуль? Таким образом Япония распоряжается помимо нас северною Манчжуриею. Очевидно под иностранцами надо разуметь японцев. И вот они засядут в Хайларе у Забайкалья и в Айгуне на Амуре, против Благовещенска в Харбине, вытесняя русских, командуя китайцами.

---

[1]) Это оказалась станция Манчжурия. *Прим. автора.*

2) За выводом японских и русских войск китайцы вводят свои войска, обученные, командуемые японцами. Это уже не будет сброд 1900 года, а серьезная военная сила. И эта сила будет стоять у Забайкалья и Благовещенска, чтобы помочь японцам отрезать от России Амурскую и Приамурскую области.

3) Японцы получают право продолжать железную дорогу от Ялу до Мукдена, куда захотят. Очевидно, продолжат до Гирина, чтобы иметь два коммуниционных пути на двух операционных направлениях, одном к Харбину, другом к Гирину.

4) Японцы уберут свою железнодорожную стражу, если уберем мы.

В том же номере газеты (харбинской) «Новый Край», № 24, где напечатан текст японско-китайского договора, помещена статья: «К новому договору с Китаем» (русско-китайскому). По этому договору группа частных русских предпринимателей желает отправить петицию к Покотилову, чтобы просить: а) Восточно-Китайскую дорогу сделать частною; Харбин устроить на манер иностранных сетлементов. Такие планы совершенно соответствуют японским и имеют целью помочь Японии и Китаю вытеснить русскую правительственную власть и русскую вооруженную силу из северной Манчжурии... Прибавлю, что Габриель отправился в Пекин как представитель интересов Русско-Китайского банка. Это отъявленный социал-демократ, если не социал-революционер, сепаратист и, кажется, польский еврей. Стоял во главе харбинской шайки, возмущавшей армию вместе с Лепешинским и студентом Ивановым.

План Японии раскрывается. Очевидно, заняв с боя южную Манчжурию, Япония, при содействии Китая и деятелей харбинских, займется в течение некоторого времени мирным овладением северной Манчжурии. Право поселиться в разных важнейших пунктах северной Манчжурии будет использовано японцами очень широко. Харбин обратится в интернациональный пункт с преобладающим японским влиянием. Поддерживаемые японцами, китайцы потребуют очищения Вост.-Кит. дороги от нашей военной охраны. Отказ—война. Мы уступим. Но и при охране нашей по 15 чел. на версту охрана будет очень слабая.

Подготовившись, Япония и Китай двинутся на Россию, поставив целью действий овладение Приморскою и Амурскою областями, дабы навсегда отрезать Россию от Великого океана. Витте уже пустил Японию к северу на Сахалине до 50° широты. Владивосток, Хабаровск, Харбин, Хайлар, Манчжурия лежат *южнее* 50° широты. Японцы получили, таким образом, на Сахалине фланговую позицию относительно низовьев р. Амура и позиции для действий в тыл Владивостоку.

Опасность в близком будущем грозит России большая. Какие же надо предпринять средства для предотвращения ее? Я уже писал Линевичу об угрожающей нам опасности и указывал, как на лучшее и главное средство—это скорейшую постройку второго пути на Сибирской дороге, хотя до Карымской дороги от Сретенска до Хабаровска

с веткою: Благовещенск—Цицикар и веткою Ажехе—Гирин. Но главными мерами надо считать меры: а) к ослаблению Японии, б) к приобретению союзников. Экономическое положение Японии ныне очень тяжелое. Надо этим пользоваться, чтобы вызвать в Японии кризис, прекратить дальнейшие вооружения. Надо создавать Японии затруднения в Корее и Китае. Японцы так грубы и жестоки с слабыми, что надо помочь вызвать против них раздражение глубоких масс в Китае и Корее. Если этого не будет сделано, желтая опасность станет грозною, и мы увидим когда-нибудь желтолицых на Урале и Волге. Надо не дозволить организовать по-военному корейское и китайское население. Тут необходима помощь других держав. Увлекшись милитаризациею Китая, японцы могут вызвать возмущение против европейцев во всем Китае, и тогда Европа и Америка должны будут вступиться за свои интересы. Надо поощрять всюду экономическую конкуренцию японцам, дабы лишить их материальных средств, в) относительно союзников — надо прежде всего поссорить англичан с японцами. Японцы так зазнались, что потеряли голову и дадут к тому частые поводы. Уже и теперь они, к нашей выгоде, вызывают негодование в Англии попыткою учредить контроль над военною готовностью англичан Индии. Но главным для сего средством должно быть полное успокоение англичан со стороны Индии. Надо это сделать крепко. Но, пока возможны появления новых Безобразовых, достигнуть этого нельзя.— Необходимо, чтобы вопрос о войне и мире и основах внешней политики не составлял прерогативу верховной власти, а контролировался и направлялся представителями народа. Иначе доверия Европы или Америки мы не заслужим, и Англия будет продолжать опасаться наших фантастических планов в Индии, Персии (Чохбар) и др. пунктах.

Надо умело вести дело так, чтобы на месте Япония возбудила бы против себя китайцев и корейцев, а извне—весь мир (американцев, германцев, англичан, французов). В новой войне мы не должны быть одиноки. Целью войны должно быть поставлено: лишить Японию права иметь военный флот. Это я писал еще в 1896 году, когда окончилась японо-китайская война. Япония должна быть изгнана из азиатского материка. Китаю возвращен Квантун и южная Манчжурия. Корея организована, как отдельное государство. России отдана северная Манчжурия, как я писал о том в 1903 году. Но главное—лишение флота Японии. Китай должен быть тоже взят в тиски и лишен опасной военной силы, если таковая ко времени войны будет создана.

Для соображения мер на будущее, надо помнить лозунг Японии: Азия для азиатов. Часть этого боевого клича, вероятно, выражается ныне секретно у японцев так: Японское море должно омывать японские берега. Главная часть этой задачи благодаря Витте (Портсмутский договор) уже достигнута: корейский берег и часть сахалинского уже в руках японцев. Остался Владивосток, побережье до устья Амура, остальная часть Сахалина, устье Амура с Николаевском и Татарский пролив.

Из мер внутренних надо в возможной степени усилить колонизацию Сибири и Приамурского края в особенности. Надо развить в населении сознание грозящей им опасности и вызвать патриотизм, самодеятельность, стремление к самообороне. Надо сообщить всему подрастающему поколению воинственность. Надо каждую школу обратить в школу патриотическую, военную, обучать детей маршировке, стрельбе, строю. Надо поощрять гимнастические, стрелковые общества. Надо забыть в Сибири политическую борьбу и помнить о той великой борьбе, которая ныне неминуемо предстоит России за самое сохранение за нею Сибири. Надо, чтобы вся Россия участвовала в этой подготовке, чтобы весь народ сознал важность предстоящей борьбы. Надо, чтобы при новой войне, таковая с т а л а н а р о д н о ю, чтобы весь 150-милл. народ, как один, не жалея себя, нес жертвы на эту войну своим телом, умом, имуществом. Главное—надо приготовиться к тому, что война будет продолжительна, первое время будет сопровождаться неудачами. Надо твердо верить в окончательную победу, не жалеть времени, сил и средств и добиться полной победы. Надо, чтобы русский народ захотел твердо победы, и победа придет.

3 февраля.

Сегодня приехал ко мне ген. Гродеков и передал следующий рескрипт государя (от 31 декабря):

«Алексей Николаевич.—За окончанием военных действий и значительным сокращением состава армий я признал за благо освободить вас ныне от командования армиею. Повелеваю вам теперь же вернуться в Европейскую Россию морем, через Владивосток, для выяснения условий перевозки чинов запаса морским путем и представления мне доклада по сему вопросу. По прибытии в один из портов Черного моря вы получите дальнейшие мои повеления. *Николай*».

В Царском Селе
31 декабря 1905 года.

Итак, это ссылка. Лишение родины, ранее чем меня выслушали, ранее чем отчет о военных действиях, мною представленный, рассмотрен.

Гродеков не мог объяснить мне, что меня ожидает, но высказал, что против меня вследствие газетных статей существует возбуждение, что меня обвиняют в составлении на войне состояния в несколько миллионов, что неудачи на войне признают причиною революции в России и т. д. Выезжаю 9 февраля, закончив все дела армии.

5 февраля.

Сегодня получил от военного министра следующую депешу (от 4 февраля):

«Государю императору благоугодно, чтобы для облегчения положения ген. Гродекова вы выехали возможно скорее из армии. О времени выезда прошу телеграфировать для доклада его величеству» г. л. *Редигер*.

Точно такого же содержания получил депешу и ген. Линевич.

И вот при таком обращении с главным начальником хотят твердой дисциплины в войсках, возможной только тогда, когда старшие начальники поставлены высоко и относятся к ним и к их заявлениям с уважением.

При отъезде Гриппенберга мое ходатайство относительно его не уважили. Он уехал, как триумфатор, в особом экстренном поезде, задерживая эшелоны, делая истории в Иркутске. Авторитет мой был подорван. Каульбарсы и Бильдерлинги подняли голову и изменили тон.

При ведении переговоров в Портсмуте Линевича игнорировали. О необходимости сохранить за нами все занимаемые к августу нами позиции, о важности их для нас никто не справлялся. Линевича ошельмовали этим и подорвали его авторитет. Отдали зря наши две оборонительные линии Сыпингайскую и Гунжулинскую.

Теперь его гонят, как штрафованного, дабы он облегчил положение Гродекова, «возможно скорее» из армии. Точно несколько лишних дней для окончания и сдачи массы дел, лежащих на главнокомандующем, не будут полезны для Гродекова, ибо передача их произойдет без суеты и небрежности, от которой могут пострадать тысячи лиц и серьезные государственные интересы. И подобная депеша посылается после того, что задача, возложенная на Гродекова—сменить Линевича, тщательно скрывалась от Линевича. Его могли свободно предупредить, чтобы он приготовился к отъезду. Это было бы и полезно и вежливо.

В армии идет ропот по поводу такой странной бесцеремонности по форме с главнокомандующим. О себе не говорю.

Повторяю: государь, к несчастью для России и своему, с людьми обращаться неумеет. Точно в нем явилось желание подражать Павлу. Произношу это имя, ибо Гродеков, говоря о петербургских порядках, сказал, что «государь наш превзошел Павла».

Харбин, 10 февраля.

Вчера выехал из Шуанченпу в Харбин. Проводы массою офицеров и нижних чинов были трогательные...

В Харбин прибыл в пятом часу пополудни. Опять оказалась масса встречающего народа, масса офицеров, все начальствующие лица. Опять был тронут знаками неподдельного чувства привязанности, благодарности, доверия.

Все распоряжения к отъезду во Владивосток были сделаны.

По сношении с ген. бароном Икскуль мне пришлось бы ехать во второй половине февраля на одном из судов Добровольного флота или датской компании. Пришлось бы невольно пробыть во Владивостоке 8—14 дней.

Ночью на 14 февраля мною получена следующая депеша от государя, не шифрованная:

«Разрешаю вам возвратиться из армии сухим путем с первым отходящим эшелоном. Вместе с сим я поручил генерал-адъютанту барону Фредериксу передать вам мои дальнейшие желания. *Николай*».

Депеша была послана из Царского Села 9 февраля в 4 часа дня. Получена в Харбине 9 в 11 час. 30 мин. дня. Мною получена в 12 час. 25 мин. пополуночи.

Труды в Манчжурии в течение двух лет и особенно душевные волнения не прошли даром для моего организма. В течение 1905 года стали чаще являться признаки расстройства нервной системы. Сердце расширилось, стали учащаться головокружения, стали случаться обмороки и из них один глубокий. Пользовавший меня прекрасный врач, доктор медицины Иван Федосеевич Дейкун, настоятельно советовал прекратить работу и ехать на полный отдых, но не таковы были дела, чтобы мог покинуть армию. Ждали военных бунтов, ждали, что революция в России сделает успехи, и мы вынуждены будем выручать Россию, быть может, пробиваясь через Сибирь.

Обсуждая вопрос о поездке в Россию, когда забастовщики взяли в свои руки железную дорогу, морем, я получил указание от доктора Дейкуна, что при сердечных припадках мне ехать морем нельзя, без серьезной опасности во время приступов морской болезни (ожидалась бурная погода).

Таким образом переезд морем, указанный государем, кроме страданий нравственных, был опасен и для здоровья. Это здоровье было мне необходимо, дабы окончить отчет мой по военным действиям. Этим отчетом я обязан был не только перед государем, но и перед родиною. Мне требовалось поработать еще два, три месяца с Гаврилицею, Болховитиновым и отчасти Илинским, чтобы закончить и отдать в печать два тома: один—по операциям на реке Шахэ, другой—по операциям под Мукденом. Ссылать меня, не выслушав оправдания, тоже было неправильно.

Вот почему я отправил 4 февраля следующую депешу государю:

«Согласно с повелением, изложенным в полученном мною вчерашнего числа от ген. Гродекова рескрипте, я сделал все распоряжения и через несколько дней, закончив дела армии, выезжаю во Владивосток. Дерзаю ходатайствовать о разрешении отправиться из армии в Европейскую Россию не морем, а железною дорогою с одним из воинских эшелонов. Еще 31 августа я просил у ген. Линевича об освобождении меня от командования армиею и телеграфировал о том же военному министру. По повелению в. и. в. военный министр мне ответил, что ходатайство о моем увольнении должно исходить от генерала Линевича. При трудных обстоятельствах, которые пришлось пережить армиям, генерал Линевич до февраля месяца не признал возможным уволить меня. Из медицинского свидетельства, представленного мною генералу Линевичу месяц тому назад, с просьбой об увольнении по болезни от

командования армиею, видно, что непосильные двухлетние труды вызвали у меня в сильной степени болезненные явления нервной системы, нервное расширение сердца, обмороки, при которых возвращение из армии морем, при ожидаемой бурной погоде, к страданиям нравственным прибавит страдания физические. Для окончания отчета, которым я обязан по закону перед своим государем, по ведению мною военных действий мне потребуется еще около двух месяцев при содействии двух офицеров, ныне со мной работающих. В великой справедливости вашей не откажите, государь, начальнику армии, не давшему России победы, но сохранившему и укрепившему армию, представить подробные объяснения своих действий вашему императорскому величеству или лицу, вами назначенному, или судилищу, вами избранному. Одна правда может успокоить взволнованное по поводу наших военных неудач общественное мнение и послужить на пользу армии. Находясь вдали от Петербурга, я не могу спешно и быстро закончить свой отчет.

Верноподданный в. и. в. ген.-ад. *Куропаткин*».

Вышеприведенная депеша государя и есть ответ на эту мою депешу.

Сегодня я выехал в час пополудни из Харбина с воинским эшелоном № 436. В эшелоне следуют запасные VI Сиб. корпуса (парковые саперы) и в охране $1^1/_2$ роты Псковского полка...

11 февраля. Цицикар.

Следуем с опозданием на два часа. Переменяли две теплушки на станции Андо, в коих загорелись буксы.

На станции Цицикар подробно осматривал обширное имущество — конно-железных дорог, паровой и конной. Ценность большая. Надо прокладывать к Благовещенску.

Осматривал и огромный инвентарь в машинах инженера Михайловского, поставлявшего в армию сено.

Гродеков при моих свиданиях два раза говорил мне о том, что комитет государственной обороны не признал возможным продолжать борьбу с Японией. Пришли к заключению, что уже не могут больше послать подкреплений, а также артиллерийских снарядов. Это, конечно, не так: нам нужны были не подкрепления и укомплектования. Их было очень много; особенно надо было взяться за молодых возрастом ратников ополчения. Они лучше дрались бы, чем старшие сроки запасных. Равно 9 февраля ген. Михеев говорил мне, что ко времени окончания войны он имел в своих складах, кроме парковых и войсковых запасов, 115.000.000 ружейных патронов и 360.000 пушечных. Этого нам хватило бы надолго. Просто не хватило твердости и воли продолжать войну. Такое решение комитета государственной обороны было про-

тивно мнению главнокомандующего и командующих армиями, но таковое, конечно, во многом снимает с Витте ответственность за заключение мира.

Генерал Кондратович и генерал Гернгросс 8 февраля говорили мне, что их удивляет, что в критике наших действий сравнивают число батальонов наших и японских и строют на этом выводы. Что наши батальоны в большинстве случаев были в д в о е с л а б е е японских. Кондратович указал, что у него в 9 дивизии под Ляояном осталось в 12 батальонах 3.000 штыков.

14 февраля. Между ст. Борзя и Читою.

Едем 5-й день. Поезд идет по расписанию. Всюду вполне достаточный порядок. Везде меня встречали воинские власти и население. Очень приязненные встречи. При проводах снимали шапки, низко кланялись; бежали за вагоном. При прогулках моих всегда провожатых более, чем бы то было приятно. Запасные, с которыми я еду, относятся ко мне трогательно. Выскакивают из теплушек, только чтобы поздороваться. Смотрят так тепло и серьезно, что заставляют забывать многие петербургские обиды.

Сегодня Болховитинов встретил на станции Борзя старого деятеля Владивостока. Потерял там во время смуты значительную часть своего имущества. Юрист. Образованный человек. Рассказывал необычайные вещи. Главное это то, что Линевич и я с армиею решили присоединиться к смуте, овладеть положением и продиктовать Петербургу и Царскому Селу свою волю. Что поэтому Линевич чуть не поощрял смуту в тылу и в армиях. Чтобы нас изъять, и послан был Гродеков под великой тайною. Что в России знают, что вся армия верит мне и любит меня.

Как раз на станции Борзя, сегодня, 14 февраля, мною получена от ген.-ад. барона Фредерикса депеша следующего содержания (шифрованная).

«Царское Село. Дворец, генер.-адъютанту Куропаткину.

Государю благоугодно разрешить вам возвратиться из армии сухим путем. Вместе с сим его величеству угодно было поручить мне предложить вам для спокойного окончания имеющего быть принятым государем вашего отчета избрать по вашему желанию пребывание себе в имении вашей матери Псковской губернии или в представляемой вам даче, нанятой для военного министра в Мисхоре. Пребывание же в Петербурге или окрестностях в настоящее время может вызвать нежелательную обостренную газетную полемику. Ввиду сего во всяком случае его величеству благоугодно, чтобы вы безусловно воздержались от приема корреспондентов и печатания каких-либо объяснительных или оправдательных статей, а равно и оглашения ваших мнений. Хорошо зная ваши патриотические и верноподданнические чувства,

уверен, что вы в настоящей депеше усмотрите возможность избежать каких-либо случаев, могущих в настоящее трудное время вызвать какие-либо осложнения. Ответ прошу на мое имя Царское Село. ген.-ад. барон *Фредерикс*».

Итак, на меня могут возводить самые постыдные обвинения, печатать, напр., как о факте, о вкладе в 2.650.000 рубл. золотом в Государственный банк. Никто при этом из власть имеющих пальцем не шевелил опровергнуть явную клевету, что так легко было сделать, а мне не приказывают не только защищаться, но даже высказывать свои мнения.

Свобода личности, печати и слова, возвещенные манифестом 17 октября, надеюсь, через некоторое время коснутся и меня. Меня или надо защитить, напечатав мои отчеты, или придется просить уволить меня от звания генерал-адъютанта и уволить в отставку, чтобы получить право защиты.

Чита. 15 февраля.

Долго говорил с ген. Сычевским, рекомендованным мною на должность военного губернатора Забайкалья и блестящим образом справившегося, б е з п р о л и т и я к р о в и, с серьезными беспорядками в Чите. Он удручен множеством стоящего над ним начальства: ему приказывает из Петербурга Дурново, из Харбина Иванов (начальник тыла) и Гродеков, Ренненкампф из Верхнеудинска, военный министр—по казачьим делам, и еще едет Унтербергер. Особенно удручает его масса циркуляров Дурново. Пробовал разносить за малую энергию в Чите, но получил отпор от Ренненкампфа. Дурново то подгоняет к решительным мерам, то взывает к осторожности. Сообщил, между прочим, что весною революционная партия собирается сделать новую особо сильную попытку. Сычевский признает положение в Забайкалье серьезным. По его мнению, зараза проникла глубоко во все углы, заразила казачество. Что масса ссылаемых—учителя. Интеллигенция на стороне революционеров. Цель—республика. Две войны и неправда в кабинетских землях дают благоприятную почву для недовольства. Сычевскому и Ренненкампфу пришлось массу сместить, но Дурново до сих пор не утверждает ни Сычевского, ни вице-губернатора, ни мелких чинов, Сычевским представленных. Из представленной мне Сычевским записки видно, что им арестовано 218 человек, но несколько главнейших главарей скрылись благодаря медленной присылке Сычевскому войск. В военных революционных кружках главную роль играли инженеры и железнодорожные офицеры. Главный военный инженер поляк, не представивши отчета на $1^1/_2$ милл. рублей, скрылся.

Г. л. Холщевников вел себя позорно.

Насколько серьезно было положение, видно из следующих данных о захваченном и сданном оружии:

	Захвачено:	Сдано:
3 лин. винтовок	12.091	4.425
» » драгунских	1.110	681
берданок пехотных	8.917	9.000
3 лин. драг. винтовок	1.050	0.

Таким образом масса оружия еще не сдана. Надеются, что оружие было брошено в озеро.

Захватили вагоны со снарядами, небрежно отправленные из Харбина в Читинский склад ген. л. Михеевым без должных предосторожностей.

Сычевский входил к стачечникам без конвоя. Его окружали вооруженные революционеры, хотели арестовать, но и среди них нашлись люди, которые отстояли Сычевского, указав, что за оказанное им доверие ответить низостью—нечестно. Сычевский три часа уговаривал сложить оружие. Первоначально не подействовало, но начался раскол. По второму призыву революционеров к оружию (производился гудок), явились с оружием только 200 человек. Остальные покорились. Тогда покорились и эти 200 человек.

Рассказы про Меллер-Закомельского в Чите просто невероятны. Сычевский мне рассказывал, что Меллер засекал шомполами чуть не на смерть. Одновременно били 4 солдата шомполами, и это считалось за один удар. По словам Сычевского буквально срывали мягкие части тела. Но главное зверство произведено на станции Иланской. Там манифестантов с красными флагами, 400 человек почти, окружили солдаты и начали расстреливать. Только 60 человек оказалось ранеными. Остальные были убиты.

Ренненкампф имел с Меллером переговоры не особенно приятные. Он предложил Меллеру, приехавшему на ближний к Чите разъезд, уехать обратно. Меллер исполнил, но разобрал путь и перерезал телеграф...

И такого Малюту Скуратова послали для водворения порядка и законности. Боюсь, что миссия Меллера принесет еще в будущем большой вред.

Странно, что Скалон ничего мне не рассказывал про избиение манифестантов на ст. Иланской. Быть может, стыдился рассказать об этом зверском деле.

16 февраля. Сел. Мысовск на оз. Байкал.

Вчера в Хилке встретил меня ген. Ренненкампф. Выстроили весь гарнизон и эшелон, с ним следующий как конвой (71 дивизии). Очень тепло встретились и также простились. Ренненкампф оканчивает судные дела. При нем образован полевой суд. Ни одно наказание не налагается помимо суда. Всех подробно опрашивают. Где нужно, проявляется снисхождение. Впечатление благоприятное. Даже революционеры признают действия Ренненкампфа, хотя и строгими, но основанными на порядке и законе.

Не так относятся к действиям Меллер-Закомельского. Этот проявил жестокость для правых и виноватых. Особенно бранят войскового атамана Заботкина. На войне ничем особым себя не заявил, а тут зверствовал.

Сведения, переданные мне г. м. Сычевским об избиении манифестантов на ст. Иланской, переданы мне Ренненкампфом в другом виде. Рассказ ближе подходит к тому, что мне передавал и Скалон. Была сходка в депо, на которую и напали Меллеровские опричники. Ренненкампф говорит, что взяли в плен 60 чел., остальные из 400 чел. были убиты или ранены. Может быть, и это еще преувеличено.

На ст. Мысовая, или г. Мысовск, осмотрел батальон храброго подполковника Ступина, георгиевского кавалера 20 В.-Сиб. стр. полка. Отпустили запасных 2 очереди и уволили в запас сроки службы 90 и 91 годов. Приготовились увольнять сроки службы 1902 г. Осталось в ротах 65—90 чел. Новобранцев пришлют еще по 130 человек в роту. Унтер-офицеров осталось очень мало. Есть роты, где всего три. Офицеров налицо в батальоне 4 человека вместе со Ступиным и по одному зауряд-прапорщику. Отлично устроились в бараках, бывших под царскосельским лазаретом. Нашел зимние занятия в ходу. Одеты хорошо. Вид отличный, но все молодежь. Зауряд-прапорщики дружно с офицерами работают и с ними же помещаются в комнатах. Спрашивал одного офицера командира роты, живущего с зауряд-прапорщиком: как он ему говорит: ты или вы. Ответил «ты»—прибавив, что он к нему поступил в роту 7 лет тому назад и иначе относиться не может, но оба крепко любят и почитают друг друга и выручали друг друга в бою.

Спрашивал офицеров, что им желательно сохранить из одежды, ответили дружно: сюртук и для лета особую легкую тужурку. Один из них сказал, что за 6 лет службы в Приамурье он только три раза надевал мундир. Жаловались также, что цвет пальто очень марок, но пальто их удовлетворяет. У всех были сюртуки на меху.

19 февраля.

В Иркутске меня встретил ген. Унтербергер. Провел у меня в вагоне 2 часа. Успокоил, что в России, по его мнению, реакция не готовится, что Дурново не реакционер. Относительно Витте высказывался сдержанно. Признал двойственность, если не тройственность, его роли.

Относительно дел Дальнего Востока смотрит вперед бодро. На желтую опасность взирает оптимистически. По его словам, он был убежденный сторонник самого упорного продолжения войны и считал положение японцев, ко времени заключения мира, крайне тягостным. Считал, что никакого Сахалина можно было им не давать. Что сами японцы видели, что на суше их кампания не могла окончиться удачею. Их сопротивление было сломано на Шахэ и под Мукденом. Главное, что им надо было—это возвратить произведенные затраты. На это они никак не могли рассчитывать. Даже если бы они взяли Владивосток и Харбин, что Унтербергер признавал невозможным, то и тогда нам надо было итти к Забайкалью и продолжать войну. Ныне положение Японии отчаянное: долг в полутора миллиарда рублей тяжело ляжет

на их бюджет годовой в 250 милл. рубл. Налоги возросли втрое и ухудшили экономическое положение всего населения. Между тем Унтербергер по законченной им в прошлом году Нижегородской ярмарке утверждает, что бывшая война мало коснулась экономического положения государства. Что забастовки дорог и революционное движение гораздо более нанесли вреда населению, чем война. Разоренные войной японцы не могут дать значительное развитие своим вооруженным силам. Китайцы отлично поняли, что японцы не победили русских на суше при самых для нас неблагоприятных условиях: неожиданное нападение японцев, долго готовившихся к борьбе, на нас, совершенно не готовившихся к войне; малое число у нас войск, разброска их, неготовность железной дороги и, главное, внутренняя смута. Пользуясь этими исключительно благоприятными условиями, японцы поставили все «ва-банк» и, действительно, напрягли усилия всего народа, всей страны, чтобы, пользуясь этою благоприятною обстановкой, вытеснить нас из Манчжурии и захватить такие куски нашей территории, которые позволили бы им рассчитывать за возврат этих кусков получить контрибуцию. Ничего этого им не удалось. К заключению мира мы стояли сильнее, чем когда-либо, стояли сильнее японцев. Китайцы понимают это и, когда их японцы начнут втравливать в новую войну с нами—не пойдут. Я не смотрю так оптимистически и указал Унтербергеру на нравственный престиж, приобретенный японцами во всей Азии, который грозит опасностью всему старому свету. Азия для азиатов—это призыв к борьбе азиатов против русских, англичан, французов, немцев. Учителя и руководители—японцы. Вслед за этим лозунгом последует другой: Африка для африканцев.

Первым этапом в этом ожидаемом движении желтой расы я указал Унтербергеру занимаемую нами Манчжурию.

Китайцы, подталкиваемые и поддерживаемые японцами, несомненно, после эвакуации наших войск начнут наступление на Манчжурию, первоначально мирное: колонизационное, вводом обученных японцами войск, старанием захватить в свои руки Манчжурскую железную дорогу. Указал, что нам надо энергично готовиться к борьбе. Что мы пережили только первый акт драмы на Дальнем Востоке, а пьеса эта в нескольких актах, прологе и эпилоге. Пролог—это японско-китайская война. Эпилог будет, в зависимости от нашей деятельности и соглашения с Европою, в двух решениях: или мы будем отброшены к Байкалу, потеряв Приамурский край и Забайкалье, или выйдем на берег Тихого океана, а Япония будет оттеснена на свои острова и лишена права иметь военный флот.

В смысле готовности новой борьбы и ближайших наших задач на Дальнем Востоке, я указал Унтербергеру на следующее:

Портсмутский договор лишил нас передовой базы в Манчжурии. Не спросясь Линевича, мы отдали Сыпингайскую и Гунжулинскую позиции. Этим мы отдали важный район не только для сосредоточения, но и для питания армии. Гиринская провинция и Бадунинский район

и район Сунгарийский могли сильно облегчить довольствие миллионной армии. Если мы быстро будем оттеснены к Харбину, то почти все довольствие армии надо рассчитывать на подвоз из России. Поэтому надо: а) принять меры к возможно широкому использованию средствами Манчжурию лежащими к югу от Манчжурии, б) вызвать производительность и увеличить продовольственные средства между магистралью и Амуром, в) быстро и энергично увеличивать производительные силы Приамурского края. В настоящем его состоянии край этот почти не помогал армии. Кроме хлебопашества и скотоводства, заняться рыболовством и приготовлением рыбы впрок, особенно вяленой и сушеной, чтобы заменить ею в значительной части мясные порции в войсках.

Но при занятом ныне японцами положении, владея морем, построив железную дорогу от р. Ялу к Гирину, японцы будут располагать операционным и коммуникационным направлениями: а) Порт-Артур—Харбин, б) р. Ялу—Гирин. Надо нам деятельно усиливать свои средства подвоза: этот подвоз потребуется в несравненно большей степени, чем в минувшую войну. Сибирская магистраль должна получить второй путь. Путь от Сретенска до Хабаровска с веткой от Благовещенска до Цицикара должен обеспечить нам сообщение, когда магистраль будет прервана. Для лучшего обеспечения Гиринского района, надо провести ветку к Гирину. Как средство, надо дать чрезвычайное развитие колонизационного развития.

Унтербергер прибавил, что прежде всего надо провести железную дорогу до Покровки, ибо только оттуда начинается судоходство по Амуру. Ему обещали. Это 350 верст.

28 февраля.

Вчера проехал Омск, где пробыли около суток. Следуем хорошо, не только не с опозданием, но выгадывая противу росписания, никого при этом не обгоняя. Очевидно, расписание воинского движения составлено со слишком большими остановками. Вполне возможно сократить в общем переезд до Дальнего Востока и обратно воинских поездов на два, три дня. Выигрыш будет большой. Сибирская дорога опять произвела тяжелое впечатление, восточный участок ее, проходящий по гористой местности, очень неудачно трассирован. Почти всюду приходилось давать в помощь второй паровоз, а в одной вышке—третий. Между тем наш поезд значительно легче товарного. Но что всего тревожнее—это состояние подвижного состава. На деповских станциях огромное количество замороженных паровозов. Те, которые работают, очень запущены, ослабели, давно требуют ремонта. Вагонный парк запущен.

В помещениях большая нужда. На одной из пустынных станций начальник станции рассказал мне, что у них начальники участков занимают огромные квартиры, до 50 кв. сажен площадью, а многие

служащие ютятся, как нищие, что ремонтная сумма расходуется тоже главным образом на большие квартиры. Но он же говорил мне, что на это обращено внимание и, кроме того, передал, что для лучшего обеспечения служащих практикуется выдача ссуд и нарезка участков для постройки служащими своих домов. Но дело это пока идет медленно: многие боятся закрепощать себя в сибирской тайге.

За два года население при станциях значительно развилось. В общем при многих из станций (деповских) общее число населения составляет 3—4—6.000 человек. Между станциями поселений мало. Работа еще предстоит огромная.

В Красноярске встретили ген. Редько, командир и офицеры Красноярского полка. Редько подробно рассказал свои действия с Красноярским полком по усмирению железнодорожных служащих и 250 железнодорожных нижних чинов с офицером запаса, принявшим общее командование. Бунтовщики заперлись в мастерских и нескольких домах и сильно укрепились. Войска обложили их, но не решались штурмовать. На 6 день бунтовщики сдались. Пушки не поспели вовремя. Из пулеметов и ружей огонь был открыт, кажется, на 4 день. Бунтовщики отвечали огнем. У нас убито 3 и ранено 8. Бунтовщики потеряли около 15 человек. Сдача произошла при уговорах представителей от города, явившихся парламентерами. Офицер, командовавший бунтовщиками, успел убежать. Редько боялся большого кровопролития и мог даже ожидать, что штурм будет отбит: не располагал взрывчатыми средствами, приходилось штурмовать каменные стены с голыми руками.

Проезжали и ст. Иланскую. Бой там был менее жесток, чем по слухам рассказывал мне ген. Сычевский.

В Омске видел всех офицеров (старших) Сибир. Каз. войска, ген. штаба. Губернатор Романов встретил меня. Сухотин — больной, не выходил из дома, я провел день у него. Много рассказывал про требования из Петербурга. Реакционного движения, вполне проявленного и направленного против манифеста 17 октября, не усматривает. Витте называет злым гением России. Заключение мира считает подлым для Витте делом. Вытащил мой всепод. доклад 1900 года [1]) и сказал, что всем проезжающим в оправдание меня прочитывает заключительные места доклада (печатного). Конец таков:

«Против желания русского монарха, противно интересам России, война может разгореться. Это, конечно, будет большим несчастьем для всего мира, но собственно для России может быть несчастие еще более тяжкое: это—несвоевременное, ранее полной победы, окончание начатой борьбы.

Русскому монарху придется проявить железную твердость характера, чтобы в случае неудачи первой кампании, после первых и тяжких последствий войны—голода, болезней, застоя в делах и, главное,

[1]) По поводу задач нового столетия в деятельности военного министерства.

огромных потерь убитых и раненых, противостоять советам со всех сторон: признать Россию побежденною и заключить мир». Доклад помечен 14 марта 1900 года.

Сухотин все два года почти безвыездно провел в Омске. Работал тяжело и несколько опустился. Говорил о беспорядочном движении войск через Омск, о массе отставших запасных; более всего отставших было, по его словам, из войск московского и петербургского военных округов. Они с разрешения Владимира и Сергея Александровича, уже призванные в части, были отпускаемы домой, чтобы проститься и присоединиться к своему эшелону при проходе его через их ближайший город. Опаздывали. Таких отсталых скопилось только в Омске свыше 10.000 человек, которые размещены в один Омский запасный батальон; почти не обучались за отсутствием достаточного числа офицеров. Кажется, в батальоне было 12—16 рот. Он же говорил мне, что командиры стрелковых частей сами говорили, что они преднамеренно не принимали мер для поимки бежавших во время пути евреев, дабы освободить от них свои части, переполненные евреями. Не надеялись, по их словам, и на поляков.

Затем Сухотин рассказал мне, со слов ген. Орлова, проводившего 54 див. через Омск, о том неподготовленном состоянии, в котором он дивизию вел. Только что они собрали запасных и начали занятия, не успели еще пройти и половину курса стрельбы, не делали с тактическими целями учения, как пришел приказ двигаться к железной дороге для царского смотра. Все было заброшено, и стрельба и тактика, только бы прошли хорошо церемониальным маршем. 6 дней провели только в ожидании. На обратном пути тоже неожиданно их стали сажать в поезд и повезли на Дальний Восток еще незакончившими сколько-нибудь сносно свое обучение,—совершенно не учившиеся как бригада и дивизия в поле, не повторившие ни стрельбы, ни тактики в поле, с массою вновь прибывших офицеров, прибывших даже после начала движения и совершенно не знавших нижних чинов. Там 40 дней в вагонах и прямо в бой в гаолян под Ляояном. В результате — бегство. А материал был хороший.

Если бы мое ходатайство было уважено и мобилизация была объявлена тотчас после пасхи всем подкреплениям, то мы получили бы иную силу в запасных, особенно, если бы не брали старшие сроки.

2 марта в Челябинском.

Приехали в Европейскую Россию. Перемена идет незаметно. Население плотнее: больше деревень, храмов, больше русских людей на станциях. Ко мне относятся ласково, почтительно, с нескрываемым при этом любопытством. На нескольких станциях, где я не хотел сходить, ко мне присылали депутатов, что собравшиеся просят меня выйти, дабы они могли поздороваться со мной, пожелать счастливого пути.

В Челябинске был у меня г. м. Стельницкий, один из доблестнейших начальников частей минувшей войны. Командовал Семипалатинским полком и составил ему добрую славу. Я усердно тащил его вверх и с очень большим трудом добился производства его в генерал-майоры. Теперь он исполняет должность временного генерал-губернатора в Челябинске и исполняет без зверских приемов разных Меллеров, спокойно и с успехом. При каждой вести о готовящемся беспорядке, он без всякого конвоя является среди рабочих, на их сходки и приводит волнующихся к порядку. Сил и средств для исполнения им этой должности ему никаких не дано.

Очень горячо говорил мне, как трудно ему было в должности еще командира полка справляться с запасными осени 1904 года. Говорил: прежде всего приходилось опоражнивать карманы, наполненные всякими прокламациями.

Жаловался, что никакого военного одушевления не было не только между нижними чинами, но и между офицерами. Говорил, что в первых боях рано отступали, потом к потерям притерпелись. Очень надежною считал свою бригаду летом прошлого года, выучились, привыкли к войне

7 марта. Тула.

В Сызрани заведующий общею перевозкою войск полковник Мелянт (командовавший на войне Волынским полком) рассказывал мне про московские беспорядки. Говорил мне, что старый Малахов совершенно растерялся, что только прибытие Семеновского полка повернуло дело к отпору революционной партии. Он, Мелянт, пробыл дни «революции» в самой Москве. Считает, что общее число восставших было не более 5.000 человек. Что все это, главным образом, была зеленая молодежь: фабричные парни, учащиеся. Что главари, частью евреи, показывались на баррикадах и исчезали. Что один из бойцов дружины говорил лично Мелянту, что им хорошо платили. И из других источников Мелянт слышал, что первые дни дружинникам платили по три рубля в день, затем сбивали на два, потом на 1 рубль и, наконец, начали платить по 20 коп., и тогда они разошлись.

По рассказу Мелянта, самым буйным и беспокойным элементом при проезде Сызрани оказались запасные XIII корпуса. Их везли с оружием, в составе рот и батальонов выделены кадровые части (срочно служащих) для охраны линии. Запасные XIII корпуса толпами с угрозами требовали немедленного их отправления.

12 марта. Шешурино.

7 марта приехал в Москву. Встреча была более теплая, чем я ожидал. В Серпухов и в Москву меня выехали встречать многие близкие и жена с сыном и братом. Встретили Левашев с женою, Рудоновский, Величко, баронесса Сакен, Урусов. Кнорринг, гр. Бобринский, доктор Дейкун.

Гр. Бобринский по поручению кн. Трубецкого передал мне, что государь остался доволен корректностью моего отношения ко всем нападкам на меня и полным порядком, поддержанным мною в армии. Доволен также тем, что я посылкою в Харбин бригады казаков и бригады стрелков помог приведению в порядок Харбина. На Линевича большое недовольство, особенно за переговоры со стачечниками, прием их депутации, разговоры с корреспондентами. Вообще, по словам гр. Бобринского, государь возмущен нашими генералами, пустившимися в оправдательную газетную полемику. Линевич не был принят государем.

Относительно меня государь говорил, что, вероятно, примет меня в мае.

Относительно внутренних дел Бобринский говорил, что Дурново забирает силу, и хотя манифест 17 октября сохраняет большую силу, но в борьбе с революционною пропагандою невольно заходят далее, чем бы то следовало, и своими действиями напоминают реакцию, решительно идущую к возобновлению старых порядков.

Витте, по словам Бобринского, играет не вполне ясную роль. Все им недовольны, но сознают, что заменить его некем. У государя в силе Трепов (московский).

Относительно меня Витте дважды говорил государю, что надо меня послать на Кавказ.

Государь говорил о Туркестане.

9 марта приехал в Шешурино.

ПРИМЕЧАНИЯ.

Кутайсов, П. Ив., гр., был генерал-губернатором Восточной Сибири в 1903—1905 гг.

20 октября 1905 года в Томске местными черносотенцами и переодетыми городовыми была устроена патриотическая манифестация. Толпа погромщиков с портретами царя прошла по главной улице к зданию управления железной дороги, где в это время находилось много служащих управления и линейных; туда же забежала, скрываясь от погромщиков, и посторонняя публика. Началась осада. Толпа развела костры, пыталась зажечь здание. Ночью начался пожар. Находившиеся в горевшем здании люди выбрасывались в отчаянии из окон второго и третьего этажей на улицу, где добивались солдатами или толпой громил. Число пострадавших достигло 500 человек.

«Рассказы Рожественского про Владивосток просто невероятны». Очевидно Куропаткин имеет в виду военный мятеж 30 октября 1905 г., поднятый запасными демобилизованной армии, давно ожидавшей отправки на родину. Обещанием выполнить все требования запасных комендант крепости, Казбек, добился успокоения.

Надаров, Ив. П., ген., был главным начальником тыла Манчжурской армии.

Стачечный комитет Вост.-Китайской жел. дор. избранный 24 ноября 1905 г. общим собранием служащих всех служб и отделов жел. дороги, постановил примкнуть к общей ж.-дор. забастовке, не прекращая работ по эвакуации и снабжению армии. Но вскоре же, убедившись на практике, как трудно прекратить пассажирское и коммерческое движение, тесно связанное с жизнью армии и самих служащих, постановил со 2 декабря прекратить забастовку, доведя об этом до сведения центр. стачечного комитета, и предлагал выразить свою солидарность с товарищами в другой форме.

Дурново, П. Н., в 1905—1906 г.г. был директором департамента полиции министерства внутренних дел.

Хорват, Дм. Л., ген., был начальником Восточно-Китайской дороги. Позднее, в 1918—1919 гг. сыграл выдающуюся роль в организации контр-революционных сил на Д. Востоке.

Мищенко, П. И., ген., командовал сводной казачьей дивизией и находился в непосредственном распоряжении главнокомандующего.

Ренненкампф, П. К., ген.-лейт., назначенный начальником карательной экспедиции на Восточно-Китайскую, Забайкальскую и Сибирскую жел. дороги, в начале японской войны состоял в распоряжении главнокомандующего, затем командовал VII, а позднее (в 1906 г.) III сибирским армейскими корпусами.

Захаров, П. М., полк., был начальником военных сообщений тыла Манчжурской армии. Предлагаемая командировка Захарова на Сибирскую железную дорогу для водворения порядка была отменена приказом начальника штаба ген.-лейт. Голицыным.

Сухотин, ген., командовал Сибирским военным округом.

И. В. Холщевников, командующий войсками и военный губернатор Забайкальской области, проявил большую нерешительность в борьбе со стачечным движением на Забайкал. жел. дор., за что, после разгрома Читы отрядом Ренненкампфа, был отрешен от должности и отдан под суд.

Хинганский перевал — горный кряж, начинающийся на севере у берегов Амура в месте слияния Шилки с Аргунью, отделяет Монголию от Манчжурии. Высота гор в северной части достигает до 1.200 метров.

Штурм Геок-Тепе, упоминаемый Куропаткиным, — один из эпизодов военной экспедиции 1880—1881 г.г. в Закаспийский край. Геок-Тепе—несколько текинских поселков в Ахал-Текинском оазисе, прикрытых крепостью Янчи-Шаар. Экспедиция генерала Скобелева имела ожесточенные бои с текинцами, стремившимися не без успеха помешать осадным работам. Тем не менее к 12 января работы были закончены, и штурм был назначен тремя колоннами, одной из которых командовал полковник Куропаткин. Когда после артиллерийского огня в стенах крепости была сделана брешь, отряд Куропаткина после короткого, но упорного рукопашного боя ворвался в крепость и захватил холм Денчиль-Тепе; почти одновременно вошли в крепость и остальные колонны.

Селиванов, А. Н., ген.-лейт., во время японской войны командовал II сводным стрелковым корпусом. Был ранен во время январск. мятежа во Владивостоке. После отставки гр. Кутайсова был назначен ген.-губ. Восточной Сибири и командующим воен. округом (временным-ген.-губернатором после Кутайсова был некоторое время ген. Ласточкин).

Чита фактически была в руках рабочих читинских ж. д. мастерских, к которым присоединилась часть солдат местного гарнизона. В первых числах ноября было приступлено к организации рабочей дружины. Был организован жел.-дор. комитет для упорядочения ж. д. движения и скорой переброски в Евр. Россию эшелонов запасных демобилизуемой армии. Между тем карательные экспедиции Ренненкампфа и Меллер-Закомельского приближались к Забайкалью. Началась деятельная подготовка к вооруженному сопротивлению. Однако в последний момент сопротивление было признано бесцельным. Эшелоны Ренненкампфа вошли в город. Началась расправа и аресты. Военно-полевой суд вынес смертные приговоры Григоровичу (Костюшко Волюжанину), Цупсману, Вайнштейну и Столярову; 40 человек осуждено на каторгу.

Покотилов, Дм. Дм., д. ст. сов., был чрезвычайным посланником с полномочиями министра в Пекине.

Лепешинский, В. П., старый народоволец, член стачечного комитета, служил на Вост.-Китайск. жел. дороге, за участие в стачечном движении 1905 г. был осужден на 2 года тюрьмы. Умер в 1916 г.

Безобразов, А. М., статс-секретарь, инициатор захватнической политики в Корее путем получения там концессий на имя подставных частных обществ.

Гродеков, Н. Ив., ген.-от-инфант. До японской войны был приамурским ген.-губернатором и командующим войсками округа. Позднее был членом Гос. Совета. По отозвании Линевича из действующей армии назначен на его место по настоянию гр. Витте, хотя вел. князь Николай Николаевич выдвигал на этот пост барона Мейендорфа.

Гриппенберг, Оск. К., ген., командовал II Манчжурской армией.

Каульбарс, А. В., ген., барон, командовал во время японской войны первоначально III Манчжурской армией, затем II.

Бильдерлинг, Ал. А., ген., барон, командовал первоначально XVII арм. корпусом, затем временно был командующим III манчжурской армией.

Унтербергер, П. Ф., ген.-лейт., был назначен командующим войсками приамурского военного округа и приамурским ген.-губернатором.

Красноярская организация РС-ДРП с самого начала октябрьской забастовки фактически захватила власть над Красноярском и его центральными для всей Сибирской жел. дороги мастерскими. Мощь революционных организаций Красноярска окрепла к декабрю 1905 г. настолько, что карательная экспедиция Меллер-Закомельского не решилась сделать нападение с запада. Для ликвидации «Красноярской Республики» (так именовали Красноярск каратели) был использован такой прием: приказом главного командования армии в 20-х числах декабря, во время жестоких сибирских морозов искусственно была создана задержка («пробка») для двигавшихся на запад эшелонов демобилизованных солдат. Вблизи самого города им было заявлено, что дальше, якобы, их не пускают ехать забастовщики и поэтому им необходимо самим пробиться через Красноярск. Демагогическая пропаганда сделала свое дело: 23 декабря полки вошли в город. Рабочие решили без сопротивления не сдаваться. В главные ж.-дор. мастерские свозилось оружие, и на заре 25 декабря в сборно-паровозном цехе оказались осажденными тысячной армией отряды революционеров — ж.-дор. рабочих и солдат ж.-д. батальона. Осада длилась около 10 дней, мастерские обстреливались из пулеметов и атаковались. 3 января Красноярск пал.

Малахов, Н. Н., ген., в декабрьские дни 1905 г. был помощником командующего войсками московского военного округа.

Бобринский, гр., был адъютантом Куропаткина

Переписка Александра III с гр. М. Т. Лорис-Меликовым.

(1880—1881 г.г.)

Печатаемая ниже переписка Александра III с гр. М. Т. Лорис-Меликовым целиком охватывает недолгий период пресловутой «диктатуры сердца», именно—от назначения Лорис-Меликова главным начальником верх. распор. комиссии (февр. 1880 г.) до полного заката его политической карьеры (29 апр. 1881 г.). Переписка начинается письмом Александра III от 21 февраля 1880 г., т.-е. через девять дней после вступления Лорис-Меликова в должность главы верх. распор. комиссии, созданной по инициативе и при активнейшей поддержке Александра III, тогда еще цесаревича. Переписка свидетельствует не только о глубоком интересе будущего царя Александра III к деятельности Лорис-Меликова, но и о сочувствии его либеральным планам «диктатора». Последний же прямо заявлял своему высокому корреспонденту: «С первого дня назначения моего на должность главного начальника верховной распорядительной комиссии я дал себе обет действовать не иначе, как в одинаковом с Вашим высочеством направлении, находя, что от этого зависит успех порученного мне дела и успокоения отечества» (9 апр. 1880 г.). Переписка за 1880 год ярко свидетельствует о действенном контакте обоих корреспондентов в деле «успокоения отечества», и в этом ее исключительный интерес. Однако союз длился недолго: событие 1 марта 1881 года положило конец и переписке и расположению Александра к своему корреспонденту. После смерти своего отца, новый царь, под влиянием Победоносцева и своего воспитателя, главы придворной консервативной партии, гр. С. Г. Строганова, «раскаялся» [1]) в том, что, следуя внушениям Лорис-Меликова, едва, было, не стал конституционалистом, а это, как он думал, было бы гибелью России. Естественно поэтому наступившее охлаждение Александра III к всесильному недавно диктатору. Лорис-Меликов почувствовал это, конечно, еще в заседании 8 марта, где, несмотря на поддержку Валуева, вел. кн. Константина Николаевича и др., проект его об «общей комиссии», т.-е. о привлечении в правительство представителей земств и городов, был, после речи Победоносцева, сдан в ту «комисию», которая обычно является синонимом провала. Он, правда, пытался продержаться еще некоторое время, но вскоре увидел, что игра проиграна безнадежно, и 29 апреля подал прошение об отставке «по болезни». Недавний союзник не замедлил согласием на просьбу об отставке, которой он, по

[1]) См. ниже «Заседание совета министров 8 марта 1881 г.»

его словам, ждал, так как они «разошлись совершенно во взглядах», а «это, конечно, долго продолжаться не могло».

Переписка воспроизводится здесь по подлинникам, хранящимся во II Отд. Госархива РСФСР. Письма печатаются по новой орфографии, почти скрадывающей безграмотность Александра III («заѣдетѣ» и т. п.), но с сохранением других особенностей его правописания; пунктуация же везде исправлена. О других особенностях текста сделаны соответствующие оговорки в подстрочных сноска[illegible]

В конце переписки помещены именной указатель и примечания.

1.

21 февраля 1880 г.

Аничков дворец.

Любезный граф, если Вы не слишком заняты и если Вам будет возможно, прошу Вас очень заехать ко мне сегодня в $8^1/_2$ часов вечера,— мне бы хотелось поговорить с Вами.

Александр.

2.

25 февраля 1880 г.

Аничков дворец.

Посылаю Вам, любезный граф, письмо, полученное мною от гр. Воронцова-Дашкова [1]), и при нем прокламацию, которую получил один из офицеров л.-гв. Финляндского полка. В особенности обращаю Ваше внимание на умные действия петербургской полиции.

Александр.

Ваше высочество,

Полковник Теннер [2]) мне сегодня принес прилагаемую прокламацию, полученную поручиком Ивановым, одним из офицеров, бывших в гл. карауле 5 февраля. Прокламация получена в прошлую ночь и тотчас же полковником Теннером отнесена градоначальнику. Доношу об этом Вашему высочеству для сведения.

При этом меня поразил рассказ п. Теннера про массу городовых, собранных в полиции для обыска 250 домов и в числе их какой-то столярной мастерской, в которой собираются господа социалисты.

Ежели посторонний человек, случайно зашедший, мог, вероятно, без особых хлопот, узнать о цели и приблизительном направлении скопища полицейских, то как же социалисту, приставленному к наблюдению за полицией, или даже в ней служащему, подробно не узнать все и во-время не сообщить?

Душой преданный

М. Воронцов.

3.

27 февраля 1880 г.

Любезный граф, можете ли Вы заехать ко мне сегодня вечером в 9 часов? Если же Вы заняты и Вам нет времени, пожалуйста, не стесняйтесь: я могу назначить другой день. Давно с Вами не виделся и не говорил [3]).

Александр.

4.

3 марта 1880 г.

Аничков дворец.

Любезный граф, можете ли Вы заехать ко мне сегодня вечером в 9 ч. *), чтобы поговорить?

Вместе с этим посылаю Вам полученную мною просьбу. Из дел III отд., наверно, можно будет узнать, что за личность этот Лопатин [4]) и заслуживает ли он внимания [5])?

Александр.

5

9 марта 1880 г.

Я прочел, любезный Михаил Тариелович, Вашу записку и откровенно Вам скажу, что она меня вполне удовлетворяет [6]).

Дай бог, чтобы государь так же отнесся к ней, и тогда можно будет действовать решительнее и с полным спокойствием.

Дай бог в добрый час!

Цесаревич Александр.

6.

14 марта 1880 г.

Palais Anitshkoff.

Любезный граф, если Вы можете, заезжайте ко мне сегодня, пожалуйста, около 9 ч. вечера.

Мне более не удается быть на Ваших докладах у государя, и я ничего не знаю.

А.

*) Зачеркнуто: 10 ч.

7.

15 марта 1880 г. *).

Считаю долгом почтительно доложить Вашему императорскому высочеству, что сегодня я ездил к министру двора и ознакомился с запискою, представленною вчера полковником Федоровым [7]) относительно обязанностей заведывающего дворцом. Записка эта будет доложена завтра графом Адлербергом [8]) государю императору, и можно надеяться, что она удостоится высочайшего утверждения. По мнению моему, записка составлена, в главных основаниях, толково, хотя и нет сомнения, что потребует впоследствии, как всякое начинание, некоторых изменений или дополнений.

Сегодня же я счел необходимым опросить подробно во дворце дежурного по караулам и других о существующем порядке пропуска во дворец лиц военного и гражданского ведомств. Подробности этого дела, а также личные соображения мои, буду иметь честь доложить Вашему высочеству при первом случае.

Генерал-адъютант граф *Лорис-Меликов*.

8.

23 марта 1880 г.

Завтра в 2 часа назначено заседание комитета министров, в коем будет обсуждаться вопрос о правах генерал-губернаторов и об отношениях их к главному начальнику верховной комиссии [9]).

Ввиду этого не могу, к сожалению, воспользоваться милостивым разрешением быть у Вашего высочества завтра в 2 часа.

Представляю при сем письмо г. Лихачева [10]). Подробности буду иметь честь доложить лично.

Генерал-адъютант гр. *Лорис-Меликов*.

9.

24 марта 1880 г.

Мне так досадно, любезный граф, что не удалось вчера повидаться с Вами. Если Вы могли бы заехать сегодня ко мне после заседания комитета министров, до 6 ч. я дома и свободен и буду Вас ждать.

К сожалению, не могу назначить позже, потому что у меня музыкальный вечер.

Александр.

---

*) «1880» приписано красным карандашом; то же самое далее в письмах №№ 8, 11, 15, 16, 18.

10.

29 марта 1880 г

Считаю долгом представить при сем экземпляр весьма интересных показаний Гольденберга [11]). Экземпляр этот составлен для Вашего императорского высочества и потому возвращению не подлежит.

Согласно полученного разрешения, явлюсь сегодня в $8^1/_2$ часов вечера.

Генерал-адъютант гр. *Лорис-Меликов*.

11

2 апреля 1880 г

Долгом считаю представить при сем для прочтения Вашему императорскому высочеству весьма интересную записку, составленную лично для меня статс-секретарем Каханновым [12]) по поводу продолжительной переписки или, выражаясь точнее, пререканий между министерством юстиции и III отделением. В записке Каханова изложены, по мнению моему, некоторые взгляды о нашем судебном ведомстве столь метко, что во мне явилось желание ознакомить Ваше высочество с ее содержанием.

Генерал-адъютант гр. *Лорис-Меликов*.

12.

2 апреля 1880 г.

Весьма дельно и, к сожалению, справедливо. Желательно было бы показать эту записку государю, чтобы он убедился, до чего ненормально и неправильно направление министерства юстиции

А. *).

13.

9 апреля 1880 г.

Согласно полученному мною разрешению, имею честь представить при сем на предварительное прочтение и для личного сведения Вашего императорского высочества записку, составленную для государя императора [13]).

С первого дня назначения моего на должность главного начальника верховной распорядительной комиссии я дал себе обет действовать не иначе, как в одинаковом с Вашим высочеством направлении.

*) Эта записка написана карандашом.

находя, что от этого зависит успех порученного мне дела и успокоения отечества.

Буду счастлив, если Ваше высочество соизволите одобрить записку вполне или сделать какие-либо замечания на изложенные в ней мысли, которые, несомненно, приму к руководству.

В этих соображениях дозволяю себе представить Вам записку вчерне. Она будет окончательно переписана лишь по возвращении от Вас.

Смею надеяться, что, по прочтении, Ваше высочество разрешите мне явиться к Вам для представления устных объяснений и дополнений.

Генерал-адъютант гр. *Лорис-Меликов*.

14.

11 апреля 1880 г.

Аничков дворец.

Любезный Михаил Тариелович, можете ли Вы заехать ко мне сегодня до 9 ч. вечера переговорить о Вашей записке?

Александр.

15.

11 апреля 1880.

Сегодня в 9 часов вечера буду иметь честь явиться к Вашему высочеству. Заранее прошу извинения, если запоздаю 10 или 15-ю минутами: возвратясь домой, узнал, что, по приказанию государя императора, министр народного просвещения [14]) заезжал ко мне по какому-то делу и в $8^1/_2$ часов вечера хотел снова быть у меня.

О результате представленной мною сегодня записки не могу еще доложить Вашему высочеству что-либо определительное. Государь прочтет ее сегодня и, вероятно, выразит завтра, при докладе моем, свое личное мнение. Опасаюсь лишь одного, чтобы его величество не передал записки кому-либо из министров, для прочтения которых можно будет составить особую записку, имеющую более служебную форму, чем та, которая представлена сегодня государю—для личного сведения.

Генерал-адъютант гр. *Лорис-Меликов*.

16.

12 апреля 1880 г.

На случай, если записка моя, с последовавшими на ней резолюциями, не была передана Вашему высочеству сегодня утром государем императором, считаю долгом представить Вам при сем для прочтения.

Подробности происходившего при всеподданнейшем докладе моем буду иметь честь передать Вашему высочеству при личном свидании.

По прочтении благоволите приказать возвратить мне записку.

Генерал-адъютант гр. *Лорис-Меликов*.

17.

12 апреля 1880 г.

Слава богу! Не могу выразить, как я рад, что государь так милостиво и с таким доверием принял Вашу записку, любезный Михаил Тариелович.

С огромным удовольствием и радостью прочел все пометки государя; теперь смело можно идти вперед и спокойно и настойчиво проводить Вашу программу на счастье дорогой родины и на несчастье г.г. министров, которых, наверно, сильно покоробит эта программа и решение государя, да бог с ними!

Поздравляю от души и дай бог хорошее начало вести постоянно все дальше и дальше и чтобы и впредь государь оказывал Вам тоже доверие!

Я Вам очень благодарен за это приятное сообщение; мне государь не говорил ничего про записку, так что я ничего не знал о ее судьбе.

От души Ваш

Александр.

18.

16 апреля 1880 г.

По некоторым изменившимся обстоятельствам, имею честь покорнейше просить Ваше высочество повременить объяснением Вашим с государем императором о гр. Толстом. Причину этой (двухдневной) приостановки доложу лично при первом разрешении явиться к Вашему высочеству.

Генерал-адъютант гр. *Лорис-Меликов*.

19.

29 апреля 1880 г.

По приказанию государя императора, честь имею представить при сем Вашему императорскому высочеству показания, данные арестанткою Андреевскою, содержащеюся ныне в доме предварительного заключения. Дальнейшие сведения, которые будут добыты от Андреевской, я не премину представить также Вашему высочеству.

Генерал-адъютант гр. *Лорис-Меликов*.

20.

8 мая 1880 г.

Аничков дворец.

Любезный граф, мы так давно с Вами не видались, что я был бы очень рад, если Вы могли бы заехать ко мне сегодня в $9^1/_2$ часов вечера.

Александр.

21.

18 мая 1880 г.

Честь имею представить на усмотрение Вашего императорского высочества полученное мною сего числа донесение и. д. градоначальника, основанное на данных, добытых агентурным путем. Обязываюсь присовокупить, что подобного рода донесения поступают ко мне весьма часто, но по проверке оказываются в большей части вымышленными. Поэтому я полагал бы не докладывать государю императору о содержании упомянутого донесения, впредь до более тщательного расследования.

Представляю также письмо, полученное мною от полковника Баранова из Парижа.

Генерал-адъютант гр. *Лорис-Меликов.*

22.

18 мая 1880 г.

Очень Вам благодарен, любезный Михаил Тариелович, за присылку письма Н. М. Баранова, которое весьма интересно, и кажется, что его взгляд на многое верен.

Что же касается до донесения Федорова, то я почти уверен, что это вздор, но, конечно, следить за этим необходимо.

Я очень рад, что Вы не докладываете подобные донесения государю, это только его раздражает и напрасно тревожит.

Одно, что заслуживает внимания, это то, что надо весьма зорко следить за этим поганым патронным заводом; это положительно гнездо пропагандистов и уже издавна.

Надеюсь, когда будет у Вас время, Вы заедете ко мне на Елагин, только, пожалуйста, телеграфируйте или напишите накануне, а то, пожалуй, не застанете меня дома. Ваш

Александр.

23.

21 июня 1880 г.

Царское Село.

При сем честь имею представить Вашему императорскому высочеству письма и телеграммы, полученные мною в последние 4 дня от посла нашего в Лондоне кн. Лобанова [16]). Хотя можно предполагать, что заявление, сделанное Сарачинским, вымышлено и имеет целью лишь вымогательство денег, но при всем том невозможно не принять некоторых мер предосторожности, так как социалисты, теряя в последнее время под собою почву, могут быть подвинуты руководителями своими на какое-либо неожиданное и, так сказать, отчаянное предприятие.

Для усиления надзора в Гапсале, командируются сегодня 5 агентов. Смею думать, что Ваше высочество не станете гневаться на это распоряжение.

Письма кн. Лобанова были представлены мною государю императору, ибо я не счел себя в праве умалчивать о сведениях, сообщаемых нашим послом.

Полковник Баранов и ординарец мой майор Литвинов выехали вчера в Женеву и за сим о всяком подтверждении каких-либо фактов из показаний Сарачинского я не замедлю довести до сведения Вашего императорского высочества.

Благоволите приказать по прочтении представляемой переписки возвратить мне обратно с командируемым мною фельдъегерем.

Генерал-адъютант граф *Лорис-Меликов.*

24.

Гапсаль. 1880 г. 23 июня.

Благодарю Вас очень, любезный граф Михаил Тариелович, за письмо и присланные бумаги.

Хотя я тоже уверен, что все эти слухи вымышленные, но, конечно, осторожность не мешает, и нужно принять некоторые меры предосторожности. Что касается до Гапсаля, то вряд ли здесь нужно принимать новые меры, так как здесь уже они приняты и здесь так спокойно и тихо.

Главное, что желательно было бы, это — надзор за приезжающими на пароходах и по почте, на это если употребить вновь присланных вами агентов, было бы весьма полезно и необходимо, а во всем остальном они будут бесполезны, так как полиции здесь довольно, и потом я взял с собою моих казаков-кубанцев.

Здесь отлично, тихо, спокойно и погода великолепная, так что наслаждаемся вполне.

До свидания 29 июня в Царском Селе.

Жму Вам крепко руку. Ваш

Александр.

25.

Гапсаль. 1880 г. 18 июля.

Любезный граф Михаил Тариелович, возвращаю Вам оба номера «De la Nouvelle Revue», которые Вы мне одолжили перед нашим отъездом в Гапсаль.

Я прочел статьи с большим интересом и могу сказать откровенно, что они сделали на меня самое отвратительное впечатление.

Ясно видно из многих фактов, что все источники идут от в. к. Николая Николаевича [17]), и решительно никто, кроме его и Непокойчицкого [18]), не могли знать многого, что напечатано теперь. Есть вещи справедливые, но рядом с этим самая наглая ложь и выдумка, что доказывает тенденциозность этих статей и для чего они были напечатаны.

Если *) Никол. Никол. не был бы п р о с т о г л у п, я бы прямо назвал бы его п о д л е ц о м, потому что все эти статьи ничто иное, как явная ложь и великая подлость!

Не понимаю только одного, кто этот мерзавец, который мог предложить Ник. Ник. подобную статью, или это его собственная инициатива в этом милом деле.

Пожалуйста, сообщите мне все подробности этого дела, которые Вы могли собрать, меня весьма интересует знать, кто эта личность, которая предложила свои подлые услуги.

Слава богу, у нас все благополучно, и мы продолжаем наслаждаться чудной погодой, морскими купаньями и, главное, тишиной и спокойствием симпатичного Гапсаля!

Пожалуйста, если есть что нового и интересного, напишите мне.

Как была встреча Грейга [19]) с Бунге [20])?

К. П. Победоносцев [21]) обещал писать, да ничего до сих пор от него не получал, пожалуйста, скажите ему это, когда увидитесь.

До свидания, любезный граф Михаил Тариелович. Жму Вам крепко руку. Ваш

Александр.

---

*) Первоначально было написано: «Есть ли».

26.

31 июля 1880 г. Царское Село).*

Глубоко признателен Вашему императорскому высочеству за письмо от 19 (sic!) июля, которым Вам угодно было почтить меня.

Долгом считаю представить при сем копию со всеподданнейшего доклада моего от 26 сего июля [22]). Сколько могу судить, доклад этот был принят государем императором весьма благосклонно; окончательного решения еще не последовало и, по всем вероятиям, его величество признает нужным переговорить предварительно о возбужденном мною вопросе с гр. Валуевым [23]) и ст.-секретарем Маковым [24]). Не скрою от Вашего высочества, что для вящего успеха дела я имел в виду представить доклад лишь по возвращении Вашем из Гапсаля; но некоторые случайные обстоятельства, изложением которых не смею обременять Вас в настоящем письме, побудили меня ускорить представлением, дабы вопрос получил окончательное решение до отъезда государя императора в Ливадию.

Статья, появившаяся в «La Nouvelle Revue» о русско-турецкой войне, по имеющимся здесь сведениям, написана при посредстве доктора Шершевского [25]), состоящего при великом князе Николае Николаевиче. Из прилагаемых двух статей «Голоса» и выписок из перелюстрованных писем **) Ваше высочество изволите усмотреть достоверность этого предположения. В военном министерстве изготовлена ответная статья, которая, вероятно, появится скоро в одном из наших журналов и, без сомнения, будет переведена на французский язык. Статья составлена дельно и местами весьма ясно намекает, какими источниками пользовался автор памфлета, появившегося во французском журнале. Статья в «Nouvelle Revue» не могла не огорчить государя; взгляд его по отношению к тенденциозности и неблаговидности напечатания за границею анонимных статей совершенно совпадает с мнением Вашим, и при передаче мне для прочтения изготовленной ответной статьи я доложил государю содержание той части Вашего письма, в которой Вы высказываете вполне одинаковое мнение относительно автора памфлета. Явления подобного рода не могут нас радовать уже потому, что, преследуя подпольную печать, проявляющуюся в среде нигилистов и других негодяев, мы сами как будто бы практикуем ремесло это свыше, чем, очевидно, расширяем дисциплину понятий даже в войсках.

Новый товарищ министра финансов Бунге прибыл дней с 10 тому назад и вступает, по случаю отъезда генерала Грейга на $2^1/_2$ месяца, в управление министерством. Я виделся с Бунге уже два раза,

*) На первой странице этого письма, в правом верхнем углу, имеется пометка рукой Александра: «Получил в Гапсале 2 августа 1880 г.».

**) Указываемых статей и выписок при оригинале письма нет.

говорил с ним о некоторых предметах и вынес убеждение, что человек этот приложит все свои знания и старания, дабы сколько-нибудь облегчить то трудное положение финансовое, в котором мы находимся ныне. На все это, конечно, нужно время, так как для полного финансового оздоровления потребны не месяцы, а целые годы; в данную же минуту назначение Бунге может лишь способствовать восстановлению в обществе поколебленного доверия к нашей финансовой администрации. Что касается Грейга лично, то, при неожиданном для него назначении Бунге, он совершенно подчинился твердо выраженной воле государя и сам, конечно, не станет противодействовать своему новому товарищу; но нельзя не опасаться, чтобы искусившиеся в интригах чиновники, ревниво смотрящие на непрошенного сослуживца-начальника, не вредили ему в предстоящей деятельности и не создавали бы ему постоянных затруднений, в борьбе с которыми Бунге вынужден будет терять, лишь понапрасну, дорогое время.

Я признал полезным и необходимым передать г. Бунге при первом же свидании, что Ваше высочество милостиво относитесь к нему, и что в разумных своих начинаниях он всегда может рассчитывать на Вашу поддержку.

Дело нигилистов находится в том же положении, в каком оно было во время недавнего пребывания Вашего высочества в Царском. Активных действий, за исключением одного случая, хотя и не проявляется, но самое это затишье побуждает нас усугублять надзор. Недавно произведено в Петербурге четыре весьма важных ареста. Одна из задержанных—дочь отставного гв. ротмистра Дурново [26]), как видно из взятых у нее бумаг, несомненно, состоит деятельным членом московского революционного комитета. Сюда она прибыла, по всей вероятности, как посредница между московским и петербургским комитетами, так как при ней найдена и касса в 3500 рублей. В схваченных у Дурново бумагах имеется указание на отправленный с нею печатный станок, вероятно, ручной; но до сих пор станок этот еще не открыт; арестованная сама не хочет давать п о к а никаких показаний. При ней же найден «Устав федерального общества «Земля и Воля». Второй арестованный З а х а р ч е н к о взят на Литейной, вместе с гражданскою женою еврейкою Рубанчик. Захарченко сознался уже, что работал в подкопе, сделанном прошлою осенью в Александровске Екатеринославской губернии, и пояснил, что взрыв не последовал благодаря только случайности, вследствие дурного действия проволок, обнаружившемся во время сомкнутия электрического тока. Арестованный в том же доме на Литейной С и д о р е н к о [27]) отказывается еще от всяких показаний; при нем захвачены письменные доказательства принадлежности его к революционному сообществу.

24 сего июля задержан Александр (? *Ред.*) П р е с н я к о в [28]), разыскивавшийся с 1878 года. Будучи арестован два года тому назад, Пресняков бежал из Адмиралтейской части, вслед за Кропоткиным и на вороной лошади. В прошлом году он был в Париже и в среде ниги-

листов всегда слыл за отчаянного фанатика. Ныне, при задержании Преснякова 25 июля, он ранил смертельно швейцара и легко в руку дворника. Виселица, конечно, не минует этого негодяя; но, к сожалению, он не хочет еще говорить; не именует скрывшегося товарища своего и поэтому приходится, по необходимости, отложить до времени предание его военному суду.

Недели с две тому назад появились, было, листки Народной Воли, отпечатанные на ручном станке и в весьма ограниченном числе. Есть полная вероятность, что листки эти печатались где-либо в окрестностях Москвы и привезены сюда девицею Дурново. Распространителем здесь листков оказался некто Иванчин-Писарев [29]), давно известный III отделению, как ярый революционер. Вот уже более 2 недель, как мы разыскиваем Иванчина но, к сожалению, не можем до сих пор захватить его. Из числа 150 экземпляров отпечатанных Народной Воли, 115 успели задержать в почтовых ящиках, так что листок не получил большого распространения. Один экземпляр листка решаюсь препроводить к Вашему высочеству, несмотря на то, что вся вторая половина его посвящена самому непристойному глумлению надо мною *).

Не знаю, дошло ли до сведения Вашего высочества, что Гольденберг на прошлой неделе повесился в своей камере в Петропавловской крепости, оставив обширные записки о причинах, побудивших его к самоубийству. Вся прошлая неделя замечательна тем, что независимо Гольденберга в Петропавловской крепости и в доме предварительного заключения было три покушения на самоубийство. Студент Броневский [30]) повесился, было, на простыне, но был снят в самом начале покушения. Хищинский отравился раствором фосфора и приведен в чувство своевременно поданным медицинским пособием, наконец, Малиновская [31]), осужденная в каторжные работы, пыталась два раза лишить себя жизни, но была во-время предупреждена.

Я коснулся этих явлений, так как они приводят к прискорбному заключению, что на исцеление людей, заразившихся социальными идеями, не только трудно, но и невозможно рассчитывать. Фанатизм их превосходит всякое вероятие; ложные учения, которыми они проникнуты, возведены у них в верования, способные довести их до полного самопожертвования и даже до своего рода мученичества.

К. П. Победоносцев возвратился третьего дня и рассказывал мне подробности отрадного пребывания своего в Гапсале; всею душою завидовал ему потому только, что не имею возможности приехать в Гапсаль.

Повергаю к стопам государыни цесаревны мой глубочайший поклон и пожелания ее высочеству постоянных семейных радостей.

Преданный Вашему высочеству слуга

гр. *Михаил Лорис-Меликов.*

*) Листка при письме не сохранилось.

P. S. Прошу великодушного снисхождения за спешность письма и неразборчивость почерка; при массе занятий мне довелось писать его в присутствии разных докладчиков и посетителей.

Сегодня государь император соизволил повелеть гр. Валуеву изготовить проект указа, совершенно согласный с содержанием представленного мною 26 июля всеподданнейшего доклада.

27.

1880 г. 3 августа.

Гапсаль.

Благодарю Вас от души, любезный граф Михаил Тариелович, за Ваше длинное и интересное письмо и за приложение к нему.

Ваш доклад государю прочел я с большим любопытством и удовольствием. Мне уже передавал, по Вашему поручению, К. П. Победоносцев о сущности дела, и я вполне разделяю Ваш взгляд на невозможность продолжения существования верховной комиссии в том виде, как она была до сих пор. Что меня в особенности обрадовало, это то, что в конце письма Вы пишете, что государь приказал Валуеву изготовить проект указа, согласный с содержанием Вашего доклада от 26 июля. Значит, государь согласен, и дело будет исполнено, и слава богу.

Мне государь писал, что по поводу статей в «Nouvelle Revue» он имел весьма неприятное и тяжелое объяснение с Ник. Ник. и что при этом он ему высказал всю правду, так что государь прибавляет в письме: «не знаю, что он (т.-е. Н. Н.) сделает теперь, но если будет проситься уйти, я е г о н е у д е р ж у». Значит, государь весьма не доволен поведением своего брата, и я могу откровенно Вам признаться, что я о ч е н ь р а д, что, наконец, государь энергично начал действовать с семейством, а то они позволяют себе все и безнаказанно.

Теперь бы не мешало и старшему (sic!) брату государя, при удобном случае, тоже дать хорошего нагоняя!

Надеюсь, что Бунге во время своего $2^1/_2$-месячного управления мин. финансов положит начало новой финансовой эры и что подчиненные не будут слишком интриговать против него.

Я буду очень рад увидеть его и переговорить с ним при моем возвращении.

При этом возвращаю Вам все бумаги и приложения, кроме листка Народной Воли, который я не успел еще прочесть, а фельдъегеря я не хочу задерживать; пришлю или привезу его сам.

Цесаревна поручила мне очень Вас благодарить за поклон и просит передать и ее.

До свидания, любезный граф Михаил Тариелович; я надеюсь 13 августа быть в Царском Селе. С большим сожалением расстанемся мы с милым Гапсалем, но что же делать—всему свой конец!

Жму Вам крепко руку. Ваш *Александр.*

28.

3 сентября 1880 г.

Петербург.

Долгом считаю доложить Вашему императорскому высочеству, что вчерашнего числа у министра юстиции, в присутствии моем и сенаторов, назначенных для ревизии некоторых губерний, происходило обсуждение проекта инструкции, составленной на основании указаний, сообщенных министерствами: внутренних дел, финансов, юстиции и народного просвещения, и подлежащей представлению на высочайшее утверждение [32]). В совещании возбужден был мною вопрос о том, не надлежало ли бы передать проект инструкции, предварительно представления его государю императору, на рассмотрение государственного совета или комитета министров?

При обсуждении этого вопроса присутствующие нашли, что проект не подлежит рассмотрению вышеназванных учреждений: государственного совета—потому, что такое рассмотрение не входит в круг предметов, подлежащих ведению его, как учреждения законодательного, а комитета министров—потому, что некоторые члены находятся в отсутствии; остальные же сами участвовали в его составлении. Но, вместе с тем, все присутствующие полагали необходимым испросить разрешение Вашего императорского высочества, чтобы проект инструкции, прежде представления на высочайшее усмотрение, был доложен Вашему высочеству, в присутствии председателя комитета министров, как не участвовавшего в составлении означенного проекта, министра юстиции и моем.

Если Вашему высочеству благоугодно будет одобрить настоящее предположение, а равно, если Вы соизволите разрешить пригласить к совещанию и самих ревизующих сенаторов, что, по моему убеждению, было бы весьма полезно, то по получении о том приказания Вашего высочества, я сделаю необходимые распоряжения.

Генерал-адъютант граф *Лорис-Меликов.*

29.

11 сентября 1880 г.

Петербург.

Долгом считаю представить при сем Вашему императорскому высочеству на прочтение записку статс-секретаря Жомини [33]) с приложениями.

С своей стороны находил бы совершенно излишним представлять означенную переписку государю императору, во-первых, потому, что сведение о намерении взорвать яхту «Ливадия» доставлено в посоль-

ство известным уже нам шарлатаном Мейном, а во-вторых, что самое сведение это сообщено адмиралу Попову [34]), который, несомненно, примет меры для спасения излюбленного им судна.

Если Ваше высочество соизволите разделить мнение мое относительно излишества представления государю императору письма князя Лобанова, то в этом смысле я отвечу ст.-секр. Жомини.

В заключение обязываюсь доложить, что князь Лобанов, к сожалению, весьма неразборчиво относится вообще к заявлениям, делаемым ему всевозможными проходимцами, и таким образом, сообщая нам непроверенные на месте сведения, вызывает лишь напрасную тревогу и вовлекает в непроизводительные и крупные расходы.

Считаю не излишним доложить, что, по дошедшим до меня слухам, известие о пробе яхты «Ливадия», помещенное недавно в газете «Новое Время», было будто бы сообщено адъютантом генерала-адмирала Семечкиным [35]), который получил о том сведение от одного из свиты его высочества. За достоверность этого слуха я, впрочем, не ручаюсь.

Генерал-адъютант граф *Лорис-Меликов*.

30.

1880 г. 11 сентября.

Петергоф

Простите мне, любезный граф Михаил Тариелович, что отвечаю на Ваше письмо только сегодня. Как я Вам телеграфировал, мы были два дня на охоте в Гатчине и поэтому не мог ответить раньше.

Я был бы очень рад прочесть инструкцию для ревизующих сенаторов в Вашем присутствии, а так же Валуева и Набокова [36]), но что касается приглашения в это совещание самих сенаторов, я не считаю себя в праве это сделать, так как это было бы нечто в роде совещания под моим председательством, на что я не получал ни приказаний, ни разрешения государя.

Итак, я полагаю ограничиться прочтением этих инструкций у меня в присутствии Валуева, Набокова и Вас, в понедельник, 15 числа, в Петергофе в $11^1/_2$ утра.

Сенаторов, во всяком случае, я желал бы видеть до их отправления на ревизии и поговорить с ними, но это я успею сделать позже, так как они еще не уедут ранее конца месяца.

Ваш от души

Александр.

31.

22 ноября 1880 г.

Любезный граф Михаил Тариелович, мне бы очень хотелось с Вами поговорить, но не знаю, можете ли Вы заехать ко мне сегодня вечером к 9 часам.

Если сегодня Вам нет времени, то завтра в то же время. Пожалуйста, дайте мне ответ.

Ваш от души

Александр.

32.

15 дек. 1880 г.

Любезный граф Михаил Тариелович, можете ли Вы заехать сегодня вечером ко мне к 9 часам? Давно не видались и есть о чем переговорить.

Ваш *А.* *).

33.

15 декабря 1880 г.

Сейчас получил приказание приехать в $9^1/_2$ часов к вечернему собранию в Зимний дворец; поэтому испрашиваю соизволения Вашего императорского высочества явиться, вместо сегодня, завтрашнего числа. Крайне сожалею, что неожиданно лишен возможности видеть Ваше высочество, тем более, что имею и с своей стороны доложить о некоторых вопросах.

Генерал-адъютант гр. *Лорис-Меликов.*

34.

17 дек. 1880 г.

Я очень сожалею, любезный Михаил Тариелович, что вчера не удалось нам видеться.

Предлагаю Вам приехать ко мне в пятницу вечером, 19 числа, в 9 часов. Сегодня едем с государем на охоту в Гатчину.

Ваш *А.* *).

35.

20 декабря 1880 г.

Любезный граф Михаил Тариелович, посылаю Вам на прочтение статью газеты «Страна», которую я нахожу в высшей степени неприличною.

Крайне не желательно, чтобы дозволялось газетам писать о внутреннем быте полков и их домашней жизни. К сожалению, это уже

*) Записка написана карандашом.

третья статья в газетах в том же роде, и это постоянное науськивание офицеров на своих полковых командиров весьма прискорбно и подло.

Мне кажется, что нельзя запретить говорить газетам о военном деле вообще, об администрации, но мне тоже кажется, что можно положительно запретить газетам писать о внутрен. жизни полков, а тем более так нагло врать, потому что все эти истории, поднятые газетами, не более не менее, как чистая ложь и клевета, и ничего подобного в полках не было.

Еще раз настойчиво прошу, чтобы было внушено газетам и этим мерзким петербургским писакам, чтобы они не смели задевать полки и не писали бы более подобных статей.

Ваш *Александр.*

36.

21 декабря 1880 г.

Приказание Вашего императорского высочества по поводу помещенной в № 99 газеты «Страна» передовой статьи, я имел честь получить вчера вечером. Весьма сожалею, что о существовании ее мне не было известно раньше. Вполне разделяя, и с своей стороны, убеждение о неудобствах появления в печати статей, касающихся внутренней жизни полков и могущих возбудить неприязненные отношения между начальствующими и подчиненными, крайне вредные в интересах военной службы, я сегодня же приму соответствующие меры к недопущению на будущее время статей, подобных напечатанной в «Стране» и ранее этого в «Петербургских Ведомостях». В этом смысле мною, вместе с сим, изготовляются должные указания главному управлению по делам печати, а редакторам бесцензурных изданий будет объявлено особым циркуляром воспрещение, под страхом законного взыскания, печатать статьи, касающиеся внутреннего быта полков, направленные к возбуждению в среде военнослужащих розни и колебанию дисциплины. Но так как распоряжения мои могут быть приведены в исполнение не ранее завтрашнего дня, то я позволяю себе испрашивать снисхождение Вашего высочества, если бы в наших периодических изданиях появились случайно, до вторника утром, какие-либо статьи по тому же предмету, предупредить которые, при существующих условиях печати, вне моей власти.

Генерал-адъютант гр. *Лорис-Меликов.*

37.

22 дек. 1880 г.

Любезный граф, вчера после обеда кн. Юрьевская [37]) передала мне, что она имела с Вами разговор, содержание которого она желала бы, чтобы Вы передали мне.

Если это спешное дело, то можете ли Вы заехать ко мне сегодня часов вечера, так как я еду потом на охоту?

Если же особенной спешности нет, то я могу назначить другой день.

Отвечайте, пожалуйста, как Вам удобнее.

Ваш *Александр* *).

38.

22 декабря.

Хотя спешного в переданном мне разговоре ничего нет, но, пользуясь разрешением, буду иметь честь явиться к Вашему императорскому высочеству сегодня в 5 часов, чтобы доложить кстати о появившейся в газете «Страна» статье относительно полковника Грипенберга [38]).

Генерал-адъютант гр. *Лорис-Меликов.*

39.

21 января 1881 г.

Любезный граф Михаил Тариелович, можете ли Вы заехать сегодня вечером ко мне в 9 ч., чтобы переговорить о записке, которую я прочел с большим интересом, но необходимо о многом переговорить [39]).

Ваш *А.*

40.

2 марта 1881 г.

Благоугодно ли будет повелеть, чтобы при переездах Вашего императорского величества из Аничкова дворца в Зимний конвойные казаки сопровождали Ваш экипаж?

Со своей стороны, позволяю себе всеподданнейше доложить, что, ввиду значительного стечения народа на улицах, предосторожность эта, казалось бы мне, на первых, по крайней мере, днях, необходимою (sic!).

Генерал-адъютант гр. *Лорис-Меликов.*

41.

3 марта 1881 г.

Квартира, из которой 1 марта были выданы двум злодеям снаряды, употребленные ими в дело, открыта сегодня пред рассветом.

*) Записка написана карандашом.

Хозяин квартиры застрелился, жившая с ним молодая женщина арестована [40]). Найдены два метательные снаряда и прокламация по поводу последнего преступления, при сем представляемая *).

Подробное донесение будет всеподданнейше представлено Вашему императорскому величеству сегодня к полудню.

Генерал-адъютант гр. *Лорис-Меликов.*

42.

1 марта 1881 г.

Сегодня в два часа по полудни, в Малой Садовой, открыт подкоп из дома графа Менгдена из сырной лавки. Предполагается, что в подкопе установлена уже батерея. К осмотру экспертами будет приступлено. Пока обнаружено, что вынутая земля скрывалась в турецком диване и бочках. Лавка эта была осматриваема полициею до 19 февраля вследствие подозрений, которые навлекли на себя недавно прибывшие в столицу хозяин лавки крестьянин К о б о з е в [41]) и его жена; но при осмотре ничего в то время не было обнаружено.

Сегодня в ночь решено произвести осмотр всех подвальных помещений в зданиях по Манежной площади.

Генерал-адъютант гр. *Лорис-Меликов* **).

43.

1 марта 1881 г.

Не соизволите ли Ваше императорское величество признать возможным совершить переезд в Зимний дворец не в назначенное (sic!) для панихиды время, а ранее хотя одним часом?

Прошу великодушного прощения за настоящую просьбу. Сердце Ваше поймет руководящее мною чувство.

Генерал-адъютант гр. *Лорис-Меликов.*

44.

12 марта 1881 года.

На двух последних допросах, происходивших вчерашнего и сего числа, государственный преступник Рысаков [42]), обнаружив желание раскрыть все известные ему обстоятельства заговора, предшествовавшего злодейскому преступлению 1 марта, указал на нижеследующее:

*) К письму приложено объявление «От Исполн. Комитета» о казни Александра II, напеч. 2 марта 1881 г. в типографии «Народной Воли».

**) Письмо написано чужой рукой и только подписано Лорис-Меликовым; последним вписано также слово «вынутая».

1. Прежде чем устроить конспиративную квартиру на Тележной улице, заговорщики имели подобную же квартиру в доме № 27 по Троицкому переулку.

2. Найденный в квартире по Тележной улице план местности, прилегающей к месту совершения преступления, был составлен Перовскою [43]) с указанием на нем постов, которые должны были занять злодеи для осуществления своего преступного замысла.

Произведенным уже расследованием удостоверено, что в указанной Рысаковым квартире по Троицкому переулку проживала Геся Гельфман [44]) и была устроена тайная типография *).

Допросы будут продолжаться всю ночь.

Генерал-адъютант гр. *Лорис-Меликов*.

Прокурор судебной палаты и его помощник, на основании имеющихся пока данных, приходят к выводу, что злоумышленники изыскивали еще только пути для совращения комендантского писаря и двух жандармов—сторожей Алексеевского равелина. Правильность этого вывода может только разъясниться при дальнейшем дознании. Об этом считаю долгом дополнительно всеподданнейше доложить Вашему величеству [45]).

Генерал-адъютант гр. *Лорис-Меликов*.

45.

14 марта 1881 г.

Всеподданнейше докладываю, что из числа упоминаемых в шифрованной записке Перовской лиц, оказались: писарь комендантского управления—Александр Дубровин [46]) и жандармы при Алексеевском равелине Исаков [47]) и Александров [48]). Обыск продолжается; арестованные будут доставлены немедленно в управление, где производится дознание.

Подробный осмотр равелина, Трубецкого бастиона и вообще крепости вместе с сим производится.

Генерал-адъютант гр. *Лорис-Меликов*.

Если по доставлении арестованных показания их окажутся существенными, то не замедлю доложить об этом Вашему величеству.

46.

Всеподданнейше докладываю, что по показаниям, отобранным вчерашнего числа у арестованного студента Якубовского, задержаны

*) Начало письма до слова «допросы» написано чужой рукой; начиная же со слова «допросы» до конца написано рукой Лорис-Меликова. Часть письма от слов «прокурор судебный палаты» — postscriptum.

сегодня два студента С.-Петербургского университета Аркадий Тырков [49]) и Фермор), а также девица Оловянникова, дворянка Курской губернии [50]).

По предъявлении этих лиц преступнику Рысакову, он признал в них «Лизу» и «Аркадия», следивших вместе с ним за проездом в бозе почившего государя императора.

После подобных наблюдений Аркадий водил обыкновенно Рысакова на конспиративную квартиру для отчета о своих наблюдениях Перовской. На этой же квартире Рысаков встречал Лизу, оказавшуюся Оловянниковой, сестрой жены арестованного в начале февраля Баранникова (он же Кашурников, Тюриков, Алафузов), уроженец Курской губернии [51]).

Рабочий «Петруха» [52]), упоминаемый в шифрованной записке Перовской, также открыт.

Генерал-адъютант гр. *Лорис-Меликов.*

47.

14 марта 1881 г.

В газете «Молва» от сегодняшнего числа и в «Русском Курьере», издаваемом в Москве, появились передовые статьи, заключающие в себе косвенные указания на пользу представительного правительства в России.

Всеподданнейше докладываю, что, озабоченный сегодня и завтра множеством спешных распоряжений, я вынужден отложить до понедельника обсуждение вопроса относительно необходимости преследования этих статей.

В понедельник поставлю себе также в обязанность доложить Вашему императорскому величеству подробно о причинах, побудивших меня привлечь к судебной ответственности редакцию «С.-Петербургских Ведомостей» за статью 10 марта, направленную огульно против всей русской администрации прошедшего царствования, так как мера эта, вызвав полное одобрение весьма многих, навлекла, однако, к удивлению моему, нарекания со стороны некоторых лиц.

Генерал-адъютант гр. *Лорис-Меликов.*

48.

23 марта 1881 г.

Во исполнение высочайшего повеления Вашего императорского величества, я был сегодня у статс-секретаря Сабурова [53]) и объявил ему высочайшую Вашего величества волю.

Статс-секретарю Танееву [54]) передал также о поднесении к подписанию Вашего величества двух указов, а именно: о назначении барона Николаи [55]) министром народного просвещения и об увольнении Сабу-

рова, согласно прошения, от занимаемой должности, с назначением присутствовать в правительствующем сенате.

За сим решаюсь всеподданнейше ходатайствовать, не благоугодно ли будет повелеть, чтобы статс-секретарь Сабуров представился завтра Вашему величеству.

Побуждаюсь к этому ходатайству теми соображениями, что по вопросу об увольнении его от должности, как окончательно уже решенному, никаких дальнейших объяснений не потребуется, а между тем статс-секретарь Сабуров, оказавшись несоответствующим своему назначению, принадлежит, однако, к разряду лиц нравственно вполне чистых. Несколько милостивых слов, выраженных ему Вашим величеством, благотворно повлияют на него.

Генерал-адъютант гр. *Лорис-Меликов.*

49.

9 апреля 1881 г.

Всеподданнейше представляю при сем Вашему императорскому величеству полученную мною вчера вечером собственноручную записку княгини Юрьевской. Записка составлена, после личного объяснения моего вчера утром с княгинею, совершенно согласно с теми предположениями, которые были предварительно доложены Вашему величеству гр. Адлербергом и мною в воскресенье 5 сего апреля.

Если содержание записки будет одобрено Вашим величеством, то, во избежание каких-либо затруднений, находил бы полезным и даже необходимым закончить все дело в ближайший срок*).

Генерал-адъютант гр. *Лорис-Меликов.*

50.

10 апреля 1881 г.

Повеление Вашего императорского величества по поводу записки княгини Юрьевской, получено мною сегодня утром.

Осмеливаюсь всеподданнейше доложить, что требовать от княгини какого-либо нового обязательства, в дополнение к представленной ею записке, по мнению моему, едва ли было бы удобно в настоящее время ввиду болезненно-раздражительного ее состояния и испытанных потрясений. Мне кажется, что, прося о покупке отдельного дома для помещения своего с детьми, княгиня тем самым отказалась от всяких притязаний на жительство как в Зимнем, так и в каких-либо из загородных дворцов. Но если бы, сверх ожидания, подобные претензии могли когда-либо возникнуть, то, опираясь на данное ею собственно-

*) Записки при письме не сохранилось.

ручно изложенное письмо, они всегда могут быть отклонены даже не именем Вашего величества, а обыкновенным официальным путем.

По этому поводу я говорил сегодня с гр. Адлербергом, который выражает одинаковое со мною мнение.

Что же касается капитала в 3 милл. 400 т. рублей, то я, с своей стороны, употреблю все усилия, чтобы княгиня исполнила заявленное ею решение внести этот капитал в государственный банк на имя своих детей; но взять на себя положительное за это ручательство, я, как человек, не могу. Если бы под влиянием окружающих ее, известных Вашему величеству, лиц (за исключением, впрочем, г-жи Шебеко), княгиня пожелала впоследствии изменить первоначальное, ею самою указанное, назначение упомянутого капитала, то, в предупреждение сего, государственному банку могут быть преподаны секретные указания, чему бывали примеры, в силу коих, без ведома и воли Вашего величества, никакие подобные изменения не должны быть допускаемы.

Подлинную записку княгини Юрьевской при сем представляю обратно. Полагаю, что означенная записка должна храниться или в столе Вашего величества или же в делах министерства императорского двора.

По приглашению великого князя Константина Николаевича я был сегодня у его высочества и оставался там около часу времени. О предмете происходившего разговора всеподданнейше доложу Вашему величеству при первом приезде в Гатчино. К сожалению, у меня возобновился сегодня вечером пароксизм лихорадки, и не знаю, в состоянии ли буду выехать ранее вторника в Гатчино. Впрочем, в случае надобности, могу явиться, хотя бы был болен.

Генерал-адъютант гр. *Лорис-Меликов.*

51.

13 апреля 1881 г.

Имея всеподданнейше доложить Вашему императорскому величеству по некоторым делам, испрашиваю соизволения прибыть в Гатчино завтра или в среду. При этом не благоугодно ли будет разрешить мне явиться, по примеру прошлого раза, к 9 часам вечера, так как, сколько мне известно, утро Вашего величества по вторникам и по средам занято докладами других министров, имеющиеся же у меня дела могут потребовать несколько продолжительного времени.

Всеподданнейше представляю дополнительные показания арестанта Меркулова [56]), он же Яковенко, задержанного 27 февраля. Показания эти заслуживают особенного внимания. При первоначальных допросах Яковенко уклонялся от прямых объяснений, со вчерашнего же дня стал говорить с большею откровенностью. В представляемом докладе начальника жандармского управления не помещено еще одно указание Яковенко на германско-подданного немца, принадлежащего

к террористической партии и знавшего о готовившемся преступлении 1 марта. Яковенко обещал припомнить до завтрашнего утра фамилию упомянутого немца, присовокупив, что он проживал в Петербурге по действительному паспорту и потому розыск его будет, вероятно, возможен.

Дознано также, что ложную фамилию Кобозева носил Юрий Богданович, а жены его — Акимова, она же Баска [57]). Это последнее сведение с некоторыми подробностями сообщено градоначальнику, которым принимаются все меры по розыску. Точно также подтверждается показаниями одного арестанта, что Тригони [58]) бывал у Кобозевых в сырной лавке.

Генерал-адъютант гр. *Лорис-Меликов.*

52.

23 апреля 1881 г.

По возвращении сего числа из Гатчины, я немедленно отправился к военному министру, для передачи ему высочайших Вашего величества указаний относительно назначения свиты Вашего величества генерал-майора князя Голицына [59]) и исправляющим должность оренбургского генерал-губернатора и командующего войсками округа, с увольнением от этих должностей генерал-адъютанта Крыжановского [60]), о чем мною сегодня же будет ему сообщено письмом.

При объяснениях моих по этому поводу с военным министром возникло соображение, которое, по взаимному с ним соглашению, считаю обязанностью повергнуть на высочайшее Вашего величества благовоззрение.

При первоначальных предположениях относительно замещения должностей оренбургского генерал-губернатора и командующего войсками, имелось в виду, в случае изъявления генерал-адъютантом кн. Имеретинским [61]) согласия принять эти обязанности на себя, на должность атамана донского войска назначить князя Голицына как лицо, близко знакомое с казачьим бытом, так и по отсутствию других соответственных кандидатов.

Не благоугодно ли будет Вашему императорскому величеству соизволить на назначение оренбургским генерал-губернатором и командующим войсками генерал-адъютанта Ванновского [62]), который, как Вашему величеству лично известно, по своим нравственным и служебным качествам с полным достоинством может занимать этот пост. В случае воспоследования высочайшего изволения, князь Голицын мог бы быть назначен наказным атаманом донского войска вместо генерал-адъютанта Краснокутского [63]). Хотя этот последний изъявлял согласие оставаться в настоящей должности до осени, чтобы руководить начальными работами по переустройству земства в Донской Области, но, по сделанному им самим заявлению, он охотно откажется теперь же

от деятельности наказного атамана. В этом последнем случае назначение на его место князя Голицына могло бы последовать в ближайший срок.

Буду ожидать окончательных повелений Вашего императорского величества, которые не премину сообщить и военному министру.

Генерал-адъютант гр. *Лорис-Меликов* *).

53.

29 апреля 1881 г.
С.-Петербург.

Ваше императорское величество.

Давно уже расстроенное здоровье мое, в последнее время, вследствие чрезмерных трудов, стало ухудшаться все более и более.

В 1876 году, находясь на излечении за границею, я, ввиду осложнившихся политических отношений и ожидания возможности военных действий, призван был, по личному выбору в бозе почившего государя императора, для сосредоточения на кавказской границе корпуса, действовавшего впоследствии в Азиатской Турции, и с той поры до настоящего времени не прерывал усиленной деятельности в званиях: сперва командующего означенным корпусом, затем, последовательно: временного астраханского генерал-губернатора для принятия мер против эпидемии на низовьях Волги, вызвавшей повсеместную тревогу; харьковского генерал-губернатора, главного начальника верховной распорядительной комиссии и, наконец, министра внутренних дел.

Исполнение всех этих обязанностей, требовавших чрезвычайного напряжения сил, довело ныне здоровье мое до такого состояния, при котором продолжение занятий является невозможным.

Обстоятельства эти вынуждают меня повергнуть к стопам Вашего императорского величества всеподданнейшую просьбу мою об увольнении от занимаемой ныне мною должности.

Настоящую просьбу я желал представить лично Вашему величеству, но по нездоровью лишен, к прискорбию, возможности явиться в Гатчино.

С чувством глубочайшего благоволения и безграничной преданности

имею счастие быть Вашего императорского величества верноподданный слуга

Граф *Михаил Лорис-Меликов.*

---

*) На четвертой (чистой) странице этого письма рукой Александра III написано: «Гр. Орлов-Давыдов. Князь Ферд. Витгенштейн».

54.

1881 г. 30 апреля.

Гатчина.

Любезный граф Михаил Тариелович, получил Ваше письмо сегодня рано утром. Признаюсь, я ожидал его, и оно меня не удивило. К сожалению, в последнее время мы разошлись совершенно с Вами во взглядах, и, конечно, это долго продолжаться не могло. Меня одно очень удивляет и поразило, что Ваше прошение совпало со днем объявления моего манифеста России [64]), и это обстоятельство наводит меня на весьма грустные и странные мысли!?

Так как Ваше здоровье, действительно, сильно расстроилось за последнее время, то понимаю вполне, что оставаться Вам трудно на этом тяжелом посту. И так, любезный граф Михаил Тариелович, мне остается одно: поблагодарить Вас от души за то короткое время, которое мы провели вместе и за все Ваши труды и заботы.

Искренно Вам благодарный

Александр.

Примечания.

[1]) *Воронцов-Дашков, Иван Иллар.*, (1837—1916), граф, завед. охраной Александра III, с авг. 1881 по 1897 г.—министр двора и уделов.

[2]) *Таннер, Иерем. Карл.*, полк., ком. л.-гв. Финляндского полка.

[3]) 27 февраля 1880 г. происходило особое совещание, под председательством гр. Валуева, с участием вызванных в Петербург генерал-губернаторов, по вопросу о согласовании деятельности гл. начальника верх. распор. комиссии, III отделения и генерал-губернаторов.

[4]) *Лопатин, Герм. Алекс.*, народоволец.

[5]) Это письмо написано накануне первого заседания верх. распоряд. комиссии, в которой Лорис-Меликов предложил, в целях успешной борьбы с крамолой: 1) объединение действий судебных и административных органов; 2) ускорение производства дознаний и дел о госуд. преступлениях; 3) изменение системы определения политической неблагонадежности и др. Указами 3 и 4 марта 1880 г. гл. начальнику верх. распор. комиссии были временно подчинены III отделение и корпус жандармов.

[6]) Повидимому, речь в письме идет о том всеподданнейшем докладе, в котором Лорис-Меликов рекомендовал ряд мер к объединению действий генерал-губернаторов и губернаторов с действиями губернских жандармских органов. 11 марта Лорис-Меликов сообщил в заседании верх. распор. комиссии об утверждении царем этого доклада.

[7]) *Федоров*, полк., исп. об. петербургского градоначальника.

[8]) *Адлерберг, Алекс. Влад.* (1819—1899), граф, министр двора и уделов.

[9]) В этом заседании комитет министров рассматривал предположения особого совещания, согласно которым генерал-губернаторы, не подчиненные до этого Лорис-Меликову, обязывались доносить ему о всех лицах, высылаемых ими админ. порядком, а также представлять все сведения по делам о государственных преступлениях. Предположения эти были утверждены Александром II 29 марта.

[10]) *Лихачев, Влад. Ив.*, член петербургской судебной палаты, гласный петерб. городской думы, входивший в состав группы представителей петерб. городского обществ. самоуправления, которых гл. начальник верх. распоряд. комиссии гр. Лорис-Меликов приглашал в комиссию 5 марта 1880 г. для беседы о мерах, необходимых для охранения госуд. порядка и общественного спокойствия в Петербурге.

[11]) *Гольденберг, Григ. Дав.*, народоволец, убийца харьковского губернатора Кропоткина, участник покушений на Александра II, был арестован в 1879 г. и посажен в Петропавловскую крепость; находясь там, выдал многих своих товарищей и там же кончил самоубийством.

[12]) *Каханов, Мих. Сем.*, упр. делами комитета министров (1872—1880), с 6 авг. 1880 г.—тов. министра внутр. дел, с 12 апр. 1881 г.—член госуд. совета.

[13]) Речь идет, повидимому, о том обширном всеподданнейшем докладе Лорис-Меликова, в котором он, дав отчет о своей деятельности в качестве начальника верх. распор. комиссии и набросав неутешительную картину внутреннего состояния России, излагает ряд государственных мероприятий, которые могли бы, по его мнению, восстановить взаимное доверие общества и правительства.

[14]) *Толстой, Дм. Андр.*, граф, по настоянию Лорис-Меликова, был в апреле 1880 г. уволен от должности министра нар. просв. (1865—1880) и обер-прокурора синода; министр внутр. дел с 1882 г.

[15]) *Баранов, Ник. Мих.*, б. кап. 1 р. полк.; после 1 марта 1881 г. петерб. градоначальник.

[16]) *Лобанов-Ростовский, Алек. Борис.*, князь, посол в Лондоне (1879—1882).

[17]) *Николай Николаевич* (1821—1891), вел. кн., член госуд. совета, генерал-фельдмаршал.

[18]) *Непокойчицкий, Артур Адам.*, ген.-адъют., член госуд. совета.

[19]) *Грейг, Самуил Ал.* (1827—1887), ген.-адъют., министр финансов (1878—1880).

[20]) *Бунге, Ник. Христ.* (1823—1895 г.), проф., в 1880 г. назначен тов. министра фин., с мая 1881 г. по 1886 г.—министр финансов.

[21]) *Победоносцев, Конст. Петр.* (1827—1907), член госуд. совета, обер-прокурор синода.

[22]) Последствием доклада 26 июля было упразднение 6 августа указом сенату верх. распор. комиссии с передачей ее дел в мин. внутр. дел, а также III отделения с передачей его дел в то же министерство. Одновременно Лорис-Меликов был назначен министром внутренних дел.

[23]) *Валуев, Петр Алекс.* (1814—1890), граф, председатель комитета министров (с 1 янв. 1880 г.).

[24]) *Маков, Лев Саввич*, статс-секретарь, министр внутр. дел (1878—6 авг. 1880 г.); при назначении Лорис-Меликова министром внутр. дел Маков был назначен министром почт и телеграфов.

[25]) *Шершевский, Мих. Марк.*, почетный лейб-медик, получил это звание в 1880 г. за лечение в. к. Константина Николаевича.

[26]) *Дурново, Елиз. Петр.*, дочь штаб-ротмистра.

[27]) *Сидоренко-Колоткевич, Ник. Ив.*, народоволец.

[28]) *Пресняков, Андрей*, участник покушения на Александра II в 1879 г. под Александровском; повешен 4 ноября 1880 г. в Петербурге.

[29]) *Иванчин-Писарев, Алек. Ив.*, народоволец, с 1892 г.—член редакции «Русск. Богатства».

[30]) *Броневский, Валер. Алекс.*, студент-ест. Петерб. универ., землеволец, арестован был в февр. 1880 г., в связи с поисками виновников взрыва в Зимнем дворце; сидел в Петропавловской крепости до августа 1881 г., когда был сослан в Сургут.

[31]) *Малиновская, Александра*, член «Земли и Воли».

[32]) 11 авг. 1880 г. Лорис-Меликов вошел с всеподданнейшим докладом о назначении сенаторских ревизий в нескольких губерниях: «ревизии эти были бы крайне полезны не только для ведомства мин. внутр. дел, но, без сомнения, и для других ведомств, которые могли бы также дополнить этим путем сведения свои по многим весьма важным предметам». Александр II утвердил доклад, согласно которого сенаторами-ревизорами были назначены: Ковалевский, Мордвинов, Половцев, Шамшин. Для них была выработана инструкция о расследовании ряда вопросов по мин. внутр. дел, юстиции, финансов, госуд. имуществ, нар. просв. и путей сообщений.

[33]) *Жомини, Алекс. Генр.*, барон, статс-секретарь, тов. министра иностранных дел.

[34]) *Попов, Андрей Алекс.* (1821—1898), адмирал, виднейший сотр. вел. кн. Конст. Николаевича; «поповками» называли военные суда его конструкции (в том числе и имп. яхта «Ливадия»), оказавшиеся очень неудовлетворительными по своим мореходным качествам.

[35]) *Семечкин, Леонтий Павлович*, капитан-лейтенант, адъютант вел. кн. Константина Николаевича, генерал-адмирала.

[36]) *Набоков, Дм. Ник.* (1826—1904), министр юстиции (1878—1885).

[37]) *Юрьевская, Екатерина Мих.*, светл. княгиня, урожд. княжна Долгорукова, морганатическая супруга Александра II (с 19 июля 1880 г.).

[38]) *Грипенберг, Окс. Казим.*, полк., ком. л.-гв. Московского полка.

[39]) Речь идет, повидимому, о представленной Лорис-Меликовым 28 января 1881 г. всеподданнейшей записке, в которой он, высказавшись против введения в России народного представительства по западно-европейскому образцу, предлагал организовать, для завершения реформ и разрешения стоящих на очереди вопросов в центральных управлениях, временные подготовительные комиссии по образцу редакционных комиссий 1859 года, с тем, чтобы работы этих комиссий были подвергаемы рассмотрению «общей комиссии» с участием представителей земств и городов. Проект Лорис-Меликова, после рассмотрения его особым совещанием (Валуев, наследник, вел. кн. Конст. Конст., Урусов, Абаза и др.) был утвержден царем 17 февраля 1881 г. 1 марта утром Александр II утвердил проект правит. совещания о созыве «общей комиссии», приказав обсудить этот проект, до напечатания, в совете министров 4 марта. В знаменитом заседании 8 марта, под председательством нового царя Александра III, этот проект был провален после речей Победоносцева, Строганова и др.

[40]) Это были *Саблин, Н. А. и Геся Гельфман.*

[41]) *Кобозев-Богданович, Юрий Никол.*, народоволец, участник подкопа для взрыва на Малой Садовой, веденного из сырной лавки, содержателем которой он был вместе с Якимовой.

[42]) *Рысаков, Ник. Ив.*, член Исп. Ком. «Народной Воли», бросил бомбу в Александра II 1 марта 1881 г., казнен 3 апр. 1881 г.

[43]) *Перовская, Софья Львовна* (1853—1881), член Исп. Ком. «Народной Воли», принимала активное участие в покушении 1 марта 1881 г. Казнена 3 апр. 1881 г.

[44]) *Гельфман, Геся Мироновна*, принимала участие в подготовке события 1 марта 1881 г.

[45]) 10 марта при аресте Перовской найдена была шифрованная записка С. Г. Нечаева, в которой он перечислял ряд лиц (в том числе Дубровина, Исакова, «Петруху») из состава команды Петропавл. крепости, при содействии коих Исполн. Комитет мог добиться успеха в подготовлявшемся им освобождении Нечаева из Алексеевского равелина. Частично расшифровав записку, следственные власти не догадались, однако, что в ней речь шла об освобождении Нечаева (см. «Красный Архив», т. V, ст. П. Е. Щеголева: «С. Г. Нечаев в Алекс. равелине», стр. 190—191).

[46]) *Дубровин, Александр*, писарь комендантского управления Петропавловской крепости, участник подготовлявшегося «Народной Волей» освобождения С. Г. Нечаева,

[47]) *Исаков, Николай Александрович*, жандармский унтер-офицер при Алексеевском равелине в Петропавловской крепости, участник предполагавшегося освобождения оттуда С. Г. Нечаева.

[48]) *Александров, Александр*, жандармский унтер-офицер при Алексеевском равелине в Петропавловской крепости, участник предполагавшегося освобождения оттуда С. Г. Нечаева.

[49]) *Тырков, Аркадий Влад.*, студент Петерб. ун-та, народоволец, участник события 1 марта 1881 г., умер в 1923 г.

[50]) *Оловянникова, Е. Н.*, член партии «Народная Воля».

[51]) *Баранников* (конеп. фамилии—*Кашурников, Тюриков, Алафузов,*), *Алекс. Иван.*, народоволец, принимал участие в убийстве Мезенцева, судился в 1882 г. по делу 20 народовольцев.

[52]) *Петруха* повидимому, один из солдат команды Петропавловской крепости, участник предполагавшегося освобождения С. Г. Нечаева из Алексеевского равелина.

[53]) *Сабуров, Андрей Алекс.* (1838—1916), управл. мин. нар. просв. (с окт. 1880 г. по март 1881 г.).

[54]) *Танеев, Сергей Алекс.* статс-секретарь, член госуд. совета, упр. I отд. собствен. е. в. канцелярии.

[55]) *Николаи, Алекс. Павл.*, барон, член госуд. совета, 24 марта 1881 г. назначен министром нар. просв.

[56]) *Меркулов* (*Яковенко*) *Вас. Аполл.*, народоволец, участник нескольких покушений на Александра II.

[57]) *Акимова (Баска) — Якимова, Анна Вас.*, член партии «Народная Воля».

[58]) *Тригони, Мих. Ник.*, народоволец.

[59]) *Голицын, Григ. Сер.*, ген.-м. свиты е. в.

[60]) *Крыжановский, Ник. Андр.*, ген.-ад., оренбургский ген.-губернатор с 1865 г. по 30 марта 1881 г., когда был уволен без прошения после сенат. ревизии, вскрывшей обстоятельства происходившего при нем расхищения башкирских земель в Уфим. и Оренб. губ.

[61]) *Имеретинский, Алекс. Конст.* (1837—1900), кн., ген.-адъют., начальник штаба войск гвардии и петерб. военного округа.

[62]) *Ванновский, Петр Сем.*, ген.-адъют., с 22 мая 1881 г.—военный министр.

[63]) *Краснокутский Ник. Алекс.*, ген.-адъют., наказный атаман войска донского.

[64]) Александр III говорит о манифесте 29 апреля 1881 г., составленном Победоносцевым втайне от Лорис-Меликова и др. министров. В этом манифесте Александр III говорил о своей вере «в силу и истину самодержавной власти, которую мы призваны утверждать и охранять для блага народного от всяких на нее поползновений».

К истории Лорис-Меликовской «конституции».

(Заседание совета министров 8 марта 1881 г.).

В январской книге «Былого» за 1906 год под заглавием «Заседание госуд. совета 8 марта 1881 года» были напечатаны несколько страниц из дневника «видного государственного деятеля», относящихся к знаменитому заседанию 8 марта 1881 г., в котором обсуждался и провален был, после речи «русского папы» Победоносцева, лорис-меликовский проект введения в России народного представительства. Редакцией «Былого» в предисловии к выдержкам из дневника по каким-то соображениям не было названо имя его автора, но в именном указателе к «Былому» за 1906 год, вышедшим в начале 1907 года, автором напечатанных страниц обозначен Е. А. Перетц. Сравнение соответствующих мест хранящегося в Центрархиве дневника госуд. секретаря Е. А. Перетца с напечатанными в «Былом» извлечениями совершенно подтверждает это обозначение. Таким образом в новой перепечатке этих извлечений, казалось бы, не встречается надобности.

Редакция «Красного Архива» сочла, однако, необходимым вновь перепечатать те страницы дневника Перетца, которые относятся к заседанию 8 марта, и вот по каким соображениям. Напечатанный в «Былом» материал представляет собой лишь краткий пересказ, а не точное воспроизведение страниц дневника Перетца, описывающих это историческое заседание совета министров (а не государственного совета, как обозначено в «Былом»), притом пересказ, в котором не только опущены речи ряда ораторов (Валуева, Сольского, Абазы и др.), но и изменен порядок речей. В таком виде отрывок дневника дает лишь весьма слабое представление о том, что в действительности происходило в заседании 8 марта. Поэтому редакция «Красного Архива» даст ниже сего полное воспроизведение записи Перетца от 8 марта 1881 г. (л. л. оригинала 54 об.—86 об.) и записей от 9 и 16 марта, имеющих отношение к тому, что происходило в совете министров 8 марта (л. л. оригинала 94—94 об.).

Таким образом текст записей Перетца за 8, 9 и 16 марта 1881 г. в полном своем виде появляется в печати впервые. Впервые же опубликовываются и извлечения из дневника вел. кн. Константина Николаевича, участвовавшего в заседании 8 марта и произнесшего речь в защиту проекта Лорис-Меликова.

В записях Перетца и Константина Николаевича исправлена только пунктуация и внесены незначительные орфографические поправки.

А. Сергеев.

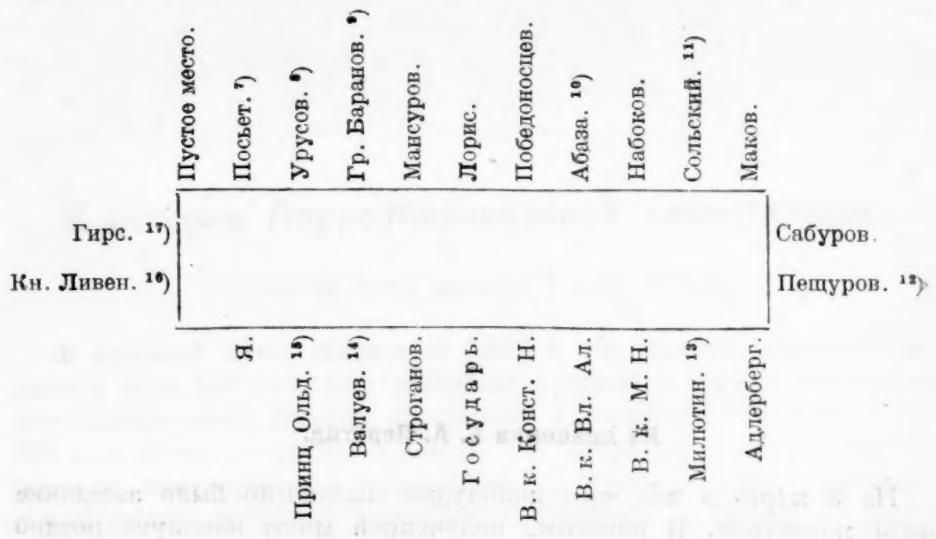
I.

Из дневника Е. А. Перетца.

На 8 марта в два часа пополудни назначено было заседание совета министров. В повестке, полученной мною накануне поздно вечером, не было назначено предмета совещания. Поэтому и так как государственный секретарь присутствует в заседаниях совета министров собственно для представления объяснений по делам госуд. совета, то я просмотрел, насколько позволяло время, записки по всем нашим важнейшим делам. Заботы мои оказались напрасными, так как вопрос, подлежавший обсуждению, совершенно выходил из общего ряда. Приехав в Зимний дворец за четверть часа до назначенного времени, я застал в указанной для сбора малахитовой комнате многих министров, от которых узнал, что обсуждаться будет предположение графа Лорис-Меликова об учреждении редакционных комиссий с участием представителей от земства и городов.

Кроме министров, председателей департаментов госуд. совета, меня и заведующего делами совета, статс-секретаря Н. П. Мансурова [1]), прибыли великие князья Владимир Александрович, [2]) Константин Николаевич [3]) и Михаил Николаевич [4]) и граф С. Г. Строганов [5]).

Ровно в 2 часа государь прислал спросить, все ли налицо, и когда ему было доложено, что не явился только великий князь Николай Николаевич по случаю болезни, его величество вышел в малахитовую комнату и, остановясь у дверей, попросил всех перейти в назначенную для заседания залу (через комнату от малахитовой). С каждым из проходивших государь приветливо здоровался, подавая руку, которою с чувством пожимал руку проходившего. В зале стоял большой продолговатый стол, накрытый малиновым сукном; вокруг стола было поставлено 25 кресел; перед каждым креслом лежала на столе бумага и карандаш. Посреди стола, спиною к окнам, обращенным на Неву, было место государя. Напротив его величества, подле заведывающего делами совета, поместился министр внутр. дел [6]), который должен был докладывать свои предположения: все же остальные разместились, как случилось. Вот вид стола



Когда все заняли места, его величество, не без некоторого смущения, сказал: «Господа, я собрал вас сегодня, несмотря на переживаемое нами крайне тягостное время, для обсуждения одного вопроса, в высшей степени важного.

Граф Лорис-Меликов, озабочиваясь возможно всесторонним рассмотрением предположений, которые будут выработаны после окончания сенаторских ревизий, а также для удовлетворения общественного мнения, докладывал покойному государю о необходимости созвать представителей от земства и городов. Мысль эта в общих чертах была одобрена покойным моим отцом, который приказал обсудить ее подробно в особом совещании под председательством графа Валуева, при участии моем, великого князя Константина Николаевича и некоторых других лиц.

Журнал совещания, которое, в сущности, согласилось с проектом, был представлен его величеству и одобрен им. Покойный государь сделал, однако, некоторые заметки относительно частностей. Нам предстоит теперь обсудить эти заметки. Но прошу вас быть вполне откровенными и говорить мне ваше мнение относительно всего дела, нисколько не стесняясь. Предваряю вас, что вопрос не следует считать предрешенным, так как и покойный батюшка хотел прежде окончательного утверждения проекта созвать для рассмотрения его совет министров».

Затем, обратясь к графу Лорис-Меликову, государь поручил ему прочесть записку о предположениях и проект публикации в «Правительственном Вестнике».

Записка, прочитанная Лорисом, была составлена еще до катастрофы 1 марта, — в начале ее говорилось об успехах, достигнутых примирительною политикой последнего времени.

В этом месте государь прервал чтение словами: «Кажется, мы заблуждались».

Затем говорилось в записке о замеченных беспорядках в местном управлении и необходимости устройства его на лучших основаниях. Прежде всего нужно было обстоятельно изучить существующее, узнать, в чем именно заключаются его недостатки и зависят ли они от одних только злоупотреблений или же от несовершенства самого закона. С этою целью, по всеподданнейшему докладу министра внутр. дел, покойному государю благоугодно было назначить сенаторские ревизии, которыми собирается, а отчасти уже и собран, богатый материал, требующий разработки. Придется составить весьма важные законодательные проекты. Но для того, чтобы проекты эти действительно соответствовали ощущаемым потребностям, министр внутренних дел считает необходимым, чтобы они были составлены и обсуждены при участии людей практических, знающих условия губернской и уездной жизни. Поэтому граф Лорис-Меликов испрашивал соизволение в бозе почившего императора на учреждение особой редакционной комиссии, в которой, кроме должностных лиц правительственных ведомств, участвовали бы представители земства (по 2 от каждой губернии и городов, по 1 от каждого губернского города и 2 от столиц). Комиссия должна подразделяться на отделы для первоначального обсуждения отдельных проектов, а затем соединиться в общее собрание под председательством лица, назначенного государем императором. Выработанные таким образом проекты должны быть внесены на рассмотрение госуд. совета, права которого остаются без всякого изменения.

В проекте публикации выражена была сущность изложенного в записке, при чем сказано было, что предположенные меры были одобрены покойным государем и утверждены царствующим императором.

По прочтении графом Лорис-Меликовым записки и проекта публикации, его величество, вновь обращаясь ко всем присутствующим, просил их, ввиду важности предлагаемой меры и тех последствий, к которым она может привести, высказывать совершенно откровенно мнение их, нисколько не стесняясь предварительным одобрением как покойного государя, так и его самого.

Засим государь обратился прежде всех к сидевшему рядом с ним графу С. Г. Строганову, спрашивая его, что думает он о предполагаемой мере.

Граф Строганов сказал приблизительно следующее:

Ваше величество, предполагаемая Вами мера, по моему мнению, не только не своевременная при нынешних обстоятельствах, требующих особой энергии со стороны правительства, но и вредная.

Мера эта вредна потому, что с принятием ее власть перейдет из рук самодержавного монарха, который теперь для России безусловно необходим, в руки разных шелопаев, думающих не о пользе общей, а только о своей личной выгоде. В последнее время, и без предполагаемой новой меры, власть значительно ослабла, в журналах пишут бог знает что и проповедуют невозможные доктрины. Дошло до того, что,

как я слышал, сам министр внутр. дел признал необходимым призвать к себе журналистов, чтобы потребовать от них некоторой умеренности — (обращаясь к Лорису-Меликову). Не так ли?

Граф Лорис-Меликов. Ваше величество, граф Сергей Григорьевич не совсем прав. Я лично не видал редакторов повременных изданий с осени. В последнее же время, с разрешения Вашего, я действительно объявил им, но не сам, а через начальника главного управления по делам печати, что если в каком-либо периодическом издании будет напечатана статья о необходимости конституции, то такое издание будет мною немедленно прекращено, притом не на основании закона 6 апреля 1866 года, а в силу особого полномочия, дарованного мне Вашим величеством. Угроза эта подействовала.

Граф Строганов. И слава богу... Но, государь, подобная мера не будет уже возможна тогда, когда Вы вступите на путь, Вам предлагаемый.

Путь этот ведет прямо к конституции, которой я не желаю ни для Вас, ни для России...

Государь. Я тоже опасаюсь, что это первый шаг к конституции.

Затем, обратясь к графу Валуеву, его величество сказал: «Граф Петр Александрович вы, как председатель комиссии, которая рассматривала проект, вероятно, пожелаете высказать Ваш взгляд».

Граф Валуев. Ваше императорское величество, я, с моей стороны, не могу разделять тех опасений, которые только что были высказаны глубоко уважаемым мною графом Сергеем Григорьевичем.

Предполагаемая мера очень далека от конституции. Она имеет целью справляться с мнением и взглядами людей, знающих более, чем мы, живущие в Петербурге, истинные потребности страны и ее населения, до крайности разнообразного. В пределах необъятной империи, под скипетром, Вам богом врученным, обитают многие племена, из которых каждое имеет неоспоримое право на то, чтобы верховной власти Вашего величества были известны его нужды.

Вам, государь, небезызвестно, что я давнишний автор, могу сказать, ветеран рассматриваемого предположения. Оно сделано было мною, в несколько иной только форме, в 1863 году, во время польского восстания, и имело, между прочим, привлечь на сторону правительства всех благомыслящих людей. Покойный император, родитель Вашего величества, изволил принять мое предложение милостиво, однако, не признал своевременным дать ему тогда ход. Затем я возобновил свое ходатайство в 1866 году, но и на этот раз в бозе почивший государь не соизволил на осуществление предложенной мною меры. Наконец, в прошлом году я дозволил себе вновь представить покойному государю императору записку по настоящему предмету. Участь ее Вашему величеству известна. Особым совещанием, состоявшимся под председательством его императорского высочества великого князя Константина Николаевича, признано было, опять-таки, несвоевремен-

ным издать к юбилейному торжеству 19 февраля 1880 г. какое-либо законоположение о призыве представителей земства.

Из этого краткого очерка Ваше императорское величество изволили усмотреть, что я постоянно держался одного и того же взгляда на настоящий вопрос. Я не изменю своих убеждений и теперь. Напротив того, я нахожу, что при настоящих обстоятельствах предлагаемая нам мера оказывается в особенности настоятельною и необходимою. Граф Сергей Григорьевич совершенно справедливо указывает на то, что теперь в газетах пишут бог знает что. Такие злоупотребления печатным словом могут иметь гибельные для государства последствия. Поэтому необходимо озаботиться, чтобы журналистам, этим самозванным представителям общественного мнения, был создан противовес настоящих, законных представителей общества, которое, без малейшего сомнения, и мыслит и чувствует совершенно иначе, нежели авторы газетных статей.

Вот, Ваше императорское величество, соображения и убеждения мои по существу дела. Что же касается затронутого графом Строгановым вопроса о своевременности издать теперь же проектированное нами положение, то в этом отношении я воздержусь от какого бы то ни было заявления. Ваше величество, будучи в сосредоточии дел и обстоятельств, без сомнения, будете сами наилучшим судьей того, следует и возможно ли в настоящую именно минуту предпринимать предлагаемую нам важную государственную меру. Разрешение этого вопроса должно зависеть исключительно от державной воли в. вел-ва.

После речи Валуева государь обратился к великим князьям, но все они пожелали высказать свое мнение после других, когда вопрос более выяснится. Тогда попросил слова военный министр.

Граф Д. А. Милютин. Предлагаемая Вашему величеству мера, — сказал он,—по моему мнению, совершенно необходима и необходима именно теперь. В начале каждого царствования новый монарх, для пользы дела, должен заявить народу свои намерения и виды относительно будущего. По части внешней политики взгляды Вашего величества нашли себе прекрасное выражение в циркулярной депеше министра иностранных дел. Как видно из известий, приходящих со всех концов Европы, депеша эта произвела всюду наилучшее впечатление. Но она касается собственно международных наших сношений,—из нее не видно, какой внутренней политики будет держаться император Александр III. Между тем, вопрос этот естественно озабочивает всю Россию. Безотлагательное разрешение его представляется мне в высшей степени настоятельным.

Покойный государь по вступлении на престол предпринял целый ряд великих дел. Начатые им преобразования должны были обновить весь строй нашего отечества. К несчастью, выстрел Каракозова [18]) остановил исполнение многих благих предначертаний великодушного монарха. Кроме святого дела освобождения крестьян, которому покойный государь был предан всей душой, все остальные преобразо-

вания исполнялись вяло, с недоверием к пользе их, при чем нередко принимались даже меры, несогласные с основною мыслью изданных новых законов. Понятно, что при таком образе действий нельзя было ожидать добрых плодов от наилучших даже предначертаний; в России все затормозилось, почти замерзло, повсюду стало развиваться глухое неудовольствие... В самое последнее только время общество ожило, всем стало легче дышать, действия правительства стали напоминать первые лучшие годы минувшего царствования. Перед самой кончиной императора Александра Николаевича возникли предположения, рассматриваемые нами теперь. Слух о них проник в общество, и все благомыслящие люди им от души сочувствуют. Весть о предполагаемых новых мерах проникла и за границу...

Государь. Да, но император Вильгельм [19]), до которого дошел слух о том, будто бы батюшка хочет дать России конституцию, умолял его в собственноручном письме — не делать этого; на случай же, если бы дело зашло так далеко, что нельзя отступить и обойтись вовсе без народного представительства, император германский советовал устроить его как можно скромнее, дав представительству поменьше влияния и сохранив власть за правительством.

Граф Милютин. Ваше величество, не о конституции идет у нас теперь речь. Нет ее и тени. Предлагается устроить на правильных основаниях только то, что было и прежде. Когда рассматривались проекты крестьянских положений и других важнейших законов, всякий раз, с соизволения покойного государя, приглашаемы были, для предварительного обсуждения этих проектов, люди практические, которые знают действительную жизнь, потому что живут не в столице, а в уездах и деревнях, где многие вопросы представляются в ином свете, нежели в нашей среде. Теперь предстоят важные законодательные труды по окончании сенаторских ревизий. Естественно, что для успеха дела необходимо сообразить их всесторонне, т.-е. не с канцелярской только или бюрократической точки зрения. Ввиду этого, Ваше величество, я позволяю себе горячо поддерживать предложение графа Лорис-Меликова.

Министр почт и телеграфов Л. С. Маков. Ваше императорское величество, предложения графа Лорис-Меликова мне не были вовсе известны; я ознакомился с ними в первый раз в настоящем заседании и поэтому не могу сообразить их, как бы следовало. Но, сколько я мог понять из записки, прочитанной министром внутренних дел, основная его мысль—ограничение самодержавия. Доложу откровенно, что я, с моей стороны, всеми силами моей души и моего разумения, решительно отвергаю эту мысль. Осуществление ее привело бы Россию к погибели. Таков мой взгляд на этот вопрос вообще. Но, кроме того, по долгу совести, я считаю себя обязанным высказать, что не в такие минуты, как те, которые, к несчастью, переживаем мы,—возможно заниматься проектами об ослаблении власти и об изменении формы правления, благодетельной для отечества.

В смутное нынешнее время, по глубокому убеждению моему, нужно думать только о том, чтобы укрепить власть и искоренить крамолу.

Воля Вашего императорского величества, без сомнения, священна. Если Вам, государь, благоугодно будет утвердить одобренные в бозе почивающим императором предложения графа Лорис-Меликова, то все мы должны преклониться, и все возражения наши должны смолкнуть. Тем не менее я считаю священною обязанностью обратить всемилостивейшее внимание Вашего величества на то, что при обнародовании постановления по этому предмету нужно принять совершенно иную форму, нежели та, которая предлагается графом Лорис-Меликовым. Нельзя говорить о важной этой мере так, как будто она исходит от министра внутренних дел. Подобный правительственный акт может исходить исключительно от Вас, по завету покойного государя, и силою собственной державной воли Вашего императорского величества, а не по мысли и представлению министра внутренних дел. О нем в публикации не должно быть и речи.

Министр финансов А. А. Абаза (с некоторою горячностью). Ваше императорское величество, о министре внутр. дел речь идет вовсе не в публикации, приготовленной для «Правительственного Вестника», а в докладной записке, которая может исходить только от министра.

Затем, что касается других возражений министра почт и телеграфов, то я попрошу разрешения остановиться прежде всего на указании его о невозможности принять предлагаемую меру в нынешние смутные времена. Я бы понял это возражение, если бы смута исходила из народа. Но мы видим совершенно противное. Смута производится горстью негодяев, не имеющих ничего общего с народом, исполненным любви и преданности своему государю. Против шайки злодеев, ненавидимых всем населением империи, необходимо принять самые решительные и строгие меры. Но для борьбы с ними нужны не недоверие к обществу и всему народу, не гнет населения, а совершенно иные средства,—нужно устроить сильную, деятельную и толковую полицию, не останавливаясь ни перед какими расходами. Государственное казначейство отпустит на столь важную государственную потребность не только сотни тысяч, но миллионы, даже многие миллионы рублей.

Наконец, по поводу возражений министра почт я не могу не заметить, что в предложениях графа Лорис-Меликова, которые, по воле покойного государя, обсуждались в особой комиссии при участии Вашего величества, нет и тени того, чего опасается статс-секретарь Маков. Если бы они клонились к ограничению самодержавия, которое более чем когда-либо необходимо в нынешнее время, то, конечно, никто из нас не предложил бы и не поддерживал бы этой меры.

Проектированные редакционные комиссии должны иметь значение учреждения только с о в е щ а т е л ь н о г о. Без совещания с представителями общества обойтись невозможно, когда речь идет об издании важных законов. Только посредством такого совещания познаются

действительные нужды страны. Трон не может опираться исключительно на миллион штыков и на армию чиновников. В царствование покойного государя не раз приглашаемы были и в различные комиссии и даже в госуд. совет лица выборные, именно, предводители дворянства, председатели земских управ, городские головы и т. п. Теперь предлагается поступить несколько иначе, т.-е. приглашать не людей, избранных обществом для совершенно иной цели, а людей, которым население доверит его голос, именно для рассмотрения законодательных проектов. Я, с моей стороны, считаю этот прием важным усовершенствованием, потому что очень хороший предводитель дворянства, городской голова или председатель земской управы могут быть очень плохими советчиками по части законодательной.

Ваше императорское величество, предлагаемая графом Лорис-Меликовым мера представляется мне, как министру финансов, совершенно необходимою еще и потому, что, как Вашему величеству известно, нам предстоит издать целый ряд законов о новых налогах. Подобного же рода вопросы не могут быть рассматриваемы путем исключительно кабинетным. Для справедливости и практического удобства налога он непременно должен быть соображен при участии тех лиц, которым придется платить его.

Министр внутренних дел граф М. Т. Лорис-Меликов. Ваше императорское величество, при обсуждении настоящих предположений, было не раз упоминаемо, что в нынешние смутные времена нужны иные меры, нежели те, которые теперь предлагаются. В этих отзывах слышится косвенный укор мне за то, что я не сумел уберечь незабвенного покойного государя и общего благодетеля. Я не буду оправдываться. Я действительно виноват, как я о том и докладывал Вам, государь, тотчас же после ужасного события 1 марта. Но если я не мог уберечь покойного императора, то не по недостатку усердия. Я служил ему всеми силами, в с е ю д у ш о ю и при всем том не мог предупредить катастрофы... Несмотря на убедительную просьбу мою, Вашему величеству не угодно было уволить меня...

Государь. Нет. Я знал, что Вы действительно сделали все, что могли.

Граф Лорис-Меликов. В настоящее время я полагаю, что в отношении к злодеям нужно принять самые энергические меры; но вместе с тем я убежден, что относительно всего остального населения империи правительство не должно останавливаться на пути предпринятых реформ. По окончании сенаторских ревизий нам предстоит издание весьма важных законодательных мер. Необходимо, чтобы меры эти соображены были как можно тщательнее, для того, чтобы они оказались полезными в практическом применении.

Затем не менее важно и то, чтобы на стороне правительства были все благомыслящие люди. Предлагаемая теперь мера может много этому способствовать. В настоящую минуту она вполне удовлетворит и успокоит общество; но если мы будем медлить, то упустим время—

через три месяца нынешние, в сущности, весьма скромные, предположения наши окажутся, по всей вероятности, уже запоздалыми.

Обер-прокурор св. синода К. П. Победоносцев (бледный, как полотно, и очевидно взволнованный). Ваше величество, по долгу присяги и совести, я обязан высказать Вам все, что у меня на душе. Я нахожусь не только в смущении, но и в отчаянии. Как в прежние времена перед гибелью Польши говорили: «Finis Poloniae!», так теперь едва ли не приходится сказать и нам: «Finis Russiae!». При соображении проекта, предлагаемого на утверждение Ваше, сжимается сердце. В этом проекте слышится фальшь, скажу более: он дышит фальшью...

Нам говорят, что для лучшей разработки законодательных проектов нужно приглашать людей, знающих народную жизнь, нужно выслушивать экспертов. Против этого я ничего не сказал бы, если б хотели сделать только это. Эксперты вызывались и в прежние времена, но не так, как предлагается теперь. Нет! В России хотят ввести конституцию и если не сразу, то, по крайней мере, сделать к ней первый шаг... А что такое конституция? Ответ на этот вопрос дает нам Западная Европа. Конституции, там существующие, суть орудие всякой неправды, орудие всяких интриг. Примеров этому множество, и даже в настоящее именно время мы видим во Франции охватившую все государство борьбу, имеющую целью не действительное благо народа или усовершенствование законов, а изменение порядка выборов для доставления торжества честолюбцу Гамбетте [20]), помышляющему сделаться диктатором государства. Вот к чему может вести конституция!

Нам говорят, что нужно справляться с мнением страны через посредство ее представителей. Но разве те люди, которые явятся сюда для соображения законодательных проектов, будут действительными выразителями мнения народного? Я уверяю, что нет. Они будут выражать только личное свое мнение и взгляды.

Государь. Я думаю то же. В Дании мне не раз говорили министры, что депутаты, заседающие в палате, не могут считаться выразителями действительных народных потребностей.

Победоносцев. И эту фальшь по иноземному образцу, для нас не пригодную, хотят, к нашему несчастью, к нашей погибели, ввести и у нас. Россия была сильна благодаря самодержавию, благодаря неограниченному взаимному доверию и тесной связи между народом и его царем. Такая связь русского царя с народом есть неоцененное благо. Народ наш есть хранитель всех наших доблестей и добрых наших качеств; многому у него можно научиться! Так называемые представители земства только разобщают царя с народом. Между тем правительство должно радеть о народе, оно должно познать действительные его нужды, должно помогать ему справляться с безысходною часто нуждою. Вот удел, к достижению которого нужно стремиться, вот истинная задача нового царствования.

А вместо того предлагают устроить нам говорильню, вроде французских «états généraux». Мы и без того страдаем от говорилень,

которые под влиянием негодных, ничего не стоящих журналов разжигают только народные страсти. Благодаря пустым болтунам, что сделалось с высокими предначертаниями покойного незабвенного государя, приявшего под конец своего царствования мученический венец? К чему привела великая святая мысль освобождения крестьян?.. К тому, что дана им свобода, но не устроено над ними надлежащей власти, без которой не может обойтись масса темных людей. Мало того, открыты повсюду кабаки; бедный народ, предоставленный самому себе и оставшийся без всякого о нем попечения, стал пить и лениться к работе, а потому стал несчастною жертвою целовальников, кулаков, жидов и всяких ростовщиков.

Затем, открыты были земские и городские общественные учреждения—говорильни, в которых не занимаются действительным делом, а разглагольствуют вкривь и вкось о самых важных государственных вопросах, вовсе не подлежащих ведению говорящих. И кто же разглагольствует, кто орудует в этих говорильнях? Люди негодные, безнравственные, между которыми видное положение занимают лица, не живущие со своим семейством, предающиеся разврату, помышляющие лишь о личной выгоде, ищущие популярности и вносящие во все всякую смуту.

Потом открылись новые судебные учреждения—новые говорильни, говорильни адвокатов, благодаря которым самые ужасные преступления, несомненные убийства и другие тяжкие злодейства остаются безнаказанными.

Дали, наконец, свободу печати, этой самой ужасной говорильне, которая во все концы необъятной русской земли, на тысячи и десятки тысяч верст, разносит хулу и порицание на власть, посевает между людьми мирными и честными семена раздора и неудовольствия, разжигает страсти, побуждает народ к самым вопиющим беззакониям.

И когда, государь, предлагают вам учредить, по иноземному образцу, новую в е р х о в н у ю говорильню?.. Теперь, когда прошло лишь несколько дней после совершения самого ужасающего злодеяния, никогда не бывавшего на Руси,—когда по ту сторону Невы, рукой подать отсюда, лежит в Петропавловском соборе непогребенный еще прах благодушного русского царя, который, среди белого дня, растерзан русскими же людьми. Я не буду говорить о вине злодеев, совершивших это ужасающее, беспримерное в истории преступление. Но и все мы, от первого до последнего, должны каяться в том, что так легко смотрели на совершавшееся вокруг нас; все мы виновны в том, что несмотря на постоянно повторявшиеся покушения на жизнь общего нашего благодетеля мы, в бездеятельности и апатии нашей, не сумели охранить праведника! На нас всех лежит клеймо несмываемого позора, павшего на русскую землю. Все мы должны каяться!

Государь. Сущая правда, все мы виновны. Я первый обвиняю себя.

Победоносцев. В такое ужасное время, государь, надобно думать не об учреждении новой говорильни, в которой произносились бы новые растлевающие речи,—а о деле. Нужно действовать.

Речь эта произвела на многих, в особенности на государя, весьма сильное впечатление. Сознавая это, *А. А. Абаза* произнес взволнованным голосом, но при этом весьма решительно.

Ваше величество, речь обер-прокурора св. синода есть, в сущности, обвинительный акт против царствования того самого государя, которого безвременную кончину мы все оплакиваем. Если Константин Петрович прав, если взгляды его правильны, —то Вы должны, государь, уволить от министерских должностей всех нас, принимавших участие в преобразованиях прошлого—скажу смело—в е л и к о г о царствования.

Смотреть на наше положение так мрачно, как смотрит Константин Петрович, может только тот, кто сомневается в будущем России, кто не уверен в ее жизненных силах. Я, с моей стороны, решительно восстаю против таких взглядов и полагаю, что отечество наше призвано к великому еще будущему. Если при исполнении реформ, которыми покойный император вызвал Россию к новой жизни, и возникли некоторые явления неутешительные, то они не более как исключение, всегда и везде возможные и почти необходимые в положении переходном от полного застоя к разумной гражданской свободе. С благими реформами минувшего царствования нельзя связывать постигшее нас несчастие—совершившееся у нас цареубийство. Злодеяние это ужасно. Но разве оно есть плод, возросший исключительно на русской почве; разве социализм не есть в настоящее время всеобщая язва, с которой борется вся Европа; разве не стреляли недавно в германского императора, не покушались убить короля итальянского и других государей, разве на-днях не было сделано в Лондоне покушение взорвать на воздух помещение лорда-мэра?

Обер-прокурор св. синода заявил нам, что вместо учреждения так называемой им «верховной говорильни», нужно, главным образом, заботиться и радеть о народе. Ваше величество, в этом последнем собственно отношении, т.-е. относительно забот о возможном благе народа, взгляды наши совершенно сходятся. Несмотря на то, что всего в ноябре месяце отменен ненавистный всем соляной налог, при чем народ освобожден от уплаты в год 15 миллионов рублей, я, не более двух недель тому назад, имел счастье докладывать покойному государю, в присутствии Вашем, предложения министерства финансов и внутренних дел о понижении выкупных крестьянских платежей на сумму 9 миллионов в год. При нервом моем всеподданнейшем докладе Вашему величеству я счел долгом вновь обстоятельно доложить это дело, испрашивая разрешения Вашего внести его в самом безотлагательном времени в госуд. совет. Вашему величеству благоугодно было на это соизволить, выразив желание, чтобы дело было рассмотрено в нынешнюю же сессию совета. Смею думать, что предложения подобного

рода служат доказательством заботы нашей и радения нашего о народе. Но заботясь и радея о нем, не нужно забывать, что, кроме простого народа, в населении государства есть и образованные классы общества. Для пользы дела необходимо, по мере возможности, привлекать их к участию в управлении, выслушивать мнение их и не пренебрегать их советами, весьма часто очень разумными.

Государственный контролер Д. М. Сольский (совершенно спокойно). Ваше императорское величество, обер-прокурором св. синода было высказано много такого, с чем согласны все. Поэтому между нами нет такого коренного различия в убеждениях, как казалось бы с первого взгляда. Разногласие происходит, главным образом, от недоразумения. Ни министр внутр. дел, ни все те из нас, которые согласны с его предложением, вовсе не считают предлагаемую им меру средством, ограждающим против преступлений социализма. И при действии ее преступления социалистов будут по-прежнему возможны. Для борьбы с социализмом нужно иметь прежде всего хорошую полицию, которой у нас нет.

С другой стороны, никто не помышляет о конституции или об ограничении самодержавия. В проекте министра внутр. дел, одобренном особым совещанием, в котором Ваше величество изволили участвовать, прямо выражено, что редакционная комиссия с участием земства и городов имеет лишь голос с о в е щ а т е л ь н ы й; далее сказано также, что существующий порядок рассмотрения дел в государственном совете остается без изменения. Ввиду этого о конституции нет и речи.

Если бы в проекте была хотя тень такой мысли, то каждый из присутствующих, без сомнения, отверг бы ее с негодованием. Не конституция, не ограничение власти нужны нам теперь, нам нужна, напротив того, власть сильная, энергическая, неограниченная, какою она была до сих пор на Руси. Одним словом, нам нужно самодержавие. Но вместе с тем необходимо, чтобы самодержавная власть могла действовать сознательно, основываясь на познании действительных народных нужд. Константин Петрович уподобил предлагаемую меру составу французских états généraux. Уподобление это совершенно неправильное. Всем известно, из кого состояли états généraux и какое их было значение. Разве предлагается что-либо подобное этому учреждению?.. Предлагается созвать около ста человек, избранных губернскими земскими собраниями и городскими думами губернских городов. Нельзя сомневаться в том, что избранные лица будут люди вообще умеренные. Они будут совещаться при участии правительственных деятелей и под председательством лица, назначенного высочайшею властью. Затем, если бы это собрание увлеклось, то нельзя думать, чтобы русское правительство, сильное, в некоторых отношениях всемогущее, не имело средств остановить подобное увлечение.

Опасения, и притом напрасные, у нас не новость. Когда покойным государем возбужден был вопрос об освобождении крестьян, тогда многие боялись у нас революции. Последующие события доказали,

что опасения эти не имели ни малейшего основания. Когда введены были земские учреждения, многие предсказывали, что вводимый порядок будет постоянно расти, что земство будет стремиться к приобретению политического значения, что силою вещей правительство будет вынуждено уступить и что таким образом водворится в России правление конституционное. Но разве опасения эти были справедливы? Разве земство стало политическою силою и вышло из тех пределов, которые были ему предуказаны законом? За исключением некоторых отдельных случаев не серьезного даже сопротивления, а скорей невинной болтовни, которые были тотчас же остановлены распоряжением правительственной власти, — земство наше никогда не выходило из границ. Его можно обвинить скорее в бездеятельности, в апатии. Итак, неоднократно возникавшие у нас до сих пор опасения по случаю принимавшихся либеральных законодательных мер, как дознано неопровержимыми фактами, были напрасны, были несправедливы.

Ваше императорское величество, возвращаясь к первоначальному заявлению, я должен снова указать на то, что между нами нет коренного различия в убеждениях. Сам Константин Петрович не отвергает пользы соображения важных законодательных мер при участии людей практических. Но решительно то же самое предлагается и нами. Может быть, мы не сойдемся с Константином Петровичем в подробностях, но подробности есть дело дальнейшего рассмотрения. Обсуждать проект вновь во всех мельчайших его постановлениях, ввиду важности дела, может быть только полезно. Теперь речь идет собственно об основной мысли, а относительно нее, по глубокому моему убеждению, нет различия во взглядах. Нынешний порядок администрации признан самим правительством во многих отношениях неудовлетворительным и требующим исправления. С этим согласен и Константин Петрович. По возвращении сенаторов, которым поручена ревизия многих губерний, и по рассмотрении их трудов будут составлены предположения об изменениях в разных частях законодательства. Необходимо, чтобы изменения эти удовлетворяли действительным потребностям и не остались мертвою буквою. Для этого нужно содействие людей, знающих действительную жизнь.

Кроме общих проектов, касающихся проекта управления, нельзя оставлять без внимания крайней необходимости изменения нашей податной системы. Нынешнее податное обложение в высшей степени несправедливо и тягостно для некоторых классов населения. Но для того, чтобы облегчить одних, нужно обременить других, нужно ввести новые налоги, о чем упоминал еще сегодня министр финансов. Введение же новых налогов обыкновенно возбуждает ропот и увеличивает число недовольных. Почти ничто не ожесточает так людей, как то, если их бьют по карману. Поэтому правительство должно озаботиться не только о том, чтобы подати были справедливые и чтобы они распределялись, по возможности, равномерно,—в этом много помогли бы представители разных местностей и разных классов общества,—но также

и тем, чтобы не нести о д н о м у всей ответственности в принятых мерах. Коль скоро меры эти будут предварительно обсуждены представителями страны, то ответственность будет разделяться ими, и правительство найдет в них опору.

Ваше величество, в заключение я должен сказать, что речью своей Константин Петрович всех нас расстроил. При этом он представил в самых мрачных красках весь ужас нынешнего нашего положения. Но этого он не пошел (sic! *Ред.*). Он раскритиковал все, но сам не предложил ничего. В конце своей речи Константин Петрович справедливо сказал, что во времена, подобные настоящим, нужно действовать. Нам предложен план действий. Если он не хорош, то нужно заменить его другим; но ограничиваться одною критикою и оставаться неподвижным—невозможно.

После Сольского попросил слова *министр путей сообщения К. П. Посьет*. Довольно нескладно и темно он объяснил, что предполагаемые меры несвоевременны, тем более, что они могут быть приняты за уступки требованиям и угрозам социалистов.

Почти в один голос Лорис-Меликов, Абаза и Сольский заявили, что этого бояться нечего, так как социалисты требуют совсем не того и что предлагаемая мера их, конечно, не удовлетворит.

Председатель департамента законов кн. С. Н. Урусов. Ваше императорское величество, если предложение министра внутренних дел будет принято, то, по моему мнению, нужно рассматривать его не как меру политическую, а как меру практически полезную.

Коль скоро правительство должно искать себе помощи в содействии представителей общества, то необходимо, чтобы эти представители были л у ч ш и е л ю д и страны.

Но из рассматриваемого нельзя вынести убеждения, что представители земства и городов будут именно такие люди. Поэтому, Ваше величество, я, с моей стороны, признавал бы полезным и необходимым пересмотреть проект предварительно в комитете министров.

Управляющий министерством народного просвещения А. А. Сабуров. Ваше императорское величество, проект министра внутренних дел признается здесь многими за меру слишком либеральную. Я не могу согласиться с таким мнением. Весьма основательно было возражаемо, что предложение графа Лорис-Меликова не есть что-либо совершенно новое и что, в сущности, оно есть лишь видоизменение и усовершенствование того, что делалось в прежние времена при рассмотрении важных законодательных проектов. При нынешних грустных обстоятельствах мера эта особенно необходима. Она вызывается неотложною потребностью опереться на здоровые силы страны. В настоящее время правительство опирается в своих действиях собственно на одних чиновников, т.-е. на людей хотя и образованных, но дышащих исключительно петербургским воздухом и усваивающих себе взгляды и убеждения газет, не всегда верные и не всегда соответствующие истинным потребностям государства. Нужно выслушать и людей другой сре-

ды. Мнения их во многом не согласны с газетными статьями. Люди земские, особенно за Москвою, думают совершенно иначе, чем петербургские деятели. Они несравненно более консервативны и самостоятельны, а потому предетавят, несомненно, более твердую опору для правительства.

Министр юстиции Д. Н. Набоков заявляет тихим голосом (в нашем конце стола его почти не слышно) и в довольно туманных выражениях полное свое сочувствие проекту министра внутренних дел.

Принц П. Г. Ольденбургский. Ваше величество, я присоединяюсь вполне к предложению князя С. Н. Урусова о пересмотре проекта в комитете министров. К этому я прибавлю, что для упрочения порядка и благосостояния государства, по глубокому моему убеждению, нужны два условия: мир и поправление наших финансов, главным образом, посредством бережливости в расходах. Если не будет этих двух условий, то ничто не поможет.

Очередь доходила теперь до меня. Я был в чрезвычайном затруднении: говорить мне или нет? С одной стороны, вопрос почти уже выяснился, с другой же, госуд. секретарь не есть министр и присутствует в совете собственно для объяснений по делам госуд. совета. После некоторого размышления и—не скрою—волнения, я решил так: если государь обратится прямо ко мне, то, высказав в кратких чертах сочувствие свое проекту, я приведу в виде практического аргумента в пользу предлагаемой меры то, что, как видно из многих наших дел, издаваемые у нас законы на деле часто не соответствуют благим намерениям правительства главным образом потому, что они неудобоприменимы, что недостатком этим страдают в особенности те законы, при составлении которых вовсе не были выслушаны отзывы людей дела и практики, например: парциальное (?) положение и закон, ограничивающий право городских и сельских обществ исключать из своей среды порочных людей. Как известно, оба эти узаконения вызвали массу справедливых жалоб, повлекших за собой пересмотр первого из них и приостановление действия второго в административном порядке.—Засим, если бы его величество не обратился ко мне, я решился молчать.

По окончании принцем Ольденбургским коротенького своего заявления, государь посмотрел вопросительно в наш угол, т.-е. на управляющего министерством государственных имуществ князя Ливена и меня. *Князь Ливен* попросил слова и затем, несколько кудряво, объяснил, что, вполне сочувствуя мысли опереться на здоровые силы страны, полагает, однако, что им следует предоставить широкую долю участия в местном самоуправлении. Призывать же депутатов земства в Петербург для участия в делах управления, по мнению князя Ливена, во многих отношениях опасно.

Выслушав Ливена с несколько утомленным видом, государь обвел взглядом все собрание, как бы спрашивая: не желает ли еще кто-нибудь говорить? Я понял, что мне лучше воздержаться от прений.

Слова попросил *великий князь Константин Николаевич.* Ваше величество, —сказал он, —в начале наших суждений П. А. Валуев

заявил, что он считает себя давнишним автором или ветераном рассматриваемых предложений, так как основная их мысль была им предложена покойному государю в 1863 году. Хотя и несколько позднее, именно в 1866 году, я счел также обязанностью, не зная ничего о предположениях Петра Александровича, представить покойному императору записку, в которой выражал убеждение свое в необходимости привлечения сил общественных к рассмотрению важнейших законодательных дел. Государь не давал хода этой записке в течение 15 лет.

Только в январе прошлого года она подвергалась обсуждению в особом совещании при участии Вашего величества. Осуществление мыслей моих признано было тогда несвоевременным. Я, с моей стороны, покорился этому, сохранив за собой право возобновлять предложения мои впоследствии. Если бы министр внутр. дел не представил ныне своего проекта, во многом сходного с моим, то я счел бы обязанностью снова заявить о прежних, давнишних моих мыслях. Говорю об этом собственно для того, чтобы выразить, в какой степени я разделяю основную мысль обсуждаемого государственного дела.

Главный противник проекта—обер-прокурор св. синода. Но и он, если вникнуть хорошенько в сказанное им, как правильно заметил государственный контролер, не отрицает пользы призыва к рассмотрению важных законодательных дел людей свежих, практических. Следовательно, и Константин Петрович признает полезным, чтобы существовало звено между государем и его народом. Такое звено я, с моей стороны, считаю безусловно необходимым. Благодаря такому звену русский монарх мог бы узнавать как истинные потребности своего государства, так и недостатки законодательных предположений, составленных людьми кабинетными. Не подлежит сомнению, что в тысячу раз лучше убедиться в таких недостатках п р е ж д е, чем п о с л е утверждения закона. Какое именно должно быть это звено, из кого состоять и как должно действовать,—в этом отношении возникают в нашей среде разные мнения. Ввиду этого, я присоединяюсь к предложению князя Урусова и принца Ольденбургского о дальнейшем еще пересмотре проекта. Покойный мой отец, дед Вашего величества, неоднократно говорил мне, что любимою поговоркою императора Александра I было: «десять раз отмерь и один раз отрежь». Мне кажется, что поговорка эта, как нельзя более, применима к настоящему предмету первостепенного государственного значения. Нужно несколько раз отмерить наши предположения, но в конце концов нужно их отрезать.

Великий князь Михаил Николаевич не считает возможным высказаться, пока не ознакомится с окончательными по этому предмету предположениями.

Великий князь Владимир Александрович (с некоторым жаром). Ваше величество, всеми сознается, что нынешнее положение наше—невозможное. Из него необходимо выйти. Нужно сделать или шаг вперед или шаг назад. Я убежден, что назад итти нельзя, поэтому нужно сделать шаг вперед. На это нужно решиться. Если против меры, пред-

ложенной графом Лорис-Меликовым, и были возражения, то, как оказывается, возражения возникли собственно в отношении к подробностям, а не относительно основной мысли. Ввиду этого, не позволите ли, Ваше величество, признать полезным повелеть, чтобы проект был пересмотрен? Но отвергать его, по моему мнению, не следует.

Граф С. Г. Строганов. Государь, я тоже не возражал бы против пересмотра проекта в комитете министров.

Князь С. Н. Урусов. Ваше величество, если Вам благоугодно будет принять мысль о дальнейшем еще пересмотре проекта, то не лучше было бы обсудить ее сначала не в комитете министров, а в составе небольшой комиссии из лиц, назначенных Вашим величеством?

Государь. Я не встречаю к тому препятствий. Цель моя заключается в том, чтобы столь важный вопрос не был разрешен слегка, но, напротив того, был соображен как можно основательнее и всестороннее; (обращаясь к графу Строганову) граф, не примете ли Вы на себя председательство в комиссии?

Граф Строганов. Я всегда и во всем готов служить Вашему величеству. Но позвольте заметить, что 86-ти лет от роду нельзя быть председателем.

Государь. Так не согласитесь ли, по крайней мере, быть членом комиссии?

Граф Строганов. Охотно, государь.

Государь. Благодарю Вас. Я очень бы желал, чтобы Вы участвовали в этом деле.

Граф Строганов, видимо довольный, молча поклонился.

Граф Валуев. Ваше императорское величество, не изволите определить состав комиссии? Или, может быть, Вашему величеству угодно будет определить его впоследствии?

Государь. Да (вставая). Мы можем окончить заседание. Благодарю Вас, господа; (обращаясь к Лорису-Меликову) граф Михаил Тариелович, я должен поговорить с Вами. Пойдемте ко мне.

Заседание окончилось в 4 часа 45 минут. При разъезде Валуев подошел к Абазе со словами: «J'espère que vous avez été content de moi».—Parfaitement. Mais je n'en dirai pas autant de votre élève (разумея Макова); c'est un laquais *).

Возвратясь домой, я немедленно начертил себе план стола, означив имена сидевших и порядок, в котором говорились речи. Затем против каждого имени я тут же набросал сущность сказанного и отметил даже наиболее рельефные выражения.

После обеда, несмотря на усталость, я тотчас же принялся за подробное изложение (на особых листах) всего бывшего в заседании и не отрывался от этого дела до поздней ночи. Однако мне не удалось окончить все за один раз. Я употребил на это дело еще целых два вечера. В эту книжку я внес составленное таким образом изложение, по обычаю своему, летом.

*) Я надеюсь Вы были мною довольны.—Совершенно, но я не скажу того же о Вашем ученике. Это—лакей.

В заседании я следил за всем с таким напряженным вниманием, что у меня осталось в памяти едва ли не каждое слово. Льщу себя надеждою, что изложение мое почти фотографически верно.

9 марта. Великий князь Константин Николаевич доволен результатом вчерашнего заседания. Зато крайне недоволен назначением Баранова [21]) в градоначальники. Назначение это состоялось не по представлению Лориса, а по совету Победоносцева.

Относительно заседания я сказал великому князю, что был поражен, как выступил вчера великий князь Владимир Александрович, заявление которого много способствовало успеху дела.—«А я этому нисколько не удивляюсь,—отвечал великий князь,—Владимир умный и хороший человек. Беда его в том, что он ленив и мало образован, даже в светском отношении. Все внимание покойного государя и императрицы было обращено на воспитание цесаревича Николая Александровича [22]), который был чуть не совершенство. Нынешний же государь и Владимир Александрович в детстве и юношестве были предоставлены почти исключительно самим себе».

Как узнал я в государственном совете, государь по окончании вчерашнего заседания сказал Лорис-Меликову, что председателем комиссии для пересмотра его предположений назначает великого князя Владимира Александровича.

Лорис очень недоволен исходом вчерашнего заседания. По-моему, он не прав: исход очень хороший, цель почти достигнута; конечно, дело не увенчалось тут же полным успехом, но разве такие серьезные вопросы когда-либо разрешаются в одно заседание?

Лорис избалован—до сих пор все давалось ему слишком легко.

С другой стороны, Лориса многие винят в том, что он побудил государя в назначении заседания до погребения тела покойного императора. Дело вовсе не так спешно, а между тем недели через две или три речь Победоносцева не произвела бы такого впечатления, какое она произвела теперь.

16 марта. Лорис и Абаза вследствие заседания 8 марта не подают руки Макову и Победоносцеву и почти не говорят с ними. По-моему мнению, они не правы. Нельзя считать политических противников прямыми врагами. Можно не сочувствовать их взглядам, даже не любить их; но необходимо соблюдать правила приличия и вежливости.

Абаза сообщил мне сегодня, что акции Лориса высоки, но что и Победоносцев не совсем без влияния. Много еще перемен будет. «Мы,—продолжал он,—обязаны были высказаться вполне и вступить в открытую борьбу, так как стояли на министерских постах. Но на вас не лежит этой обязанности; потому будьте осторожны и не сжигайте своих кораблей. Поберегите себя для будущего».—И он крепко пожал мне руку.

Желал бы я знать, что значит это наставление. Искренно ли оно или же только светская любезность, соединенная с некоторым расчетом на случай падения...

II.

Из дневника вел. кн. Константина Николаевича.

8 марта 1881 г.

Утро спокойно дома за газетами. В 11 час. в крепости слушали заупокойную обедню. Дома завтракал и работал крестьянщину с Черняевским [23]) и Татариновым [24]). В 2 ч. в Зимний на первый совет министров у молодого государя в малиновой комнате мама́. Предъявлялось дело наше о призыве земских представителей и проект прелестно составленного объявления об этом. Но государь начал словами сомнения и несвоевременности этой меры и просил всех откровенно высказаться. Строганов, нарочно для этого приглашенный, сильно говорил против, тоже Маков (лакейская речь), Посьет, а главное—Победоносцев, доказывая, что это будет только новая говорильня. А Валуев и Милютин, Абаза, Сольский, Набоков и Сабуров сильно и отлично говорили в пользу. Урусов по обыкновению ни то, ни се. Я рекапитулировал все рассуждения, доказывая, что разногласия настоящего нет, что все согласны, что надо же сделать что-нибудь, и доказал необходимость нового пересмотра этого дела. Владимир очень мило говорил, доказывая, что оставаться в теперешнем положении долее невозможно, что необходимо что-нибудь сделать. Говорил очень мило. Это было his maiden speech *), и я его за это потом поцеловал и перекрестил. Так и решили, чтоб снова рассмотреть дело в предварительной комиссии, но состава комиссии не решили. Было уже почти 5 час. Было еще много частных потом разговоров, и я крупно выговаривал Макову за его глупую речь. Воротился ужасно утомленный и отдыхал.

9 марта 1881 г.

Утром $13^1/_2°$ со страшным ветром, а вечером 5°, снег и вьюга. Утром читал газеты. В $^1/_2$ 11 работал с Перетцом [25]) и много толковали про вчерашнее заседание и мое личное положение. В 12 ч. панихида в крепости. Дома за завтраком расспрашивал Костю про Эдинбург-

*) Буквально—«его девственная (первая) речь»; этим выражением в Англии обозначают первую речь нового члена парламента.

ского и узнал более чем странные истории о Новосильском [26]) и его поведении. В $^1/_2$ 2 в совет, весьма короткий, как и крестьянский комитет, а потом длинный разговор с Абазой. Рассказывал мне свои планы об облегчении выкупных платежей и о применении обязательного выкупа и как он про это докладывал и Саше [27]) и новому государю и заручился их согласием и намерен это провести сквозь комитет и совет еще в эту сессию, до ваканта. Потом общий разговор про теперешнее положение, про вчерашнее заседание, про положение Лориса и мое, и что мне делать и как поступать. Положение не легкое, но во всяком случае ничего не сделаю до окончания похорон и торопиться не буду, а буду выжидать.

Примечания.

[1]) *Мансуров, Ник. Павл.*, статс-секретарь, завед. делами совета министров.

[2]) *Владимир Александрович* (1847—1909), вел. кн., ком. войсками гвардии и петербургского военного округа.

[3]) *Константин Николаевич*, (1827—1892), вел. князь, ген.-адмирал, председатель государственного совета.

[4]) *Михаил Николаевич*, вел. кн., член гос. совета, ген.-фельдмаршал, позже — председатель гос. совета.

[5]) *Строганов, Сергей Григ.* (1794—1882), гл. воспитатель сыновей Александра II—Николая, Александра, Владимира и Алексея Александровичей.

[6]) *Лорис-Меликов, Мих. Тар.* (1825—1888), граф, ген.-адъют., главный начальник верх. распоряд. комиссии (12 февр.—6 авг. 1880 г.), министр внутр. дел (6 авг. 1880 г.—7 мая 1881 г.).

[7]) *Посьет, Конст. Никол.* (1819—1899), ген.-адъют., министр путей сообщений (1874—1888).

[8]) *Урусов, Серг. Ник.*, князь, статс-секретарь, председатель департамента законов гос. совета (1872—1882).

[9]) *Барзнов, Эд. Троф.*, граф, председатель деп. экономии гос. совета.

[10]) *Абаза, Алекс. Агеевич*, член гос. совета, министр финансов.

[11]) *Сольский, Дмитрий Март.*, (1833—1910), государственный контролер.

[12]) *Пещуров, Ал. Ал.*, (1834—1891), вице-адм., управл. морским министерством (1880—1882).

[13]) *Милютин, Дмитрий Алекс.*, граф, военный министр.

[14]) *Валуев, Петр Алекс.*, (1814—1890), граф, председатель комитета министров.

[15]) *Принц Петр Георг. Ольденбургский*, (1812—1881), ген.-адъют., главноупр. IV отд. собств. е. в. канцелярии.

[16]) *Ливен, Андрей Алекс.*, князь, управляющий мин. госуд. имуществ.

[17]) *Гирс, Ник. Карл.* (1820—1895), тов. мин. иностр. дел.

[18]) *Караковов, Дм. Влад.*, неудачно покушался на Александра II 4 апр. 1866 г.

[19]) *Вильгельм* (1797—1887), король прусский, германский император.

[20]) *Гамбета, Леон-Мишель* (1838—1882), знаменитый франц. политический деятель, республиканец, президент палаты депутатов; в 1881 г. вел энергичную кампанию за введение закона о выборах в палату депутатов по спискам, а не по округам; противники Г. доказывали, что он добивается изменения выборной системы, чтобы стать диктатором.

[21]) *Баранов, Ник. Мих.*, испр. должность ковенского губернатора, затем петерб. градоначальника; в 1885 г. назначен нижегородским губернатором.

[22]) *Николай Александрович*, цесаревич, старший сын Александра II (род. в 1843 г., умер в 1865 г.).

[23]) *Чернявский И.*, чиновник государственной канцелярии.

[24]) *Татаринов*, повид., тоже.

[25]) *Перетц, Егор Абрам.*, государственный секретарь.

[26]) *Новосильский*, член государственного совета, адмирал, ген.-адъютант.

[27]) *Александр II.*

Октябрьский переворот и ставка [1]).

I.

Зимний дворец занят. Засевшие в Инженерном замке юнкера выбиты. Большинство министров Временного Правительства, ряд главных администраторов Питера, вместе с генерал-губернатором Пальчинским, сидели в Петропавловской крепости. Министерские чиновники и служащие учреждений проводили всеобщую стачку против власти Советов, против победы рабочих, руководимых нашей большевистской партией.

Буржуазные и эсеро-меньшевистские элементы готовятся к борьбе. Организованы «комитеты спасения революции». Авксентьевы, Шрейдеры, Черновы и Даны, купцы Кишкины и Гоцы готовились спасать страну и революцию от «темных сил», которым будто мы, большевики, открывали ворота. Керенский сбежал, собирал рать для спасения буржуазного порядка, шел на рабочую столицу.

В два дня закончился II Съезд Советов. Приняты декреты о мире, о земле, о власти. Выбрано новое правительство, провозглашена власть Советов. Десятки тысяч рабочих Питера взяли винтовки на защиту нового революционного порядка. Тысячи стали на замену саботажников.

А «хвастунишка Керенский» шел походом на рабочий Питер, посылая из Гатчины во все стороны напыщенные телеграммы:

В ставку и далее по схеме всем, всем: войскам петроградского военного округа и всем, всем объявляю, что я, министр-председатель Временного Правительства и верховный главнокомандующий всей вооруженной силы Российской Республики, прибыл сегодня во главе войск фронта, преданного родине. Приказываю всем частям петроградского военного округа, по недоразумению или заблуждению примкнувшим к шайке изменников родине и революции, вернуться не медля ни часу к исполнению своего долга. Приказ этот прочесть во всех ротах, командах, батареях, эскадронах и сотнях: министр-председатель и верховный главнокомандующий *Керенский*.

Оставшиеся в меньшинстве социалисты-революционеры и меньшевики всех оттенков повели атаки на второй Съезд Советов, объявив его «не состоявшимся», разослав по телеграфу свой знаменитый «циркуляр»:

---

[1]) Среди публикуемых тов. А. Г. Шляпниковым материалов из Военно-ученого архива (д. д. №№ 814, 679 и 676) есть документы, опубликованные в свое время в периодической печати. Редакция однако не считала возможным исключить эти документы из статьи, желая дать по возможности исчерпывающий подбор документов, рисующих октябрьско-ноябрьские дни в конт-революционной ставке. *Ред.*

Всем Советам Рабочих и Солдатских Депутатов и армейским комитетам. 20207.
Из Петрограда 277 125 26—12 Циркулярно.

Товарищи! Второй Всероссийский Съезд Советов собрался в момент, когда на улицах Петрограда пролилась уже братская кровь, и началась гражданская война, вызванная захватом власти большевиками. Фракции социалистов - революционеров, социал-демократов меньшевиков и интернационалистов, народно-социалистической группы не сочли возможным при таких условиях принимать участие в Съезде и покинули его, вследствие этого ЦИК считает второй Съезд Советов не состоявшимся и рассматривает его, как частное совещание делегатов большевиков, и решения этого Съезда, как незаконные, ЦИК объявляет необязательными для местных Советов и армейских комитетов. ЦИК призывает все Советы и армейские организации сплотиться вокруг него для защиты революции. ЦИК созовет новый Съезд Советов, как только создадутся условия для правильного его созыва. *Исполнительный Комитет.*

Однако сплочения вокруг старого ЦИК'а не произошло: ни армия, ни рабочие не откликнулись на его призывы. Только верхушечки комитетов, почтовые служащие и всевозможные «комитеты спасения революции» ответили на его призывы ругательствами и проклятьями по адресу большевиков, свидетельствуя о своем бессилии. Места же последовали за Питером и Москвой, свергая власть Временного Правительства, устанавливая новую власть Советов.

Вокруг Керенского и «комитетов спасения революции», под прикрытием эсеро-меньшевистской демократии, объединились все силы контр-революции. Все надежды буржуазной контр-революции обратились к фронтам, к ставке, где давно уже организовался военный кулак против «анархии в тылу», т.-е. против рабочих и крестьянских требований в городах и в деревне. На ставку возложил Керенский задачу подавления октябрьского движения, вспыхнувшего в различных городах прифронтовой полосы, а также в Питере и в Москве. Ставка охотно приняла эту задачу на себя и телеграммой на имя главковерха Керенского срочно сообщила:

Все распоряжения сделаны, главкосеву [1]) лично подтверждено мною сегодня о точном выполнении вашего приказа номер 315. На прочих фронтах настроение спокойное. Организуем совместно с комитетами и комиссарами дальнейшее усиление ваших средств. 27 октября 1917 года. № 7963. *Духонин.*

Руководство подавлением октябрьского движения в ставке было поручено генералу-квартирмейстеру Дидерихсу. Последний 28 октября отправил командирам корпусов, стоявших в районе западного и северного фронтов, следующие директивы:

Предлагаю вам: 1) Командировать в Царское Село и Витебск исключительно лишь вполне надежные части с представителями полковых, дивизионных и корпусных комитетов.

2) Исполнять получаемые из ставки приказания, касающиеся назначения войск, не придерживаясь строго буквы их в отношении численного состава и сосредоточивая особое внимание на прочность и надежность частей.

3) Установить связь с местом нахождения главковерха и доложить ему об отданных распоряжениях и спросить непосредственное указание относительно отряда, направляемого на Царское Село. Копии отданных вами распоряжений и полученных от главковерха указаний телеграфируйте мне.

4) Царско-сельскому отряду все время быть в самой тесной связи с главковерхом, для чего он должен быть снабжен необходимыми средствами. № 7975. *Дидерихс.*

При осуществлении этих директив решающее значение имело обладание железнодорожными путями. Воинские части, способные ценой отхода в тыл с угрожавших

[1]) Главкосев—главнокомандующий северным фронтом.

военных позиций для полицейской службы в Москве и Петербурге, находились, и ставке удалось бы осуществить свои переброски сил и надежных частей, если бы ее намерения встретили поддержку в среде железнодорожного пролетариата. Последний был решительно против перевозок воинских сил для подавления рабочих, и соглашательский «викжель» — всероссийский исполнительный комитет железнодорожников — вынужден был стать на путь «примирения» и отрицания гражданской войны. В низовых же организациях железнодорожников дело было значительно благоприятнее для успеха революционного Октября. Там рабочие и служащие отказывались везти войска на Москву и Питер, и, если были вынуждены к этому угрозой оружия, тогда на помощь приходили воинские части гарнизонов узловых станций или рабочие мастерских и депо и задерживали поезда в пути.

Главное командование придавало овладению железнодорожными путями огромное значение, что видно из ряда распоряжений по военным сообщениям западного фронта, подписанных Малявиным:

По условиям настоящего момента является крайне необходимым обеспечить в руках законной власти против бунтовщиков железнодорожные узлы Витебск, Вязьма, Смоленск и Жлобин. Главкозап [1]) приказал немедленно назначить для охраны этих узлов по одной роте от местных или ближайших гарнизонов. 28 октября. 11583. *Малявин.*

Пока ставка была занята передвижением войск и подысканием подкреплений для подавления восстания в Москве и в Питере, восстания стали вспыхивать в самой прифронтовой полосе. Неблагополучно для Временного Правительства было и во фронтовой полосе, в районах расположения штабов. Так, в Минске наши большевики пытались взять власть в городе в свои руки, то же наблюдалось в Пскове, в Киеве. В последнем районе дело осложнялось национальным движением украинцев. О положении дела в районе юго-западного фронта, штаб которого стоял в Киеве, сохранился телеграфный разговор комиссара фронта Н. И. Иорданского с пом. начальника штаба верховного главнокомандующего Вырубовым от 28 октября.

У аппарата комиссар Иорданский просит помнаштаверха Вырубова.

— У аппарата помнаштаверх Вырубов.

(Иордэнский). — Здравствуйте, Василий Васильевич. Сегодня у нас боевой день: в Виннице, где большевики захватили власть и где сосредоточен значительный гарнизон, с пяти часов дня идет бой. Воздушная эскадра большевиков совершила предательское нападение на верные революции войска, и было столкновение между нашими и большевистскими броневиками. Большевистский броневик уничтожен. Один из команды сгорел, другой убит. Наши потери: два юнкера убито, несколько ранено, убит один солдат, поврежден броневик. Доблестно руководит броневиками капитан Халинбеков и Устинов. Общее руководство принадлежит моему помощнику Костицыну, темнота приостановила бой, завтра окончание. Большевики начинают разбегаться по окрестностям, приняты меры, чтобы они не повредили железных дорог и проводов. В Киеве в настоящее время происходит арест Совета Солдатских Депутатов, призвавшего гарнизон к восстанию. Правительство располагает в Киеве достаточными и надежными отрядами, на остальном фронте спокойно. Были мелкие попытки большевистской агитации, но все они успешно прекращены комиссарами. 3 Финляндская дивизия и 17 Донской казачий направляются в Петроград на помощь Правительству. Искомюз [2]) находит необходимым назначить начальником отряда своего члена штабс-капитана Павлова, по местным условиям представляется наиболее удобным, чтобы его назначение состоялось в ставке, где вы увидите и будете иметь возможность оценить как самого

[1]) Главкозап — главнокомандующий западным фронтом.

[2]) Искомюз — исполнительный комитет юго-западного фронта.

кандидата, так и общие условия. С своей стороны отмечаю, что штабс-капитан Павлов, будучи молодым, обладает многими достоинствами, прошу Вас сообщить, какие новости. Все.

(Вырубов).— Здравствуйте, Николай Иванович. Сейчас врид комиссарверх получил телеграмму за подписью А. Ф. [1]) из Царского Села; главковерх телеграфирует, что большевизм распадается и что у большевиков нет никакой организации в Петрограде. Эта телеграмма, являясь ответной, хотя по содержанию и не очень значительно доказывает, что Царское Село сегодня было занято. С часу на час ждем известий о входе в Петроград. Сегодня в семь утра говорил с Толстым. Он сообщил, что министры-социалисты уже выпущены, что на улицах обыватели, «превратившиеся в граждан», обезоруживают большевистские караулы. При комитете спасения революции образовался военный отдел, составленный из политического отдела военмина. Повидимому, попытка организовать власть окончательно большевикам не удалась. Из Москвы получены известия, что Кремль в руках правительственных войск. Сегодня в Орше лицо, назвавшее себя уполномоченным рады, встретило головной эшелон 156 дивизии XVII корпуса и предложило вернуться назад и сосредоточиться в Киеве. Врид комиссарверх послал представителя с указанием на ответственность, которой подвергнется командный состав, если не выполнит приказания о продвижении. Я послал категорическую телеграмму Петлюре. Надеемся инцидент уладить. Вчера же послал телеграмму раде, о которой Вы говорили. Сегодня получили от главнавокр [2]) одесского генерала Маркса о присоединении его к одесскому окружному революционному комитету и украинской центральной раде. Телеграмма довольно путаная, и для нас не совсем ясна позиция этого окружного революционного комитета, но, имея в виду постановление рады против большевиков, я полагаю, что позиция эта во всяком случае противобольшевистская. Одесский окружной революционный комитет подчиняется киевскому областному комитету по охране революции. У нас все спокойно, проезжали сегодня несколько большевиков-солдат, бросили на станции пачку большевистских газет. Вот пока все.

(Иорданский).—В Одессе мы знаем, это не совсем так, как изображает Маркс, попавший охотно в слуги уже третьего правительства. Там рада захватила власть в свои руки, через посредство этого самого комитета отстранила комиссара Временного Правительства, который прислал мне протест. Кому подчиняется одесский комитет—трудно сказать, так как киевский комитет вчера догадался, наконец, распустить себя, как раз накануне объявления большевиками восстания; как я и предполагал, все эти почтенные комитеты служили только прикрытием, пока большевики готовились, поэтому я полагал бы, что при первой возможности усердный генерал Маркс должен быть предан суду. Сегодня я опубликовал объявление для фронта и прифронтовых губ., что военная власть в крае принадлежит только военным начальникам и комиссарам. Никакие захватные попытки и никакие политические соглашения для военной власти недопустимы. Всякие комитеты допускаются только как формы сотрудничества и содействия законным представителям власти на юзфронте и прилегающих губерниях. Представители Временного Правительства, опираясь на революционную армию, достаточно сильны, чтобы охранить революцию и подавить контр-революционеров правых и левых. Поэтому я объявляю всякие самочинные организации излишними и призываю политические партии, население сосредоточить силы на выборах в Учредительное Собрание и на обеспечение его созыва в назначенный срок. Пока все.

Прошу, известно ли Вам, в каком направлении предполагается ликвидировать кризис; общеармейские комитеты запросили искомюз об его мнении по вопросу о реконструкции власти, то-есть о создании нового правительства. Это снова ставит вопрос о народном и коалиционном министерстве, что по-моему чрезвычайно запутывает положение. Каковы мнения Правительства это—раз, два—предполагается ли примирение с большевиками или, наоборот, их окончательная ликвидация. Пожалуйста, попросите там члена армейского комитета, чтобы он был у аппарата. Все.

(Вырубов).—Сейчас члена армейского комитета здесь нет, если угодно, могу вызвать. По затронутому Вами вопросу у меня источник тот же, что и у армейского комитета—

---

[1]) Александр Федорович Керенский.

[2]) Главнавокр—главный начальник военного округа.

разговор с Толстым. По словам Толстого, в комитете спасения революции были разговоры о реконструкции власти, говорили об однородном министерстве, называли Авксентьева министром-председателем, предполагали, что А. Ф. останется только главковерхом, но поскольку эти разговоры серьезны и выражают собой мнение значительного большинства—сказать не могу. Во всяком случае, считаю, что освещение этих разговоров носило индивидуальный характер. Из тона телеграммы нельзя заключить, что он склонен к уступкам. Нужен ли Вам член армейского комитета?

(Иорданский).— Это не мне, а члену исполкомюза, который будет с ним после говорить. Пока прощаюсь с Вами, Василий Васильевич.

(Вырубов).—Всего хорошего, до свидания.

— До свидания.

Вслед за этим разговором ставка вела переговоры с румынским фронтом, комиссаром которого был Тизенгаузен, офицер Кексгольмского полка. Штаб румынского фронта был в Яссах. Район Одессы и часть Черноморского флота состояли в связи с румынским фронтом, о положении дел в котором мы узнаем из разговора Тизенгаузена с Вырубовым.

У аппарата помнаштаверх [1]) Вырубов. Извиняюсь, что я Вас задержал. Говорил с Иорданским, который в дополнение телеграммы генерала Маркса сообщил, что киевского областного комитета уже нет, вчера себя сам распустил. Вместе с тем, по нашим сведениям, рада захватила власть в свои руки и отстранила комиссара Временного Правительства. Очень прошу Вас дать заключение о телеграмме генерала Маркса и выяснить мне позицию как одесского комитета, так и главнокр.

У аппарата комиссаррум [2]) Тизенгаузен.—Мы имели те же сведения, которые Вы только что сообщили. Могу добавить, что от румчерода [3]) получены извещения, что генерал Маркс открыто присоединился к украинцам, что последними устранены правительственные комиссары и занят снабрум [4]).—Румчерод ходатайствовал о вооружении трехсот человек, с помощью которых они надеются восстановить порядок. Мне кажется, что обстоятельства в Одессе сложились не особенно благоприятно для большевиков и украинцев. Помглавкомрум [5]) в срочном порядке предложил генералу Марксу дать объяснение и принять немедленно все меры для того, чтобы телеграф и снабрум ни на минуту не прекращали свою работу. Военно-революционный комитет фронта пока еще не выносил определенного решения по этому вопросу, но, учитывая общее настроение его, я предположительно могу сказать, что он станет в непримиримую позицию по отношению к захватным стремлениям рады. Помглавкомрум, насколько я понял начальника штаба, намерен, с согласия революционного комитета и моего, двинуть кавалерийские части к Одессе для водворения порядка. Переход генерала Маркса никого из нас не удивляет, так как генерал отличается большою способностью плыть по течению. Не откажите информировать меня о последних петроградских событиях—в каком положении находятся петроградские войска и не имели ли они столкновения? Конец.

(Вырубов).—Повидимому, столкновения происходят, сейчас говорю повидимому потому, что точно мы знаем о занятии Гатчины и имеем телеграмму от главковерха из Царского Села о том, что большевики распадаются. Сейчас из Пскова получены сведения о требовании главковерха ускорить прибытие эшелонов. Сегодня в семь утра говорил с кабинетом главковерха, прапорщиком Толстым, который сообщил, что министры-социалисты выпущены, что при комитете спасения революции образован военный отдел. Пока я говорил с Вами, комиссарзап [6]) сообщил: «Получено сейчас вполне проверенное сведение о взятии Петрограда

[1]) Помнаштаверх—помощник начальника штаба верховного главнокомандующего.

[2]) Комиссаррум—комиссар румынского фронта.

[3]) Румчерод — исполнительный комитет румынского фронта, Черноморского флота и одесского военного округа.

[4]) Снабрум — начальник снабжения румынского фронта.

[5]) Помглавкомрум — помощник главнокомандующего румынского фронта.

[6]) Комиссарзап — комиссар западного фронта.

войсками Керенского. 1381. Комиссарзап Жданов». В Москве идет бой, правительственные войска заняли центр города, вокзалы в руках большевиков. Начались переговоры. Потери правительственных войск: 30 убитых и 100 раненых. Вот пока все самое главное. Не имеете ли каких-либо вопросов?

(Тизенгаузен).—Большое спасибо. Сообщили нам очень большую радость—надежда на скорое успокоение крепнет с минуты на минуту. Как комиссар (sic!) занимал довольно странное положение, так как являлся представителем несуществующего правительства. С самого начала у нас был организован комитет, в который вошел я и мой помощник. Действуем, что называется, за свой страх, не допуская мысли о возможности оставления работы в этот момент. На фронте исключительное спокойствие, все идет нормальным порядком — нашелся всего один корпус — XXIX, который открыто заявил себя приверженцем нового правительства. Еще раз очень благодарю Вас и прошу не отказать и впредь почаще информировать нас. Что слышно о Станкевиче?

(Вырубов).—Станкевич, по словам Толстого, в Петрограде, жив и здоров. Прошу, в случае надобности, вызвать к аппарату. Буду Вас информировать в дальнейшем. До свидания!

(Вырубов).—Перекрестов приветствует!

Генерал Щербачев в свой черед сообщал ставке секретной телеграммой о том, что «ведутся переговоры через революционный комитет с армиями, формируются особые роты по одной из корпуса». Все фронты принимали участие в организации контр-революционного похода. Все внимание командного состава, а также колебавшейся солдатской массы, было сосредоточено на Петрограде. Даже московские политические и офицерские круги, невзирая на состояние Москвы, наблюдали с живейшим вниманием за исходом борьбы под Петроградом. Все контр-революционные элементы ожидали, что Керенский войдет в Питер победителем, а из Питера поведет борьбу и по другим направлениям.

28 октября штаб московского военного округа имел со ставкой следующий разговор:

— У аппарата генерал Дидерихс.

— У аппарата помощник командующего, поручик Ровный. Прошу Вас сообщить, что Вам известно о положении Петрограда, так как Москва не имеет достаточных связей с Петроградом. Когда выйдет помощь и из кого она состоит? Каково положение фронта?

(Дидерихс).—Прямой связи с Петроградом мы не имеем. От коменданта Гатчины знаем, что сегодня между Лигово и Петроградом шел бой. Результаты еще не известны. До сих пор, вследствие некоторых обстоятельств, связь с Керенским мы держим через Москву, поэтому я ждал, что услышу что-либо от В а с. Помощь Вам уже выслана, как я говорил, с юго-западного фронта бригада кавалерии с батареей и с западного фронта батарея казачья под прикрытием сотни. Когда они должны подойти к Москве, точно Вам сказать не могу, это зависит от успешности движения по железным дорогам. На фронтах спокойно, эксцессов пока нет, большевики притихли, но тайная работа их чувствуется. Немцы пытаются завязывать братание. Что Вы можете сказать о положении в Москве?

(Ровный).—После взятия Кремля движение большевиков начинает принимать дезорганизованный характер. В данный момент положение можно охарактеризовать так: центр, главным образом, в наших руках, за исключением района, прилегающего к дому генерал-губернатора. Окраины в руках красной гвардии и взбунтовавшейся части солдат. Замоскворечье не в сфэре нашего воздействия. Стрельба большевиками ведется главным образом с крыш из пулеметов и ружей, большинство войск находится у себя в казармах и только незначительная часть выходила на улицу и выходит; по сообщениям наших связников, появляются целые роты и взводы пьяных солдат, а также толпы пьяных рабочих. Москва может очутиться в силу того, что масса имеет оружие, пред пьяным погромом. Можно сказать с уверенностью, что массы вышли уже из подчинения. В руках большевиков в центре не находится ни одно из казенных или общественных учреждений, вокзалы же Курский и Александровский заняты красногвардейцами. Ввиду недостатка сил и переутомленности

верных Правительству войск не представляется возможным быстрое очищение Москвы от восставших. В данный момент получены сведения, что из Владимирской губернии Иваново-Вознесенского фабричного района, где находится вся власть в руках большевиков, двигается батальон красногвардейцев, приняты все меры к их задержке. В 20 часов вечера в комитет общественной безопасности явились руководители большевиков Ногин и Ломов вместе с представителями партии меньшевиков (последние в качестве нейтральных лиц) и запросили пощады, предложив следующие условия: революционный комитет распускается, распускается также комитет общественной безопасности и должен быть создан новый коллекционный орган и немедленное перемирие. Предложение не было принято, комитету общественной безопасности с трудом удалось гарантировать безопасность явившимся большевикам, прошу Вас задавать вопросы, если таковые имеете. Не имеете ли чего из Гатчины?

(Дидерихс).—Получен приказ генерала Краснова, командующего отрядом Керенского, с призывом ко всем казачьим войскам сплотиться в борьбе с анархией и предоставить свои силы Правительству; кроме этого, имеются сведения, что повстанческие войска потерпели поражение, министры-социалисты выпущены из Петропавловской, других сведений нет. Большие ли у Вас потери в войсках и населении?

(Ровный).—В среднем около 30 убитых и больше сотни раненых.

(Дидерихс).—Благодарю Вас, пока больше ничего не имею, очень прошу завтра в 11 часов утра снова ориентировать. Пока до свидания.

(Ровный).—До свидания, привет Василию Васильевичу Вырубову.

(Дидерихс).—Имею Вам передать по приказанию главковерха для вашего личного сведения следующее его приказание, обращенное ко мне: «Приказываю Вам, в случае надобности, по соглашению с наштасевом [1]), устранить от фактического исполнения обязанностей всякого начальника без исключений с последующим мне и наштаверху донесением. Передайте эту ленту наштаверху.

Из этих переговоров видно отчетливо, какое значение придавали наши враги колебаниям москвичей во время боевых действий. Примиренческая политика некоторых большевиков учитывалась как наша слабость и укрепляла боевые надежды наших врагов. Все попытки найти почву для примирения в разгар начавшейся гражданской войны имели дезорганизующее значение и для наших военных сил, расстраивая бойцов, вызывая неподчинение бойцов руководящим революционным штабам.

II.

Обанкротившиеся партии социалистов-соглашателей, несмотря на начавшийся отход от них широких солдатских масс, в октябре месяце еще прочно сидели во всякого рода фронтовых, армейских и корпусных комитетах. Вместе с командным составом все эти организации создавали довольно серьезное сопротивление организационным мероприятиям сторонников восстания, одержавших во многих местах фронта победу в низовых организациях революционной демократии, как полковые, дивизионные комитеты и т. п. Однако верхушечные комитеты, в руках которых находилась власть над штабами, в своем большинстве были против большевиков.

Из Минска от 27 октября телеграммой по всем фронтам и округам сообщалось, что

«фронтовой комитет, армкомитеты 2, 3 и 10 и окружком минского высказались против выступления большевиков и за поддержку Временного Правительства. В Минске Совдеп вчера, 26 октября, сделал попытку захвата власти и ареста штаба. Фронтком не до-

[1]) Наштасев — начальник штаба северного фронта.

пустил ареста штаба. Организован комитет спасения революции, куда входит комиссарзап [1]). Этим комитетом вызваны войска, коими сняты все посты Совдепа. Совдепу предложено подчиниться. Требование исполнено. В Смоленске организован комитет спасения. В Минске спокойно и полный порядок. 11573. *Вальтер.*

От имени съезда румынской армии и войск одесского военного округа поступил протест против выступлений, организованных нашей партией. Протест был подписан офицерами, оказавшимися во главе отряда, и содержал в себе ряд угроз «республиканскими батальонами».

Съезд румфронта [2]) и одесского округа по организации доброармии, в час новых выступлений безответственных элементов, грозящих срывом Учредительного Собрания и тяжкими испытаниями родине, заявляет, что все действующие и формирующиеся батальоны, верные присяге войска-республиканцы будут всемерно поддерживать Временное Правительство, глубоко веря в то, что только оно способно благополучно довести страну к Учредительному Собранию. 861. Председатель съезда капитан *Ващенко*. Областной комиссар *Гершанский*. Председатель комитета полковник *Федоров*.

Однако положение Временного Правительства оказалось непрочным и в районе румынского фронта. В октябре там обострилась национальная борьба, особенно усердно поддерживавшаяся украинцами. В армиях и во флоте шла борьба украинцев, так называемых сепараторов, со сторонниками единой России. На почве и под прикрытием украинизации войск происходила перегруппировка военных сил, подведение вооруженного фундамента под украинизованную украинской буржуазией «раду». Об этой борьбе главный начальник одесского военного округа Маркс доносил по команде в таком духе:

Румчерод публикует, что на вчерашнем совещании, созванном одесским украинским областным революционным комитетом, румчерод и все организации отказались признать подчинение четырех губерний округа киевскому украинскому областному комитету. Образовавшийся из первоначальных революционных комитетов одесский областной комитет сегодня принял ряд практических мер, направленных к сохранению в округе порядка и спокойствия. По моему настоянию цензура с газет снята, приказы главковерха опубликованы, в городе пока спокойно. Главнавокр *Маркс.*

Неопределенное состояние в одесском округе не удовлетворяло ставку, и генерал Духонин телеграммой от 29 октября, в ответ на вышеприведенное сообщение генерала Маркса, запросил его дать более определенный ответ, находя, что его

телеграмма не освещает вопроса отношения новой организации к большевистскому движению, борьба с которым ныне является одной из главных задач тыла фронтов и внутренней России, Благоволите определенно высказать Ваше отношение к этому движению, так как оно не ясно. 7890. *Духонин.*

Большевистское движение — вот главный враг, сокрушить которого стремилась ставка, возглавлявшаяся генералом Духониным. Эту контр-революционную цель ставки чувствовали и солдаты, отчетливо понимали ее и низовые солдатские комитеты на фронте, и каждый в своих возможностях вел с ней борьбу.

---

[1]) Комиссарзап — комиссар западного фронта.

[2]) Румфронт — румынский фронт.

На поставленный Духониным Марксу вопрос, последний ответил телеграфно в тот же день, излагая в ней положение дела в округе и свою позицию.

Начальник округа. Ставлю своей главной задачей всеми мерами и во что бы то ни стало сохранить порядок в тылу и тем спасти положение на фронте. Для сего я стремлюсь согласовать, по возможности, интересы разных организаций, не выступая ни с какими декларациями, ибо такое выступление могло бы вызвать вооруженное выступление той партии, против которой декларация направлена. Необходимо иметь в виду реальное соотношение сил в Одессе: с одной стороны, украинство, опирающееся на украинские и украинизированные части, с другой—большевики, опирающиеся на части гарнизона, наконец, пехотные части, не примыкающие к двум предыдущим, с не всегда определенным лозунгом. Поддерживая возможное единение на почве призыва во время заседаний той или другой организации, сохранить порядок и тем помочь фронту устоять против врага, до сих пор за эти тяжелые дни удалось отстоять в округе в смысле вооруженных выступлений полный порядок. Лично я в первом заседании первоначального одесского революционного комитета, состоявшего из крайних левых партий, в то время, когда Петроград был захвачен большевиками, на вопрос об отношении к власти заявил заседанию, что остаюсь у власти временно до выяснения состава правительства, при чем по этом выяснении могу оставаться на посту лишь при условии согласия на то моей партии трудовиков. Тактика моя, как выяснил сегодня переговорами с помглавкомрумом, разделяется. Что касается Вашего вопроса относительно нового одесского окружного революционного комитета, то отвечаю словами его председателя: «По инициативе революционного комитета при украинской центральной раде, объединившего краевые революционно-демократические организации, состоялось в Одессе соглашение между представителями украинского комитета, румчерода и городского революционного комитета об образовании временного областного революционного комитета, из президиумов украинского комитета румчерода и городского комитета, со включением и других революционно-демократических организаций на общей платформе центральной рады, борьба с анархией и контр-революцией и охрана революции от чьих бы то ни было покушений как справа, так и слева. Начальник округа генерал Маркс дал согласие участвовать в комитете на условии полной поддержки комитетом лозунга единения народов демократической федеративной российской республики и борьбы с попытками захвата власти отдельными группами, в том числе и большевиками. Большевики в одесском округе не допускали попыток к фактическому захвату власти и о присоединении к ним не было и речи в данном временном областном революционном комитете. Председатель [illegible]вещания В. Чеховский». Я пытался просить Вас к аппарату, дабы путем переговора выяснить окончательно все, что Вас может интересовать, но прямой провод прерван. За последние дни имел три припадка сердца и, отдавая последние силы, чтобы сохранить в округе порядок и не допустить никаких вооруженных выступлений, могу дальше работать лишь при полном ко мне доверии. Выражение такового со стороны помглавкомрума я сегодня получил.—Главнавокр *Маркс*.

В Севастополе, в тылу румынского фронта уже побеждала власть Советов. 29 октября из Севастополя в ставке было получено радио «Всероссийскому Центрофлоту, всем Советам Солдатских и Рабочих Депутатов, всем армейским комитетам, революционным организациям», извещавшая, что:

вся власть взята Советом Военных и Рабочих Депутатов. 26 октября происходила грандиозная манифестация в ознаменование передачи власти Советам, прошедшая с большим энтузиазмом при многотысячной части гарнизона и граждан Севастополя участии под руководством Совета и Черноморского центрофлота. Центрофлот вошел в исполнительный комитет. Исполнительный комитет Совета Военных и Рабочих Депутатов и Черноморский центрофлот».

В киевском военном округе положение было весьма напряженное. Сторонники Временного Правительства принимали всяческие меры подавления большевистского

пустил ареста штаба. Организован комитет спасения революции, куда входит комиссарзап [1]). Этим комитетом вызваны войска, коими сняты все посты Совдепа. Совдепу предложено подчиниться. Требование исполнено. В Смоленске организован комитет спасения. В Минске спокойно и полный порядок. 11573. *Вальтер.*

От имени съезда румынской армии и войск одесского военного округа поступил протест против выступлений, организованных нашей партией. Протест был подписан офицерами, оказавшимися во главе отряда, и содержал в себе ряд угроз «республиканскими батальонами».

Съезд румфронта [2]) и одесского округа по организации доброармии, в час новых выступлений безответственных элементов, грозящих срывом Учредительного Собрания и тяжкими испытаниями родине, заявляет, что все действующие и формирующиеся батальоны, верные присяге войска-республиканцы будут всемерно поддерживать Временное Правительство, глубоко веря в то, что только оно способно благополучно довести страну к Учредительному Собранию. 861. Председатель съезда капитан *Ващенко*. Областной комиссар *Гершанский*. Председатель комитета полковник *Федоров*.

Однако положение Временного Правительства оказалось непрочным и в районе румынского фронта. В октябре там обострилась национальная борьба, особенно усердно поддерживавшаяся украинцами. В армиях и во флоте шла борьба украинцев, так называемых сепараторов, со сторонниками единой России. На почве и под прикрытием украинизации войск происходила перегруппировка военных сил, подведение вооруженного фундамента под украинизованную украинской буржуазией «раду». Об этой борьбе главный начальник одесского военного округа Маркс доносил по команде в таком духе:

Румчерод публикует, что на вчерашнем совещании, созванном одесским украинским областным революционным комитетом, румчерод и все организации отказались признать подчинение четырех губерний округа киевскому украинскому областному комитету. Образовавшийся из первоначальных революционных комитетов одесский областной комитет сегодня принял ряд практических мер, направленных к сохранению в округе порядка и спокойствия. По моему настоянию цензура с газет снята, приказы главковерха опубликованы, в городе пока спокойно. Гланавокр *Маркс.*

Неопределенное состояние в одесском округе не удовлетворяло ставку, и генерал Духонин телеграммой от 29 октября, в ответ на вышеприведенное сообщение генерала Маркса, запросил его дать более определенный ответ, находя, что его

телеграмма не освещает вопроса отношения новой организации к большевистскому движению, борьба с которым ныне является одной из главных задач тыла фронтов и внутренней России, Благоволите определенно высказать Ваше отношение к этому движению, так как оно не ясно. 7890. *Духонин.*

Большевистское движение — вот главный враг, сокрушить которого стремилась ставка, возглавлявшаяся генералом Духониным. Эту контр-революционную цель ставки чувствовали и солдаты, отчетливо понимали ее и низовые солдатские комитеты на фронте, и каждый в своих возможностях вел с ней борьбу.

---

[1]) Комиссарзап — комиссар западного фронта.

[2]) Румфронт — румынский фронт.

На поставленный Духониным Марксу вопрос, последний ответил телеграфно в тот же день, излагая в ней положение дела в округе и свою позицию.

Начальник округа. Ставлю своей главной задачей всеми мерами и во что бы то ни стало сохранить порядок в тылу и тем спасти положение на фронте. Для сего я стремлюсь согласовать, по возможности, интересы разных организаций, не выступая ни с какими декларациями, ибо такое выступление могло бы вызвать вооруженное выступление той партии, против которой декларация направлена. Необходимо иметь в виду реальное соотношение сил в Одессе: с одной стороны, украинство, опирающееся на украинские и украинизированные части, с другой—большевики, опирающиеся на части гарнизона, наконец, пехотные части, не примыкающие к двум предыдущим, с не всегда определенным лозунгом. Поддерживая возможное единение на почве призыва во время заседаний той или другой организации, сохранить порядок и тем помочь фронту устоять против врага, до сих пор за эти тяжелые дни удалось отстоять в округе в смысле вооруженных выступлений полный порядок. Лично я в первом заседании первоначального одесского революционного комитета, состоявшего из крайних левых партий, в то время, когда Петроград был захвачен большевиками, на вопрос об отношении к власти заявил заседанию, что остаюсь у власти временно до выяснения состава правительства, при чем по этом выяснении могу оставаться на посту лишь при условии согласия на то моей партии трудовиков. Тактика моя, как выяснил сегодня переговорами с помглавкомрумом, разделяется. Что касается Вашего вопроса относительно нового одесского окружного революционного комитета, то отвечаю словами его председателя: «По инициативе революционного комитета при украинской центральной раде, объединившего краевые революционно-демократические организации, состоялось в Одессе соглашение между представителями украинского комитета, румчерода и городского революционного комитета об образовании временного областного революционного комитета, из президиумов украинского комитета румчерода и городского комитета, со включением и других революционно-демократических организаций на общей платформе центральной рады, борьба с анархией и контр-революцией и охрана революции от чьих бы то ни было покушений как справа, так и слева. Начальник округа генерал Маркс дал согласие участвовать в комитете на условии полной поддержки комитетом лозунга единения народов демократической федеративной российской республики и борьбы с попытками захвата власти отдельными группами, в том числе и большевиками. Большевики в одесском округе не допускали попыток к фактическому захвату власти и о присоединении к ним не было и речи в данном временном областном революционном комитете. Председатель совещания В. Чеховский». Я пытался просить Вас к аппарату, дабы путем переговора выяснить окончательно все, что Вас может интересовать, но прямой провод прерван. За последние дни имел три припадка сердца и, отдавая последние силы, чтобы сохранить в округе порядок и не допустить никаких вооруженных выступлений, могу дальше работать лишь при полном ко мне доверии. Выражение такового со стороны помглавкомрума я сегодня получил.—Главнавокр *Маркс*.

В Севастополе, в тылу румынского фронта уже побеждала власть Советов. 29 октября из Севастополя в ставке было получено радио «Всероссийскому Центрофлоту, всем Советам Солдатских и Рабочих Депутатов, всем армейским комитетам, революционным организациям», извещавшая, что:

вся власть взята Советом Военных и Рабочих Депутатов. 26 октября происходила грандиозная манифестация в ознаменование передачи власти Советам, прошедшая с большим энтузиазмом при многотысячной части гарнизона и граждан Севастополя участии под руководством Совета и Черноморского центрофлота. Центрофлот вошел в исполнительный комитет. Исполнительный комитет Совета Военных и Рабочих Депутатов и Черноморский центрофлот».

В киевском военном округе положение было весьма напряженное. Сторонники Временного Правительства принимали всяческие меры подавления большевистского

движения. Все «общественные силы» самого Киева и губернии объединились против блока рабочих и революционных солдат. Все эти политические и военные мероприятия были правильно учтены нашими товарищами и, когда в Питере началось восстание, наши партийные организации в Киеве, при поддержке солдат гарнизона, стали деятельно готовиться к захвату власти. В ставку из штаба киевского округа сообщали:

Киев 28 октября 12 часов 5 минут. Положение в городе к вечеру и ночью было очень тревожное, поступали донесения от постов и дозоров, что в городе временами слышны были отдельные выстрелы, больше со стороны Печерска. В штаб поступали известия, что большевики и красная гвардия к утру готовятся произвести открытое выступление. Ночью был замечен подвоз оружия и огнестрельных припасов во двор, занятый соединенным Советом Рабочих и Солдатских Депутатов. Утром было получено официальное уведомление, что революционный комитет рады распался. Караулы в городе усилены, на случай решительных действий подготовлены войска. 9688. *Квицинский.*

Через семь часов после этого донесения поступило второе, сообщавшее о том, что

положение к вечеру прежнее: большевики производят дальнейшую подготовку к выступлению. Штаб большевиков во дворце. Работаю в тесном сотрудничестве с общественными группами, представителями гражданских властей и комиссариата, стоящими на точке зрения решительной борьбы с большевизмом. Около 18 часов у Петровской аллеи проезжавший автомобиль с красногвардейцами обстрелял юнкеров, юнкера ответили. 9761. *Квицинский.*

На другой день после этого восстание в Киеве стало фактом. В ставку поступила телеграмма, доносившая о предпринятом наступлении на Совет:

Киев 29 октября 7 часов. В 17 часов началось наступление к дворцу отрядов юнкеров и казаков с артиллерией и добровольческих дружин, образовавшихся из офицеров союза георгиевских кавалеров и делегатов казачьего съезда. Наступление было принято с целью окружения дворца и ареста большевиков. Однако ввиду непримиримости позиции представителей малой рады в вопросе об аресте и опасение разрушить начинавшееся налаживаться соглашение с ними, что могло повести к резкому обострению отношений между разными частями гарнизона на национальной почве, пришлось отказаться от ареста большевиков и ограничиться разоружением их. По окружении дворца было предъявлено требование сдачи и выдачи оружия. В 22 часа они исполнили это требование и выдали большое количество винтовок, число которых еще не приведено в известность, и два пулемета. Во избежание самосуда над большевиками, небольшое число их было арестовано и отправлено в штаб. Одновременно с этим вооруженные группы населения, двигавшиеся по Крещатику, пытались проникнуть в улицы, ведущие к штабу округа; при отражении этих попыток убит одиннадцатилетний мальчик и ранены: делегат казачьего съезда хорунжий Синявин, два казака и четыре посторонних лица. 9763. *Квицинский.*

Последствия наступления на киевский Совет Рабочих Депутатов и ареста большевиков вызывали возмущение всей солдатской массы гарнизона и рабочих города. Отряды рабочих и солдат ответили на наступление юнкеров, казаков и офицеров контр-ударом, и уже ночью с 29 на 30 октября в ставку сообщили:

Положение в Киеве 29 октября 23 часа 50 минут. На улицах Киева перестрелка, Константиновское военное училище осаждается солдатами запасной конно-горной батареи, на стороне училища чехо-словацкий полк. Убито: офицер и пятеро солдат чехов, один юнкер ранен легко, другой тяжело. Расположенная в Печерске первая рота первой

школы прапорщиков подвергалась обстрелу. 765. Дежурный офицер связи штаба поручик *Дункан*.

В тот же день киевский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, при участии представителей войск гарнизона и рабочих фабрик и заводов, решил взять власть в свои руки, для чего создал революционный комитет, выпустив по этому случаю обращение:

Солдаты и рабочие.

Соединенное заседание Совета Солдатских и Совета Рабочих Депутатов, вместе с представителями фабрично-заводских комитетов и полковых комитетов, постановило подавляющим большинством голосов:

1. Образовать в Киеве революционный комитет в числе 10 избранных Советами товарищей.

2. Передать в его руки всю имеющуюся в распоряжении Советов полноту власти.

3. Поставить его под контроль Советов, имеющих право в любой момент переизбрать его.

4. Поручить ему проводить в жизнь все постановления Съезда Советов.

За это голосовало не только подавляющее большинство всех присутствовавших, но и подавляющее большинство членов Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

Соединенное заседание обратилось ко всем солдатам, ко всем рабочим, ко всем угнетенным и оскорбленным с призывом сплотиться вокруг революционного комитета Советов.

Солдаты и рабочие!

Граждане, стонущие под игом буржуазии!

Революционный комитет, опираясь на волю, выраженную вашими представителями, опираясь на доверие рабочих, солдат и всей бедноты, берет на себя обязательство руководить здесь, в городе Киеве, вашей борьбой за право рабочих, солдат и крестьян.

Товарищи!

В ваших руках судьба революции. От вас зависит — победим ли мы или будем раздавлены.

Мы обращаемся к вам с призывом:

1) Никаких выступлений помимо рев. комитета. Разрозненные действия мешают нашему общему делу.

2) Все рабочие, все солдаты, вся беднота должны в этот страшный час беспрекословно выполнять все распоряжения револ. комитета, Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

3) Ни одна воинская часть не должна выступать без распоряжения рев. комитета. Вас, товарищи, обманом могут направить на своих же братьев, на своих товарищей, вас могут обмануть, говоря, что ведут на контр-революционеров или погромщиков, а на самом деле ведя на рабочих и солдат.

Солдаты!

Вы—гордость России, вы не предадите дело революции.

Рабочие!

Вы—передовой отряд всемирной революции. Вы не отступите перед врагом.

Бедняки!

Вы долго терпели, потерпите еще немного, дабы раз навсегда сбросить с себя господство грабителей, угнетателей, спекулянтов и богачей.

Крестьяне!

От вас зависит, будет ли земля в ваших руках или в руках помещиков. Поддержите борьбу рабочих и солдат, и они поддержат вашу борьбу за землю.

Все за одного, один за всех!

В единении — сила!

Объединенных рабочих, солдат, крестьян и всей бедноты никто не сможет разбить. Объединяйтесь же здесь, в Киеве, вокруг р. к-та С. Р. и С. Д., а по всей России—вокруг Съезда Советов.

Революционный комитет киевского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

29 октября 1917 года, г. Киев. Дворец.

III.

Часть подготовленных для подавления восставших рабочих и солдат Питера войск ставке удалось передвинуть на помощь Керенскому. Положение с переброской войск по сообщению штаба северного фронта было:

1) До 20 час. 28 октября через Псков проследовало: а) из Острова три эшелона, штаб Уссурийской дивизии со взводом артиллерии и три сотни Амурского казачьего полка, б) из Осташкова двумя эшелонами три сотни и два орудия Уссурийского казачьего полка, 2) из Торопца две сотни Донского полка заканчивают нагрузку и сегодня отправляются, 3) из Новгорода отправлена одна сотня Донского полка, 4) из Витебска предложено грузить 29 октября Приморский драгполк, 5) по донесению коменданта станции Ревель к погрузке 13 и 15 Донского пол. не приступали. На станции Ревель дежурят члены военреволюционного комитета, которые заявили, если составы для этой перевозки будут поданы, то все станционные агенты будут арестованы, 6) 5-й бронДив предположено грузить 29 октября на ст. Валк, 7) прибывший в Псков бронепоезд смерти отправлен в Гатчину. Псков 29 октября 22 часа НР 6024/Б. *Барановский.*

Дальнейшие сведения о передвижении войск на Питер и Москву, поступавшие в ставку, свидетельствовали о массовом сопротивлении солдат такими перебросками. Тот же Барановский сообщал в ставку, что:

ввиду только что переданных командарм XII сведений о брожении среди латышских полков и начавшихся в них эксцессах с арестами офицеров, не представляется возможным послать ныне 17 кавдивизию, как единственно надежную часть в руках командарм XII. Псков 29 октября 2 часа. 6027/Б. *Барановский.*

Вскоре начали поступать в ставку сообщения о том, что войска не пропускаются на узловых пунктах или отказываются итти на Петроград. Из Орши телеграфно сообщали, что там с 29-го четырех часов

стоит эшелон 800 человек, вооруженных 22 пулеметами, направлявшихся на Петроград, заявивший нежелание итти и собирающийся с утра, под влиянием большевиков, захватить станцию и учреждения города. На станции только 100 казаков и в городе 50. Прошу срочного распоряжения. 1236. Начдив 2 куб. *Николаев.*

Кроме того, тот же начальник второй кубанской дивизии Николаев запрашивал ставку о том, как поступить с агитатором большевиком Дмитриевым, «неизвестно откуда появившимся». Ставка ответила приказом о немедленном аресте Дмитриева, подписанным помощником начальника штаба ставки, за комиссара—Ковалевским и председателем общеармейского комитета при ставке Перекрестовым. Однако, арестовать Дмитриева оказалось трудно. Дальнейшие сообщения указывали, что

в Орше пока спокойно. Большевики—вся солдатская масса—хотят захватить власть, опираясь на задержанные два эшелона проходящего полка пехоты, который отказывается следовать дальше. Вчера соорганизовался комитет безопасности. Сегодня создался больше-

вистский комитет во главе агитатор Дмитриев, который предложил правительственным властям и комитету общественной безопасности сложить свои полномочия. Предложение принимается, требуют цензуры местной газеты. В городе имеются казаки, занимающие выжидательное положение, необходимо убрать два эшелона и усилить гарнизон конными частями. Начгар генмайор *Гродзицкий*.]

В Жлобине также было неспокойно. Штаб западного фронта принимал меры к «раскупорке» узловых станций и по обеспечению за собой железнодорожных путей. Командир польской дивизии генерал Довбор-Мусницкий сообщал, что:

в Оршу будут отправлены три полка, в Жлобин—один полк. Полки первой дивизии слабого состава по семьсот—тысяче штыков. Но только что полученным сведения в Орше все спокойно, эшелон, задержавшийся в Орше, через час выступает. Минский совет спасения революции в моем присутствии высказался за безусловное исполнение приказаний ставки, о чем доношу для сведения. 5192 *Довбор-Мусницкий*.

О создавшейся обстановке в г. Минске, где размещался штаб западного фронта, ставку осведомил по прямому проводу генерал Балуев; во время разговора по прямому проводу, имевшего место 29 октября в 14 часов 30 минут, генерал Раттель вызвал из ставки генерала Балуева и просил:

не отказать в согласии на пропуск трех эшелонов 156 дивизии из Орши через Минск на Слуцк. Эшелоны эти шли все время совершенно спокойно, и только головной из них сегодня ночью в Орше митинговал, остальные находятся между Могилевым и Оршей, подходя к последней, в этих эшелонах подходит (?sic!) и командир полка, насколько можно теперь ручается за полк. Таким образом, если начвосозап [1]), как я ему только что указал, устроит проход этих эшелонов через Минск без остановки, то тем более никаких оснований для недоразумений быть не может. Между тем возвращение их через Могилев и без того осложнит положение Жлобинского узла, путь длиннее и не желательно в видах того, что это направление в то же время и на Киев. Не откажите дать Ваше согласие.

(Балуев). — Я сейчас переговорю с генералом Колюбакиным. 156 дивизию знаю, если направить их в Минск и здесь их оставить, то они, пожалуй, разнесут Минск, а у меня в Минске так мало войск, что я еле-еле сдерживаю 37 и 239 полки; если можно будет пропустить их, не задерживая в Минске, то я сейчас прикажу это сделать. Как живете?

(Раттель).—Покорно благодарю, тяжело приходится по всем швам. Очень необходима Ваша помощь в смысле влияния на минский комитет спасения революции и пропуска эшелонов 3 Финляндской на Петроград и бригады 3 гвардейской кавалерийской на Москву. Сейчас эшелоны этих частей задерживаются около Жлобина до решения вопроса Вашим комитетом. Неужели вопрос существования родины может ставиться в зависимость от борьбы социалистических партий, а между тем дело, повидимому, ставится так. Сейчас генерал Колюбакин мне говорил, что комитет этот в настоящий момент решает настоящий вопрос, между тем каждый час дорог.

(Балуев). — Я сейчас приказал постараться пропустить эшелоны через Минск, что же касается до комитетов, то простите меня и не поставьте в вину то, что я Вам скажу: посадил бы Вас на свое место, тогда Вы бы сказали другое, Вы меня до некоторой степени знаете, но с создавшейся обстановкой бороться очень трудно, во всяком случае добьюсь, что эшелоны будут пропущены. Желаю Вам всего лучшего.

(Раттель).—Всего хорошего, от души желаю, не сомневаюсь, что Ваше влияние окажет свое действие и эшелоны будут пропущены, имею честь кланяться.

Вслед за Раттелем разговор из ставки был между генералом Духониным и Балуевым.

---

[1]) Начвосозап—начальник военных сообщений западного фронта.

У аппарата генерал Духонин.

(Балуев).—Здравия желаю Ваше высокопревосходительство, чем могу служить?

Здравствуйте, Николай Николаевич. Я хотел посвятить Вас в ту обстановку, которая у меня создается для того, чтобы ликвидировать выступление большевиков в Минске, с моего и комиссара согласия образовался комитет спасения революции. 27 числа все шло хорошо и комитет вступил в борьбу с влиянием Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, но последний сдался только видимо и вошел в состав этого комитета. В настоящее время власть почти находится в его руках, сам я занял выжидательную позицию и изображаю человека, сидящего на бочке пороха с подожженным шнуром. На фронте пока особых инцидентов нет, но настроение тревожное и приподнятое, и если еще продолжится это время, то ни за что нельзя ручаться, уже исчерпаны все меры, чтобы удержать все более или менее в порядке, между тем в округе во многих местах верх взят большевиками. Они же ведут усиленную пропаганду на фронте, комитет спасения революции сегодня заявил, что ему принадлежит вся власть на фронте, что я и комиссар подчинены ему,—одним словом, положение очень тяжелое, и даже я в затруднении, как из него выйти. Следовало бы нам почаще давать сведения из ставки, так как тем сведениям, которые объявляются в частных телеграммах, почти никто не верит, Керенский молчит, и благодаря этому у нас нет почвы под ногами, чтобы можно было на что опереться, например, я даже не знаю, какое положение на других фронтах. Не будете ли так добры дать мне ориентировку, чтобы я мог знать, чего ожидать в скором будущем.

(Духонин).—Ведь Вам посылается ежедневно сводка с информацией всего происходящего и мне казалось, что Вы ориентированы. По сведениям, которые я получил ночью, главковерх с частями III конного корпуса и примкнувшими к ним частями петроградского военного округа находится в близком расстоянии от Петрограда; Гатчина, Царское Село находятся в его руках. По сведениям, которые получены им из Петрограда, часть петроградского гарнизона окажет ему поддержку, матросы с крейсера «Аврора» заявляют, что они действовали по недоразумению. Большевики проявляют большую растерянность в Петрограде, чувствуют свою изолированность и отдельными группами выезжают попытать счастья на фронт для агитации. Поезда выходят забросанными большевистскими газетами и прокламациями. Все демократические слои: левые эсеры, меньшевики, даже интернационалисты отделились от большевиков. Большевики освободили министров-социалистов. В министерствах все служащие отказались работать с большевиками, так что фактического правления у большевиков никакого нет. На фронте же в некоторых местах под влиянием большевистской агитации, которая ведется с необычайной энергией, происходят большевистские вспышки, ибо темная масса не проникает в государственные идеи, слепо верит большевистским лозунгам. Конечно, необходимо не выжидательное положение в такой обстановке, а руководящее, необходимо людям разъяснять всю цену большевистских обещаний и полную неосуществимость многих из них, а также, что многое, сообщенное в большевистских газетах, касающееся фактической стороны, бесформенная ложь, а между тем темная масса свои соображения основывает именно на этом ложном фактическом основании. На северном фронте настроение хуже всего в пятой армии, но она постановила никаких войск ни за, ни против не посылать, службу на фронте несет вполне исправно, что касается XII и I, то там лучше, войска отправляются. На юго-западном фронте,—на фронте настроение хорошее, в тылу в двух местах, в Виннице и Киеве, большевистские выступления. Вчера в Виннице происходил бой, есть убитые и раненые, поле осталось за нами, несмотря на то, что большевики бомбардировали с аэропланов в войска, верные Правительству. В Киеве большевики, призывавшие к восстанию, были окружены во дворце, где заседал Совет Депутатов, состоявший из большевиков, и положили оружие. С юго-западного фронта много ходатайств о посылке на поддержку Правительства. На румфронте хорошо, в VI армии, однако, значительно хуже, но эксцессов нет, высказались лишь против посылки войск. В Одессе не все гладко, но особых эксцессов нет, посланы кавалерийские части. В Москве положение такое: правительственным войскам удалось вырвать из рук мятежников Кремль, при чем в их власти пока остался дворец на Тверской, но перестрелка продолжается, большевики сидят на крышах и оттуда стреляют из ружей и пулеметов. Посланы войска на подкрепление. Необходимо больше осведомлять войска, разъяснять им, работать теперь же в контакте

с комиссарами Правительства и комитетами, в которых всегда найдутся влиятельные элементы, сознающие истинную пользу родины, любящие ее горячо и не преследующие своих личных или партийных интересов. В данную минуту вся сознательная Россия, познающая себя как государство, объединяется, и лишь несознательные или сознательные, но анархического направления или трусы стоят отдельно и играют на темной массе. Я понимаю вполне, в какое тяжелое положение Вы поставлены, но это положение не безвыходное, и можно достичь определенных результатов. Мы все сейчас находимся в тяжелой обстановке, но необходимо победить и для этого стремления—все наши чувства и вся наша жизнь. Я прикажу возможно чаще вас ориентировать об обстановке, которая сложна, трудна, но не беспросветна. Насколько я знаю, в комитет спасения у Вас вошла лишь часть нежелательного элемента, неужели с ней не может справиться бо́льшая часть—благомыслящая? С ней необходимо установить самый тесный контакт и опираться на нее. Большевистские произведения, попавшие на фронт, конечно, остановить было невозможно, но это далеко не вызывало необходимости голосования большевистских резолюций. Я позволяю себе подробнее остановиться на этих вопросах, исключительно руководясь горячим желанием и зная общую обстановку на всех фронтах, привести возможно полную ориентировку и решение одних и тех же вопросов на разных фронтах. Очень беспокоит меня Ваше здоровье, как Вы себя чувствуете? Предполагается в район Слуцка, Бобруйска поставить дивизию резерва главковерха, а именно 156, часть ее в Жлобине, часть подходит к нему и сравнительно небольшое число эшелонов продвинулось к Орше, они будут возвращены. Достаточно ли Вами обеспечены железнодорожные узлы Орша — Гомель — Жлобин? Они имеют для нас большое значение, должны быть прочные части, если можно—ударные пулеметные сотни, вот все, что я хотел доложить Вам.

(Балуев).—Очень Вам благодарен за вашу ориентировку, а главное—за Ваши советы, но я уже 8 месяц их провожу в жизнь, и в настоящее время они у меня на фронте малодействительны. Из Вашей ориентировки я вижу, что у меня на фронте положение хуже, чем где-либо, да оно, впрочем, и понятно, так как весь фронт, главным образом, большевистский, и благомыслящий элемент, к сожалению, везде очень мал. Положение мое такое, что я даже не мог в Минск придвинуть ударный батальон и отправить батарею в Москву, из-за этого чуть не весь фронт всколыхнулся, даже Ваши эшелоны были остановлены в Жлобине, стоило больших трудов двинуть их дальше, и занять прочнее железнодорожные узлы мне трудно, для этого надо какие-либо другие войска, а не те, которые стоят на фронте; я не особенный пессимист и уверен, что в конце концов все войдет в норму, но мне необходимо, чтобы было какое-нибудь Правительство, от имени которого я мог бы действовать. Минск в тесной связи с Петроградом, большевики наши опираются на те сведения, которые они получают от большевиков Петрограда. Парировать их очень трудно, нельзя ни за одну часть ручаться, что она будет повиноваться; сейчас, например, мне передают, что в Жлобине до сих пор задержаны эшелоны гвардейской кавалерии, и комитет спасения революции торгуется, пропустить ли их. Надо с Вашей стороны приказания, чтобы они силой прошли, в общем, опять-таки повторяю, скверно, хотя я борюсь со всем этим, но у меня нет ни силы, ни власти, а увещеваниями и разъяснениями здесь ничего не поможешь. Здоровье мое все в том же положении, но в такое горячее время я на него не обращаю внимания и сил хватает его побороть. Вот пока все, что я хотел сказать. Еще три эшелона пришли в Оршу 156 дивизии, и приказано направить их в Слуцк через Минск, я покорнейше просил бы этого не делать, а направить их другим путем. Еще благодарю Вас за ориентировку, простите, что задержал Вас, желаю Вам всего лучшего. *Балуев.*

Ориентировка генерала Духонина была составлена по донесениям штабов армий и фронтов, которые не всегда были чутки и мало способны учитывать подлинное настроение войск. Часто эти донесения сводились к перечню «эксцессов», по которым и делали выводы о надежности части. Однако этот метод не был совершенным, оказывалось очень часто, что дисциплинированные части, в которых «эксцессы», всякого рода нарушения были незначительны, так же дисциплинированно и без «эксцессов» арестовывали штабы и отказывались повиноваться ставке.

Весьма ценны характеристики положения, данные генералом Балуевым. «Благомыслящие» элементы комитета спасения, хотя их и было большинство, были бессильны сломить большевистское меньшинство. И это было не случайно. Настроение масс, под влиянием изменявшейся обстановки, ухудшавшейся с каждым днем, постоянно изменялось в сторону симпатий к большевикам.

Из Минска и Орши движение против ставки захватывает и Смоленск. О положении в этом районе ставка была осведомлена по прямому проводу от 30 октября.

У аппарата по приказанию комиссарверха прапорщик Литке.

— Кто говорит и что угодно?

— Говорит комиссар Галин. В Смоленске тревожное положение, по совету комиссарзап просил комиссара третьей армии выслать в Смоленск один полк Туркестанской дивизии, прошу Вашего содействия. Смоленск, как центр округа, необходимо удержать в наших руках. Убедительно прошу Вашего содействия.

Со мной у аппарата помощник командующего войсками московского округа полковник Кравчук, удалось прорваться из Москвы, желает выяснить, в каком положении эшелоны двигаются на Москву, когда можно ожидать их в Москве, там положение тяжелое. Какие новости в Петрограде?

Как только подойдут войска с юго-западного фронта, из них можно будет выделить для очистки узла Орши от большевиков, там 156 дивизия отказалась итти на Невель, требует отправления в Киев, просите содействия Жданова. В Петрограде ЦК железнодорожного союза примкнул к комитету спасения революции, служащие государственных учреждений отказались работать с большевистским Советом Народных Комиссаров. Комитету это известно, говорите последние новости, вошли ли войска Керенского в Петроград?

Должны войти сегодня в связи с приходом пехотных частей, в чем у Керенского недостаток. Штаб северного фронта сообщает, после первых дней колебания настроение изменилось, посылаются части к Петрограду, тревожное положение в Пскове, в Ревеле юзисты не желая подчиняться большевикам, ушли из аппаратной. В Финляндии большевистское настроение. Высказывают намерение оказать помощь большевикам. В большевистских войсках, по сообщению перебежчиков, разложение, отсутствие связи и командования. Начальник штаба перешел на сторону правительственных войск, станция Александровская занята правительственными войсками, со всех сторон подходят пехотные и кавалерийские части, всю полноту исполнительной государственной власти в Донской области войсковое правительство на Дону временно приняло на себя. Вопрос, не знаете ли, что делается сейчас в Орше, Ржеве, Вязьме и Рославле?

Ржев, Вязьма и Рославль в руках большевиков, в Ржеве мало войск, осталось тысяча человек, пытались вторично разгромить винный склад. Рославль, несмотря на уговоры большевиков двинуть войска на Смоленск, пока отказался. Скажите, знаете ли, идут ли на Москву эшелоны и где в данный момент кавалерийская бригада для Москвы?

Все наше внимание сосредоточено на Орше и на очистке ее узла, войска посылается остаточно, общеармейский комитет посылает туда и всюду своих представителей. Известно ли Вам, что большевиками в Гатчину был выслан сводный отряд от всех частей петроградского гарнизона?

Это известно, спросите начальника штаба, какие будут распоряжения помощнику командующего войсками московского округа, и что Москва может удержаться не больше двух дней.

Сейчас пойду к начальнику штаба узнаю и сообщу, обождете?

— Буду ждать.

Согласно расчетам командного состава, Керенский должен «войти в Петроград» уже 30 октября. Однако, эти расчеты были основаны на бумажных данных о передвижении войск. На деле картина была иная. Отказы ехать на Питер для подавле-

ния восставших изменяли обстановку. Каждый час в ставку поступали сведения об отсутствии то подвижного состава, то паровоза для отправки эшелонов. Железнодорожники узловых станций, рабочие депо и машинисты придерживались совершенно иного взгляда, чем их центр, знаменитый «викжель», колебавшийся в сторону примирения и соглашения с врагами. Сами солдаты, предназначенные к переброске, несмотря на соблазн уйти с фронта и тем избегнуть лишений и опасностей позиционной жизни, все же в массе своей были недовольны навязанной им ролью, отказывались погружаться или задерживались в дороге. Командный состав «принимал меры», но из этого выходило мало толку.

Ставка, обеспокоенная состоянием передвижения, вызывала 30 октября по прямому проводу штаб XVII корпуса и вела с ним следующие переговоры:

У аппарата капитан генштаба Дронов.

Здесь генштаба капитан Колчинский. По приказанию наштаверха, прошу сообщить отправлены ли и когда части на станцию Орша и Дно, и отправлена ли бригада на Петроград? Ответ нужен точный и определенный.

Части XVII корпуса на станцию Орша и Дно не отправлялись, так как не подавался подвижной состав, о чем наштакор [1]) доносил генкварверху [2]). Бригада на Петроград еще не отправлена, а будет отправлена завтра, 31 октября, утром. Не отправлялась бригада потому, что не подавался подвижной состав, а если и подавался подвижной состав, как сегодня, то без паровоза.

Какие меры приняты к скорейшей отправке частей?

Сейчас я доложу наштакору и дам Вам ответ.

Будьте добры, я буду ждать у аппарата.

Сообщу через несколько минут. Хорошо.

Для отправления частей были приняты все меры, но ускорить это отправление было невозможно. Сначала была назначена для отправления в Петроград бригада 3 пехотной дивизии, но ввиду того, что подвижной состав долго не подавался, один из полков, а именно 73 Великолуцкий, отказался ехать, так как он был подвержен пропаганде агитаторов, которые все время на станции Бычиха; приняты все меры, чтобы удалить агитаторов с этой станции. Сегодня назначена для отправления другая бригада, а именно от 35 дивизии, которая завтра же утром будет отправлена на Петроград. Относительно отправления частей на станцию Орша и Дно ожидается подача подвижного состава, как это обещал сделать представитель общеармейского комитета ставки. О чем наштакор просил генкварверха, чтобы ускорить подачу подвижного состава. Все. Капитан *Дронов*.

Обеспечена у вас уверенность в отправке бригады завтра утром?

— В некоторой степени обеспечена эта уверенность ввиду того, что 137 Нежинский полк вынес очень благоприятную резолюцию против большевиков, а потому мы надеемся, что этот полк, а также и 140 Зарайский обязательно завтра выступят.

Несмотря на секретность оперативных действий ставки, контр-революционность их была вскоре вскрыта и стала ясна солдатской массе. В результате этого создалась непосредственная угроза и самому штабу ставки. 29 октября из ставки была отправлена секретная телеграмма главнокомандующему юго-западным фронтом, в которой генерал Духонин просил выслать в Могилев, для охраны ставки, первый революционный полк.

В тот же день из ставки был сделан телеграфный запрос Донскому наказному атаману в Новочеркасск следующего характера:

---

[1]) Наштакор—начальник штаба корпуса.

[2]) Генкварверх—генерал-квартирмейстер при верховном главнокомандующем.

Не найдете ли возможным направить на Москву для содействия правительственным войскам в подавлении большевистского восстания отряда казаков с Дона, который по усмирении восстания в Москве мог бы пройти на Петроград для поддержки войск генерала Краснова. 7991. *Духонин.*

Но полицейская роль казакам не улыбнулась. Да и на самом Дону не было спокойно. Из Новочеркасска ответили в ставку весьма неутешительно:

Посылка противоречит постановлению округа и требуется наличие чрезвычайной необходимости для оправдания в глазах казаков. По нашим сведениям, большевистское движение идет быстро к ликвидации. Благоволите осветить обстановку для сведения войскового правительства. Полагаю, если и возможна посылка, то не иначе как на смену наших частей, например, полков первой Донской дивизии, давно просящих об отводе на Дон. Необходимо иметь в виду возможный отказ в перевозке со стороны железных дорог. № 46. *Каледин.*

Вместо непосредственной вооруженной поддержки Временному Правительству, донское командование обратилось в ставку со следующим приглашением:

Донское войсковое правительство приглашает Временное Правительство и членов Совета Республики прибыть в Новочеркасск, где возможна организация борьбы с большевиками и гарантируется личная безопасность и тех и других. Четвертый кавалерийский корпус, состоящий из Терских и Кубанских казаков, приветствует почин Донского войска, предлагает свою помощь для борьбы с большевиками и царящей в стране анархией и готов до одного положить свои головы за спасение родины. НР 6. Комиссар корпуса *Башмаков.* Председатель корпусного комитета *Тарасов.*

27 октября 1917 года. Принята от Харькова. Расшифровал врид. начальника радиостанции при штабе верховного главнокомандующего. Прапорщик *Головин.*

IV.

Вся буржуазная интеллигенция, вся ее «общественость» и примыкавшие к ней служащие, чиновники государственных и частных учреждений и служб выступили сплошной активной контр-революционной массой. Победа Рабочих и Солдатских Депутатов, победа большевиков в Питере и в Москве была встречена забастовкой служащих и интеллигенции. При активном участии социалистов-революционеров и социал-демократов меньшевиков создались стачечные комитеты, руководившие стачкой служащих и саботажем «свободных профессий». Члены Временного Правительства, выбитые из министерств, были частично арестованы. Однако на свободе осталось некоторое количество «товарищей министров», которые продолжали вести министерскую работу на своих квартирах. Оставшийся на свободе Салтыков посылал во все концы «бодрящие» сведения:

Всем генквварам [1]), комиссарам, комитетам штакор [2]) 17 кавфронт Новочеркасск.

Комиссарам областным, губернским и городов Москвы, Киева, Одессы, Ростова. Копия городским головам губернских городов.

Мобилизация общественных сил продолжается, все аппараты управления отказались работать для захватчиков, происходит полная забастовка всех учреждений, кроме обслуживающих связь и снабжение, замечается большое расстройство в отрядах солдат-большевиков.

---

[1]) Генквар — генерал-квартирмейстер.

[2]) Штакор — штаб корпуса.

многие расходятся по казармам, полное равнодушие рабочих кварталов, войска, направленные Керенским, вчера заняли Гатчину, Царское Село, приближаются к столице, приняты все меры избегать кровавых жертв. Поступают сообщения резолюции армии, протестующие действия захватчиков. Сегодня в столице идет перестрелка районных военных училищ. В городе увеличиваются жертвы мирного населения вследствие беспорядочной стрельбы красногвардейцев. Большевики опять закрыли сегодня очередной выпуск «Известия Крест. Совета». Телеграфная станция занята правительственными войсками. Все опубликуйте. За М. В. Д. *Салтыков*

Все верхушечные организации в армиях, корпусах и дивизиях повели моральную подготовку к тому артиллерийскому и пулеметному обстрелу, которым были подвергнуты рабочие и солдаты Москвы и Питера. Зашевелились ударники, посыпались телеграммы во все концы.

«Министру председателю и главковерх копии дивком [1]) 19 и 12 сиб. комкор 12 и 7 сибирского арком [2]) 7 и искомюз.

Из дарм [3]) 19 дивизии 1407, БС, 27, 23, 55. Только министру председателю и главковерх.

Соединенное собрание полкового и ротных комитетов и офицерского состава 1 революционного ударного полка 27 октября 1917 года, обсудив выступление большевиков и содержание радиотелеграммы организованного ими военно-революционного комитета, постановило: никогда Россия не находилась в столь тяжелом положении как военном, политическом, так и во внутреннем экономическом. Развал, разруха и полнейшая анархия ослабляет силу боевой мощи армии и мешает спокойной работе по созыву Учредительного Собрания и обороне страны. Выступление большевиков в это время соединенное собрание считает авантюрой кучки безответственных элементов, волнующих и развращающих темные несознательные массы и играющих на шкурных и низменных инстинктах толпы. Это выступление может быть гибельным для России и не принесет желанного демократического мира, ибо кроме позорного тяжкого и унизительного сепаратного мира большевизм другого дать не может. Анархия в стране в случае удачи выступления большевиков увеличится и доведет Россию к гибели, наконец, в выступлении большевиков соединенное собрание видит умышленный срыв Учредительного Собрания, которое одно является истинным выразителем чаяний, желаний и требований измученного народа и которое одно может дать прочный демократический мир и закрепление свободы народа. Поэтому ревударполк, выражая полнейшее доверие Временному Народному Правительству, считает своим священным долгом открыто заявить стране и верховному главнокомандующему и главе Временного Правительства вождю российской демократии А. Ф. Керенскому, что полк готов умереть за свободную родину и выступит по первому требованию на защиту Временного Правительства и передает себя в полное его распоряжение для беспощадной борьбы с предателями свободы и нашей горячо любимой родины. Председатель собрания прапорщик *Лариниченко*. Секретарь волонтер *Гордиевский*.

За ударниками изливали свое негодование «штурмовщики», призывая всех сплотиться вокруг них.

Основываясь на призыве центральных комитетов партии социал-революционеров и социал-демократов меньшевиков Совета Крестьянских Депутатов и верховного главнокомандующего и армейского комитета, штурмовой батальон 73 пехдивизии с негодованием заслушал известие о восстании петроградского гарнизона, руководимого большевиками. Батальон единодушно выражает свое глубочайшее презрение всем руководящим демократических и войсковых организаций, которые, позабыв свой долг перед родиной и революцией, бессовестно склонили

---

[1]) Дивком—дивизионный командир.

[2]) Арком—командующий армией.

[3]) Дарм—действующая армия.

свою голову перед чудовищной затеей большевиков, подчеркнув этим свое лицемерие и трусость в тот момент, когда, жертвуя жизнью, нужно вновь смело стать на защиту родины и свободы. Штурмовой батальон во всеуслышание заявляет, что никакой власти, исходящей от большевиков или их поддерживающей, не признает и выражает свое доверие и преданность исключительно Временному Правительству в лице верховного главнокомандующего Керенского. Не забывайте, что выступление и успех большевиков знаменует долгую отсрочку Учредительного Собрания, и наше оружие всегда готово обратиться на тех, кто накануне созыва российского Учредительного Собрания дерзает вносить в народ смуту и проливает народную кровь. Штурмовой батальон призывает товарищей солдат и офицеров дружно сплотиться вокруг нас, чтобы своим мощным призывом, а если придется—оружием, заставить опомниться безумцев. Будьте же, товарищи, смелы и достойны завоеванных свобод, в такой грозный час нельзя кривить душой и ожидать, а нужно во всеоружии стать на защиту закона и порядка. Нас немного, но мы сильны тем, что встаем на защиту святого, правого дела. Да здравствует Временное Правительство и грядущее Учредительное Собрание, которое готовит нам и родине мир и порядок. Штурмовой батальон 73 пехдивизии НР 178. Председатель комитета прапорщик *Варвинский*. Секретарь рядовой *Коваль*. Командир штурмового батальона капитан *Ерощенко*.

Фронтовые и армейские комитеты выступили против большевиков с выражением своих взглядов на программу «революционной власти». Так, комиссар юго-западного фронта телеграфно передал главковерху

Керенскому циксорсод [1]) комитет спасения революции Петроград арком 7, 8, 11, особый совет при военмине комиссарверх коморсев [2]) искомзап [3]) красокар [4]) румчерод комиссарюз [5]) главкомюз [6]) комирас 7, 11, особой Киевская Мысль. 105 ПТК. 26220, 367, 29, 16, 3 только генкварверх Керенскому Совет при военмине комиссарверх по трем адресам.

Сообщаю резолюцию об организации власти, принятую на заседании 28 октября искомюзом: признавая: 1) что в условиях переживаемой страной тяжкой государственной смуты и глубокой хозяйственной разрухи всякое новое внутреннее потрясение грозит неисчислимыми бедствиями, 2) что в глазах широких масс населения и армии Временное Правительство, возглавляемое министром председателем и верховным главнокомандующим Керенским, является единственным законным носителем верховной власти в государстве, 3) что всякое нарушение преемственности в управлении государством и слишком резкая ломка в организации верховной власти в настоящий момент может привести к чрезвычайным политическим осложнениям и поставит страну перед опасностью новой гражданской войны накануне созыва Учредительного Собрания, 4) что созыв Учредительного Собрания, до которого остался всего лишь месяц, являющийся важнейшей задачей дня, неизбежно будет отсрочен в случае новых внутренних потрясений и междоусобий, что грозит стране потерей последней надежды на благополучное разрешение затяжного революционного кризиса, исполнительный комитет юго-западного фронта признает безусловно необходимым восстановление законной власти Временного Правительства; вместе с тем исполнительный комитет признает, что Временное Правительство только тогда может выполнить возложенную на него историей задачу довести страну до Учредительного Собрания, только тогда сможет справиться с растущей в стране и в армии анархией, принимающей угрожающий характер, если направит стихийные стремления малосознательных масс к миру и социальным преобразованиям, в русло организованной общественности и даст им государственное выражение в своей внутренней

---

[1]) Циксорсод—центральный исполнительный комитет Советов Рабочих и Солдатских депутатов.

[2]) Коморсев—командующий морскими силами северного фронта.

[3]) Искомзап—исполнительный комитет западного фронта.

[4]) Красокар—краевой совет кавказской армии.

[5]) Комиссарюз—комиссар юго-западного фронта.

[6]) Главкомюз—главнокомандующий западным фронтом.

и внешней политике. Революционная власть должна дать народу немедленное и ясное свидетельство своего стремления и способности править государством в интересах широких трудовых масс, вступив определенно на путь деятельной международной политики, ведущей к скорейшему заключению всеобщего демократического мира, объявив передачу всей земли земельным комитетам и начав самую энергичную борьбу со всеми контр-революционными и анархическими выступлениями, не становясь, однако, ни в коем случае на путь политики мести и расправы по отношению к рабочим и солдатским массам, втянутым большевиками в их преступную авантюру; Временное Правительство должно решительно и определенно вступить на этот путь, опираясь на широкие круги революционной демократии страны, в лице ее полномочных организаций и временного совета Российской Республики и освободившись от всех элементов, которые кажутся неспособными искренне принять и последовательно осуществлять революционную программу демократии. Председатель искомюза *Дашевский*.

29 октября ставка дала сообщение о состоянии борьбы с большевиками, радио и телеграфу, следующего характера:

Принято в 4 часа 15 мин. 29/X 1917 года.

Всем циркулярно.—Из ставки верховного главнокомандующего.

Командующим войсками московского и остальных округов копии почтово-телеграфным и железнодорожным организациям и городским управлениям.

Обстановка в Петрограде по сведениям, полученным по прямому проводу сегодня в 14 часов от председателя совета военмина Смородинова и члена циксорсод Венгерова, была таковая: От большевиков определенно отмежевались демократические элементы до левых эсеров и меньшевиков-интернационалистов включительно, предстоит образование нового министерства, этот вопрос является днем обсуждения совещания, созванного в городской думе из циксорсода, крестьянского Совдепа, петроградской думы, представителей социалистических партий, фракций Съезда Совдепов, ушедших со вчерашнего заседания съезда, на котором остались только большевики; со Съезда ушла, сделав соответствующую декларацию, почти вся фронтовая группа Съезда. Это совещание происходит открыто. С фронта имеются сведения следующие: все фронтовые комитеты, кроме северного, совершенно определенно на линии решительной борьбы с большевистским восстанием, армейские комитеты поддерживают их. Относительно юго-западного фронта известно, что поддерживают также корпусные и дивизионные комитеты. Перевозки войск распоряжением главнокомандующего верх. главкосев Черемисова к Петрограду продолжаются, с фронта идут предложения послать на подавление большевистского восстания больших войсковых частей. Вся демократия объединилась против безумной авантюры большевиков, изоляция которых определилась. С фронтами общеармейский комитет поддерживает частную и непрерывную связь. Председатель *Перекрестов*.

Кроме того, в тот же день из ставки была дана сводка сведений политического характера.

Генкварсев [1]), генкварзап [2]), генкварюз [3]), генкваррум [4]), генкваркавфронт [5]).

Сводка сведений о политической обстановке к полудню 29 октября 1917 года Севастополь, центрочер [6]), генеральный комиссар, наморсев [7]) № 4667/79.

---

[1]) Генкварсев—генерал-квартирмейстер северного фронта.
[2]) Генкварзап—генерал-квартирмейстер западного фронта.
[3]) Генкварюз—генерал-квартирмейстер юго-западного фронта.
[4]) Генквaррум—генерал-квартирмейстер румынского фронта.
[5]) Генкваркавфронт—генерал-квартирмейстер кавказского фронта.
[6]) Центрочер—центральн. исполнительный комитет Черноморского флота.
[7]) Наморсев—начальник морских сил северного фронта.

Петроградский район:

Верховный главнокомандующий с головными эшелонами верных Правительству войск, 28 октября зашел в Гатчину, где ему сдались почти без боя выдвинутые большевиками части семеновцев, измайловцев и моряков. По непроверенным сведениям в дальнейшем произошло столкновение между войсками и мятежниками в районе Лигово. Далее правительственные войска заняли Царское Село, где находится и верховный главнокомандующий. К Петрограду по двум линиям, Варшавской и Виндаво-Рыбинской жел. дорог, а также с северного фронта направлено вполне достаточное количество верных Правительству и надежных войск. В самом Петрограде среди большевиков наблюдаются явные признаки разложения, растерянности. При появлении их в министерствах и некоторых учреждениях таковые прекращали свою работу; таким образом, захвативши власть, большевики были лишены возможности ее осуществить. Часть матросов заявила, что они участвовали в восстании лишь по недоразумению. Министр-председатель и верховный главнокомандующий отмечает кризис наступающего среди масс отрезвления, но все же признает политическое положение в Петрограде пока еще очень сложным

Московский район:

В Москве 28 октября весь день происходили столкновения правительственных войск с большевиками, засевшими, главным образом, в Кремле. В результате Кремль и вся центральная часть города, за исключением небольшого района у губернаторского дома, оказалась в руках правительственных войск. Окраины, а также Курский и Александровский вокзалы находятся еще в руках мятежников. Стрельба большевиками ведется, главным образом, из ружей и пулеметов,—с крыш домов. Потери правительственных войск: до 30 убитых и более 100 раненых. После занятия Кремля верными долгу частями движение большевиков приняло дезорганизованный характер, на улицах наблюдается большое количество пьяных солдат и рабочих, опасаются пьяного разгрома города. К Москве по железной дороге направлены с фронта эшелоны верных Правительству войск.

Киевский район:

В Киеве до 28 октября в общем спокойно. 28 октября местный Совдеп, приняв явно сторону большевиков, стал призывать к восстанию. К вечеру члены Совдепа вместе с большевиками были окружены во дворце юнкерами и казаками и арестованы в числе свыше 400 человек, но затем почему-то выпущены на свободу. Правительство располагает в городе достаточными верными силами для поддержания полного порядка. В Виннице 28 октября на сторону большевиков перешла часть гарнизона с броневыми и авиационными частями. Оставшиеся верными Правительству юнкера и часть пехоты и броневиков с 17 часов и до темноты вели бой с большевиками, закончившийся поражением мятежников, которые начали разбегаться по окрестностям. В Одессе хозяевами положения, повидимому, все еще являются большевики и примкнувшие к ним войска, при чем мятежники оказывают сильное влияние и на штаб одесского военного округа. В Одессу направлены верные Правительству воинские части с фронта. Ставка 29 октября 1917 года. *Кусонский*».

Реляции победного характера выпускали засевшие в совете республики социалисты-революционеры, пытавшиеся из Мариинского дворца сделать опорный пункт против власти Советов. До того, как их изгнали красногвардейцы, ими была отправлена следующая телеграмма.

Только наштаверх.

Распространение по всей России всем, всем, всем, также Тифлис красокар председателю. Бюллетень №1 29 октября. Войсками комитетом спасения родины освобождены все юнкерские училища и казачьи части, занят Михайловский, захвачены броневые и орудийные автомобили, занята телефонная станция и стягиваются силы для занятия оказавшихся, благодаря принятым мерам, совершенно изолированными Петропавловской крепости и Смольного института—последних убежищ большевиков. Предлагаю сохранять полнейшее спокойствие и,

оказывая всемерную поддержку комиссарам и офицерам, исполняющим боевые приказы командующего армией спасения родины и революции полковника Полковникова и его помощника подполковника Краковецкого, арестовывая всех комиссаров так называемого военно-революционного комитета; всем воинским частям, опомнящимся от угара большевистской авантюры и желающим послужить делу революции и свободы, приказываем немедленно стягиваться в Николаевское инженерное училище, Инженерный замок, всякое промедление будет рассматриваться, как измена революции, повлечет за собой принятие самых решительных мер. Председатель совета республики *Авксентьев*. Председатель комитета спасения родины и революции *Гоц*. Комиссар всероссийского комитета спасения родины и революции при командующем армией спасения член военного отдела комитета спасения родины и революции *Синани*. Член военной комиссии центрального комитета партии социалистов-революционеров *Броун*.

Эта телеграмма была принята всеми юнкерами и верными Временному Правительству ударниками, как оперативная директива. Однако переарестовать комиссаров военно-революционного комитета Авксентьеву и Гоцу не удалось. Наоборот, им пришлось самим скрыться из Питера весьма спешным порядком. Но все же эта боевая задача спровоцировала юнкеров на выступление. Они послушались и собрались в Инженерном замке, откуда их выбили озлобленные их провокационными действиями солдаты и красногвардейцы.

А. Шляпников.

(Окончание следует.)

Омские события при Колчаке

(Окончание [1]).

№ 16 [2]).

Протокол

допроса Софии Ивановны Девятовой.

Января 20 дня 1920 г. я, нижеподписавшийся, член чрезвычайной следственной комиссии, председатель ее, К. А. Попов, опрашивал в качестве свидетельницы по делу о расстрелах 22—24 декабря в г. Омске гр. Софию Ивановну Девятову, при чем на предложенные вопросы она отвечала:

Я, София Ивановна Девятова, 36 лет, вдова расстрелянного в гор. Омске 23 декабря 1918 г. Ивана Ивановича Девятова, бывшего управляющего делами ведомств иностранных дел, государственных имуществ, почт и телеграфов при совете управляющих ведомствами Комуча [3]). Муж мой был арестован в ночь на 2 декабря 1918 г. на вокзале в Уфе, с разного рода документами, свидетельствующими об его причастности к Комучу и к партии с.-р., из Уфы отправлен с другими арестованными по делу Комуча, в первую же ночь в Омск, где находился в одиночной камере тюрьмы; я приехала в Омск 14 декабря; дня через три после моего приезда жена заключенного Фомина получила письмо из тюрьмы, что какая-то группа ночью требовала на допрос одиночных заключенных, среди которых был мой муж, затем Фомин, Нестеров, Филипповский и первое время Сперанский. Во время восстания в ночь на 22 декабря мой муж, вместе с другими, был освобожден и рано утром вместе с Фоминым пришел ко мне на квартиру, а вечером 22 декабря он, Фомин и Брудерер, в сопровождении жены Фомина и (не разобрано) вернулись в тюрьму, где были приняты начальником караула; об этом я узнала уже 23 декабря утром. В этот день мне не удалось побывать в тюрьме; на следующее утро я была в Центро-Сибири, где случайно была свидетельницей рассказа Маслова

---

[1]) См. «Красный Архив», т. VII, стр. 201—246.

[2]) Документы №№ 16—18 взяты из дела А. О. Р. № LXXVI $^{55}/_{59}$.

[3]) Комитет членов Учредительного Собрания.

Сергея о том, что в тюрьме произошли расстрелы, что расстрелян кто-то из возвратившихся туда. В тот же день 24 декабря я увиделась там же, в Центро-Сибири, с Фоминой, которая сообщила, что 23 декабря днем она была в тюрьме и тогда Фомина в тюрьме уже не было и ей там сказали, что ночью он был куда-то увезен и в тюрьму не возвратился. О моем муже она в тюрьме не догадалась спросить. Весь остаток дня 24 декабря прошел в посещениях разных властей с целью разузнать, что происходило в тюрьме. Вл. Вас. Куликов ездил к генералу Мартьянову, Сазонов — к Старынкевичу, но везде говорили, что ничего определенного неизвестно, известно лишь, что кто-то расстрелян. 25 декабря с утра я опять была в Центро-Сибири, и Куликов заявил, что он едет к Мартьянову и не оставит его до тех пор, пока не добьется определенных сведений. Часов в 12 дня он вернулся, увел меня, Фомину и Темкину в квартиру Вас. Ем. Парунина и там сказал, что десять человек, арестованных в Уфе, взяли в военно-полевой суд, и больше они в тюрьму не вернулись. Так говорил Мартьянов. Оказывается, что жена Фомина просила Куликова достать разрешение на розыски тела Фомина и похороны. Такое разрешение в письменной форме за подписью Мартьянова было дано. С этой бумагой мы все вчетвером поехали к начальнику гарнизона, потом к начальнику милиции, затем уже втроем без Куликова по районам милиции, затем в анатомический покой, где оказалось около пятидесяти раздетых и обезображенных трупов; сторож покоя нас уверил, что все эти трупы привезены за день 22 декабря, и поэтому мы полагали, что там трупов наших мужей не может быть. В пятом районе нам сказали, что на левом берегу Иртыша, у переправы лежат какие-то трупы. Мы втроем—я, Фомина и Темкина, отправились туда, изъездили весь левый берег около переправы, но ничего не могли разыскать, вернулись опять в район, попросили дать милиционера, который бы знал, где находятся трупы, и поехали с ним, и при его помощи нашли 10 трупов в нескольких саженях от дороги через Иртыш, близ переправы, на берегу в ложбине, при чем девять трупов лежали в ряд, а Брудерер несколько впереди; все трупы были без шуб и пальто, с некоторых сняты были пиджаки, один, а может быть и больше, были в одном белье, все без сапог и все лицами кверху. Среди них оказался из моих знакомых труп Фомина, Брудерера, Барсова и Марковецкого, у которого был снесен череп; у Брудерера была рана на лбу от сабельного удара. Мне при моем психическом состоянии трудно было осматривать трупы подробно, и поэтому я лично не могла увидеть все подробности ран и увечий на трупах; знаю со слов Анатолия Николаевича Сперанского, кажется, или Владыкина, что у трупа Лиссау был отсечен наполовину нос; знаю результаты освидетельствования трупа Фомина, занесенные в протокол, который должен быть у члена правления Закупсбыта Александра Степановича Емелина—по этим результатам на трупе Фомина оказалось до 13 ран штыковых, сабельных и огнестрельных, винтовочных и револьверных. Трупа моего мужа там не оказалось; не ока-

залось и Кириенко, Локтева и Сарова. Поэтому я продолжала поиски, заручившись письмом Куликова к Мартьянову и Тельбергу. Меня принял Мартьянов, который заявил, что дело передано прокуратуре, и рекомендовал обратиться к прокурору палаты Коршунову. Коршунов меня принял в здании судебных установлений. Забыла я сказать, что помощник начальника района, кажется, пятого, омской дивизии, сказал мне, что в загородной роще в двух могилах зарыто 43 трупа, и среди них два интеллигента, остальные рабочие; судя по описанию костюма одного из интеллигентов, один был мой муж, а другой, судя по описанию фигуры,—Кириенко. Я не просила у Коршунова разрешения на разрытие этих могил для отыскания трупа мужа. Коршунов заявил, что мне не о чем беспокоиться, что вскрытие могил—в интересах следствия, что сделает это сама следственная власть и что руководство следствием поручено прокурору Омского окружного суда Казакову, который в это время был у Коршунова. Я обратилась к последнему, и он дал мне бумагу на имя начальника городской милиции, с предложением оказать содействие в розыске тел «убитых» (буквальное выражение) 23 декабря Девятова и Сарова (бумага эта у меня хранится по сие время). Кроме того, Казаков попросил меня зайти к следователю Омского окружного суда Шредеру для дачи свидетельских показаний. Когда я рассказала Шредеру о сведениях, полученных от помощника начальника 5 района, он сказал мне, что и по его сведениям, мой муж и Кириенко взяты были из тюрьмы отдельно от других и присоединены к какой-то группе, которую вели из военно-полевого суда. Шредера я опять просила дать мне разрешение на разрытие могилы в загородной роще, но он меня опять успокаивал, заверяя, что это вскрытие могилы будет сделано им, как следователем, что он сам, как следователь, заинтересован в этом и не успокоится, пока не найдены будут все убитые. С бумажкой Казакова я опять пыталась разыскать труп мужа где-либо помимо этих могил, старалась осмотреть все трупы, которые находили, но розыски были напрасны. При втором посещении Казакова я требовала от Казакова прямого ответа: расстреляны ли убитые по приговору военно-полевого суда или просто убиты? Казаков ответил мне тогда буквально следующее: «обратитесь к начальнику гарнизона Бржезовскому или к начальнику унтер-офицерской школы капитану Рубцову». Я не поняла в чем дело, переспросила «почему к капитану Рубцову»?—Казаков ответил: «он получил под расписку из тюрьмы вашего мужа и Кириенко». Когда я говорила потом об этом со Шредером, он это подтвердил и сказал, что расписка Рубцова пришита к делу. От Казакова я тогда ездила к Бржезовскому: он меня не принял, выслав ко мне своего адъютанта, фамилии которого я не знаю, приметы его такие: среднего роста или несколько выше, плотный, блондин, с русой бородой, окладистой, лицо широкое. Говорила я с ним, по вполне понятным причинам, возбужденно, требуя ответа на вопрос, расстреляны ли убитые по приговору или просто убиты, и где мне искать труп мужа. Он ответил, что ничего не знает, а когда

я заявила, что это неправда, что это они убили, что начальник гарнизона во всяком случае все знает,—он смутился, ничего не ответил, ушел в кабинет начальника гарнизона и через несколько минут, вышедши оттуда, сказал буквально следующее: «Ваш муж и другие расстреляны не по приговору военно-полевого суда, а убиты разъяренной толпой солдат за то, что протестовали против расстрелов большевиков». К капитану Рубцову я уже не поехала. Забыла опять сказать, что при первом посещении Шредера он заявил мне, что могилы в загородной роще будут раскрыты в том случае, если я найду человека, который мог бы опознать Кириенко, чтобы не возить все трупы для опознания в анатомический покой. Время все шло, общество начало успокаиваться и, очевидно, вместе с этим стало меняться настроение власти, и, повидимому, властям судебным даны были новые инструкции, и вот во время одного из моих посещений Казакова он мне уже заявил, что могилы в загородной роще разрываться не будут, так как к этому нет никаких оснований за отсутствием данных у следствия, что там нужно искать мужа моего и Кириенко и добавляет, что помощник начальника района, на которого я ссылалась, отрицает факт даже разговора со мной об этих могилах и зарытых в них двух интеллигентах. Я предложила устроить между мною и этим помощником начальника милиции очную ставку,—он, кажется, ничего не ответил. Тут же Казаков посоветовал мне обратиться к военному прокурору Кузнецову (полковнику); я была у него со Сперанским; Кузнецов на все мои вопросы о муже и его трупе ответил, что он производил дознание только для доклада верховному правителю и мне ничего по поводу того, где искать труп мужа, сказать не может... Отмечу, что во время одного из моих разговоров со Шредером на мой вопрос, почему он не допросит, если не в качестве обвиняемого, то в качестве свидетеля капитана Рубцова, он отвечал, что в интересах и общества и следствия,—чтобы дело возможно дольше оставалось в руках гражданской следственной власти. После того как я получила от Казакова решительный отказ в разрытии могилы в загородной роще, я сделала еще одну последнюю попытку розысков трупа моего мужа и Кириенко, обратившись к Куликову с просьбой съездить по этому поводу к Мартьянову и другим, к кому он найдет нужным. Это было уже около 8—10 января 1919 г. Мартьянов Куликова не принял; он поехал к Коршунову и на этот раз привез оттуда категорическое обещание, что могилы в загородной роще будут разрыты: помню, что после этого заверения Коршунова я со Сперанским была у прокурора Казакова, который мне сказал с улыбкой: «могилы мы решили разрыть, но делаем это только для вашего успокоения». Я заметила: «но, ведь, это и в интересах следствия». Казаков сказал на это: «мы уже произвели вскрытие шести трупов; для нас картина убийства совершенно ясна». Прошло еще несколько дней и только 17 января могилы в загородной роще были, наконец, разрыты, и там действительно оказались трупы моего мужа и Кириенко; муж и Кириенко были одеты, но без обуви и без верхнего платья (пальто и шубы);

что дали результаты вскрытия, я не знаю, но, по словам товарищей очевидцев, в частности Сперанского, оказалось, что у мужа, кроме многочисленных, кажется, огнестрельных ран, была сломана нога, а у Кириенко, тоже израненного, была вывихнута рука.—Из всех своих бесед с Казаковым, Коршуновым и Шредером я вынесла категорическое убеждение, что им были известны, если не все, то часть физических виновников и исполнителей убийств 22—23 декабря в гор. Омске и занимались все время их укрывательством. Более показать в данный момент ничего не имею.

Показания мне прочитаны *С. Девятова.*

Председатель Комиссии *К. Попов.*

№ 17.

Протокол

допроса свидетеля по делу о самосуде

22—23 декабря 1918 г.

Января 25 дня 1922 г. я, нижеподписавшийся, товарищ председателя чрезвычайной следственной комиссии, Константин Андреевич Попов, в помещении гостинницы «Модерн» произвел допрос свидетеля Анатолия Николаевича Сперанского, при чем последний на предлагаемые ему вопросы отвечал:

«Зовут меня Анатолий Николаевич Сперанский, 34 лет от роду, царским и колчаковским правительствами привлекался по политическим делам, прав лишен не был, проживаю в данный момент в г. Иркутске по Казарминской улице в доме № 8. По делу о самосуде в ночь с 22 на 23 декабря в г. Омске могу показать следующее: 2 декабря 1918 года в г. Уфу прибыл сводный отряд под командой полковника Врублевского с целью арестовать совет управляющих ведомствами комитета Учредительного Собрания и центральный комитет партии социалистов-революционеров. Прибывшие воинские части опасались активного сопротивления, а потому операции ареста были произведены чрезвычайно поспешно, без соблюдения каких-либо формальностей. Вне всякой системы, без всякого именного списка было захвачено и ограблено 27 человек, в том числе 2 мальчика-курьера, пулеметчик охраны сибирской гостиницы, мелкие служащие съезда и совета управляющих и т. д.

Арестованных тотчас же посадили в поезд и экстренным порядком доставили в Омск. По дороге офицеры, конвоировавшие партию арестованных, открыто выражали сожаление, что председатель Учредительного Собрания В. М. Чернов избежал ареста, при чем откровенно добавляли, что его, т.-е. Чернова, они живым до Омска не доставили бы.

5-го вечером с вокзала арестованных перевезли в омскую областную тюрьму; четверо: В. Н. Филипповский, И. Г. Нестеров, И. И. Девятов и я были помещены в одиночных камерах, остальные 23 человека — в общих. Первые двое были выделены как лица особо ответственные в качестве управляющих ведомствами; И. И. Девятов был захвачен офицерами отдельно на вокзале, ранее других; при нем было найдено много секретных документов, партийных резолюций и т. д. Кроме того, И. И. Девятов чрезвычайно резко держался при попытке устроить ему допрос на вокзале и сообщил только официальное свое положение: управляющий делами ведомства иностранных дел и государственных имуществ. Что же касается одиозного отношения ко мне, то оно объяснялось моей близостью с В. М. Черновым в Екатеринбурге и Уфе и тем, что в моем ведении находилась охрана как съезда членов Учр. Собр., так и личности В. М. Чернова, успевшего благодаря принятым мерам скрыться до нашего ареста. Несколькими днями позднее в Челябинске были арестованы: член Учр. Собрания кооператор Н. В. Фомин и работник культурно-агитационного отдела в армии М. В. Локтев. Оба были привезены в Омск, помещены в одиночках и после допроса каким-то чиновником военного контроля зачислены за прокурором Омского военного окружного суда. Нам удалось установить сношения между этажами, пересылали записки с уголовными арестантами, и 17 декабря мы знали, что в ночь с 16 на 17 в тюремную контору приезжала группа офицеров и требовала выдать им для «допроса» Н. В. Фомина, И. И. Девятова и А. Н. Сперанского. Начальник тюрьмы Веретенников без письменного ордера выдать заключенных отказался. Таким образом первая попытка самосуда не удалась.

В третьем часу ночи с 21 на 22 декабря все заключенные проснулись от необычайного шума и суеты в тюрьме; бегали люди, мелькали свечи, звенели ключи, слышались радостные голоса. Пришедшие под предводительством штатского (фамилии его никто из местных большевиков назвать мне не мог) молодые солдаты 21 или 22 Сибирского полка сначала не хотели освобождать «учредильщиков», но по настоянию ныне расстрелянного Стрижака-Василенко были выпущены поголовно все политические заключенные; к ним, конечно, в общей суматохе примешалась часть уголовных.

Наша уфимская группа остаток ночи провела в подвале редакции газеты «Слово», на Гасфортовской ул., д. № 10. Часть делала попытку пройти ночью по частным адресам, но наткнулась на патрули и должна была вернуться. Утром все разошлись. Я оставался позднее других, так как на моем попечении оставался чл. Учр. Собрания В. В. Владыкин с больной ногой. Около 10 часов утра приехала лошадь, и нас перевезли на окраину города в рабочую квартиру. Будучи оторваны от остальных, мы ничего не знали о добровольном возвращении товарищей в тюрьму и, наоборот, спешно готовились к отъезду из Омска. О небывалом по жестокости подавлении куломзинского восстания, о драконовском приказе начальника гарнизона Бржезовского, грозив-

шего расстрелом и бежавшим и укрывателям, мы слышали от своих хозяев; но, когда во 2 участке милиции 24 декабря, где были арестованы я и Владыкин, дежурный помощник многозначительно сказал нам, что «ночью в тюрьму отправлять вас не буду—там сейчас главенствуют военные власти»,—то мы не поняли всего трагического значения этих слов. Ночь провели в «каталажке» в главной милиции и только 25 нас привели в тюрьму, где от оставшихся в живых узнали все подробности ночи с 22 на 23 декабря.

В первую очередь были взяты конвоем в «суд» из одиночек: Н. В. Фомин и М. В. Локтев; из общей камеры № 3: А. А. Брудерер, Г. Н. Саров, А. И. Лиссау, Н. Я. Барсов, В. А. Марковецкий; из других камер к ним присоединили: Евгения Маевского (В. А. Гутовского), матроса Бачурина (арестованного патрулем на улице), красноармейца Руденко, б. комиссара Жарова и известного своею предательскою ролью поручика Винтера. Несколько позднее вызвали вниз в контору И. И. Девятова и И. И. Кириенко (каторжанина, члена 2-й Гос. Думы, б. комиссара юго-западного фронта при Керенском и б. комиссара директории при уральском правительстве)... Арестованные провели тревожную бессонную ночь, ожидая либо дальнейших вызовов в суд, либо возвращения уведенных товарищей. Никого больше не вызывали, и никто больше в тюрьму не вернулся. Начальник тюрьмы Веретенников и его старший помощник Пульхеровский были в это время арестованы за бездействие власти и временно обязанности начальника исправлял командированный из главного тюремного управления Хлыбов. На следующее утро надзиратели сообщили заключенным, что «ваших товарищей вывели гулять в березовую рощу», т.-е. расстреляли. Со слов же низшей тюремной администрации было известно, что конвой требовал выдачи председателя омского совдепа К. А. Попова и прокурора публичного обвинения [1]) революционного трибунала Мицкевича, но они оба лежали в сыпном тифе в тюремной больнице, и офицеры успокоились только тогда, когда взяли со старшего надзирателя Томина честное слово, что Попова и Мицкевича спустят в помойную яму. Арестованные, главным образом Э. В. Аникин, работавшие в качестве писарей в тюремной конторе, сообщили, что еще утром 22 декабря в тюрьму, занятую новым правительственным караулом, прибыла большая группа офицеров, расположилась внизу в конторе, потребовала списка заключенных и против целого ряда фамилий сделала отметки [v] (красным карандашом) и затем сбоку: «отпр.».—Из числа уфимских арестованных не вернулись 22 декабря в тюрьму: Ф. Ф. Федорович, Н. Н. Иванов, В. Н. Филипповский, И. Г. Нестеров, сибирский депутат Почекуев, орловский депутат В. Владыкин, А. Н. Сперанский и служащий совета управляющих Д. А. Барановский. 26 декабря московский депутат В. Е. Павлов имел свидание с председателем Центро-Сибири В. В. Куликовым, и мы, заключенные,

[1]) Очевидно, представителя публичного обвинения.

окончательно узнали о свершившемся самосуде. С воли нам передали номер газеты «Заря» с передовой статьей Парунина. Чем руководствовались убийцы, делая выбор из наличного числа, осталось совершенно непонятным. В частности, особенно нелепой была смерть А. И. Лиссау, человека совершенно аполитичного, земского культурного работника, арестованного случайно в гостинице «Россия». 27 декабря по постановлению прокурора Казанской судебной палаты Миролюбова 14 оставшихся в живых из уфимских арестованных были освобождены без всяких последствий.

Большинство поспешило уехать из города, а я остался в Омске разыскивать тело И. И. Девятова и Г. Н. Сарова и найти какие-нибудь нити к раскрытию этого преступления. О том, как держали себя судебные и административные власти, может дать подробные показания проживающая ныне в Иркутске С. И. Девятова. Я этого вопроса касаться не буду и в дальнейшем мои показания будут иметь только непосредственное отношение к акту самосуда. Вторично я был арестован в Омске 28 января и за месячный срок успел собрать в городе кое-какие сведения, относящиеся к 22 декабря. В качестве идейных руководителей этого дикого самосуда в обществе называли имена: минфина И. А. Михайлова, генерала Иванова-Ринова, начальника гарнизона Бржезовского и коменданта ставки полковника Деммерта. Относительно самого убийства говорилось, что оно совершено офицерами анненковского отряда, что под давлением возмущенных иностранных представителей Колчак хотел их арестовать, но что виновники бежали в Семипалатинск к своему атаману. В двадцатых числах января по постановлению совета министров была образована чрезвычайная следственная комиссия по делу 22 декабря; персональный состав ее не был опубликован, но мне удалось узнать, что председателем назначен сенатор Висковатов, а членами б. товарищи прокурора Васильев и, кажется, если я не искажаю фамилии, Волесский. С моим арестом всякая моя контр-разведывательная деятельность в этом направлении естественно прекратилась. Однако совершенно случайное обстоятельство помогло мне раскрыть всю картину этого дикого самосуда и узнать имена физических убийц. За переполнением гауптвахты много офицерских чинов содержалось в областной тюрьме. Приблизительно в апреле месяце на короткое время появился в тюрьме штабс-капитан красильниковского отряда Феофил Анатолиевич Барташевский. На запросы о причинах своего ареста Барташевский ответил, что он обвиняется в спекуляции табаком. Вскоре после его освобождения по тюрьме разнеслась весть, что Барташевский никто иной, как убийца членов Учредительного Собрания, открыто говоривший об этом своим интимным друзьям по камере. Тогда мы, группа политических заключенных, приняли все меры к тому, чтобы добыть официальную справку, по какому делу содержался в тюрьме Барташевский. В результате в самом скором времени мы получили копии допроса чрезвычайной следственной комиссии (от военного ведомства

в ней участвовал ген.-м. Погосский) шт.-кап. Барташевского и унтер-офицера Падерина. И тот и другой были арестованы по обвинению в предумышленном убийстве, при чем Падерин сразу дал исчерпывающие показания, а Барташевский пробовал сначала все отрицать, но, уличенный Падериным, во всем сознался. На основании тех материалов, которые имелись в нашем распоряжении, схематическая картина убийства такова: утром 22 декабря в красильниковский отряд является Барташевский и сообщает: «вечером нужны будут надежные люди». На приглашение Барташевского вызываются в качестве «охотников»: Шемякин, Левенталь [1]), Виленкин, Падерин и еще двое, фамилии которых я не помню. Вечером вся эта группа отдает себя в распоряжение председателя военно-полевого суда Иванова, заседавшего в гарнизонном собрании. Получив именной список лиц, которых надо доставить в суд, Барташевский вместе с комендантским адъютантом отправляется в тюрьму, где и берет: Е. Маевского, Винтера, Бачурина, Жарова; из главной милиции к ним присоединяют задержанного арестанта Макова. По приговору суда: Бачурин был приговорен к смертной казни, Маевский к бессрочной каторге, дело же Винтера и Макова направлено к доследованию. Председатель суда распорядился всех обвиняемых доставить обратно в тюрьму. Вместо этого Барташевский всех, кроме Винтера, отправленного на гауптвахту, оставляет в караульном помещении, а сам с комендантским адъютантом и красильниковцами отправляется в тюрьму, где выбирает себе жертв по соглашению с и. о. начальника тюрьмы Хлыбовым. Когда скомплектовали таким путем партию (при чем на руках у Барташевского имеется свой заготовленный список, но почти все занесенные в проскрипционный лист не вернулись в тюрьму), то арестованных вывели на улицу и повели к гарнизонному собранию. Пройдя некоторое расстояние комендантский адъютант крикнул: «Эй, белая папаха, стой!»—выстрелил и смертельно ранил красноармейца Руденко, который замерз на улице... По показаниям унтер-офицера Падерина таким же путем в пути до гарнизонного собрания было убито еще двое арестованных. Ввиду того, что тела редактора уфимской газеты «Народ»—Георгия Николаевича Сарова и работника культурно-агитационного отдела народной армии Моисея Локтева остались неразысканными, есть полное основание предполагать, что на дороге были убиты именно эти два человека. Первый мог обратить на себя внимание своими длинными волосами, а второй—своим резко еврейским типом. Арестованным было запрещено переговариваться между собою, и конвой время от времени стрелял для устрашения над их головами. Подойдя к гарнизонному собранию, офицер Барташевский оставил конвой и арестованных на улице, а сам зашел внутрь помещения. Здесь в гарнизонном собрании Барташевский имел разговор с начальником унтер-офицерской стрелковой школы капитаном Рубцовым. Не помню сейчас дословно запротоколи-

[1]) Свидетель ненамеренно извращает фамилию Виленталя.

рованного в показаниях диалога, но Рубцов определенно спрашивал: «вычищена ли тюрьма»? Барташевский отвечал, что очень многих нет налицо в тюрьме. Тогда Рубцов дополнительно отправился в тюрьму за И. И. Девятовым, которого считал одним из «министров» Комуча, и И. И. Кириенко, с которым реакционное монархическое офицерство имело старые счеты еще по юго-западному фронту. Барташевский вывел из гарнизонного собрания: 1) Евгения Маевского, 2) Жарова, 3) матроса Бачурина, 4) Макова и присоединил их к тюремной партии беглым маршем, подгоняя прикладами и непечатной руганью, повел всех на левый берег Иртыша. По словам Падерина, все арестованные определенно чувствовали, что их ведут расстреливать, особенно с того момента, когда партия направилась за Иртыш. Барташевский и адъютант не позволяли арестованным переговариваться между собою. Как только перешли берег—тотчас же дали залп. «Я не помню, сколько расстрелял»,—добавляет Падерин. Все арестованные упали, но адъютант и Барташевский лично «проверяли» трупы, выстрелив в упор несколько раз из револьвера. Чем объясняется присутствие на трупах штыковых и сабельных ран, Падерин объяснить не мог. Точно так же он отрицал, чтобы трупы были ограблены самими убийцами. Свершив свое дело, все вышеуказанные красильниковцы вернулись к себе в отряд.

Одновременно с расстрелом на Иртыше, капитан Рубцов явился в тюрьму, расписался в получении И. И. Девятова и И. И. Кириенко и, выведя их на Тобольскую улицу, присоединил к партии в 40 человек, которую вели расстреливать в загородную рощу. При таких обстоятельствах, согласно прочитанным нами показаниям, погибли жертвы самосуда 22 декабря.

Далее произошло следующее. Когда под влиянием возмущенного общественного мнения и иностранного вмешательства началось дознание по этому делу, то Барташевский, по показанию Падерина, явился в отряд и сообщил: «Ну, ребята, нам надо удирать, а не то плохо будет». Падерин обратился к начальнику штаба пополнения анненковского отряда Гештовту, который выдал всем красильниковцам подложные удостоверения для проезда в Семипалатинск. Убийцы благополучно прибыли в Семипалатинск, но скоро «соскучились» в чужом городе и вернулись в Омск. Не помню сейчас точно фамилии, но, кажется, Виленкин и Левенталь [1]), умерли от тифа в омском госпитале, Барташевский был арестован чрезвычайной следственной комиссией, обвинялся в предумышленном убийстве, но приблизительно через месяц был освобожден на поруки красильниковского отряда. Чрезвычайная следственная комиссия никаких материалов в печати не опубликовала.

Официальными документами по этому делу могут служить: 1) следствие, производившееся следователем Омского окружного суда Шредером; 2) дознание, произведенное в целях личного доклада Колчаку б. главным военным прокурором полк. Кузнецовым; 3) все дело-

[1]) См. прим. на предыдущей стр.

производство чрез. след. ком. сенатора Висковатова. В подтверждение моего показания прошу допросить сидевшего со мной в одной камере Омской тюрьмы—комиссара почт и телеграфов Сергея Ивановича Агеева.

Много ценных подробностей должны дать б. директор департамента милиции, а в декабре 1918 г. прокурор Омского окружного суда Казаков и управляющий делами б. верховного правителя б. генерал Мартьянов. В смысле укрывательства виновников убийства и тот и другой сделали очень много.

Более показать ничего не могу.

Показание мне прочитано. *Анатолий Сперанский.*

Тов. предс. чрезв. следств. комис. *К. Попов*[1]).

№ 18.

Справка.

Осмотром поступившего 27 сего марта из ликвидационного подотдела юстиции Иркутского губернского Ревкома копии «дела чрезвычайной следственной комиссии, учрежденной постановлением совета министров от 14 января 1919 г., о расстреле без суда арестантов, взятых из Омской тюрьмы в ночь на 23 декабря 1919 г.» устанавливается, что перечисление фамилий лиц, участвовавших (физически) под командой штабс-капитана Барташевского в расстреле заключенных Омской тюрьмы, встречается: 1) в показаниях Барташевского от 24 марта 1919 г. (л. 78 обор. копии названного дела), 2) в показаниях Викентия Александровича Падерина (л. 90 и л. 91 об.); 3) в протоколе осмотра приказа командира сводной партизанской бригады имени Красильникова полка капитана Драчука за № 27 от 29 декабря 1918 г., при чем: 1) в показаниях Барташевского названы фамилии поручика (мичмана) Виленталя, прапорщика Шемякина и партизанов: Галкина, Падерина и Кукалевского, 2) в показаниях Падерина—он, младший унтер-офицер, Викентий Александрович Падерин, партизаны Галкин и Кукалевский и офицеры Виленталь и Шемякин, 3) в приказе Драчука (л. 68)—поручики Барташевский и Виленгаль и прапорщик Шемякин, ефрейторы Викентий Падерин и Владимир Галкин и партизан Николай Кукалевский. Таким образом имен и отечеств поручика Виленталя и прапорщика Шемякина в делах не фигурирует и по отношению к участнику расстрела Шемякину устанавливается лишь, что он прапорщик; по отношению же к мичману Виленталю сообщением начальника штаба партизанской дивизии атамана Анненкова от 27 марта за № 1140 (д. л. 88) устанавливается, что он 26 февраля 1919 года умер в омском военном госпитале, где он числился под фамилией шт.-капитана Горина.

Товарищ председ[ателя] Ир[кутской] губ. чека *К. Попов.*

[1]) С переходом власти к Ревкому Сов. К. Попов, бывший председателем чр. сл. ком. Политцентра, получил назначение тов. предс. губ. чека.

№ 19.

Заключение

об обстоятельствах и участниках убийства заключенных в ночь на 23 декабря 1918 г. в гор. Омске.

Совокупностью показаний лиц, допрошенных Иркутской чрезвычайной комиссией,—Матковского (его дело [1]) л. л. 15 и 26), Рубцова (его дело л. л. 1, 2 и 6), свидетеля Сперанского (л. наст. дела 32—37) и свидетельницы Девятовой (л. наст. д. 23—26), осмотром копий актов предварительного следствия, произведенного судебным следователем при Омском окружном суде по делу «о расстрелах Нила Фомина, Евгения Маевского и др.» и копии актов расследования, произведенного и. д. главного военного прокурора полковником Кузнецовым, и в частности показаний, данных на этом расследовании в первый раз Рубцовым (л. копии 3—4), признанных им теперь (д. Рубцова, л. 1 обор.) единственно правильными из всех показаний, данных им перед колчаковскими властями, и, наконец, из осмотра копии дела чрезвычайной следственной комиссии, учрежденной «постановлением совета министров от 14 января 1919 г.», в особенности же из взаимной сверки показаний Хлыбова (д.л.4—6), Рубцова (д. л.63—65), Ядрышникова (д. л. 62), Кононова (д. л. 32—33), Барташевского (д. л. 78—81, 94—95, 107, 108), Падерина (д. л. 90—93), Фриде (д. л. 125—126), Черченко (д. л. 29—30, 43—45, 113—114, 120), Иванова (96—97), Мих. Попова (60—61), Ведерникова (33—34), Злобина (38), Шредера (21—22), Драчука (66 и др.), Бржезовского (105—106) и Кашперова (98—99), а также протокола осмотра производства прифронтового военно-полевого суда, действовавшего 22—23 декабря 1918 г. в гор. Омске (д. л. 50—52), устанавливается следующее: по подавлении восстания в гор. Омске, происходившего в ночь на 22 декабря 1918 г., военными властями была организована расправа, с одной стороны, над повстанцами в Куломзине (предместье гор. Омска) и Омске, а с другой стороны, над арестованными ранее по различным делам и по делу о самом восстании, в момент ему предшествовавший. Расправа эта производилась, с одной стороны, под видом военно-полевого суда (в Куломзине и в Омске), а с другой—в форме военного самосуда. Военно-полевой суд был организован в самом Омске начальником гарнизона генералом Владимиром Владимировичем Бржезовским, несомненно, с ведома назначенного 22 декабря командующим войсками генерала Алексея Филипповича Матковского, который признает возможным, что он предал, по представлению и ходатайству Бржезовского, тогда военно-полевому суду кого-либо из заключенных Омской тюрьмы; суд заседал в гарнизонном собрании и действовал в составе начальника том-

[1]) В настоящее время дела эти хранятся в А. О. Р. LXXVI $^{55}/_{69}$.

ского эвакуационного пункта генер. Василия Дмитриевича Иванова, помощника начальника эвакуационного пункта полковника Михаила Георгиевича Попова, солдата Галинина (по показаниям Бржезовского Галкина) и делопроизводителя подпоручика Ведерникова. Из осмотра дела этого суда усматривается, что фактически он производил суд лишь над Бачуриным, Жаровым, Гутовским (Маевским), Фатеевым, Маковым и Винтером, из которых Бачурина, Жарова и Фатеева приговорил к смертной казни, Гутовского—к бессрочной каторге, а дела Макова и Винтера (последний — провокатор) направил к доследованию. Тем не менее, не только первые трое, но и Гутовский с Маковым оказались расстрелянными в эту же ночь. Расстрел их был произведен поручиком отряда особого назначения имени Красильникова Феофилом Анатолиевичем Барташевским совместно с адъютантом коменданта гор. Омска, прапорщиком Николаем Антоновичем Черченко и конвоем из отряда имени Красильникова в лице поручика Виленталя (имя не выяснено), прапорщика Шемякина (имя также не выяснено), младшего унтер-офицера Викентия Александровича Падерина, ефрейтора Галкина и добровольца-партизана Куколенко (он же Кукалевский). При этом, кроме перечисленных выше пяти лиц, которые все являлись заключенными Омской тюрьмы, вместе с ними было расстреляно еще восемь заключенных: Фомин, Брудерер, Марковецкий, Барсов, Саров, Локтев, Лиссау и фон-Мекк; как первые пять расстрелянных, так и эти восемь были взяты из тюрьмы Барташевским и компанией перечисленных красильниковцев не по каким-либо спискам от военно-полевого суда, а по выбору, сделанному Барташевским совместно с и. о. начальника тюрьмы, б. помощником симбирского тюремного инспектора Леонидом Константиновичем Хлыбовым. Последние восемь человек не судились, были только подведены к зданию, в котором заседал суд, где к ним присоединены были 5 человек судившихся, и затем Барташевским, Черченко и пятью названными выше красильниковцами расстреляны за Иртышем. До этого, еще когда Барташевский, Черченко, Шемякин и др. вели на суд первых пять человек, вместе с ними был выведен из тюрьмы заключенный Руденко, отозван вблизи тюрьмы в сторону и убит прапорщиком Черченко. По показаниям этого последнего приказание о расстреле 13 человек, убитых за Иртышем, отдал ему по телефону комендант города полковник Николай Васильевич Бобов. Нужно отметить, что восемь человек, взятых Барташевским за второй прием, взяты им лишь после того, как оказалось невозможным взять других лиц, намеченных в имевшемся при нем списке, при чем в этом последнем списке были фамилии Кириенко, Девятова, Михельсона и Константина Андреевича Попова, из которых Попов был болен сыпным тифом и потому взят не был, Михельсон был освобожден из тюрьмы во время восстания и в нее не вернулся, а Кириенко и Девятов были уже уведены для расстрела в загородную рощу по распоряжению начальника унтер-офицерской школы (тогда капитана) Павла Михайловича Рубцова, при чем они были присоединены

к партии 44 арестованных, приведенных из военного контроля и передававшихся начальником контр-разведки при штабе верховного главнокомандующего полковником Злобиным начальнику гарнизона для предания военно-полевому суду по обвинению в организации и подготовке восстания, и еще не судившихся, но тем не менее расстрелянных вместе с Кириенко и Девятовым, тоже не судившимися, по распоряжению Рубцова офицерами унтер-офицерской школы прапорщиком Бобыкиным, подпоручиком Николаем Михайловичем Ядрышниковым и подпоручиком Дионисием Ивановичем Кононовым, при участии комендантского адъютанта поручика Александра Васильевича Фриде, и команды унтер-офицерской школы в 30 человек, из которой по делу выяснены, как участники расстрела, младшие унтер-офицеры Дмитрий Иванович Чухрий и Борис Михайлович Логинов. Приказание о расстреле всех 46 лиц давалось Рубцовым в присутствии поручика унтер-офицерской школы Константина Васильевича Кашперова, роль которого в этих расстрелах осталась невыясненной, но который сам, по словам Рубцова, вызвался сопровождать его в тюрьму и оставался там все время, пока был там Рубцов. Уже после того как Кириенко, Девятов и 44 человека были расстреляны (это было около двух часов ночи на 23 декабря), был составлен подложный журнал о суде над ними, подписанный председателем в.-п. прифронтового суда и делопроизводителями этого суда названными выше Ивановым и Ведерниковым, при чем подлог совершен неумелой рукой, ибо суд значится законченным в 6 часов утра, а расстрел произведен был в 2 часа ночи, т.-е. на 4 часа ранее приговора, к тому же и утвержденного только 26 декабря. Рубцов в своих показаниях, отобранных у него мною 9 марта с. г. и 7 апреля с. г. говорит, что приказ о расстреле ему дан был начальником штаба гарнизона полковником Сабельниковым (Николай Григорьевич) и начальником гарнизона Бржезовским, при чем утверждает, что приказ этот был дан еще часов в 8 вечера 22 декабря в форме приказа о приведении в исполнение приговора военно-полевого суда по отношению к 44, и в форме приказа присоединить к ним Кириенко и Девятова, уверяя в то же время, что он всех считал приговоренными к смерти и добавляя, что список с фамилиями Кириенко и Девятова дан был ему комендантским адъютантом Фриде, и что в списке этом и другие были фамилии, в том числе Попова, оказавшегося больным тифом и потому не взятого; в показаниях же, данных Рубцовым на дознании, произведенном Кузнецовым, он говорит, что генерал Бржезовский приказал ему «отправиться в тюрьму для суда над 44 членами совдепа, захваченными в ночь с 21 на 22 декабря», а полковник Сабельников сказал ему, Рубцову, что он к этим 44 лицам «должен присоединить несколько большевиков, сидевших в тюрьме», и что, когда он по этим приказаниям приехал в тюрьму, туда вскоре прибыл поручик Фриде и сообщил фамилии пяти лиц, которые должны были быть расстреляны вместе с другими, что из этих пяти лиц в тюрьме оказались только двое, Кириенко и Девятов, и что, когда прибыли 44 человека,

он, Рубцов, допросив их, приказал подпоручику Ядрышникову отвести всех за город и расстрелять, вместе с Кириенко и Девятовым. Таким образом и здесь, как с расстрелами, произведенными Барташевским, Черченко и пятью красильниковцами, выясняется картина подлинного самосуда. Нужно сказать, что по собственному признанию Рубцова от 9 марта с. г. из приведенных в тюрьму 44 человек он не допросил, а лишь спросил по фамилиям, с целью удостовериться, что приведены те, кто значится в списке, представленном конвоем, всего шесть человек. Когда на другой же день после этих самосудов о них известно стало прокурору Омского окружного суда Василию Николаевичу Казакову и и. о. главного военного прокурора полковнику Кузнецову, то первым было назначено следствие, но лишь по расстрелам произведенным Барташевским, а Кузнецовым—произведено по приказанию Колчака (см. дело Колчака д. л. [1])...) дознание; однако дознание Кузнецова и следствие, произведенное следователем Омского окружного суда Николаем Михайловичем Шредером, под наблюдением одного из товарищей прокурора того же суда — фамилия точно не выяснена — и самого прокурора Казакова, имеет все признаки попустительства и укрывательства убийц, а не действительного выяснения истины. Гражданский следователь и прокурор даже не пытались произвести аресты хотя бы точно выясненных физических виновников убийств— Рубцова и Барташевского, и даже не допрашивали их, а полковник Кузнецов не попытался арестовать ни их, ни Сабельникова, ни Бржезовского, хотя Рубцова и Барташевского допрашивал, и из допроса их ясна была виновность как их самих, так и Сабельникова с Бржезовским. Образованная постановлением совета министров от 14 января 1919 г. чрезвычайная комиссия под председательством сенатора Висковатова, генер.-майора Погосского и тов. председателя Омского окружного суда Калугина в свою очередь занята была также не столько выяснением истины, сколько тем же укрывательством и попустительством, и, несмотря на совершенно выяснившуюся роль в убийствах перечисленных выше прикосновенных к ним лиц, из всех них она привлекла в качестве обвиняемых лишь Барташевского и Черченко, но и тех после непродолжительного ареста освободила под надзор начальства Сабельникова и Бржезовского. Комиссия к делу не привлекла Рубцова также и вела следствие настолько небрежно, что, например, не выяснила даже имени и отчества одного из убийц, прапорщика Шемякина, хотя имела к тому полную возможность, хотя бы через начальника отряда особого назначения имени Красильникова, к которому Шемякин принадлежал. Комиссия не обратила затем внимания на то, что 44 арестованных военным контролем «судились» в.-п. прифронтовым судом уже после их расстрела, иначе говоря — постановление суда над ними было просто явным подлогом. В деле не имеется осмотра письма начальника отряда особого назначения имени Красильникова —

[1]) Пропуск в оригинале.

капитана Драчука Петра Кирилловича—от 31 января 1919 г., найденного мною в бумагах комиссии среди разных бланков и повесток, написаного по показаниям Барташевского Петром Драчуком («твой Петя») к Сейфулину — по показаниям б. капитана Ал. Вас. Шемякина (д. Шемякина л. 40)—капитан красильниковской бригады Аркадий Сейфулин («дорогой Аркаша»),—и нет осмотра литеры «А» на 2 офицеров от 31 января за подписью того же Драчука и его адъютанта подпоручика Хиона. Между тем это письмо и эта литера «А» является несомненным доказательством того, что Драчук причастен к укрывательству Барташевского и Вилента́ля (ныне умершего), ибо по паспортам Горина и Иванова, упоминаемых в письме, скрывались Барташевский и Вилента́ль, и об этом прямо говорит в своих показаниях Барташевский, заявляя, кроме того, что Драчук намерен был послать в Иркутск, очевидно с той же целью, и еще трех убийц: Шемякина, Галкина и Кукалевского (Куколенко). Драчук остался не привлеченным к делу, как и капитан анненковской дивизии Николай Александрович Гештовт, по показаниям Барташевского и Падерина, помогший Барташевскому и другим красильниковцам, участвовавшим в убийстве, скрыться в последних числах декабря 1918 г., и выдавший им подложные паспорта. Наконец, следствие чрезвычайной следственной комиссии под председательством Висковатова не выяснило и не пыталось выяснить тех организаторов и вдохновителей убийств, которые стояли выше генерала Бржезовского и полковника Сабельникова, может быть, потому, что этим следствие слишком близко подходило бы: 1) к Матковскому, которому, по показаниям б. капитана А. В. Шемякина, был непосредственно подчинен отряд имени Красильникова под командой Драчука; 2) к штабу и ставке верховного главнокомандующего, которой, по словам Матковского, был в то время непосредственно подчинен начальник гарнизона Бржезовский. Лишь случайно в показаниях Барташевского этот верховный главнокомандующий — он же верховный правитель Колчак — фигурирует с приказом «военным властям» «скрыть» Барташевского и всех красильниковцев — убийц заключенных в ночь на 23 декабря, а в показаниях Падерина — с приказом «отправить» их в отряд Анненкова.

На основании изложенного, за исключением из перечисленных выше лиц, причастных к убийствам заключенных в ночь на 23 декабря в гор. Омске или к попустительству и укрывательству этих убийств — умершего в омском военном госпитале в 1919 г. Вилента́ля, к настоящему делу в качестве обвиняемых должны быть привлечены: 1) б. начальник штаба верховного главнокомандующего Лебедев и б. командующий войсками Омского военного округа Алексей Филиппович Матковский, если не в качестве непосредственных организаторов и руководителей этих убийств, то в качестве попустителей и укрывателей; 2) начальник гарнизона гор. Омска генерал-майор Владимир Владимирович Бржезовский и б. начальник его штаба военный летчик полковник Николай Григорьевич Сабельников, как организаторы убийства; 3) б. комендант гор. Омска, полковник Николай Васильевич

Бобов, как организатор, и его бывшие адъютанты прапорщик Николай Антонович Черченко и поручик Александр Васильевич Фриде, как участники убийств; 4) б. помощник симбирского тюремного инспектора, временно исполняющий обязанности начальника Омской тюрьмы Леонид Константинович Хлыбов, как соучастник убийств; 5) б. подполковник, тогда капитан Павел Михайлович Рубцов, как участник убийств; 6) б. подпоручики Николай Михайлович Ядрышников и Дионисий Иванович Кононов и б. прапорщик Бобыкин, как участники убийств; 7) б. поручик Константин Васильевич Кашперов — тоже; 8) б. поручик Феофил Анатолиевич Барташевский и прапорщик Шемякин, имя которого не выяснено—тоже; 9) младшие унтер-офицеры Викентий Александрович Падерин, Дмитрий Иванович Чухрий и Борис Михайлович Логинов — тоже; 10) ефрейтор Владимир Галкин и партизан-доброволец Николай Кукалевский (он же Куколенко) — тоже; 11) б. помощник начальника Томского эвакуационного пункта полковник Михаил Георгиевич Попов, б. начальник томского эвакуационного пункта генерал Василий Дмитриевич Иванов и солдат Галинин (по показаниям Бржезовского — Галкин) — члены военно-полевого прифронтового суда, как соучастники убийств; 12) бывший начальник контрразведки при штабе главковерха полковник Николай Павлович Злобин — тоже; 13) б. прокурор Омского окружного суда, впоследствии директор департамента милиции Василий Николаевич Казаков, как попуститель; 14) б. следователь Омского окружного суда Николай Михайлович Шредер, как попуститель; 15) б. и. о. главного военного прокурора полковник Кузнецов, как попуститель и укрыватель; 16) б. сенатор Висковатов, б. товарищ председателя Омского окружного суда Калугин и генерал-майор Погосский, как попустители и укрыватели; 17) б. капитан Петр Михайлович Драчук, как укрыватель; 18) б. капитан анненковец Николай Александрович Гештовт, как укрыватель.

Из перечисленных лиц в настоящее время находятся под стражей и препровождаются в Омск Матковский, Рубцов и Казаков. Кроме того, привлечен к делу, в качестве подозреваемого в участии в убийствах 22—23 декабря б. и. о. начальника штаба бригады Красильникова, капитан Александр Васильевич Шемякин, также находящийся под стражей и препровождаемый в Омск, — однако ввиду того, что одним из убийц 22—23 декабря был по данным дела не капитан, а прапорщик Шемякин, в бригаде Красильникова был еще прапорщик Григорий Васильевич Шемякин (брат Александра), а может быть, был и еще какой-либо Шемякин, предъявить Александру Шемякину обвинение в участии в убийствах 22—23 декабря, при данном положении дела, нет оснований, почему к нему предъявлено мною обвинение лишь в соучастии — путем прямого пособничества — в разбойной работе красильниковских банд (см. дело А. В. Шемякина).

Зам. предс. Иркутск. губ. чека *К. Попов.*

Указы Е. И. Пугачева и его коллегии.

Ниже перед читателем пройдут в порядке их появления пять «указов» Пугачева и «определений» его «государственной военной коллегии», начиная с «именного указа» к яицкому (уральскому) казачеству в первые же дни восстания (17 сентября 1773 г.) и кончая «манифестом» к донским казакам (к Березовской станице, в частности), данным в августе 1774 г., т.-е. тогда, когда уже чувствовался близкий закат Пугачевщины. Приуроченные к разным хронологическим моментам, проникнутые несходными подчас настроениями и мыслями, различные по стилю, слогу и каллиграфической манере, эти п о д л и н н ы е документы вождей восстания — живые свидетели того, как постепенно росла, ширилась и крепла Пугачевщина, как она вбирала в себя все новые социальные силы, как усложнялась ее «идеология».

Являясь отражением того, что делал и как думал «главный штаб» восстания в лице Пугачева, его коллегии и группировавшегося около них казачества, помянутые документы вместе с тем должны говорить нам и о стихийных движениях на местах, ибо на местах «прелестные» пугачевские «письма» постоянно находили себе и восторженный отклик и массовое распространение. Для внесения большей наглядности в представления о местных движениях здесь даются фототипические снимки с подписей ряда виднейших вождей этих движений, — по техническим условиям приведенные здесь равно как и «указы» — в уменьшенном виде.

С. Голубцев.

I

Именной указ Пугачева яицкому казачеству [1]).

Самодержавнаго амператора нашего великаго государя Петра Ѳедаровича всероссийскаго і прочая і прочая і прочая.

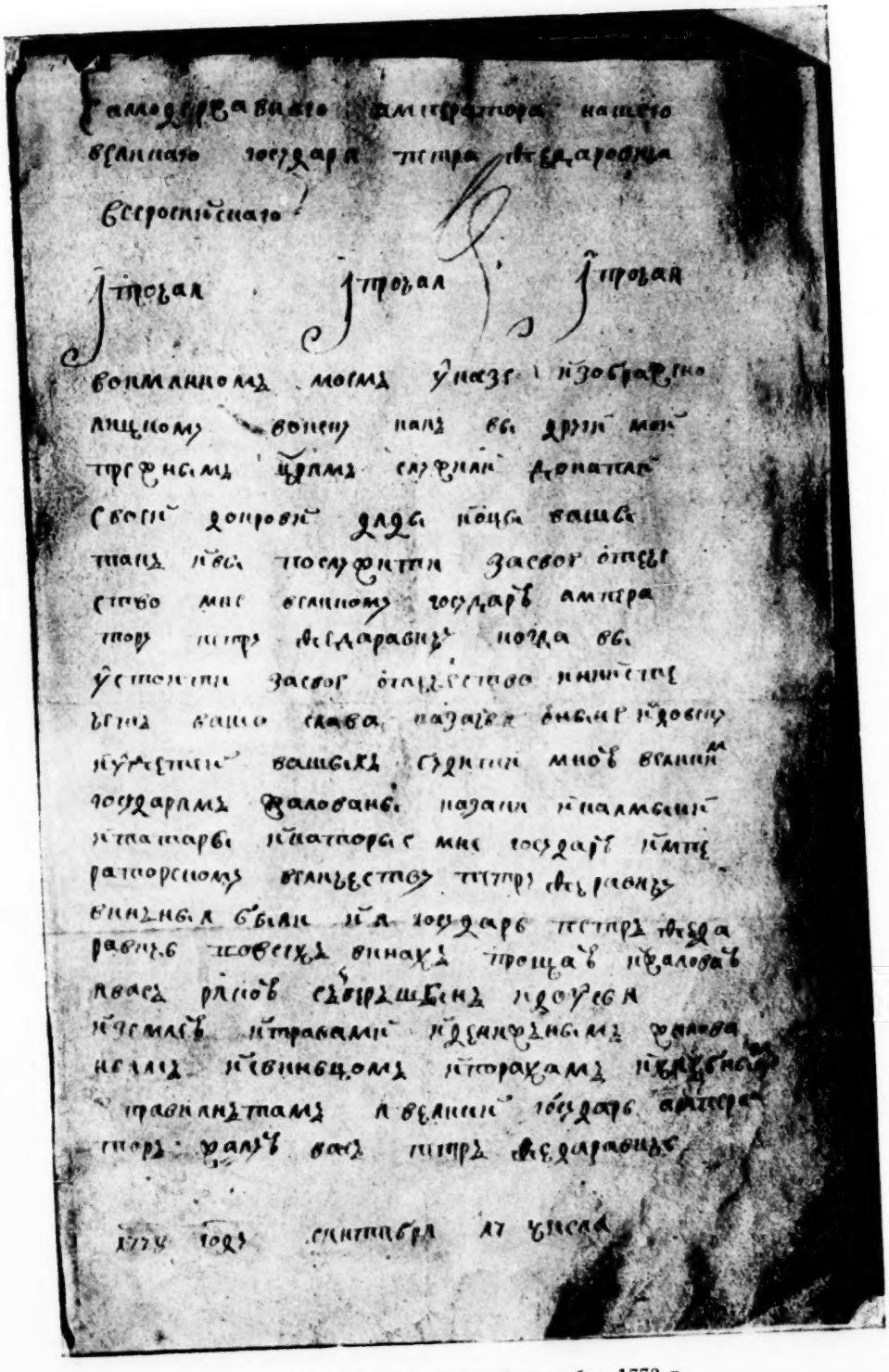
Во имянномъ моемъ указе изображено яицкому воиску какъ вы други мои прежнымъ царямъ служили до капли своей до крови дяды и оцы вашы такъ и вы послужити за свое отечество мне великому государю амператору Петру Ѳедаравичу когда вы устоити за свое отечество и ни истечетъ ваша слава казачья от ныне и до веку и у детей вашыхъ будити мною великим государямъ жалованы казаки и калмыки и татары и каторые мне государю императорскому величеству Петру Ѳе(до)равичу винъныя были и я государь Петръ Ѳедаравичь во всехъ винахъ прощаю и жаловаю я васъ рякою съ веръшынъ и до усья и землею и травами и денижънымъ жалованьямъ и свиньцомъ и порахамъ и хлебными ж правиянътамъ я велики государь императоръ жалую васъ Петръ Ѳедаравичь.

1773 году синтября 17 числа

ПРИМЕЧАНИЯ.

К середине августа 1773 г. через $2^1/_2$ месяца после бегства из Казанской тюрьмы, Емельян Пугачев добрался до окрестностей Яицкого городка (Уральска). Благодаря связям, установившимся у него с некоторыми казаками во время первого пребывания в Яицком городке и в его районе в ноябре—декабре 1772 г. еще до ареста и отправки в Казань, Пугачеву удалось в какой-нибудь месяц широко оповестить яицкое казачество разными путями о «государе», «проявившемся на умете (постоялом дворе) у Степана Оболяева («Ереминой Курицы»), по речке Таловой верстах в 60 от Яицкого городка, заполучить значительное количество первых приверженцев и с их помощью не только подготовить надлежащим образом общественное мнение «войсковой стороны» (яицкая оппозиция), но и провести начальные мерроприятия по организации восстания, удачно лавируя между необходимостью популярности и опасностью поимки. Утром 16 сентября 1773 г. мы находим Пугачева, признанного государя Петра Феодоровича, со свитой, почтительно державшейся в некотором отдалении, на хуторах казаков Толкачевых, верстах в 100 от Яицкого городка, в окружении человек 40 верных, частью уже испытанных людей, среди которых были не только природные казаки, но и ка-

[1]) Б. Лефортовский архив «Секретн. повытья», кн. I, л. 76.



Указ Е. И. Пугачева 17 сентября 1773 г.

заки из татар, туркмен и калмыков, даже несколько русских беглых помещичьих крестьян. Пугачев начинал свое движение в соучастии с представителями различных социальных и национальных групп.

Яицкое казачье войско, в момент появления Пугачева, было сложным конгломератом разновременных выходцев из многих слоев общества и ряда национальностей. Свое первое воззвание к яицкому войску от 17 сентября 1773 г. Пугачев должен был поэтому адресовать казакам, татарам и калмыкам, формулировав в нем все характерные для казачества того времени «привилегии». Тут и пожалование луговыми землями, недостаток которых чувствовался поддерживавшими Пугачева хуторянами вследствие покушений с разных сторон. Тут и закрепление за казачеством всего течения реки Яика с ее рыбными богатствами, ввиду обозначившегося «внимания» к этой реке некоторых кругов русского дворянства и купечества, а также и монополистских тенденций «старшинской» (правительственной) партии среди яицких казаков. Тут и обещание жалования в его денежной и натуральной форме в соответствии с тем, что яицкое казачество, с одной стороны, жило тогда в условиях все большего втягивания в денежное хозяйство и в оживленный товарооборот как с своими кочевыми соседями, так и с внутренними русскими областями, а с другой — нуждалось в хлебе, которого почти не производило и зависело в приобретении его (равно как и вина) от ряда крупных русских производителей того и другого из среды дворянской знати (Орловы, Зубовы и др.).

Пугачев знал казачьи нужды; благодаря собранной на Яике информации, да и по личному опыту, он умело разбирался во всех больных вопросах казачьей жизни и казачьей психологии. Недаром в тексте «указа» — это характерное упоминание о монаршем прощении «войсковой стороны» в винах перед короной.

Приводимый здесь «указ» (воззвание) к Яицкому войску был оглашен утром того же числа, каким он датирован, перед собравшимися приверженцами «названного» Петра III; читал его тот же Иван Почиталин, первый по времени секретарь Пугачева, чьей рукою указ и написан. При помощи сличения почерка, водяных знаков на бумаге и некоторых сохранившихся известий, есть возможность притти к заключению, что целый ряд последующих документов, вышедших из лагеря восставших от имени государя Петра Феодоровича, написан рукою того же Почиталина. Они могут, следовательно, считаться сохранившимися до нас в подлинниках.

Указ 17 сентября 1773 г. был принят с восторгом всеми, кто собрался под знамена Пугачева; и с момента этого искусного напутствия началось поступательное движение Пугачева к Яицкому городку, а затем и к Оренбургу.

Указ 17 сентября 1773 г. неоднократно воспроизводился в печати как по частям, так и полностью; академик Дубровин напечатал даже его с соблюдением орфографии подлинника («Пугачев и его сообщники», т. I, стр. 246—247); к сожалению, дубровинский текст «указа», при ряде вкравшихся опечаток, не может считаться точным воспроизведением подлинника.

II.

Указ на татарском языке [1].

Перевод: Я великий *(из)* великих, самодержавный властелин стран, в своей руке и силе определенно держащий и владеющий... России — и проч., и проч., и проч. Также над многими землями Всероссийский [высший *(из)* высших] император Петр Феодорович. Всей знати и народу во все стороны его величеством утвержденный проверенный именной указ дан.

Пусть знают и верят! Это высшее письмо дано от собственной руки и языка, чтобы шли к нему с истинным усердием и несли военную службу. Кто с готовностью выйдет навстречу, чтобы видеть мое благословенное лицо и красу; увидав же и признав сознательно и нелицемерно, будет *(ко мне)* веру и усердие *(оказывать)* языком и рукой и сердцем горящим и телом с дорогой душой,— *(тех)* конечно я узнаю.

Жалую вас землей, водой, рыбой, топливом, пашней, лесом, порохом, деньгами, свинцом, хлебом, солью и прочим.

Кто не подчинится и будет противиться: боярин, генерал, майор, капитан, и другие,— голову того рубите и имущество его грабьте! Против *(таких)* стойте! Головы их рубите! Если окажется у них казна, она должна быть принесена царю! Их обоз и лошади и другое, что необходимое, должно быть доставлено царю! Прочее, в чем нет нужды, расходуйте на армию! В свое время они вас ели; *(вас)*, моих рабов, они лишили воли и свободы; теперь посев их косите, если не подчинятся.

Тех же кто меня признает, кто навстречу ко мне выйдет со службой, — не трогайте, чтобы народ не смеялся *(над нами)*.

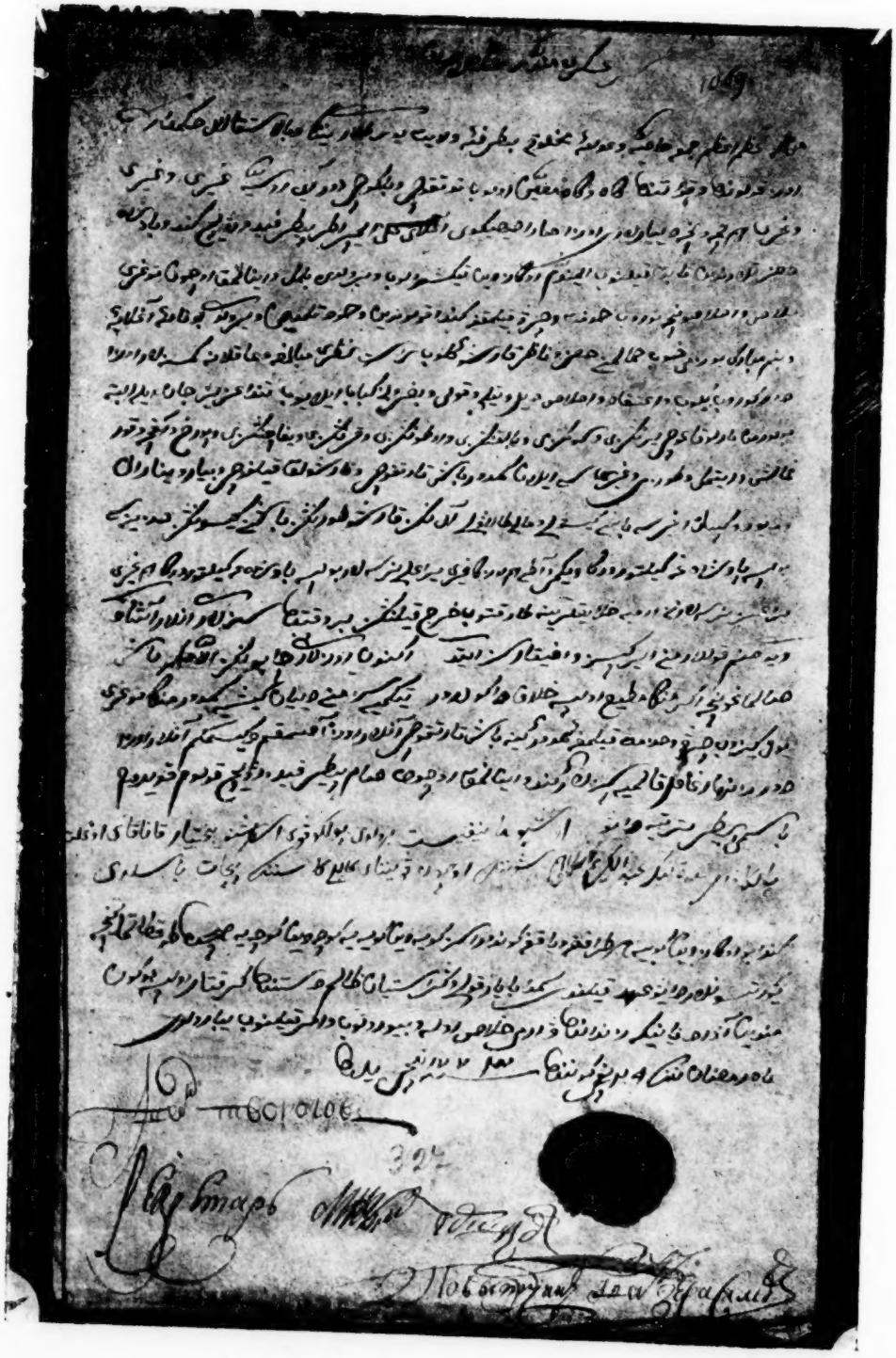
Опять-таки о тех, которые не подчинятся, мое *(приказание)*— вешать их и рубить!

Пожалуйста, будьте осторожными!

Чтобы всякий верил, я сам, Петр Феодорович, свою руку приложил. Я самый Петр третий даю.

---

[1]) Государств. Арх., разр. VI, д. 416, ч. II, л. 327.



Указ Е. И. Пугачева на татарском языке.

Этот манифест дан
Полковой старшина Бахтияр Канакай Оглы.
Полковой сотник Абдул Керим.
Также военной коллегии печать приложена.

Копию с этого указа во все стороны и края посылайте. С копии копию *(сняв)*, с улицы на улицу по сходам, не задерживая, не мешкав, передавайте!

Даю слово: кто раб помещика и *(кто)* попал в руки крестьянских тиранов, с сегодняшнего дня свободен.

Кто в тюрьме, также освобождается!

Такое повеление издается.

Рамазана 24 дня 1773 г.

Иван Твороговъ [1]).

Секретарь Максим Горшковъ.

Повытчикъ Иван Герасимовъ [2]).

ПРИМЕЧАНИЯ.

Сношения восставших с инородцами начались очень рано. Одновременно с указом 17 сент. 1773 г. яицкому войску, от имени Пугачева уже летел гонец с «письмом» к киргизскому Нурали-хану. В конце сентября месяца того же года и в самых первых числах октября отправлены были характернейшие манифесты, рассчитанные на весь приуральский инородческий мир. К этому же типу агитационных листков и прокламаций относится и печатаемый в переводе документ, до сих пор неизвестный в печати. Он настолько ярок и говорит сам за себя, что всякие комментарии по существу излишни. Взять хотя бы этот перечень «милостей», обещанных Пугачевым: в нем так полно и с такой чуткостью оговорены чуть ли не все больные вопросы быта приуральских народностей. Повидимому, составители манифеста предназначали его даже для более широких народных масс, чем только инородчество.

Очень возможно, что имеющиеся в тексте перед последним абзацем слова: «Этот манифест дан» — с упоминанием Бахт. Канакаева и Абдула Керима и с указанием на приложенную к манифесту печать военной коллегии — представляют позднейшую вставку, тем более, что они и написаны-то как будто другою рукою. Не являются ли они своеобразным «контрассигнированием» со стороны Бахт. Канакаева документа более раннего времени, оказавшегося у него в руках и им пускавшегося в оборот?

Автор манифеста — выученик («шакирд») мусульманской духовной школы, получивший образование, видимо, в Бухаре, так как на-ряду с арабизмами употребляет и слова персидские. Автор прибегает иногда даже к персидским оборотам (напр., предлоги), хотя манифест им составлялся, конечно, для тюрко-татарских народностей. Язык документа вычурный, как вычурна и вся, стоящая в начале его, своеобразно-восточная титуляция. В тексте встречаются написанные по-татарски русские слова («даю», «именной»), употребительные в русских документах соответствующего характера; не вставлены ли они для придания манифесту большей убедительности и авторитета? При этом автор обличает свое

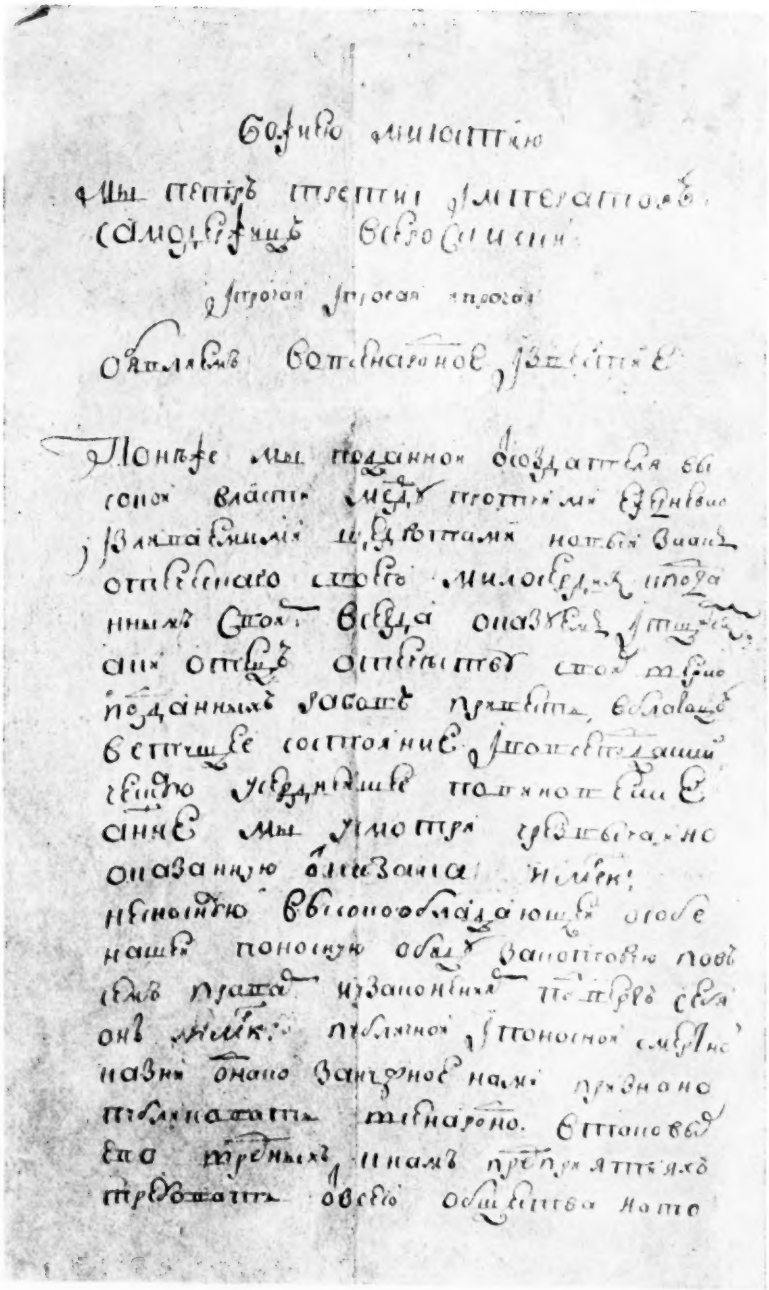
---

[1]) Подписи Творогова, Горшкова и Герасимова — на русском языке.

[2]) Печать красного сургуча, хорошей сохранности, с надписью.

плохое знание русского языка (пишет по-татарски «сарасайский» вместо «всероссийский»). В основной своей части «манифест» является переводом или, может быть, скорее переработкой какого-то русского источника, бывшего под руками у автора. При переводе несколько слов без вреда для смысла опущены, оставшись нерасшифрованными по чисто техническим затруднениям; и в том числе группа слов, стоящая в заглавии манифеста; есть предположение, что их можно перевести, как «полководец» и «светлый царь мира»; слова «высший (из) высших» взяты за скобку, так как в тексте подлинника они, повидимому, зачеркнуты.

Считаю своей обязанностью поблагодарить В. Д. Пятницкого, взявшего на себя труд перевода «манифеста к инородцам», а также проф. В. А. Гордлевского и Галли-Аскара-Гаффурова-Чегатая.



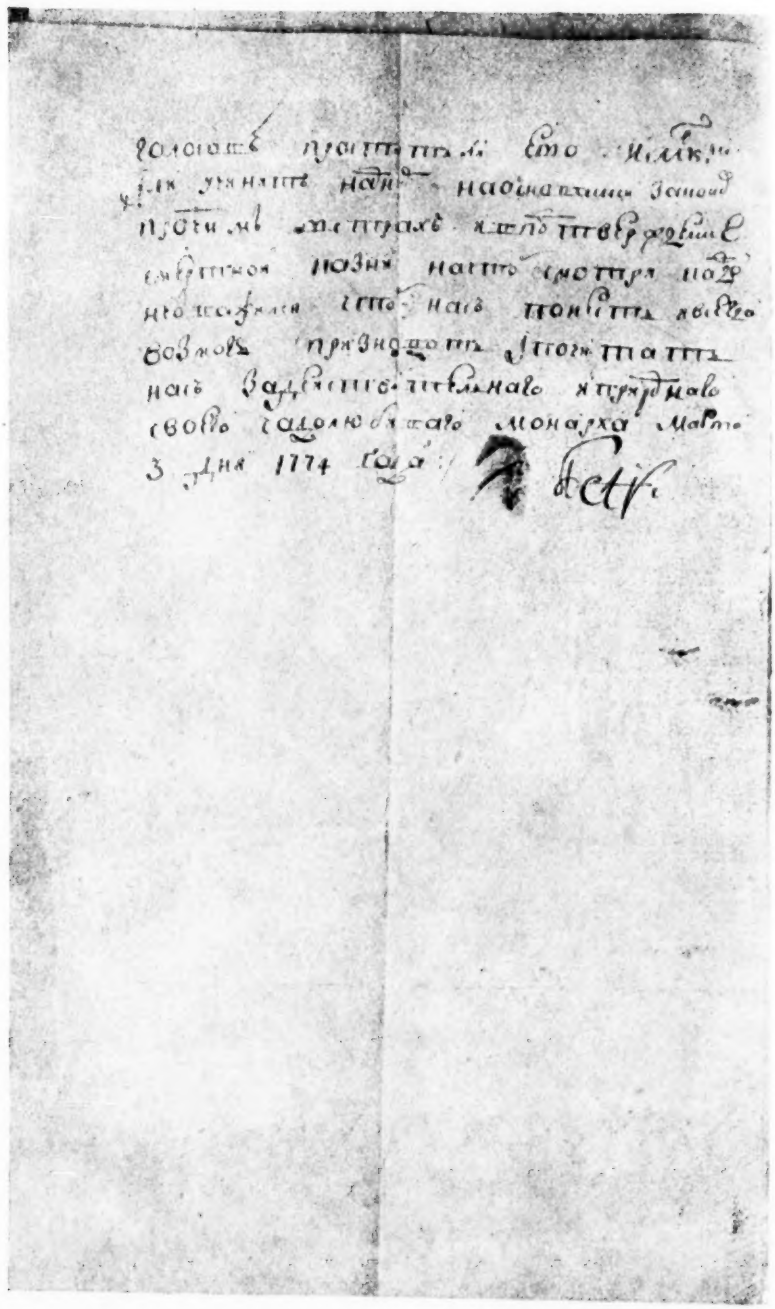
Божию милостию

Мы петръ третiй императоръ
самодержецъ всероссiйскiй

другой другой другой

объявляемъ всенароднов извѣстiе

Понеже мы подданной всякаго рода
своея власти мздѣ тогожъ нашего
возвышенiя и вѣнчанiя нашего
отвѣтствуемъ словесъ милостивымъ подан-
нымъ своимъ вездѣ оказывая
ани отъ кого отнюдь стоя твердо
подданныхъ ласкать пристойно, вселяя
въ нихъ состоянiе благополучiя
ихъ ведро увеселяющее подданскiе
сердца мы умотря грубительно
оказанную близкими нашими
неволю вспомоществуя обще
нашъ покойную обще законотворно повѣ
лѣли указа изданiя потерь свя
онъ мiръ публичной утѣшной смерт
нашъ онаго законное намъ признано
публиковать повелѣно. Отъ чего всѣ
ежа чрезныхъ инамъ предпрiятiяхъ
трудности всѣхъ общества на то



III.

Указ Пугачева от 3 марта 1774 г. [1]).

Божиею милостию мы Петръ третиі імператоръ самодержицъ всероссійски: і прочая і прочая и прочая: обявляемъ во всенародное ізвестие.

Понѣже мы по данной от создателя высокой власти между прочими ежедневно ізливаемыми щедротами новый знакъ отеческаго своего милосердия к подданнымъ своим всегда оказуемъ і тщимся аки отецъ отечѣству своих верноподданныхъ рабовъ привесть в благоцъветущее состояние і во всеподданническую усерднейшее повиновение а ныне мы усмотря чрезвычайно оказанную от казака *имрек*: несносную высокообладающей особе нашей поносную обиду за которую по въсемъ правам и узаконениям подвергъ себя онъ *имрек*: публичной і поносной смертной казни однако за нужное нами признано публиковать всенародно в таковых ево вредныхъ к намъ предприятияхъ требовать от всего общества на то голосовъ простить ли ево *имрек*: іли учинить над ним на основании законов продчимъ в страхъ и в подтверждение смертной казни на чтобъ смотря каждой не отважился чтоб насъ понесть и всегда возмогъ признавать і почитать насъ за действительнаго и природнаго своего чадолюбиваго монарха.

Марта 3 дня 1774 года. Petri.

ПРИМЕЧАНИЯ.

К марту месяцу 1774 г., в результате 2-месячных усилий нового главнокомандующего войск, действовавших против Пугачева, — А. И. Бибикова, перед восставшими впервые встала необходимость считаться с противником и с серьезностью создавшегося положения. К этому времени вполне обнаружилось движение к Оренбургу значительных сил правительственных войск в охват его и Бердской базы Пугачева по радиальным направлениям от Бугульмы, Бугуруслана и Бузулука. Восставшие ответили встречным походом к крепостям Сорочинской и Тоцкой, повидимому, намереваясь бить поодиночке своих приближавшихся противников (полковн. Юрия Бибикова, генералов кн. П. М. Голицына и П. С. Мансурова), начиная с последнего. Генер. Голицын, между тем, свернул

---

[1]) Государ. Арх., разр. VI; д. 415, 2-я нумерация; л. 4.

с своей дороги к Оренбургу (Бугуруслан—Оренбург) в район действий Мансурова (Бузулук) и в начале марта 1774 г. оказался лицом к лицу с противником. Первая встреча у деревни Пронкиной (между Бугурусланом и Сорочинской крепостью), протекавшая некоторое время с переменным успехом, закончилась неудачно для восставших, оказавшись предвестницей последующих поражений и настоящего разгрома движения в его первый период.

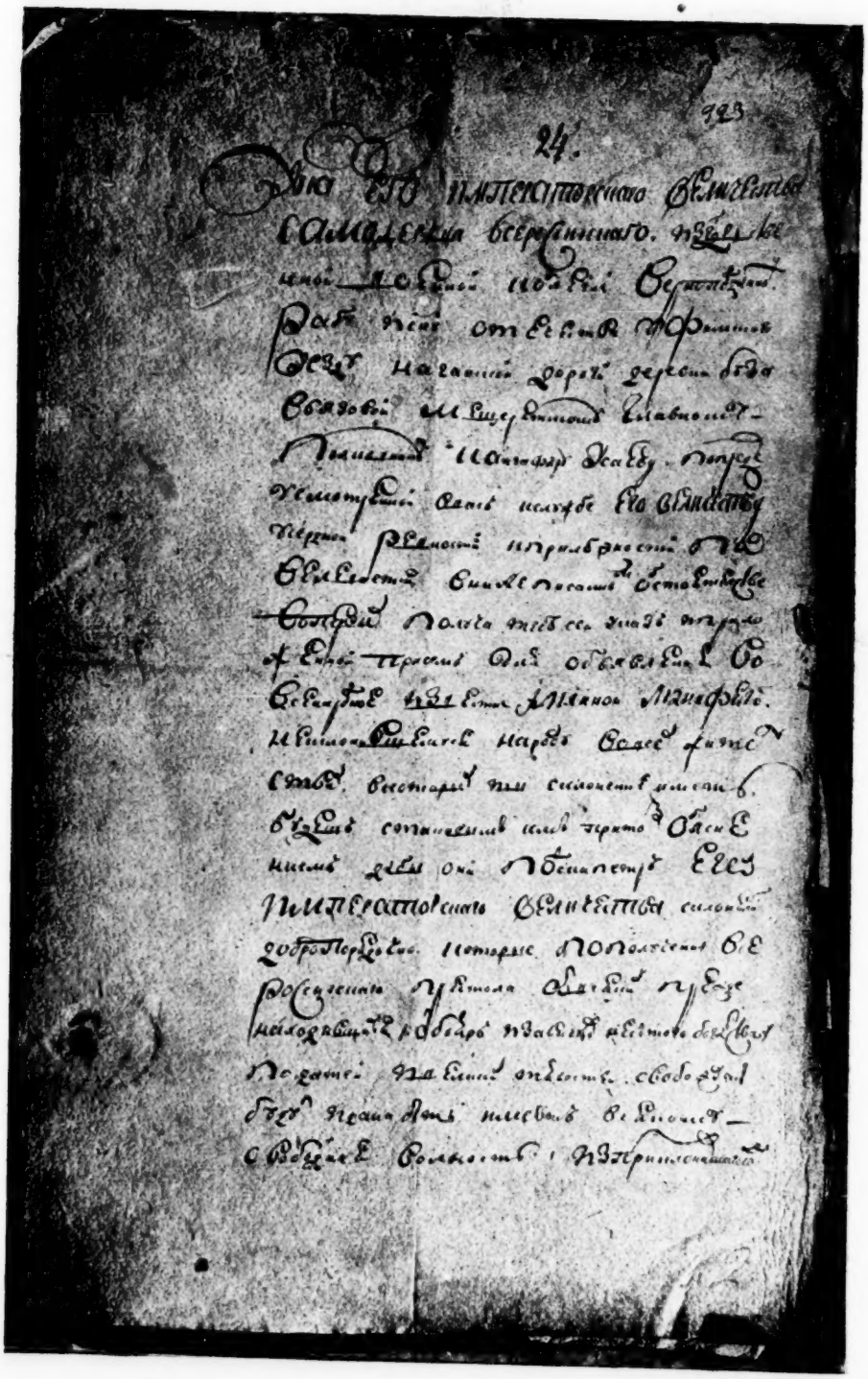
В таких условиях напряженного военного положения и нависавшей опасности вполне понятным делается этот «манифест», остававшийся доселе неизвестным в печати. Очевидно, поднимала голову внутренняя оппозиция: в рядах восставших в результате заметного уже раньше расслоения, начинало проявляться в резких формах раздражение одной части казачества против другой. Пугачев был в этот момент еще достаточно силен, если он мог себе позволить такую роскошь, как обращение к всенародному мнению — плебисциту, призывом к которому, в сущности, и является манифест 3 марта, на-ряду с содержащимся в нем объявлением о винах какого-то казака.

Первоначально этот манифест не имел ли в виду определенного лица? В подлинном его тексте всюду, где теперь стоит «имрек», раньше читалось какое-то слово, затем выскобленное и замененное «имрек». Может быть, этим словом была фамилия одного из казаков, не того ли Черноморского, о казни которого Пугачевым есть карандашная помета почерком того времени на втором листе манифеста. Точных сведений об этом казаке в нашем распоряжении пока нет; возможно, что именно он был депутатом от войсковой оппозиции в комиссии ген.-м. Брахвельда, расследовавшего столкновения между «старшинской» («верной») и «войсковой» (оппозиционной) стороной на Яике в 1762 г.; и не тот ли это Борис Черноморский, который упоминается в списке разоренных в 1774 г. на Яике пугачевским ставленником войсковым атаманом Никитою Каргиным и его товарищами (бывш. Госуд. Арх., разр. VI, д. 418, л.л. 16—17). На основании этих данных можно лишь предполагать, что Черноморские, занимая видное положение в рядах войсковой оппозиции, оказались почему-то в затруднительный для Пугачева момент в числе опальных фамилий в глазах восставших.

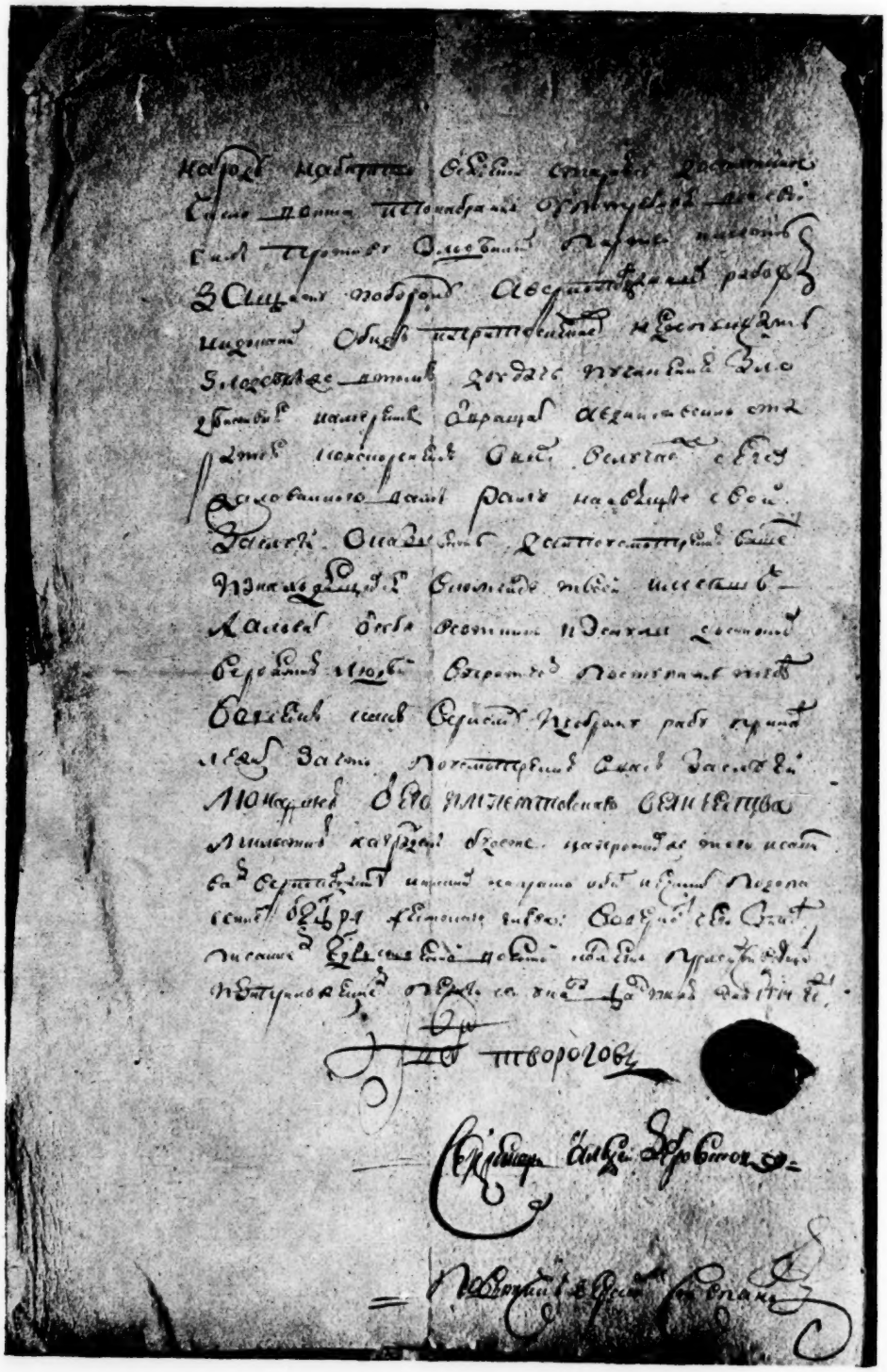
Невольно зарождается мысль: именной подлинный указ о смертной казни определенного лица не стал ли в чьих-то руках, с помощью подчистки и подделки, совершенно неопределенным и бесконечно широким мандатом для борьбы с оппозицией движению среди примкнувших к нему?

Имеющаяся под манифестом иноязычная подпись — не единственная: до нас дошло несколько подлинных документов с такою подписью, вопреки обратному замечанию Дубровина («Пугачев и его сообщники», т. II, стр. 189).

На конверте, в котором долгое время лежал запечатанным манифест 3 марта, стоит надпись рукою генерал-прокурора кн. А. А. Вяземского: «Сей пакетъ хранить в тайной экспедиціи и никому безъ особаго ее величества указа не разпечатать. Князь Александръ Вяземской. Апреля 7 дня 1774 года».



Указ военной коллегии Пугачева Канзафару Усаеву.



IV

Указ государственной военной коллегии Пугачева Канзафару Усаеву [1].

Указ его императорскаго величества самодержца всероссiскаго, из государьственной военной коллегiї верноподданному рабу и сыну отечества Уфимского уезду Нагаиской дороги деревни Бузавьязовой мещерятскому главному полковнику Канзафару Усаеву. По прежде усмотренной в васъ к службе его величеству усердной ревности и прилѣжности повелевается в ниже писанном обстоятелстве воперв ых получа тебѣ сеи указъ и приложенной при семъ для обьявления во всенародное известие iмянной манифестъ несклонившемуся народу во всех жителствах, в которых ты склонение иметь будешъ с таковымъ имъ притом обяснениемъ дабы они под скипетръ его императорскаго величества склонялись добропорядочно, которые по полученiї всероссiскаго престола от всяких прежде находившихся (:от бояръ и зависцов несытого богатства:) податей и великих тягостей свобождены будут и дана быть имеютъ всякому свободная волность из приклонившагося же народу набирать всячески стараясь достаточное число воиска и по набранiї употребляя все свои силы противу злодѣйских партей иметь защиту и оборону а верноподданных рабовъ ни до каких обидъ и притеснениев не допущать злодеѣвъ же въ томъ до удачь и учинения злодѣйствия намерения отвращать а единственно старатся ко искоренению оных в случае же сего жалованного вамъ рангу наивящые свои заслуги оказывать да и по усмотрению вашему из находящихся в команде твоей имеѣшъ жаловать от себя в сотники и эсаулы достойных вероятию людей в протчем поступать тебѣ во всемъ какъ верному и доброму рабу принадлежит за что по усмотрению в васъ заслуги монаршею от его императорскаго величества милостию награждены будете напротив же того и самим вам верноподданным никаких напрасно обид не чинить под опасением от государя жестокаго гнева: во верность чего за подписанием государьственной военной коллегiї присудствующих и за приложением печати сей указ дан июня... дня 1774 году.

Иван Твороговъ.

Секретарь Алексей Дубровской.

Повытчикъ Герасим Степановъ [2].

---

[1]) Госуд. Арх., разр. VI, д. 420, л. 24.

[2]) Печать красного сургуча.

ПРИМЕЧАНИЯ.

Деревня Бузовьязовая, упоминаемая в этом указе военной коллегии Пугачева, лежала в одном из наиболее инородческих районов у Ногайской дороги из Оренбурга в Уфу, почти на полпути от последней к Стерлитамаку, ближе к Уфе.

Мещеряк Канзафар Усаев — тот самый, который, совместно с Салаватом Юлаевым, руководил инородческим повстанческим движением в районе Красноуфимска и Кунгура в январе 1774 г., брал Красноуфимск, бесплодно держал в осаде Кунгур и стяжал себе, повидимому, дурную славу среди местного русского населения. Вероятно, именно жалобы населения на «бесчинства» башкир послужили основанием для Зарубина-Чики («графа Ив. Никифор. Чернышева»), пугачевского эмиссара и главнокомандующего под Уфой, к отправке под Кунгур «главного российского и азиатского войска предводителя» из русских Ив. Ст. Кузнецова. Этот «предводитель» начал с воззвания, в котором выступил в роли строгого и последовательного охранителя религии и порядка.

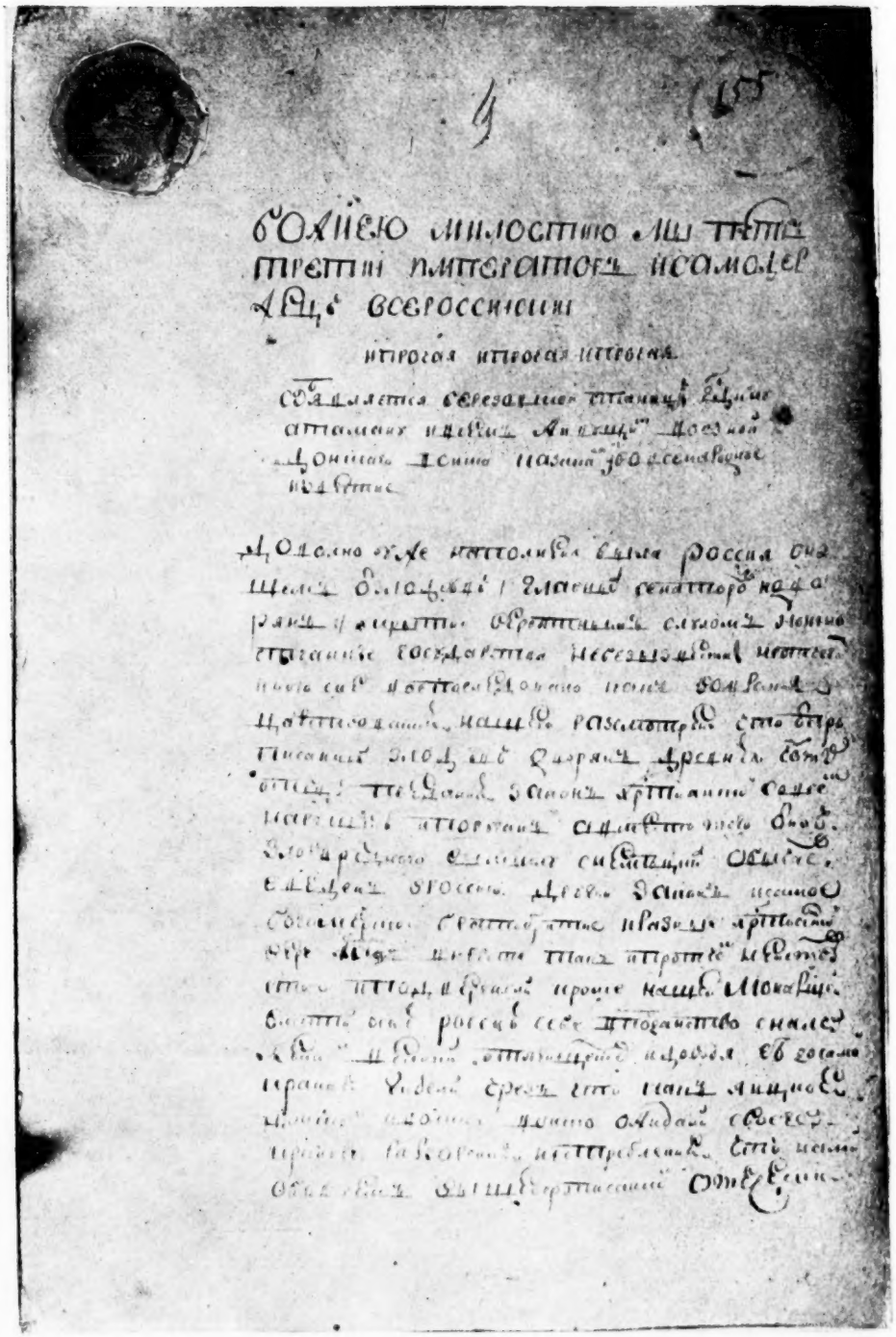
В связи с приведенными фактами становится понятным, почему пугачевская коллегия, оговорив в своем «указе» в самом его начале «прежде усмотренную» в Канзафаре Усаеве ревность к службе е. и. в., в конце сочла необходимым осторожно намекнуть на обязанности не «чинить верноподданным обид» при выполнении вновь возложенной на него миссии.

Следует иметь в виду, что г. в. коллегия Пугачева вообще очень много уделяла внимания «обороне» населения от подведомственных ей воинских сил, руководясь часто очень простым соображением — необходимостью поддержания в населении на желательном уровне способности к оказанию восставшим военной помощи. Недаром рядовой обыватель, в условиях почти поголовного бегства перетрусившей екатерининской администрации, привыкал смотреть на Пугачева, как на действительного, законного и властного поборника дисциплины, порядка и гражданских прав в бурной обстановке восстания. Это делалось тем легче, что регулярные правительственные войска вовсе не отличались бережливым отношением к населению, а по внешнему виду пугачевская армия вряд ли существенно разнилась от «верных» войск, раз главный и самый серьезный противник Пугачева полковник И. И. Михельсон нашел возможным в рапорте главнокомандующему кн. Ф. Ф. Щербатову сообщить однажды (в мае 1774 г.), что он принял «мятежническую толпу» за отряд генер. де-Колонга.

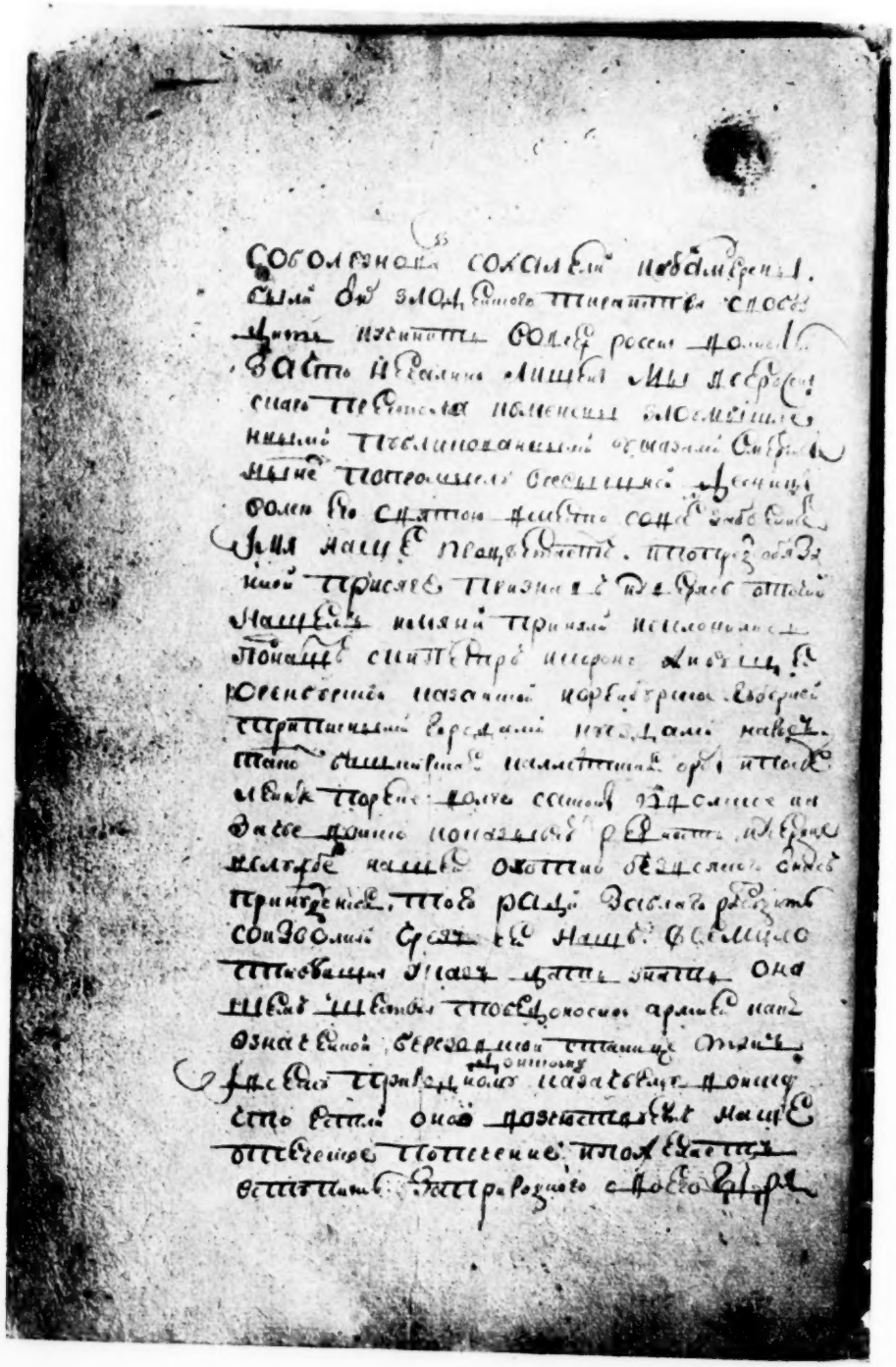
«Указ» в. коллегии на имя Канзафара Усаева относится к одному из последних моментов переходного периода с конца апреля по первую половину июня 1774 г., когда Пугачеву и его поредевшим ближайшим соратникам, после весеннего разгрома движения в марте—апреле 1774 г., приходилось напрягать всю энергию, чтобы заново сорганизовать свою живую силу. То вступая в открытую борьбу с противником, то неоднократно скрываясь в неизвестность, в результате неудачного исхода нескольких столкновений с генер. де-Колонгом и полк. Михельсоном, вожди восстания, между тем, лихорадочно накапливали силы, рассылали во множестве указы с призывами о помощи, подбирали командный состав и неизменно всякий раз ускользали от опасности благодаря быстроте, внезапности и гибкости своих передвижений. В эти переходные месяцы Пугачев должен был опираться, главным образом, на инородцев и башкир, по преимуществу, что не могло не создавать осложнений в отношениях между ним и местным русским населением, заводскими обывателями — в особенности. Все это необходимо учитывать для полного понимания указа на имя Канзафара Усаева. Нужно еще иметь в виду, что «достойными вероятия людьми» в глазах вождей движения были лица из зажиточных слоев населения.

Обращает на себя внимание хорошо сохранившаяся печать красного сургуча.

Повидимому, июньский «указ» военн. коллегии Пугачева Канзафару Усаеву доселе нигде не был ни напечатан, ни упомянут.



Указ Е. И. Пугачева Березовской станице Войска Донского.



Петръ

V.

Указ Е. И. Пугачева Березовской станице войска Донского [1]).

Божиею милостию мы Петръ третіі императоръ и самодержецъ всероссіскіі и прочая и прочая и прочая.

Обявляется Березовской станицы господину атаману и всемъ живущим во оной Донскаго воиска казакам і во всенародное известие.

Доволно уже наполнена была Россия о нашемъ от злодѣвъ (:главных сенаторов и дворянъ:) укрытіі вероятнымъ слухомъ но и іностранные государства небезызвестны не от чего ж иного сие воспоследовало какъ во время царствования нашего разсмотрено что от прописанных злодѣвъ дворянъ древняго святых отецъ предания законъ христианской совсем нарушенъ и поруганъ а вместо того от ихъ злоевредного вымыслу с немѣцких обычаев введенъ в Россию другой законъ и самое богомерское братобритие и разные христианской вере какъ в кресте такъ и протчем неистовства и подвергнули кроме нашей монаршей власти всию Россию себе в подданство с наложением великих отягощеніев и доводя еѣ до самой крайней гибели чрезъ что какъ Яицкое Донское и Волское воиско ожидали своего краинего раззорения и істребления что нами обо всемъ вышепрописанном отечески соболезновав сожалели и намерены были от их злодеиского тиранства свободить и учинить во всеі Россиі волность за что нечаянно лишены мы всероссіскаго престола и вменены злоумышленными публикованными указами в мертвые ныне ж по промыслу всевышней Десницы волею Его святою вместо совсем забвения імя наше процветаетъ и по прежде обязанной присяге признавъ и уверясь о точном нашемъ имяни приняли и склонились под нашъ скипетръ и корону живущеи Оренбурской Казанской и Оренбурской [2]) губерней с приписными городами и уездами народъ також башкирская калмытская орды и поселенные по реке Волге Саксоны [3]) и Волское казачье воиско и оказывают ревность, и усердие в службе нашей охотно без всякого от насъ принуждения, того ради заблаго раз-

---

[1]) Госуд. Арх., разр. VI, д. 512, ч. II, л.л. 155—156.

[2]) Вероятно, следует читать: «Нижегородской».

[3]) Имеются в виду немцы-колонисты.

судить соизволили чрезъ сей нашъ всемилостивѣйшіі указъ дать знать о нашемъ шествіі с победоносной армией какъ означенной Березовской станице такъ і всему природному Донскому казачьему войску что естли оное возчюствуетъ наше отеческое попечение и пожелаетъ вступить за природного своего Государя которой для общаго спокойствия и тишины претерпел великия странствіі и немалые бедствіі, то бъ желающые оказать ревность и усердие для истребления вредителных обществу дворянъ явились бы в главную нашу армию где и сами мы присудствуемъ за что бѣз монаршей нашей милости и на первой случай не въ зачетъ жалованья по десяти рублевъ награждения оставлены не будутъ а для сведения всему Донскому воиску повелеваемъ сей указъ станица от станицы пересылать внизъ по течению реки Дону а списывая со оного копіі для надлѣжащаго исполнения оставлять въ каждой станицѣ во свидетелство того мы собственною рукою подписали и государьственною нашею короною укрепить соизволили. Писанъ августа дня 1774 году.

Петръ [1]).

ПРИМЕЧАНИЯ.

Указ к Березовской станице является одним из нескольких, направленных Пугачевым в августе 1774 г. в станицы Волжского (его административный центр — посад Дубовка на Волге) и Донского войск. Он дан с полпути между Камышином (иначе Дмитриевск) и Царицыном в середине месяца, при чем по требованию Пугачева в последний момент перед отсылкой был переадресован на Иловлинскую станицу, куда действительно его и доставили.

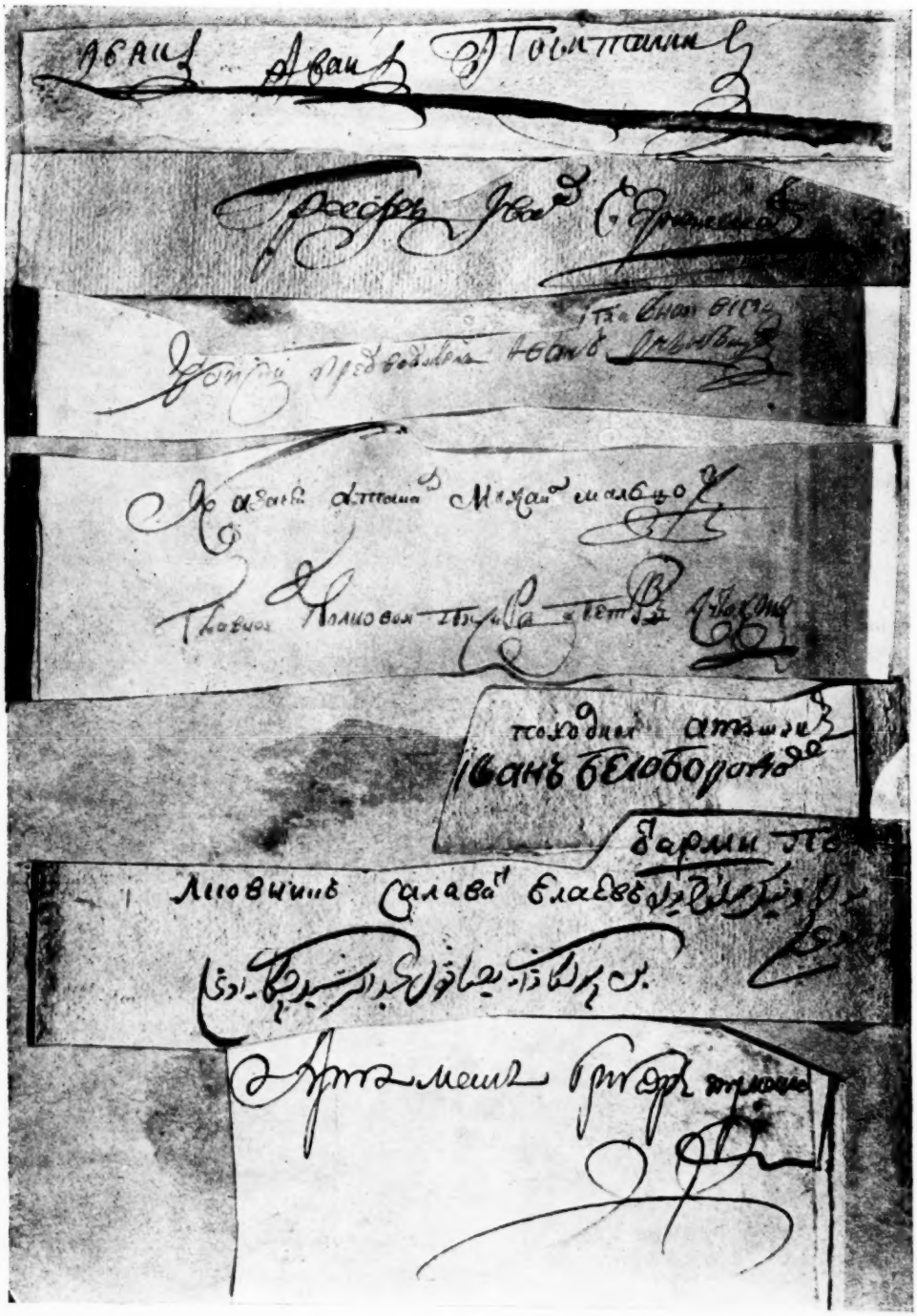
Автором манифеста был последний секретарь Пугачева А. И. Дубровский (Трофимов); он же его и подписал за Пугачева.

Прекрасно, каллиграфически написанный, в стиле, не лишенном изысканности, витиеватый по форме и отчетливый по мысли, весь проникнутый пафосом достигнутых успехов этот «манифест» хронологически соответствует моменту наивысшего торжества Пугачевщины. Исполненный сознания собственного достоинства тон манифеста и его внешний вид не должны однако обманывать нас своим наружным спокойствием. Момент был крайне опасный для Пугачева, может быть, самый критический на всем протяжении восстания. В условиях неурожая 1774 г., при наличии ясно обозначившейся внутренней слабости движения и противоречивости интересов примкнувших к нему социальных групп, Пугачев с тревогой смотрел в сторону родного Дона, неоднократно обращался к нему с призывами, все ждал оттуда поддержки. Целый ряд недоразумений (и среди них — начавшиеся тогда набеги на донские станицы волжских калмыков) встал между Пугачевым и несомненно сочувствовавшими ему донцами и не дал этому сочувствию развернуться в серьезную и активную поддержку.

Манифест, адресованный Березовской станице и всему войску Донскому, был в сущности написан в закатный час восстания.

---

[1]) Перед текстом манифеста печать красного сургуча хорошей сохранности с надписью «Петр III Б(ожией) М(илостию) імператора коруна».



Автографы деятелей восстания 1773 г.

VI. Автографы деятелей восстания.

Подписи некоторых вождей Пугачевщины свидетельствуют о хорошей писарской выучке их носителей, по крайней мере некоторых из них; тогда как другие вожди движения, а их было большинство, — начиная с самого Емел. Пугачева, были людьми неграмотными.

Помимо подписей Ив. Творогова, Макс. Горшкова, Ал. Дубровского, Ивана Герасимова и Герасима Степанова, которые уже встречались нам выше, помимо анонимных порой подписей под манифестами, здесь воспроизведены следующие автографы: Ив. Як. Почиталина, Зарубина-Чики, Ив. Степ. Кузнецова, П. Лутохина и Мих. Мальцова, Ив. Наум. Белобородова, Салавата Юлаева и Григория Туманова. Приводим здесь кое-какие сведения об этих деятелях восстания.

Иван Творогов — бессменный член государственной военной коллегии Пугачева, единственный ее «судья», уцелевший от прежнего состава коллегии при весеннем разгроме 1774 г. Богатый илецкий казак, очень рано примкнувший к Пугачеву; в сентябре 1774 г. оказался в группе, выдавшей вождя восстания правительству.

Максим Горшков — илецкий казак, член и секретарь военной коллегии Пугачева, фактический руководитель центральной канцелярии восставших при недостаточной грамотности думного дьяка Ив. Почиталина. Был взят в плен правительственными войсками в одном из сражений (под Сакмарским городком) в самом начале апреля 1774 г.

Алексей Иван. Дубровский — в действительности беглый мценский купец Ив. Степ. Трофимов. Ведал с мая месяца 1774 г. канцелярией Пугачева и военной коллегии и был одним из самых близких к Пугачеву и активных руководителей восставших вплоть до окончательного поражения Пугачева Михельсоном. Его авторству принадлежит значительное число «пугачевских» манифестов, из коих некоторые им и подписаны за неграмотностью Пугачева.

Повытчик Герасим Степанов — был из числа заводских крестьян. Его звание повытчика (древне-русское слово «выть» — часть, доля, участок) как будто дает возможность предполагать, что пугачевская канцелярия распадалась на «повытья», т.-е. «отделения», или «столы».

Иван Яковл. Почиталин — первый секретарь Пугачева, автор нескольких «манифестов» в первые месяцы восстания член военной коллегии в звании думного дьяка, из зажиточных яицких казаков. Попал в плен в том же сражении, где и Макс. Горшков.

Зарубин-Чика («граф Ив. Никифор. Чернышев») — яицкий казак-хуторянин, один из самых первых и основных соучастников и организаторов восстания. В результате многочисленных жалоб на башкирские «бесчинства», поступивших к Пугачеву от русского, в частности заводского, населения, Зарубин-Чика был отправлен вглубь Башкирии под Уфу с чрезвычайными полномочиями по управлению всем этим краем и главнокомандующим всех действовавших здесь сил. В самых первых числах декабря 1773 г. он прибыл в село Чесноковку под Уфой и, оставаясь в этой резиденции вплоть до вынужденного снятия осады с Уфы в конце марта 1774 г., должен был развернуть широко деятельность по организации и управлению краем. В последних числах марта выступал под именем «гр. Ив. Никифор. Чернышева», может быть, потому, что в руки восставших досталась фамильная дворянская печать с соответствующей надписью. В последних числах марта 1774 г. Зарубин был выдан отряду полковн. Михельсона.

Ив. Кузнецов — табынский казак по своему официальному положению и «главный российск. и азиат. войска предводитель» по терминологии и в глазах

восставших, был одним из главных орудий Зарубина-Чики в его военно-административной политике в Башкирии. Район его деятельности в дек. 73 г.—янв. 74 г.: заводы Саткинский и Златоустовский в Уральск. горах, Красноуфимск — Кунгур. Одно из его воззваний к жителям Кунгура, сохранившееся до нас,— чрезвычайно любопытный образчик того ряда документов восставших, в которых вожди Пугачевщины выступают охранителями порядка, гражданской тишины и даже православной религии, вопреки обнаруженной руководителями башкирского движения мусульманской исключительности.

Мих. Мальцов и Петр Лутохин — ближайшие сподвижники Ив. Кузнецова и продолжатели его деятельности в районе Кунгура и Красноуфимска. В этом последнем они и служили до перехода на сторону Пугачева: один — канцеляристом, другой — писарем.

Ив. Наум. Белобородов — отставной солдат-канонир, из приписных заводских крестьян. После отставки жил в селе Богородском (в районе Красноуфимска — Кунгура) и промышлял торговлей, будучи по всем данным одним из «лучших», наиболее зажиточных людей у себя на селе. Во время движения башкир во главе с Канзафаром Усаевым к Красноуфимску и Кунгуру примкнул «самоохотно» и стал одним из виднейших деятелей Пугачевщины сначала в родных краях, затем под Екатеринбургом и, наконец, в рядах ближайших и непосредственных соратников самого Пугачева. Вскоре после неудачи Пугачева под Казанью Белобородов отдался добровольно правительственным войскам. в расчете (который не оправдался) уцелеть под другой фамилией.

Салават Юлаев—не самый ли яркий и не самый ли характерный представитель башкирского движения в годину Пугачевщины почти на всем его протяжении. Во всяком случае он оказался одним из самых последовательных и упорных ее носителей, которого не сломила даже выдача казаками Пугачева правительству. В Пугачевщину Салават вложил и энтузиазм своей поэтической натуры и всю страстность своеобразно-башкирского понимания задач и методов движения. Недаром он был сыном очень богатого владетельного башкира, лично испытавшего многое от бесцеремонной политики русских заводчиков. Лишь в ноябре 1774 г. Салават Юлаев был выдан правительству своими же соотечественниками, после долгих и безуспешных попыток его поимки другими способами.

Григорий Туманов в марте и апреле 1774 г.—атаман повстанцев под Челябинском, в мае месяце — повытчик в канцелярии военной коллегии Пугачева. В бытность его в этой должности на нем лежала, между прочим, обязанность переводить на татарский язык бумаги, адресуемые тогда инородцам в особенно большом количестве.

Литература 60-х годов по отчетам III Отделения.

1860 год [1]).

О русских периодических изданиях.

В политическом отделе русских газет и журналов нельзя было не заметить сочувствия к совершающимся в Западной Европе переворотам, одобрения конституционных начал, похвалы Гарибальди и другим лицам, действующим ныне на сцене политического мира. Цензура, может быть, и старалась не допускать применений к России, но тем не менее проявлялись статьи такого содержания, что многие читатели находили в них намеки и на наше государство. Имея это в виду, III отделение следило за нашими периодическими изданиями и особенно наблюдало, чтобы в них не развились мысли об отдельности племен, входящих в состав Российской империи.

Из статей сомнительного политического содержания преимущественно замечена была статья, помещенная в С.-Петербургских ведомостях (№ 142) под заглавием «Либеральные учреждения и конституция»; она была дозволена к напечатанию цензурою министерства иностранных дел, которому сообщено, чтобы статьи подобного рода, заключающие в себе «не политическое» о политике, были подвергаемы общей цензуре.

В то же время редактору С.-Петербургских ведомостей, Краевскому, сделано строгое внушение, что если он будет печатать

---

[1]) Печатаемые выборки из отчетов с. е. и. в. канцелярии за 1860—1869 г.г. не представляют новизны в смысле сообщения ими фактов и интересны со стороны оценки этих фактов высшим органом политического сыска, как страницы, на которых сжато формулировано мнение III отделения о текущих событиях литературного порядка и о направлении литературы в указанные годы. Не каждый год имеет в своем отчете главу, посвященную оценке литературных явлений, и не всякое литературное, хотя бы и крупное, событие занимало внимание III отделения, у которого был свой «вкус», свое «понимание» как литературных, так и общественных явлений в целом. Не следует преувеличивать значения этих отзывов. Тут много неожиданностей в оценках. Только «своеобразием» точки зрения на вещи можно объяснить то, что в отзыве за 1869 г. Катков и Леонтьев — столпы официальной правительственной политики — в глазах «историографа» III отделения вырастают в фигуры оппозиции, и оппозиции ко-

подобные статьи, то лишен будет права издавать газету; равным образом и председетелю С.-Петербургского цензурного комитета поставлено на вид, что существенная обязанность его состоит в непрерывном наблюдении за цензорами и за направлением периодических изданий.

Кроме того, литература наша до такой степени приняла характер обличительный, что нет журнала и газеты, в которых не помещалось бы статей о служебных злоупотреблениях и общественных недостатках. Этим направлением увлекаются даже правительственные и полуофициальные издания, так что обличительная литература получила у нас вид как бы законности.

В статьях этого рода допускаются неуместные суждения о предметах, подлежащих ведению только правительства, или намеки на частных лиц, хотя под вымышленными именами, но столь ясные, что в обществе тотчас распространяются догадки, против кого обличение устремлено.

Намеки на личности замечались наиболее в газете «Искра», издаваемой Степановым и Курочкиным.

Между прочим, в 1-м № за 1860 год этой газеты, под рубрикою «Иногородняя корреспонденция», описан был обед, данный в провинции начальнику губернии, и жители Харькова узнали, что в этой статье изображены многие из них, особенно бывший тамошний губернатор, генерал-лейтенант Лужин.

По произведенному розысканию оказалось, что означенную статью составил секретарь харьковского дворянского собрания Краевский, а передал ее в «Искру» секретарь тамошнего же губернского предводителя Велихов, находившийся в С.-Петербурге при своем начальнике, губернском предводителе Бахметеве, и что поводом к составлению этой статьи некоторым образом послужили личные неудовольствия, существовавшие между Лужиным и Бахметевым.

За это чиновник Краевский, подвергавшийся расстройству ума, но впоследствии получивший облегчение от болезни, и Велихов уво-

---

варной и трудно уловимой... Катков и Леонтьев, видите ли, надели маску — патриотизма и любви к государю и, «пользуясь сочувствием некоторых правительственных лиц, безнаказанно (могут) возбуждать и поддерживать беспорядки в окраинах империи». И далее тот же автор заявляет, что «чиновническая агитация в северо-западном крае поддерживается вследствие пропаганды «Московских Ведомостей»? Здесь явно слышится известная в свое время полемика «Вести» с «Московскими Ведомостями»: «Весть» в вопросе о дворянском землевладении в Западном крае решительно расходилась с «Московскими Ведомостями» и обвиняла их в том же, что и «историограф» III отделения. Конечно, перед таким заявлением «историографа» смолкает всякое намерение оспаривать этот вывод. — «Историографом» III отделения в те годы некоторые (С. А. Венгеров, М. К. Лемке) считают И. А. Арсеньева.

Заголовки для печатаемых отрывков удержаны те, что имеются в отчетах.

Н. Б.

лены от службы, а губернскому предводителю Бахметеву неблагонамеренный поступок служивших под его начальством чиновников поставлен на вид.

Потом, в нескольких №№ «Искры» помещались изображения и статьи, направленные против начальника Астраханской губернии Струве и жены его. Хотя фамилии Струве не упоминалось, но как, с одной стороны, для жителей Астрахани было понятно, до кого это относится, а с другой, получено было частное сведение, что в «Искру» послана из Астрахани новая оскорбительная для тамошнего губернатора статья, то редактору Степанову лично приказано, чтобы в «Искре» статьи насчет действительного статского советника Струве более не помещались.

В течение 1860 года нескольким редакторам и сочинителям статей были сделаны выговоры. Кроме этих начальственных взысканий, один редактор, Степанов, подвергся и личному оскорблению от обиженного им лица. В 40 № «Искры» помещено было изображение в карикатурном виде журналистов, которые, не додав нескольких книжек, прекратили свои издания, в том числе и бывшего издателя «Светописи» художника Оже. Последний встретив Степанова на Невском проспекте, не мог остаться хладнокровным и, в припадке вспыльчивости, ударил его палкой. Степанов приносил на Оже жалобу. Они в III отделении примирены (л. л. 26—33).

1861 год.

О вредных сочинениях на русском языке, печатаемых за границею, и о мерах, принимаемых к недопущению распространения их в России.

В III отделение передан был из комиссии прошений, в отсутствие статс-секретаря князя Голицына, полученный на его имя из Парижа пакет, со вложением 6-го № газеты «Будущность», в которой помещена статья, ложно обвиняющая упомянутую комиссию в неправильных действиях.

После того находящийся в Тульской губернии штаб-офицер корпуса жандармов препроводил в III отделение представленные ему мещанином Литкенсом пакеты с письмом от Петра Долгорукова на его, Литкенса, имя. В этих письмах Долгоруков просил Литкенса передать по три №№ «Будущности» Наталье Посниковой, Ивану Посникову и Осетрову. По собранным сведениям оказалось, что из этих лиц Посникова—нянька Петра Долгорукова, Посников—сын ее, а Осетров управляет имением сына того же Долгорукова, что изгнанник этот, прислав и обещая на будущее время присылать к вышепоименованным лицам свои издания, вероятно, имеет целию распространять чрез них эти издания в России. Литкенсу вменено в обязанность, чтобы он и впредь все получаемое из-за границы от Петра Долгорукова представлял в III отделение.

Донесено было III отделению, что управляющий питейным откупом в Балашове, Саратовской губернии, Огурцов, получает «Колокол». По собранным чрез тамошнего жандармского штаб-офицера сведениям оказалось, что Огурцову передают эту газету наследники умершего откупщика Алфераки и их комиссионер, грек Фумели, живущие по зимам в Балашове, а летом в Таганроге и Ростове, что эти лица имеют случай получать «Колокол» при посредстве иностранцев, а Фумели и сам иногда ездит по делам своим за границу. За всеми этими лицами учреждено наблюдение.

Живущий в Чудове, дворянин Батанов, при проезде на пароходе в Новгород, читал некоторым из пассажиров «воззвание к молодому поколению». Вследствие полученного об этом доноса, по распоряжению начальника Новгородской губернии, произведен был у Батанова обыск, при котором найдены у него два листка «Колокола» и один листок «Под суд»; но упомянутого воззвания не оказалось. Наедине местному жандармскому штаб-офицеру Батанов сознался, что у него было и воззвание, купленное им, вместе с двумя №№ «Колокола» у букиниста в С.-Петербурге, но он впоследствии изорвал это воззвание. За этим дворянином имеется также наблюдение.

Отставной подпоручик Имшенецкий, возвращаясь из-за границы, вез с собою 68 листов «Колокола», несколько книг «Полярной Звезды» и другие запрещенные у нас издания. Все эти листы и книги задержаны у него Радзивиловскою таможнею и доставлены в III отделение; киевскому военному, подольскому и волынскому генерал-губернатору сообщено о предании Имшенецкого суду.

Таурогенская таможня доставила в III отделение несколько экземпляров «Колокола» и «Будущности», оказавшихся между контрабандными товарами, найденными пограничною стражею в лесу близ одной деревни. Как розысканиями не открыто, кем товары были сложены, то и неизвестно, кому принадлежат и куда предположено было отправить упомянутые журналы.

Помещица Тверской губернии Европеус, при возвращении из-за границы, в Вержболовской таможне возбудила против себя подозрение, и по настоянию таможенного чиновника Турбина произведен был у нее обыск. При этом, под платьем ее найдены были сочинения Герцена и Петра Долгорукова, всего 13 книг и 21 лист «Колокола». Кроме того, из привезенного ею письма Петра Долгорукова усмотрено, что этот изгнанник желает войти в переписку с ее мужем, а также с тверскими помещиками Унковским и Головачевым. Г-жа Европеус была арестована и доставлена в С.-Петербург; хотя из допросов ее в III отделении не оказалось, чтобы она в тайном привозе запрещенных книг имела лично преступную цель, но как самый способ привоза этих книг был незаконный, то она подвергнута полицейскому надзору, с обязательством безвыездно жить в имении ее мужа. С тем вместе учреждено наблюдение за самим Европеусом, Унковским и Головачевым, а равно за их перепискою, с воспрещением всем им отъезда

за границу без особого разрешения. Чиновнику же Турбину за его расторопность выдано в награду 500 руб.

При отправлении г-жи Европеус из Вержболова по железной дороге в С.-Петербург собрались до 50 поляков, которые, выражая сочувствие к означенной помещице, приветствовали ее поклонами и бросали к ней в окно вагона цветы. После того служащие при железной дороге и таможне преследовали Турбина за его открытие насмешками. Особенно замеченные в этом: прикомандированный из Варшавской таможни в Вержболовскую чиновник Ольшанский—выслан к месту его служения в Варшаву, а писца Раковского предназначено или уволить от службы, или перевести в другую менее значительную таможню.

Кроме того, обнаружено, что и у нас, в Москве, посредством литографии размножались копии с напечатанных за границею вредных сочинений на русском языке (л. 108—114).

1862 год.

О политическом направлении литературы.

Главною задачею русской литературы последнего времени было выяснить политическое значение народа по отношению его к верховной власти. С этою целью наши публицисты обратились прежде всего к исторической критике: в до-Петровской эпохе, как на политическую самобытность народа—самоуправление,—они указывали на мирские суды, сходки, соборы, уложения, на Новгородское вече, и особенно опирались на избрание государем Михаила Федоровича с «записью», которую они считают равною ограничению власти. Последующие затем события—усиление монархического принципа, в ущерб демократическому началу и образование привилегированных сословий—писатели наши признают явлениями враждебными в жизни русского народа. По их мнению, должно разрушать все, что введено у нас императором Петром I,—централизацию, бюрократию, притязания казенного права, иерархию, основы чинов и сословий, постановления для собственности и личности; должно уничтожать все реформы, не имевшие ничего общего с русскою жизнью, потребности которой вследствие немецкого бюрократизма были не известны; народ подвергся невежеству и бедности; явились корыстолюбие и несправедливость судов. Самую власть императорскую называли, хотя не открыто, деспотизмом, произволом, гнетом.

Для ослабления же в современниках уважения к этой власти темою своих исторических сочинений избирали большею частию одни только несветлые стороны жизни некоторых наших императоров и императриц или старались представить в невыгодном свете узаконения тогдашнего времени. В тех же видах порицались и органы верховной власти — привилегированные сословия. Дворянство,

по мнению писателей-демократов, составляло опричнину Петра I, предавалось вместе с ним разного рода оргиям и, получив в свое заведывание некоторые отрасли управления, сделалось изменником народу; самое увеличение прав дворян было следствием благодарности Екатерины II этому сословию за услуги, оказанные ей при возведении ее на престол. Не менее сильны были нападки на класс служащих и на духовенство. Одним словом, публицисты, защищая народ, давали ясно понять, что под именем народа разумеют один непривилегированный класс, который они называют «меньшею братиею», и только этому сословию стараются придать политическое значение. Бывший профессор С.-Петербургского университета, Павлов, в напечатанной им статье «Тысячелетие России», между прочим, выразил: «обстоятельства избавления России от иноплеменников и избрание Михаила Феодоровича имеют глубокое значение. Кто освободил Россию? Русский народ в лице нижегородского мясника. Кто избрал на московский престол царя?—Также русский народ, в лице выборных земского собора. Кто, наконец, спас жизнь избранного сею землею царя?—Опять тот же русский народ, в лице мужика. Итак, дом Романовых своим восшествием на престол, жизнью своего родоначальника, одним словом, всем обязан русскому народу».

Переходя затем к современному положению простого народа, писатели, под видом содействия материальному и политическому его благосостоянию, высказывали мысли, несогласные с сущностью высочайше утвержденных 19 февраля 1861 года положений о крестьянах и с проистекающими из них правительственными распоряжениями. Было несколько статей, в которых говорилось, что помещичьи земли некогда принадлежали и должны бы принадлежать крестьянам и даже дворовым людям; критиковались или, лучше сказать, перетолковывались некоторые постановления губернских по крестьянским делам присутствий, и вообще порицались многие действия административных и судебных мест по отношениям их к быту крестьян. С другой стороны, было помещено несколько рассказов из быта простого народа. Изображаемые в них отношения высших сословий к низшим, по своему оскорбительному для первых содержанию, могли возмущать и усиливать неостывшую еще вражду крестьян против прежних владельцев. В таких статьях крестьянское сословие представлялось обыкновенно забитым, угнетенным; напротив, в статьях о мятежах, бунтах, о разбойниках, каторжниках—восхвалялись молодечество, удаль, отвага и предприимчивость русского человека.

Таким образом, возвышая простой класс людей в ущерб других сословий и проводя идеи о равенстве прав, о равномерности распределения богатств, литераторы наши незаметно проповедывали учение социализма и коммунизма. Сочувствие к первому фактически доказывается и тем, между прочим, что некоторые из наших писателей в бытность в 1862 году на выставке в Лондоне посещали, как

известно, Герцена, который сам о себе печатно объявил, что он неисправимый социалист.

Крайнее мнение наших социалистов, проявляющееся, впрочем, только отрывочно, состоит в необходимости изменить основы общества как устарелые и ввести общность имуществ и женщин, при полном отрицании всякой власти и при безнаказанности деяний. Как на осуществление у нас этой идеи, указывалось на общество раскольников, о которых в последнее время появилось весьма много сочинений.

Вторую степень социального учения составляет мечтание о республиканском правлении, наподобие Американских Штатов, при совершенном равенстве всех членов государства, при самом широком избирательном начале и полной свободе слова; наконец, третье мнение—стремится к осуществлению федеративного устройства России по народностям, при соединении всех славян в одно государство. Это последнее мнение усиливается и разделяется большинством лиц. Органом малороссийской народности служит журнал «Основа».

В связи с направлением социальным проводилось у нас учение о материализме, к счастью, имевшее немногих представителей и появлявшееся преимущественно в журнале «Современник»; имея целью объяснить все существующее законами физической природы, оно отвергает все нравственные начала—разум, бессмертие, религию и, наконец, самое бытие творца. Впрочем, учение это имеет несколько оттенков; так—одни признают даже божественность спасителя, но не признают святости церкви, ее обрядов, постановлений и т. п. Последователи сего учения люди большею частью молодые или недоучившиеся.

Все вышеупомянутые идеи излагались весьма отрывочно, осторожно, а иногда иносказательно. Чтобы понять автора, проповедывающего то или другое учение, необходимо читать все его сочинения в совокупности; иначе—отдельные мысли о таком учении легко ускользают от внимания цензуры.

Но если писатели остерегались явно высказывать свои социальные и атеистические убеждения, то этого вовсе не заметно в статьях их политического содержания, имевших предметом обсуждение современных вопросов и распоряжений правительства. Выражая вообще горячее сочувствие к совершающимся в отечестве преобразованиям, литераторы, даже самые умеренные, не скрывали единодушно убеждения, что правительство, вступив на этот путь, не может уже остановиться на половине предпринятых им реформ; но для счастия страны должно, представляя более простора свободной общественной деятельности, развивать признанные им начала в формах самых обширных. В венце действий правительства они желали видеть ответственность министров, утверждение законов и бюджета выборными от всех сословий; одним словом, желали учреждения у нас представительного правления. При таком убеждении литераторы сильно порицали разного рода установления и вкравшиеся в оные злоупотребления,

а равно личности, не только исторические, но современные, служащие представителями прежнего порядка дел.

Такое направление было столь обще, что сочинения без политической мысли, или нравственные, весьма редко появлялись на страницах наших журналов, заключающих в себе главным образом всю литературу настоящего времени (издание сочинений отдельных почти вывелось из употребления). На авторов означенных сочинений сыпались упреки, обвинения в отсталости, в обскурантизме и даже предательстве. Ревностные глашатаи политической свободы и равенства,— необузданные преследователи стеснений и ограничений всякого рода— поставили в литературе непреоборимые границы для автора, расходящегося в своих воззрениях с их утопическими мечтами; враги произвола в обществах людей—они деспотствовали в области мышления; соболезнуя о государственных преступниках,—налагали тяжелые нравственные оковы на беспристрастного и самостоятельного писателя. Все прежние авторы, служащие украшением русской литературы, подверглись оскорбительным отзывам современных критиков [1]) (л. л. 89—104).

1863 год.

О вредных сочинениях на русском языке, издаваемых за границею.

На одном из английских кораблей, прибывших в Керченский порт, скрытно был привезен ящик, адресованный на имя находящегося там великобританского консула Клипертона, с английскими газетами и листками издания «Колокол». По доставлении их в III отделение, они переданы в распоряжение министерства иностранных дел.

Дворянин Черниговской губернии Гамалея, возвращаясь из-за границы, имел при себе изданные там на русском языке две книги, под названием «Летучие листки» и собрание стихотворений «Декабристов», также отрывок возмутительного листка «Правдивый». Книги эти и листок задержаны, и когда после того Гамалея явился в III отделение, то ему сделано надлежащее внушение, с отобранием подписки, что впредь не будет иметь недозволенных цензурою сочинений.

Кроме того, были привезены из-за границы: в Одессу—поверенным купца Эттингера, Бергом, 16 экземпляров изданий «Колокола» и «Правдивого», и в С.-Петербург, для генерал-майора свиты вашего величества Альбединского, шесть томов сочинений Герцена, и для обер-секретаря правительствующего сената Половцова изданное в Берлине сочинение на русском языке «Временщик».

---

[1]) Далее следует отзыв о романе Тургенева «Отцы и Дети», напечатанный в сборн. Центрархива «И. С. Тургенев. Документы по истории литературы и общественности». Вып. 2. М. 1923 г., стр. 165—166.

Все эти книги и листки на таможнях задержаны и доставлены в III отделение.

В сентябре месяце возникло в Лемберге издание журнала на малороссийском языке: «Мета», с объясненною целью способствовать самостоятельному развитию южно-русского языка и народности, освободиться от «гнета Московского» и таким образом достигнуть автономии; в этом журнале упомянуто также о пожертвованиях, сделанных разными лицами для предпринятого профессором Костомаровым издания учебных книг и евангелия на южно-русском наречии.

По крайне вредному направлению этого журнала, ввоз его в империю воспрещен.

В то же время, по отзыву генерал-адъютанта Анненкова, что в числе лиц, сочувствующих означенным идеям, замечены, как руководители партии, проживающие в Полтаве: учитель Пильчиков, агент литератора Кулиша Трунов и г-н Милорадович, за ними учреждено особое наблюдение (л. л. 133—137).

О политическом направлении литературы.

Никогда еще литература не имела такого политического характера, каким она ознаменовала себя с начала 1863 года. Конечно, такое направление должно приписать событиям, влияние которых отразилось во всем государственном строе России; тем не менее много способствовало тому и само правительство, которое, в сознании важности переживаемой эпохи, признало необходимым доводить до всеобщего сведения, посредством газет, не только совершившиеся факты во всей их наготе, но и все свои распоряжения, явно свидетельствовавшие об усиленной его деятельности. Печати были переданы все обстоятельства польского мятежа, начавшегося, повидимому, неожиданно резнею наших солдат и заявившего потом притязание на отторжение от России ее областей; вмешательство почти целой Европы в дело России; явные происки против нас заграничной революционной партии; с другой стороны, всеподданнейшее заявление всей России о готовности своей жертвовать достоянием и жизнию на пользу отечества; наконец обнародована дипломатическая переписка по польскому вопросу, которая не только выяснила настоящее положение дел, но с замечательною подробностию и искренностию раскрыла исторические факты относительно Польши, которыми руководила либеральная политика императора Александра I. Кроме того, на страницах наших газет в официальном отделе излагалось содержание найденных у мятежников преступных бумаг, возмутительных прокламаций, приказов и других распоряжений подземного польского правительства; помещались выдержки из запрещенных изданий польских и иностранных, самых враждебных нашему правительству и вообще России. Словом, польское восстание сделалось известным читателям наших

газет из официальных источников, со всеми кознями, заговорами и предательством.

При таких данных, писатели наши не могли оставаться равнодушными; и действительно, они выступили на литературно-политическое поле с значительным запасом своих политических взглядов, теорий и убеждений, при пособии литературных агентов-корреспондентов, которых имеют и за границею. Польский вопрос вообще разобран нашими публицистами в видах правительства и с сознанием собственного национального достоинства. Но программа, которую при этом они себе начертали, выходила из пределов, когда-либо прежде заявленных нашею прессою при существовании цензуры.

Было несколько передовых статей, в которых говорилось даже о необходимости даровать Царству Польскому автономию, с признанием его независимым государством, и предлагались меры для приведения в исполнение такого предложения. Равным образом, предлагались меры для восстановления спокойствия и порядка в западных губерниях. Все политические свои доводы наши публицисты подкрепляли большею частию историческими фактами, но нередко прибегали и к таким литературным авторитетам, сочинения которых у нас запрещены. Приводя их мнения, в подкрепление своих собственных, писатели обыкновенно брали только выдержки из тех тенденций,—например, известного социалиста Прудона, Лелевеля и других,—которые не оскорбляя России осуждали польские притязания; иногда они выписывали целиком статью автора, частности которой в высшей степени преступны. Так, в № 24 «Русского Инвалида», в статье чешского писателя Палацкого о Польше, находится следующая фраза: «Я не принимаю на себя призвания писать какую-нибудь похвалу царизму, в котором, я знаю, в последнее столетие произошла какая-то амальгама правительственных начал монгольских с немецкими».

Но если разработкою польского вопроса наши публицисты оказали правительству услугу, то и не упустили воспользоваться настоящими обстоятельствами, чтобы под прикрытием заявленного русскими патриотизма не присвоить себе права, с одной стороны, критиковать правительство, а с другой —быть истолкователями совершившихся фактов и представителями общественного мнения в деле, имеющем государственное значение.

Таким образом, описывая состояние западных губерний до возникшего в них мятежа, писатели изображали самыми мрачными красками положение тамошнего сельского населения и православного духовенства, отданных в полную зависимость помещиков-католиков; намекали на вековое равнодушие правительства к интересам русского элемента в тамошнем крае и делали заключение, что открытые действия мятежников, стоящих народу столько пожертвований и крови, могли вывести правительство из апатичного состояния и дали возможность удержать в своих руках край, который без мятежа, при переходной системе действий сам собою, постепенно и незаметно, ополя-

чился бы и навсегда был бы потерян для России. Не менее строгие приговоры произнесены над целым управлением и над отдельными личностями. Маркиз Велепольский и вся высшая администрация в Царстве Польском подверглись беспощадному осуждению и даже заподозрены в предательстве. Говоря об энергической деятельности генерала от-инфантерии Муравьева, сопоставляли ему распоряжения киевского генерал-губернатора с такими оскорбительными замечаниями, что статьи против генерал-адъютанта Анненкова вызвали печатное опровержение их со стороны бывшего начальника Киевской губернии, генерал-лейтенанта Гессе. Но его доводы были слабы. Ими воспользовалась газета «День» и с замечательною ловкостию обратила защитника генерала Анненкова в официального его обвинителя. Не избегли осуждения и дипломатические ноты государственного вице-канцлера; в № 28 той же газеты, указывая на ноту князя Горчакова к нашему посланнику в Австрии, в которой упомянуто о возможности конференции по польскому вопросу между Россией, Австрией и Пруссией, «День» писал: «Мы согласны с мнением тех, которые видят в этом искусный дипломатический маневр, способный оторвать Австрию от союза с Францией и Англией; но едва ли это тройственное соглашение не испугает Франции и общественного мнения Германии призраком «Священного союза», несимпатичной памяти и у славян и в Европе. Мы не можем не пожалеть, что исторический рок продолжает делать наши интересы солидарными с интересами славяноненавистников-немцев, т.-е. Австрии и Пруссии».

Публицисты наши позволили себе «также обсуждать и систему высшего управления в Царстве Польском государственными людьми, давая ясно понять, что под словом высшее управление они разумеют и его императорское высочество наместника царства».

Сравнивая эту систему с принятою в западных губерниях, московские журналы предпочитали последнюю по тому уважению, что если она и не представила еще успехов видимых, то обещала благоприятные последствия в будущем. Столь различные взгляды на один и тот же предмет образовали в нашей литературе два враждебные лагеря, и полемика, продолжаясь в течение года, приняла, наконец, такие размеры, что остановить ее, не дав каждой стороне высказать последнее слово, сделалось почти невозможным по серьезности характера этой полемики и в интересах самого правительства, сфере которого обсуждаемые предметы принадлежали и которому положительные и совершенно обследованные данные могли быть не бесполезны.

По случаю издания книг священного писания и народных учебников на малороссийском наречии, предпринятого профессором Костомаровым, московские журналы видели в этом если не умышленное стремление к сепаратизму Малороссии, то полное заблуждение, навеянное на него тайными происками польской пропаганды, и, упоминая о сборе Костомаровым денег на эти издания, выразились так: «сбор этот гораздо хуже, чем сбор на Руси доброхотных подаяний в пользу

польского мятежа». Костомаров, представив доводы чистоты своих намерений, в то же время требовал удовлетворения за оскорбление его как гражданина.

Борьба литературных партий образовала, наконец, у нас издания в духе самого правительства. Некоторые писатели, предвидя результаты, к которым революционно-литературная партия вела русское общество, решились открыто принять сторону правительства и для поддержания своих изданий просили у него пособия. Получив его, они остались верными этому направлению и защищали высшие государственные принципы с достоинством и твердостью.

Несмотря, однако, на существующее разногласие наших публицистов, они большею частью сходились между собою в мнениях относительно политического значения русского народа, так называемой меньшей братии, и в рассуждении проявляющегося у нас общественного мнения. Доказательств не искали, как в предшествовавшем году, в исторических наших памятниках, но находили в современной жизни народа и в распоряжениях правительства. Всеподданнейшие адресы всех сословий, по мнению наших писателей, доказывали, что в народе живо чувство самоуважения и ответственности пред отечеством, и что самая готовность жертвовать всем заключает в себе скрытое требование народа отомстить внешним врагам за оскорбление его чести. При этом они объяснили, что государственный вице-канцлер в дипломатической переписке также сослался на народные чувства, и чрез это Европа узнала, что в России существует не только правительство, но и народ, о котором прежде никогда не упоминалось. Разбирая адресы, обращали особенное внимание читателей на адрес костромских дворян, которые заявляли желание, чтобы льготы, обещанные Царству Польскому, были распространены равным образом и на Россию, а также на фразу в адресе московских раскольников: «в былинах твоего, Государь, царствования, старина нам наша слышится». В то же время писатели, отдавая полное уважение заслугам князя Горчакова в деле защищения чести России дипломатическим мечом, отзывались об его таланте, даже слоге, которым написаны депеши, и, восхищаясь подробностию изложения политики по польскому делу, в заключении упоминали, что «вот как должно писать в России».

Не лишено также политического характера напечатание в наших газетах частных депеш и адресов, с выражением чувств признательности и уважения к заслугам генералов графа Берга, Муравьева и вице-канцлера князя Горчакова, и ответов сих лиц.

Замечательно и то обстоятельство, что издатель московской газеты «День» печатно приглашал студентов тамошнего университета к составлению адреса от имени студентов с выражением верноподданнических чувств, и имена, объявивших на то согласие, опубликовал в той же газете.

Мысли о политическом значении низших слоев народа особенно подробно развиты при рассуждениях о причинах мятежа в западных

губерниях. Приписывая приостановление явных мятежных действий в том крае сельскому населению, публицисты представляли о необходимости (sic!) даровать этому сословию в благодарность за оказанную услугу политические и гражданские права, в тех видах, что это сословие, свято хранящее религию и язык и привязанное к земледелию, будет служить верным отпором против ненадежного и всегда беспокойного тамошнего дворянства; и что в противном случае ожесточенное прежними поступками помещиков, унижением религии и уничтожением языка, а также настоящими мятежными их действиями, оно само, помимо правительства, может присвоить себе эти права восстанием и всеобщим истреблением дворянства. Одобряя затем принятую правительством меру об обязательном выкупе крестьянами в западных губерниях земли, журналисты предлагали распространить эту меру и на прочие губернии империи, с предоставлением крестьянам иметь большее число голосов в земских учреждениях. В то же время они порицали дворянство не только польское, но и русское, последнее в особенности, за пренебрежение к низшему сословию, к родному языку; проживание за границею, даже в то время, когда и правительство и общественное мнение в Европе возбуждены против России; за пренебрежение, наконец, к серьезному образованию детей, в понятиях которых за границею все русское, не исключая и языка, представляется не иначе как мужикам, указывали, что за это не уважают русских даже заграничные славяне.

Кроме того, повторялись рассказы о бесчеловечии, с каким обращались русские помещики с дворовыми людьми, посягавшими оттого на самоубийство. В одном рассказе помещено, что одна помещица заставляла дворовых людей своих лизать горячую печь...

Защитниками дворянского сословия были сначала московские журналы; они стремились даже к образованию у нас аристократического элемента наподобие английского; но впоследствии отказались от такой программы и, уступая усилившемуся демократическому направлению, обратились к развитию идеи о земском начале.

В напечатанной речи вологодского губернского предводителя дворянства, сказанной им при его избрании, привилегии дворянства и его высокое мнение о себе названы сословными предрассудками и боярскою спесью. Печатая эту речь газета не упустила случая рекомендовать ее, как образец современных гуманных убеждений.

Из ряда всех других статей выступила, по преступности своего содержания, помещенная в Петербургском журнале «Время» под названием «Роковой вопрос». Автор Н. Н. Страхов сказал, что одна из главных причин польского восстания и сочувствия к нему Европы— есть во мнении поляка то, что поляки образованы, а русские—варвары; что те имеют свободные учреждения и существуют как исторический народ, хотя и порабощенный, а в России нет народа; есть только одно правительство, которое не признавало русских достойными тех льгот и преимуществ, какие оно предоставило как полякам, так и

вообще иноземцам; что Европа считает нас не славянами, но азиатами, и только боится одной нашей материальной силы; что полякам, как образованному народу, принадлежит первенство в среде славянских народов; и что такое их значение сознавала сама Россия, заимствуя от Польши европейскую цивилизацию; наконец, сама Москва находилась в руках поляков. Из всего этого автор сделал такой вывод, что требование Польшею прежних ее владений справедливо; она исполняет свое историческое назначение и призвание. Статью свою он заключил тем, что для уничтожения притязаний Польши, Россия, в семье славян, должна принять на себя передовую роль в цивилизации. Вследствие этой статьи, издание журнала «Время» прекращено.

В издававшейся в С.-Петербурге газете «Современное Слово» были помещены статьи без исключения мест, недозволенных цензурою; кроме того, обнаружено, что находившиеся в рукописях выражения преданности высочайшей власти и сочувствия к правительству были редакциею зачеркнуты и не напечатаны с преступною целью. Продолжение этой газеты равным образом запрещено.

Учение социалистов, коммунистов и других политических школ разбиралось во всей подробности.

Для переводов избирались преимущественно сочинения авторов демократического направления. Изданы отдельными книгами сочинения: Бокля, Маколея, Шлоссера, Фохта и Милля, писавшего о представительном правлении.

Не остались без критики и появившиеся у нас возмутительные воззвания и прокламации. Листки «Великорусс» и общества «Земля и Воля» почти целиком перепечатывались на страницах наших газет, конечно, с присовокуплением строгого осуждения; по поводу появления их говорено было, что распространились слухи о готовящейся у нас республике; что правительство опасалось революционного движения, и как смотрит на наших пропагандистов простой народ.

Что касается до развития значительно уже распространенных у нас идей антирелигиозных и учения материалистов, то оно встретило сильный отпор в некоторых наших журналах нравственного и правительственного направления. В этом духе журнал «Вестник Западной и Юго-западной России», издаваемый в Киеве, защищал монархические начала и догматы православия с замечательным самоотвержением в отношении противной партии, а редактор выходящей в С.-Петербурге газеты «Домашняя Беседа», печатно отдавал некоторых наших писателей за распространение ими идей атеизма и материализма уголовному и церковному суду.

Такого рода обличительные статьи, а также появлявшиеся в наших периодических изданиях указания на злоупотребления отдельных личностей и целых учреждений, наконец, статьи о расколах с такими данными, которые до того были неизвестны, доказывают, что наша журналистика, имея повсюду усердных агентов, зорко следит сама за собою и не упускает из виду ни одного обстоятельства, выходящего

из ряда обыкновенных, и тем самым предупреждает правительство в тех именно случаях, когда оно о подобных обстоятельствах не получило по каким-либо причинам официальных донесений и без указания литературы, быть может, и на будущее время осталось бы в неведении.

В последнее время предоставлено нашей прессе обсуждать проекты предпринимаемых правительством преобразований по части судебной, финансовой, ученой и административной. III отделению неизвестно насколько литература, пользуясь этим правом, помогла правительству в его государственных трудах. Тем не менее из появившихся вследствие того статей обращают на себя внимание следующие замечания: высказано мнение, что новый закон, не зарекомендовавший себя практическим приложением на деле, не составляет абсолютной истины и не исключает критики его обществом. Если общество признает закон неудовлетворительным, то это служит предупреждением, что этот закон исполняем не будет, а потому необходимо такое учреждение, в котором закон подвергся бы предварительному гласному обсуждению избранных из народа представителей.

Строго обсужден также закон о смертной казни за политические преступления. Казнь эта, по мнению публициста, досталась нам от времен варварства. Не говоря о том, что никто не имеет по теории права на жизнь и смерть человека, смертная казнь не служит к предупреждению политических преступлений, потому что такие преступники слишком увлекаются своей идеей и ничто не в состоянии остановить их. В подтверждение этого приведено, что по статистике преступлений в данный срок должно быть известное число преступлений; и что виновные суть жертвы целого общества, которым оттого все и сочувствуют. Автор заключает тем юридическим фактом, что человеколюбие уничтожило у нас даже телесные наказания.

Ожидая с нетерпением введения гласного судопроизводства, хроникеры печатно говорили, что, наконец, не будут у нас ни арестовывать и заключать в крепость, ни производить следствие и суд тайно; что усиленные действия высшей полиции (разумея III отделение) суть предсмертные судороги, доказывающие, что существование этой полиции скоро кончится.

1863 год замечателен в литературе и тем, что в наших журналах помещались сочинения содержащихся в крепости подсудимых по политическим делам писателей-арестантов: Чернышевского, Шелгунова, Серно-Соловьевича, Писарева. Кроме того, под псевдонимом Михаила Илецкого печатались стихотворения находящегося в каторжной работе государственного преступника Михайлова, уроженца «Илецкой защиты». В журнале же «Современник» напечатано оправдание изгнанника Петра Долгорукова, написанное им по случаю обвинения его биографом Пушкина в низких интригах против нашего народного поэта и в содействии к преждевременной его смерти. В числе оправданий Петр Долгоруков приводил то обстоятельство,

что в России он находился в близких и дружеских отношениях с некоторыми современными нашими министрами и другими высшими лицами, которые могут защитить его от возведенного на него обвинения.

В заключение нельзя не упомянуть, что наши публицисты, оскорбленные в лице всей России унизительными отзывами о нас иностранной журналистики, которая, несмотря на их либерализм, не исключила их из сонма московитов-варваров, то оскорбленные и враждебными намерениями в отношении России заграничных правительств— не удержались от резких выражений об императоре французов. От порицаний политики Людовика-Наполеона не избавила его и сказанная им в 1862 году фраза, так понравившаяся нашим журналистам, что он «не помазанник Божий, а избранник народа», ни объявленная им в последнее время программа новой политики, которая, по словам его, обещает благоденствие народов. Программа эта называлась у нас комедиею, а Наполеон—изгнанником, выходцем, деспотом-властелином, убившим свободу и конституцию во Франции, даже революционером на троне.

Вообще об иностранных государях и монархическом принципе писалось у нас не только без уважения, но отчасти с пренебрежением. В особенности с постоянною иронией отзывались о прусском короле Вильгельме, о папе Пие IX и о приглашении принцев на престолы греческий и мексиканский.

Сатирические же наши журналы изображали иностранных венценосцев в оскорбительных и грубо-цинических карикатурах. В высшей степени предосудительно были представлены, также в карикатурах, почти все наши министры и некоторые высшие сановники, с замечательным сходством по наружности.

Все вышеизложенное показывает, что наша политическая пресса ничем почти не отличается от направления печатных органов иностранных, даже самых либеральных. Все печаталось у нас при существовании предупредительной цензуры, перешедшей в этом году из ведомства министерства просвещения в ведомство министерства внутренних дел (л. л. 137—178).

1864 год.

О вредном направлении литературы.

Если появление воззваний вообще прекратилось, то вредные идеи, распространяемые ими, продолжали повторяться в некоторых периодических наших изданиях даже с нарушением цензурных правил.

Газеты «Киевлянин» и петербургский «Голос» издавались в духе скрытного сочувствия к польскому вопросу и пользовались общим одобрением поляков, между тем как «Русский Инвалид» и

другие издания с противоположными направлением были ими ненавидимы [1]).

Журналы «Современник» и «Русское Слово», редакции которых взаимно враждебны, помещали на своих страницах статьи одинакового направления с затаенною целию произвести в читателях охлаждение к вере и стремление к ниспровержению общественного порядка и семейных отношений. В некоторых из статей этих журналов возбуждалась неприязнь одного сословия в государстве к другому; в других заключались оскорбительные насмешки над целыми сословиями, а также над должностями гражданской и военной службы; в третьих оглашались обстоятельства, относящиеся до частной жизни разного звания лиц и до происхождения или поведения членов семейства.

На такое направление означенных журналов, равно на несоблюдение цензурных правил, по высочайшему повелению, обращено особое внимание министра внутренних дел.

К числу подобных же произведений литературы следует отнести историческую статью профессора Костомарова о Куликовской битве, напечатанную в изданном Академией Наук месяцеслове на 1864 год. В этой статье, составленной, очевидно, для народного чтения, автор описывает предшествовавшие событию действия русских князей с пренебрежением в неприличном тоне; с одной стороны, он оправдывает рязанского князя Олега в подстрекательстве Мамая и Ягелла ниспровергнуть могущество Москвы, «начинавшее тяготеть над Русью подобно татарскому», с другой—осмеивает деяния великого князя Димитрия Донского. По словам автора, Димитрий своими происками в Орде дважды оставляет «в дураках» Михаила тверского; потом посягает на «захват» русских земель от Литвы; у себя задает беспрестанные попойки; наконец, во время битвы с Мамаем не жалеет оставить на опасность, вместо себя и в своей одежде, любимого боярина Бренка, который и погиб, а сам он бежит с поля, не раненый, и «запрятывается» в лесу, под древо, где после победы его и находят.

Такое изложение одного из важнейших событий в истории России не могло не возбудить между благонамеренными русскими неприятного впечатления и дало повод порицанию Академии Наук за попущение на страницах календаря подобного описания, унижающего достоинство героя славной в истории русского народа эпохи.

Из отдельных случаев относительно направления периодической литературы, по поводу которых производилась в III отделении переписка, замечательны следующие:

1) В «Оренбургских Губернских Ведомостях» помещен рассказ волостного писаря «О русской правде и польской кривде», в котором

[1]) Газета «Киевлянин», получающая пособие от правительства, отличилась также нападками на вновь учрежденное братство св. Владимира, цель которого—польза православия и духовного просвещения в видах русской народности. Впрочем, в последнее время направление «Киевлянина» изменилось к лучшему.

особенно порицается латинское духовенство; польские ксендзы названы «живодерами-попами, змеями русского православия». Придавая полякам разные оскорбительные эпитеты, статья советует русским не верить полякам, кто бы они ни были. Наконец, в этой статье находятся следующие фразы об императоре и императрице французов: «Особливо у нынешнего Бонапарта жена злейшая папистка; она все и настраивает мужа против нашей православной Руси итти войною. Говорят, Бонапарт как ни умен, а по жениной дудке поплясывает».

2) По случаю постройки в С.-Петербурге на Большой Морской улице реформатской церкви, в «С.-Петербургских Ведомостях» заявлено с иронией, что подобные высокие здания лишают жителей света и хорошего воздуха, и что вместо иноверческих церквей полезно было бы разводить у нас сады; потом при известии о предположении города уступить даром место, на углу Большой Садовой и Итальянской, под постройку римско-католической церкви, выражено, что лучше было бы построить подобную церковь против Михайловского манежа, «где была панорама».

Появившееся сочинение Шедо-Феротти под заглавием: «Que fera-t-on de la Pologne», в котором автор предлагает дать автономию Польше и не нарушать привилегий прибалтийских губерний, возбудило газетную полемику и произвело на общество особое впечатление.

В августе месяце министерство народного просвещения разослало, при своем отзыве, по нескольку экземпляров этого сочинения в Московский университет и в каждую из тамошних гимназий. В то же время сочинение это было получено по почте, без всяких отзывов, в гимназиях: калужской, тамбовской, пензенской, казанской, уфимской и вятской. По этому поводу в Москве возникло мнение, что министр народного просвещения убедил Шедо-Феротти издать это сочинение, с целию оправдать действия в Польше его императорского высочества великого князя Константина Николаевича. Университетский совет, не видя указания цели присылки означенных книг, счел это даром автора; но, с другой стороны, признавая это сочинение памфлетом, оскорбительным для русского народного чувства и принадлежащим перу, враждебному России, отправил полученные экземпляры обратно в департамент народного просвещения с просьбою о возвращении их по принадлежности.

Между тем в «Московских Ведомостях», редактором этой газеты Катковым, были помещены передовые статьи, в которых сочинение Шедо-Феротти подверглось самому беспощадному осуждению.

После этих статей и возвращения Московским университетом книг в министерство, исправляющий должность пензенского губернского предводителя дворянства Бекетов прислал в университет телеграмму с выражением от имени дворян полного сочувствия мнению его о помянутом сочинении, распространение которого по учебным заведениям «возбудило справедливое негодование всех благомыслящих отцов семейств». Кроме того, московский Английский клуб, желая

также выразить одобрение членам университета, открыл подписку на обед для них.

Что же касается до Каткова, то ему готовился адрес, в котором было 1100 подписей; нижегородское и тульское дворянство прислало ему благодарственные письма; были даже слухи, будто бы московский митрополит Филарет послал ему образ с своеручною надписью.

Комитет цензуры иностранной мотивировал свое разрешение на выпуск сочинений Шедо-Феротти тем, что хотя содержание оного оскорбительно для русского чувства, но запрещать не следует, потому что еще до рассмотрения комитетом оно было распространено в публике старанием известных лиц [1]).

В № 203 «Московских Ведомостей» напечатана статья Юзефовича под заглавием: «Возможен ли мир с нами польской шляхты?». Называя Одессу главным операционным базисом польской деятельности и международною станциею для сообщения со всеми революционными центрами Европы, автор уверяет, что по сведениям, полученным им из первых рук, поляки замышляют изгнать из Одесского учебного округа все, что могло бы поддержать в нем сочувствие к России, предполагая возможным заменить народные православные школы фребелевскими детскими садами для нравственного растления народа, и что осуществление постройки Киево-Одесской железной дороги входит в план польской программы.

По поводу этой статьи попечитель Одесского учебного округа, действительный статский советник Арцимович, представив, что она наполнена клеветою, направленною против его распоряжений, просил о поступлении с Юзефовичем по закону; но министр внутренних дел, хотя признавал, что статью эту не следовало бы допускать к печати в настоящем ее виде, однако, считал более удобным, чтобы для восстановления истины министерство народного просвещения также гласно ее опровергнуло.

Статс-секретарь Головнин, имея в виду, что против бездоказательного заявления Юзефовича помещено уже в газете «Голос» опровержение, полагал неприличным возобновлять полемику, дабы не придать означенной статье большего значения. Между тем в Одессе действительно многие отзывались о попечителе Арцимовиче с недоверием, потому что он, оказывая пристрастие к полякам, предоставлял им вакансии по вверенному ему управлению; главное же местное начальство особого в том значения не находило.

Надворный советник Аксаков составил статью, помещенную в московской газете «День», под заглавием «Женские взятки», о разных возмутительных злоупотреблениях в одном из женских институтов, название которого было скрыто. Поэтому его императорское высочество принц Ольденбургский, не видя возможности отклонить или пре-

[1]) Финляндские газеты писали, что сочинению Шедо-Феротти сочувствуют многие влиятельные лица.

следовать описанные беспорядки, просил об истребовании от автора указания института и тех оснований, которые в изложении статьи его руководили. По сношению об этом с московским военным генерал-губернатором, Аксаков был вызван и объяснил, что описание его относится к московскому училищу ордена св. Екатерины, находящемуся под начальством вдовы действительного статского советника Дайер. Но все намеки на то исключены цензурою на основании правил; и что недостатки этого училища были еще прежде оглашаемы печатно одним из преподавателей; справедливость же указываемых злоупотреблений может быть обнаружена только строгим формальным следствием.

В исполнение высочайшего повеления, отзыв этот сообщен принцу Ольденбургскому с тем, чтобы Вашему величеству по содержанию оного было представлено заключение его высочества [1]).

Проживающий в Ницце надворный советник Вульферт во всеподданнейшей просьбе объяснил, что генерал-адъютант князь Воронцов, поручив ему устройство своих имений, не только не вознаградил его за это по условию, но оклеветал письменно, и, не допустив его к объяснениям, отказался от суда по совести, к которому был призываем. Вульферт испрашивал высочайшего разрешения—или повелеть князю Воронцову подчиниться третейскому разбирательству, или же предать дело на суд общественного мнения напечатанием составленной для того рукописи.

По рассмотрении этой рукописи оказалось, что Вульферт, обвиняя князя Воронцова в предосудительных действиях относительно бывших его крестьян, о самом положении 19 февраля 1861 г. отзывался, что «органический этот закон обращен чиновничеством в обыкновенный ряд указов, дополненных, объясненных и большею частию измененных личными циркулярами министров, поколебавшими солидарность и нравственную обязательность этого законоположения, так что в будущем может быть поводом к недоразумениям и оспариванию устройства, основанного на циркулярах, а потому все изменения в этом законоположении должны быть утверждены верховною властью».

По высочайшему повелению, просьба и рукопись Вульферта были переданы министру внутренних дел, который, находя, что последняя не может быть допущена к печати, полагал предоставить просителю, если он имеет доказательства, начать дело по сему иску в подлежащем судебном месте.

Такое заключение статс-секретаря Валуева удостоено высочайшего утверждения, и об этом сообщено послу нашему в Париже для объявления просителю.

---

[1]) Это дело, в исполнение повеления Вашего высочества, было внесено в комитет министров и, по высочайше утвержденному 29 января 1865 г. положению комитета, цензору, пропустившему к печати вышеупомянутую статью без подписи автора, сделано замечание.

Бывший профессор С.-Петербургского университета и училища правоведения Спасович составил учебник уголовного права, отличающийся новизною изложения и опровержением прежних теорий. При защищении этого сочинения на публичном диспуте, для получения степени доктора прав, Спасович вызвал громкие одобрения как некоторой доли ученого сословия, так и студентов. Вообще учебник его встречен молодым поколением с сочувствием и признан соответствующим современному требованию популяризования научных знаний. Но впоследствии в московских периодических изданиях — «Русский Вестник» и «Современная Летопись»—появились рецензии на эту книгу ректора тамошнего университета Баршева и профессора Юркевича, которые, находя в ней начала, противные нашему законодательству, и основы материализма и коммунизма, порицали запутанность понятий автора и осуждали старание его заискивать внимание толпы, льстить страстям ее и освящать заблуждения санкциею науки.

Хотя в строгости этого осуждения видели привычный антагонизм московских литераторов против петербургских, однако нельзя было не согласиться с правильностью взгляда первых, указавших между многими выводами на следующие теории Спасовича:

«Не может быть преступлений против бога, против религии и общественной нравственности. Порядок вещей, основанный на вере в безусловное, рушится: мы входим в мир новый, где все условно, все относительно. Для народов всякая несправедливость влечет за собою ряд страданий, от которых одно лишь спасение—сознательно вступить на иной, лучший путь... деспотизм власти способен задавить и заморить лицо, которое поставило себе целью идеал совершеннейший, нежели господствующий в обществе... пропорция между преступлением и наказанием теряется; порою какое-нибудь полицейское распоряжение обеспечивается в своем исполнении угрозою смертной казни... осуждая на казнь, правительство обнаруживает шаткость и опасность своего положения... но частное лицо, для своей обороны, может употреблять оружие даже и в таком случае, когда могло бы от того уклониться».

«Молодой народ можно воспитать в духе новых начал... кости брошены; процесса развития мысли нельзя остановить, покончив с средними веками, мир современный безвозвратно вступил на новый путь».

Спасович напечатал свои возражения в журнале «Эпоха» и в «С.-Петербургских Ведомостях». Но объяснения его были слабы. В них опять он повторял, что наказания за преступления несправедливы; что евангельское учение или обязывает прощать обиды, или опровергает мирское правосудие. «В римской республике, — приводит он, — были только две репрессивные меры: денежные пени и изгнание; почему бы не допустить и теперь этих наказаний?» Далее, придерживаясь убеждения, что воздаяние есть месть, а устрашение закона—террор, Спасович замечает, что у мятежников (в Китае) пушки так же хорошо стре-

ляют, как и у богдыхана... Наконец, он говорит, что есть запросы на подобные его учебнику произведения; значит, они соответствуют потребности в обществе.

Вашему величеству угодно было повелеть означенный учебник, вместе с представленными министром народного просвещения объяснениями Спасовича, рассмотреть в особой комиссии под председательством действительного тайного советника князя Гагарина. Комиссия эта нашла, что в нем проводится такое учение, которое должно быть строго преследуемо, потому что оно враждебно существующему порядку и подрывает начала общественного устройства.

Вследствие этого, по высочайшему повелению, упомянутое сочинение изъято из числа учебных руководств, а Спасович устранен от преподавания (л. л. 59—80).

1869 год.

О периодической прессе.

Революционная пропаганда, повсюду, когда она прибегала к прессе, задавалась двумя целями: 1) возбуждением общественного мнения прямым или косвенным путем против существующего порядка; 2) деморализацией народных масс путем отрицания нравственно-религиозных начал, или глумлением над ними.

То и другое, к сожалению, существует неоспоримо у нас в России, и для того, чтобы в этом убедиться, стоит лишь тщательно просмотреть, хоть за последние два года, большинство наших периодических изданий.

По непосредственно лежащей на III отделении обязанности следить за направлением общественного мнения и за его ненормальными уклонениями нельзя не указать на то искусственное нравственное брожение, которое в последнее время господствует у нас в обществе и источник которого лежит исключительно в русской периодической прессе, воспользовавшейся законом 6 апреля 1865 года для достижения задуманных ею целей.

При издании закона 6 апреля предоставление печати не права, а только льготы доказывается уже тем, что дозволение издавать журналы и газеты без предварительной цензуры предоставляется не всем издателям, а только тем, которые, по мнению правительства, представляют известные с своей стороны нравственные гарантии. Если бы означенный указ имел в виду даровать полную свободу печати, то, без сомнения, не было бы никакой нужды допускать, вместе с бесцензурною, печать и подцензурную, предварительную.

К сожалению, подлежащая власть как бы стеснялась прибегать к мерам, предоставленным ей законом. Она, так сказать, церемонилась с издателями и после второго предостережения ограничивалась паллиативными мерами: призванием редакторов в главное управление по делам печати и убеждением их поменьше нападать на правительство.

Пресса же наша, делаясь с каждым днем все более и более разнузданною, превратила дарованную ей законом 6 апреля льготу в право свободы печатного слова.

Еще неизвестно, каковы будут результаты трудов высочайше учрежденной комиссии о пересмотре узаконений о печати; но по тем данным, которые представляет наша журналистика за одни только последние два года, можно смело сказать, что она дошла до немыслимой распущенности, тем более усиливающейся, что, с одной стороны, администрация как будто избегает случая пользоваться предоставленною ей законом властию сдерживать печать, а с другой, суды, при рассмотрении дел прессы, возбужденных по инициативе правительственной, в решениях своих прямо идут наперекор администрации, которая в большинстве случаев положительно компрометируется результатами этих решений.

Закон 6 апреля совпал, как известно, с открытием у нас гласного судопроизводства. Идеи антирелигиозные, парламентарная пропаганда и существующая у нас язва отрицания (нигилизма) не могли не иметь нравственного влияния на образ мыслей воспитанников наших высших учебных заведений. Особенно ярыми поклонниками представительной формы правления явились бывшие воспитанники училища правоведения, которые и заняли, в первое время введения у нас открытых судов, должности судей и присяжных поверенных. К корпорации последних стали в особенности примыкать лица, недовольные правительством. Многие, из членов суда и присяжных поверенных' принадлежали, и принадлежат до сих пор, к числу постоянных сотрудников разных редакций, и таким образом между некоторыми органами печати и судом гласным составился подпольный союз, последствия которого отражались и отражаются: 1) в судебных решениях по делам с политическим оттенком; 2) в защитительных речах присяжных поверенных и 3) в периодической печати.

Все журналы и газеты, сознательно занимающиеся противодействием правительству, для большей наглядности можно разделить на группы, соответствующие программам, которыми они задались для достижения своих целей. Первая группа, имеющая более остальных нравственной силы и материальных средств, руководствуется следующею программою: а) путем статей, имеющих форму ученой критики, разбирать сочинения западных социалистов и указывать на превосходства избирательного, ограниченного образа правления; б) в таких же критических статьях отрицать сказания библейские, с целию поколебать основы православия; в) статьями по государственной экономии и финансам представить грустное положение нашего государственного хозяйства и излишнюю, по мнению агентов этой группы, цифру расходов, употребляемых на содержание двора и войска; г) статьями о национальностях и так называемой народности развивать в народе ненависть к народностям не коренным русским и к основанию, помощию соединения всех славянских племен в одно целое, Славянской империи;

д) посредством стенографических отчетов речей адвокатов, принадлежащих к партии, враждебной правительству, распространять революционные идеи и указывать на несостоятельность нашей администрации и е) снабжать материальными средствами издателей популярных сочинений, дабы, помощию помещенных в них статей, развивать ненависть народа к правительству. К этой группе принадлежат: «Вестник Европы», «С.-Петербургские Ведомости», «Голос», «Судебный Вестник», «Отечественные Записки», «Русский Архив», «Русская Старина».

Вторая группа занимается общею социальною и антирелигиозною пропагандою. К этой группе принадлежат: «Неделя», «Дело», «Всемирный Труд» и «Заря».

Третья группа развивает ненависть низших классов общества к высшим, описывает произвол нашей администрации и проповедует, иносказательно, необходимость государственного переворота. К этой последней группе принадлежат: «Искра», «Петербургский Листок», «Современные Известия», «Всеобщая Газета» и «Будильник».

Вне этих групп образовалась искусственно — вследствие возбужденного «Современною Летописью», «Московскими Ведомостями», «Русским Вестником» и «Голосом» крестового похода против немцев—пресса, отстаивающая принцип своей национальности. Эта пресса не имела бы причины существования, если бы партия славянофилов не агитировала прибалтийских провинций. К этой ныне враждебной правительству партии принадлежат: издаваемая в Петербурге газета: «St. Petersburger Zeitung», «Dorpatsche Zeitung», «Neue Dorpatsche Zeitung», «Rigasche Zeitung» и «Revalische Zeitung».

Тут место упомянуть о направлении, целях и образе действий редакторов «Московских Ведомостей», «Современной Летописи» и «Русского Вестника»—Каткова и Леонтьева.

Правительству не следует заблуждаться в мнении своем насчет Каткова и Леонтьева. Многие правительственные лица полагают, что оба эти публициста принадлежат к искренним поборникам ныне у нас существующей нормы правления. Заблуждение это происходит оттого, что Катков и Леонтьев, во время последнего польского восстания, вооружившись знаменем патриотизма, нашли нужным итти в тон общественного мнения, возмущенного действиями поляков. Катков и Леонтьев, как люди весьма способные и снедаемые самолюбием, стремились прежде всего приобрести известность и поддержку со стороны высших властей. Они достигли своей цели двумя путями: постоянною агитациею общественного мнения, путем патриотической пропаганды, возбуждением ненависти против немцев и помощию весьма хитрых сделок с некоторыми из влиятельных лиц.

Хотя Катков и Леонтьев в настоящее время проявляют несколько слабее усвоенное ими направление, но они все еще остались и остаются до сей поры верными двум главным началам своей публичной деятельности: началам народного представительства и необходимости соединения всех славянских племен в одно политическое тело.

Патриотизм, любовь к государю суть маска, дающая широкую возможность редакторам «Московских Ведомостей», пользуясь сочувствием некоторых правительственных лиц, безнаказанно возбуждать и поддерживать беспорядки в окраинах империи. Нравственное брожение в Финляндии и в Прибалтийских губерниях, равно как и чиновническая агитация в Северо-Западном крае, поддерживаются вследствие пропаганды «Московских Ведомостей» и органов прессы, принадлежащей к первой группе журналов и газет.

Славянский вопрос, который под видом невинных и безвредных славянских съездов и славянского комитета всеми силами раздувается одними сознательно, а другими бессознательно, имеет задачею доказать необходимость национального начала в основах государственной власти.

Для правительства, несомненно, вреднее те органы печати, которые под личиною консерватизма, патриотизма и приверженности к царствующей династии возбуждают ропот и неудовольствие в русском обществе, чем те, которые высказывают ясно свои убеждения и дают таким образом возможность правительству принимать против них соответствующие меры. Издание консервативное никогда не выскажется против правительственной системы управления и отдельными частями государства, так как не может не понимать, что правительственное лицо, облеченное доверием от государя, руководствуется указаниями верховной власти, и что порицая действия такого лица, печатный орган этим самым роняет в общественном мнении распоряжения правительства.

Все вышеизложенное заставляет желать, чтобы главное управление печати, в борьбе своей с вредными стремлениями нашей прессы, выказывало более энергии, чем оно проявляет ее в настоящее время. Положение, в которое учреждение это поставило себя теперь, не есть положение руководящее, каковым ему надлежало бы быть, но страдательное. Оно находится как бы под гнетом того преобладания и перевеса, которое взяла над ним печать, и вместо того, чтобы сдерживать периодическую прессу в указанных ей границах, вместо того, чтобы преследовать посягательство ее на религию, нравственность и правительственную власть, оно в большинстве случаев остается в бездействии, не прибегает к мерам преследования, законом ему предоставленными, выходит же из своего пассивного состояния единственно в тех только случаях, когда какая-либо статья по своей преступности переступила уже всякую меру, и когда она обратила на себя даже самое внимание Вашего величества.

К числу второстепенных мероприятий для обуздания нашей перидической прессы следует наблюдать, чтобы газеты и журналы издавались и редактировались не подставными редакторами, как, например, Корш, который не смеет не напечатать статей, присланных ему Черкасовым, Арсеньевым (присяжным поверенным), Стасюлевичем и другими; как, например, Шульгин, подписывающий журнал

«Дело», издающийся и редактируемый известным Благосветловым, которому запрещено издавать «Русское Слово», как, наконец, Супонев и Гейльфрейх, подписывающие «Петербургский Листок», издающийся ныне мещанином Соколовым, самым ярым нигилистом, выгнанным из театральной дирекции за беспокойный нрав и постоянную ненависть к начальству.

Процессы о печати, возбужденные правительственною властию, в сущности, должны были бы слушаться при закрытых дверях; гласному же публичному судопроизводству следует предоставить разбор только по тем делам прессы, которые возбуждены инициативою частных лиц, а именно по делам об обидах, оскорблениях и диффамации.

Наконец, необходимо вовсе запретить печатание стенографических отчетов по делам вроде дела Щапова, где известный Спасович нашел возможным, в десятках тысячах экземпляров, выхвалять учение Луи-Блана. Здесь надо прямо поставить вопрос: для чего конфискуется книга или периодическое издание, коль скоро посредством стенографических отчетов распространяется в несравненно большем количестве экземпляров?

За сим, переходя к правительственной и частной консервативной прессе, к сожалению, можно сказать, что главный наш орган «Правительственный Вестник», по недостатку дарований его редакторов и сотрудников, представляется явлением вполне бесцветным и служит как бы очевидным доказательством бессилия официального органа по сравнению к тем изданиям, в которых сосредоточилась печать, правительству враждебная.

В заключение нельзя умолчать, что Общество литературного фонда в Петербурге заведуется партией, враждебной правительству, и помогает деньгами всем сотрудникам журналов и газет, участвующих в антимонархической и антирелигиозной пропаганде. Общество это действует сознательно и составляет центр, в котором развиваются вредные начала. Со стороны III отделения на него обращено внимание. Оно следит за его деятельностью, но по недостатку обличительных фактов не в праве принять против него никаких мер (л. л. 65—72).

Ф. М. Решетников и „Северная Пчела".

(По неизданным материалам.)

В Ленинграде, в рукописном отделении Публичной Библиотеки, в так называемом «Собрании автографов», находится небольшой архив известного писателя 60-х годов, одного из ранних народников и разночинцев в русской литературе, Ф. М. Решетникова.

На-ряду с черновиками его печатных произведений и листками из записных книжек мы находим там значительную часть его переписки: целых 147 писем к Решетникову [1]) и несколько черновиков его собственных, отправленных, а может быть и неотправленных писем [2]). Решетников, сказавший в одном, неопубликованном еще письме к Н. А. Некрасову [3]), что ему в его писаниях «дорог каждый знак», имел обыкновение наиболее ответственные и крупные письма писать сначала начерно.

Приводимые ниже — также неопубликованные — черновики двух писем адресованы Решетниковым к П. С. Усову, редактору и издателю крупнейшей газеты 60-х годов «Северной Пчелы», с которой Решетников начал свое сотрудничество в столичной печати.

Из этих писем—то жалобных, то резких, то просительных, то требовательных— ярко вырисовывается тяжелое положение, в каком очутился в северной столице двадцатидвухлетний провинциал-разночинец, приехавший сюда с твердым намерением посвятить себя «честному и благородному труду» литературы.

Еще ярче и еще живее встает со страниц публикуемых нами писем во весь свой эксплоататорский рост фигура П. С. Усова.

Печатаемые ниже два письма Ф. М. Решетникова к П. С. Усову представляют большой интерес для биографии ныне забытого писателя, про которого когда-то сказал Тургенев:

— Только и можно теперь читать, что Л. Толстого, когда он не философствует, да Решетникова [4])...

А. Кутузов.

---

[1]) Из них опубликовано Ч. Ветринским только шесть писем Н. А. Некрасова к Ф. М. Решетникову (Сборник «Огни», книга I, стр. 294—298).

[2]) Публичная Библиотека ошибочно считает их оригиналами (см. «Отчет Публ. Библ. за 1902 г.». Спб. 1910, стр. 106). Ту же ошибку делает и Глеб Успенский в своем биографическом очерке Решетникова.

[3]) От февраля 1866 г. (в «Собрании автографов» Публичной Библиотеки).

[4]) Письмо И. С. Тургенева к А. А. Фету от 25—13 января 1869 г. (См. «Северные Цветы» М. 1902 г. Изд-во «Скорпион», стр. 183—184).

Письма Ф. М. Решетникова.

I.

Милостивый государь,

Павел Степанович.

Представьте себе положение человека, получающего жалованье из департамента [1]) за бестолковую переписку бумаг десять рублей, и который должен платить за дрянную квартиру с дрянною пищею 12 руб.; человека, который хочет выбиться из этой канцелярской жизни посредством литературного труда и которому для этого решительно нет никакой возможности при том положении, когда ему и свеч-то не на что купить; человека, который имел возможность поместить три статьи в издаваемой Вами газете [2]), и, получив от Вас согласие принимать мои статьи и печатать с платою мне по $^3/_4$ к. за строку, не может застать Вас дома, когда Вы велите притти за деньгами, или Вы говорите, что у Вас нет денег; человека, который, веря в слова редактора и надеясь получить деньги, в такой-то день забирает в долг у людей, и положение его в этот день, когда от него требуют; человека, который после напрасной ходьбы к Вам, в продолжение месяца, по три раза в неделю, наконец, потерял всякую надежду получить деньги и ищет занятий вечерних в частных домах,—и Вы легко догадаетесь, что должен думать я о Вас, и что будут говорить про меня те, которые верят мне на честное слово [3]).

Если бы Вы не обещали мне денег и печатали статьи даром, я бы не стал просить; если бы Вы, раз навсегда, назначили время и выдали деньги, хотя через контору, то я бы и слова не сказал... Мне, наконец, даже Вашего слуги совестно, которому даже смешно, когда он говорит «нету дома»!..

---

[1]) Решетников по приезде в Петербург (осенью 1863 г.) поступил канцелярским служащим в департамент внешней торговли.

[2]) Сотрудничество в «Северной Пчеле» Решетников начал статьей «На палубе» (№ 222 от 21 авг. 1863 г.)

[3]) Подчеркнуто самим Решетниковым.

Мои долги заставляют меня писать Вам и просить Вас о деньгах. Если я теперь в 11 ч. застану Вас дома и получу ответ притти в такой-то день, то письмо это отдаю в Вашу контору; если же не застану дома, то через слугу и зайду во 2 часу сегодня. Если же в обоих случаях в это время я не получу денег ни от Вас, ни через контору, то больше уже не приду к Вам...

24 окт. (1863 года).

II.

Милостивый государь,

Павел Степанович.

Если Вы не читаете моих писем, то я прошу Вас прочитать хотя это. Оно будет последнее к Вам.

Я надеялся, что в Петербурге я буду помещать свои сочинения с пользою для себя и по приезде обратился к Вам; Вы изъявили согласие печатать и назначили плату. О своем положении я уже говорил Вам, и Вы, как редактор, только знаете бедных, а сами, вероятно, не находились в таком положении.

Все наши сочинители сочиняют для денег, потому что это честный и благородный труд; да отчего и не просить от редакторов денег, когда они, при большом числе подписчиков, делясь по совести с сотрудниками, все-таки наживают больше, чем несколько сотрудников постоянных?

Теперь я убедился, что не все редакторы честны. А уж если в редакторах есть такая замашка,—что говорить о тех людях, про которых пишут эти редакторы и их сотрудники!

Мне было обидно, когда я ходил к Вам по целому месяцу за деньгами и получал, — хотя двадцать раз к Вам, — по три — четыре рубля. Я еще тогда же убедился, что Вы смотрите на мелкую пишущую братию, как на нищих, которых можно прогнать из дому, дать три рубля, чтобы отвязаться на месяц, и все-таки печатать их сочинения.

Я не один, а несколько подобных писак отходили от Вашей квартиры со слезами на глазах, а Вам было смешно.

Положим, до декабря месяца у Вас не было денег; отчего же тогда, когда в конце декабря у Вас были деньги, Вы не расплатились со всеми окончательно? Например, я четыре раза в декабре получил от Вас 40 р., и когда (31 декабря) просил у Вас остальные 50 р., Вы не хотели говорить со мной. После нового года я письменно просил Вас об условиях, Вы не изволили отвечать. А теперь я понял, что между нами не будет никаких условий, потому что в квартиру Вашу меня не пускает Ваш лакей и тогда, когда Вы дома, а в конторе я надоел и надеюсь, что меня не будут пускать и туда. Наконец, Вы сами две недели заставляете меня ходить в контору и говорите, что

с а м и н е п о л у ч и л и д е н е г [1]), а в субботу 25 янв. велели сказать конторщику, чтобы я пришел в понедельник, а сегодня скажете притти в среду, когда я прожду Вас напрасно два часа и т. д.

Если у Вас есть сколько-нибудь жалости к нищим, то Вам ничего не стоит развязаться с ним, а Вам хочется,—это видно из того, что Вы рукопись «С Новым Годом» [2]), вероятно, до сих пор не читали, а прежде печатались через неделю. К Вам и в контору я больше не приду, потому что напрасно ходить нечего; послать хозяина, которому я должен, тоже не стоит; поэтому я прошу прислать мне хотя сорок рублей, если Вам жаль пятидесяти, с рассыльным, как это Вы хотели сделать раз в октябре прошлого года; с ним же пошлите и рукопись, если она только не набирается в типографии, а если набирается, то за нее мне не надо денег, я писал с целью возбудить вопрос об улучшении быта почтовых людей [3]).

Если Вы на этой неделе (я буду ждать до воскресенья—следующей недели) не пришлете 40 р., то я буду думать, что Вы письмо это или не читали, или не хотели исполнить то, что следует, и тогда буду надеяться на гласность. Это я пишу не шутя. Конечно, я просьбу на Вас не подам, а у нас есть другие газеты.

Ф. Решетников.

Мой адрес: На Литейной, рядом с домом Юсуповой, дом Филкова № 42, квартира № 17, 4 этаж, у Благодарева.

27 января 1864 г.

---

[1]) Подчеркнуто самим Решетниковым.

[2]) Здесь Решетников имеет в виду очерк «С Новым Годом», которым он закончил свое сотрудничество в «Северной Пчеле». Через два дня после этого письма он был напечатан в «Северной Пчеле» (1864 г. №№ 28 и 29 от 29 и 30 января).

[3]) Очерк «С Новым Годом», который Решетников «писал с целью возбудить вопрос об улучшении быта почтовых людей», произвел в провинции большое впечатление на почтовых служащих и послужил невольной причиной ряда неприятностей для воспитателя и дяди Решетникова, служившего в пермской почте.

Вот что он писал своему племяннику в феврале 1864 г. (письмо не опубликовано, цитирую по подлиннику, находящемуся в Ленинградской Публичной Библиотеке):

«Чрез эти статьи, ты знаешь, что я лишился места кунгурского, где была ныне ваканция, и г. пермский губернский почтмейстер страшно на меня имеет негодование... Чрез тебя я теперь совершенно угнетаем по службе. Где бы прежде не обратили внимание, а ныне все ставится на вид и замечание».

Неизданная сказка А. П. Чехова.

Приводимая сказка сохранилась в архиве с.-петербургского цензурного комитета [1]). Цензор Сватковский, запретивший сказку, не нашел нужным приводить какие бы то ни было мотивы для ее запрещения. В своем докладе комитету он ограничился указанием, что он «находит невозможным дозволить статью под заглавием «Говорить или молчать» (сказка), подписанную «Человек без селезенки», в которой изображается правительственный шпион, в синем костюме, в присутствии которого автор советует «д е р ж а т ь я з ы к з а з у б а м и и н е б о л т а т ь л и ш н е г о, чтобы не быть арестованным и не настрадаться до истощения своих сил». Цензурный комитет, в заседании 18 апреля 1884 г., «признавая, согласно мнению цензора, указанную им статью не удовлетворяющей условиям подцензурной печати, определил: к напечатанию оную не дозволять».

Сказка «Говорить или молчать» относится к первому периоду литературной деятельности А. П. Чехова, ко времени его сотрудничества в юмористической прессе, и предназначалась для журнала «Осколки».

Это время, т.-е. начало 1880-х годов, являлось эпохой наиболее мрачной реакции и сугубого цензурного воздействия на печатное слово. Что касается юмористических журналов, то в этот период времени из круга их обсуждения и насмешки были изъяты не только все политические темы и все события политической жизни в Западной Европе, вся область отечественных бюрократических и административных злоупотреблений, но даже хотя бы легкое касательство уклада жизни военнослужащих, духовенства и пр.

Владелец «Осколков», Н. А. Лейкин, при проведении литературного материала через цензурные Сциллу и Харибду, при всей безобидности этого материала, надеялся, главным образом, не на его невинность, а на свое знакомство и дружеские отношения с цензором Сватковским. Письма Н. А. Лейкина за это время пестрят указаниями на «цензорские погромы», как называл редактор «Осколков» бесчисленные помарки, производившиеся в каждом очередном номере [2]).

«Погромам» подвергались нередко и произведения А. П. Чехова,—те произведения начала его литературной деятельности, те «беспретенциозные анекдоты», как характеризует их биограф Чехова А. Измайлов, которые, «будучи одухотворены мыслью или шуткой», «сжато дают сюжет, которого разговорчивому беллетристу

---

[1]) Дело спб. ценз. комит. 1884 г. № 97.

[2]) «Н. А. Лейкин в его воспоминаниях и переписке». Спб. 1907 г.

хватило бы на целый рассказ» [1]). К числу их относится и сказка «Говорить или молчать». К счастью, цензорское veto, наложенное на них, было непродолжительно, и они все впоследствии появились в печати,—частью на страницах тех же «Осколков», частью в отдельных сборниках рассказов Чехова. «Сказка» не попала ни в один из них и не вошла в полное собрание сочинений Чехова.

С. Л.

Говорить или молчать.

(Сказка.)

В некотором царстве, в некотором государстве жили были себе два друга: Крюгер и Смирнов. Крюгер обладал блестящими умственными способностями. Смирнов же был не столько умен, сколько кроток, смирен и слабохарактерен. Первый был разговорчив и красноречив, второй же — молчалив.

Однажды оба они ехали в вагоне железной дороги и старались победить одну девицу. Крюгер сидел около этой девицы и рассыпался перед ней мелким бесом. Смирнов же молчал, мигал глазами и с вожделением облизывался. На одной станции Крюгер вышел с девицей из вагона и долго не возвращался. Возвратившись же, мигнул глазом и прищелкнул языком.

— И как это у тебя, брат, ловко выходит?—сказал с завистью Смирнов.—И как ты все это умеешь! Не успел подсесть к ней, как уже и готово... Счастливчик!

— А ты что зеваешь? Сидел с ней три часа и хоть бы одно слово! Молчишь, как бревно! Молчанием, брат, ничего не возьмешь на этом свете. Ты должен быть боек, разговорчив? Тебе ничего не удается, а почему? Потому что ты—тряпка!

Смирнов согласился с этими доводами и решил в душе изменить свой характер. Через час он, поборов свою робость, подсел к какому-то господину в синем костюме [2]) и стал с ним бойко разговаривать. Господин оказался очень словоохотливым человеком и тотчас начал задавать Смирнову вопросы, преимущественно научного свойства. Он спросил его, как ему нравится земля, небо, доволен ли он законами природы и человеческого общежития, коснулся слегка европейского свободомыслия, положения женщин в Америке и проч. Смирнов отвечал умно, охотно и с восторгом.

Но каково, согласитесь, было его удивление, когда господин в синем костюме [2]), взяв его на одной станции за руку, ехидно улыбнулся и сказал: следуйте за мной.

---

[1]) А. Измайлов. «Чехов. Жизнь. Личность, Творчество». М. 1916.

[2]) От слов: «в синем костюме» и до конца абзаца подчеркнуто цензором.

Смирнов последовал и исчез, неизвестно куда. Через два года он встретился Крюгеру бледный, исхудалый, тощий, как рыбий скелет.

— Где ты пропадал до сих пор?!—удивился Крюгер.

Смирнов горько улыбнулся и описал ему все пережитые им страдания.

— А ты не будь глуп, не болтай лишнего!—сказал Крюгер.— Держи язык за зубами—вот что.

Человек без селезенки.

Из записной книжки архивиста.

Революция 48 года и французские подданные в Москве.

В III отд. Государственного архива РСФСР., в секретном архиве м. в. ген.-губ. имеется любопытное дело, характерно озаглавленное: «Об объявлении французским подданным, находящимся в Москве, что, несмотря на политические беспорядки в Париже, они могут спокойно оставаться в России» (дело № 35, начато 6 марта 1848 г.).

Дело возникло под влиянием февральской революции 48 года во Франции. III отделение было, повидимому, весьма озабочено событиями в Париже и обратило в первую очередь свое внимание на французских подданных в России. Французским подданным было предложено от имени Николая I «спокойно оставаться в России, продолжать торговлю и другие дозволенные занятия» в случае, если они не изменят своего «скромного поведения». Нарушивших эти условия правительство Николая I угрожало «подвергнуть той самой ответственности по законам, которой подвергаются российские подданные за нарушение общественного спокойствия». Не менее характерен ответ на «августейшие слова» Николая Романова, данный французской колонией в Москве, состоявшей в большинстве из представителей коммерческого мира. Как и следовало ожидать, французская колония в лице французского консула И. Ру-де-Рошеля раболепно просила кн. А. Г. Щербатова «о повержении нелицемерного выражения их благоговения перед источником неисчерпаемых милостей», т.-е. Николаем I.

Приводим переписку III отделения с московским ген.-губ. А. Г. Щербатовым и перевод письма французского консула И. Ру-де-Рошель на имя кн. А. Г. Щербатова.

I.

Секретно.

Его сиятельству кн. А. Г. Щербатову.

Милостивый государь князь Алексей Григорьевич!

Государь император, по случаю политических беспорядков, происшедших в Париже, высочайше повелеть соизволил, дабы Ваше сиятельство, собрав всех французских подданных, в Москве находящихся, объявили им, что его величество, будучи доволен их скромным поведением, дозволяет им, несмотря на означенные события, спокойно оставаться в России, продолжать торговлю и другие дозволенные занятия и быть вполне уверенными в беспрерывном покровительстве его императорского величества всех из них и каждого в особенности, ежели они не изменят своего поведения; с тем вместе, не касаясь их совести и внутренних убеждений, его величество надеется, что они не будут вмешиваться ни в какие политические дела и суждения, выражать мнения и вести переписку по упомянутым событиям; в противном же случае они предупреждаются, что нарушивший эти условия подвергнут будет той самой ответственности по законам, которой подвергаются российские подданные за нарушение общественного спокойствия; впрочем, если кто-либо из них изъявит желание выехать из империи, таковому будет немедленно выдан паспорт, но без возврата.

О таковой монаршей воле сообщая Вашему сиятельству, для зависящего от Вас исполнения, имею честь удостоверить Вас, милостивый государь, в истинном моем почтении и преданности. Граф *Орлов.*

28 февраля 1848 г. № 342.

На этом документе имеется отметка рукою кн. Щербатова:

«Вызвать всех ко мне в понедельник 8 марта 1848 г.» *А. Г.*

6 марта 1848 г.

II.

Секретно.

Милостивый государь
Князь Алексей Григорьевич!

В дополнение отношения моего от 28 февраля № 342, имею честь покорнейше просить Ваше сиятельство, при объявлении французским подданным, в Москве находящимся, высочайшего повеления насчет того, каким образом они должны вести себя в России, объяснить им обстоятельство, касающееся до выезда из России, в том смысле, что им будет дозволяем и возвратный приезд в Россию, но только тем, которые имеют здесь оседлость и коммерческие дома или производят значительную торговлю, если сверх того, при новом их возвращении, консулы наши удостоверят, что они хорошими правилами своими не подают повода ни к какому о них сомнению.

Примите уверение в истинном моем к Вам почтении и совершенной преданности. Граф *Орлов.*

6 марта 1848 г. № 382.

III.

Его сиятельству князю А. Г. Щербатову.

Сиятельнейший князь!

Августейшие слова его императорского величества, переданные нам Вашим сиятельством, останутся в воспоминании французской колонии в Москве самым почетным свидетельством, самым энергическим поощрением постоянных ее усилий—сделаться достойною оказываемого ей покровительства.

Чуждая всякой политики, непрерывно занятая частными интересами и торговлею, французская колония глубоко чувствует отеческие попечения Вашего сиятельства и, исполненная искреннейшей признательности к благодетельствующему ей монарху, не может забыть того уважения, которое она обязана питать к благоволящим ей властям и общественному порядку.

С полным убеждением принимаю на себя обязанность удостоверить Ваше сиятельство, что высказанные мною чувства разделяются всем великим семейством французов и находящимися здесь моими соотечественниками. Подобное убеждение будет постоянно поддерживать мое рвение в изложении нужд моих соотчичей и в исходатайствовании вспоможения законным их требованиям.

Возложенные на меня обязанности посредника между французской колониею и начальством Москвы украсились в настоящее время, сиятельнейший князь, самым лестным для меня преимуществом — возможности представить Вашему сиятельству чувства глубочайшего уважения и признательности моих соотечественников к распоряжениям, которыми они были удостоены от его императорского величества, и вместе с тем прибегнуть к Вашему сиятельству с просьбой о повержении нелицемерного выражения их благоволения перед источником неисчерпаемых милостей.

И. Ру-де-Рошель.

Москва.

9 марта 1848.

Сообщил *В. М.*

В годы реакции.

Неудачно закончившееся революционное движение 1905 года не прекратило в России борьбы народных масс против самодержавия. Она ушла в подполье и выразилась, между прочим, в ряде разрозненных партизанских выступлений, с одной стороны, и в «твердом» курсе столыпинского правительства, в образе военно-окружных и военно-полевых судов — с другой.

Навряд ли известно число жертв, погибших в этой борьбе за весь период с 1905 по 1914 годы, но статистические данные за период с 1905 по май месяц 1909 года случайно имеются в двух шифрованных телеграммах от 29 июня и 10 августа 1909 года (№№ 3151 и 1363), отправленных министром иностранных дел Сазоновым русскому послу в Лондоне графу Бенкендорфу по требованию этого последнего.

Непонятное с первого взгляда любопытство графа Бенкендорфа, для удовлетворения которого Сазонов спешно собирает необходимые статистические данные, логически вытекает из существовавшей в те времена международной политической обстановки. Россия остановилась, после неудачной Японской войны и после некоторых колебаний, на новом курсе своей иностранной политики, творцом которой считал себя министр иностранных дел А. П. Извольский, по действительными вдохновителями которой были, как то явствует из анализа архивных документов, великобританское и в особенности французское правительства.

Суть нового политического курса сводилась к обеспечению спокойствия на восточно-азиатских границах государства путем заключения договоров и соглашений, чтобы быть сильным в решении европейских дел.

Для этого необходимо было заключить соглашение с Японией, чего нельзя было достигнуть, ввиду существования англо-японского союза, без сближения с Англией. С 1906 года начинается длительная и трудная работа по сближению двух традиционных врагов, Англии и России, которая и закончилась соглашением между этими странами, подписанным 18 (31) августа 1907 года и касавшимся Персии, Афганистана и Тибета.

Франко-русский союз и англо-франко-русское соглашение послужили основанием той тройственной Антанты, которая боролась на мировой арене с тройственным союзом первоначально мерами дипломатическими, а с 1914 года железом и кровью в мертвой схватке не на жизнь, а на смерть.

ГОДЫ.	Пострадавших от террористич. актов.			Присужденных к смертной казни и казненных.	
	Убитых.	Раненых.	Всего.	Присужденных.	Казненных.
1905	233	358	591	72	10
1906	768	820	1588	450	144
1907	1231	1312	2543	1056	456
Кроме того, военно-полевыми судами с 19 августа 1906 по 20 апреля 1907 года . .	—	—	—	683	683
1908	394	615	1009	1741	825
1909 по 1 мая	65	117	182	628	272
Итого	2691	3222	5913	4630	2390

Новый курс политики не встретил единогласного одобрения общественного мнения ни в России, ни во Франции, ни в Англии. В первой более реакционные кружки тянули в сторону соглашения с Германией; в последних двух левые элементы протестовали против сближения с Россией, выражая этим свое возмущение внутренней политикой русского государства. Макдональд в Лондоне и Жорес в Париже были bêtes noires не только русского министерства иностранных дел, но и своих правительств, подымая постоянно вопрос о разрыве соглашения с Россией, так как такие соглашения способствовали сохранению существовавшего в России образа правления.

По всей вероятности, русскому послу в Лондоне и потребовались приводимые ниже статистические данные как материал для парламентской борьбы с левым крылом палат.

В двух последовательных телеграммах Сазонов приводил следующие цифры пострадавших от террористических актов, с одной стороны, и казненных революционеров — с другой. (См. табл. на стр. 242.)

Особенно почему-то Бенкендорфа интересовал 1909 год, и Сазонов любезно сообщал ему цифры по каждому месяцу этого года отдельно.

ЧИСЛО ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ АКТОВ В 1909 Г. [1]).

Месяцы.	Число.	Убитых.		Ранено.		Всего:
		Служащих.	Частных лиц.	Служащих.	Частных лиц.	
Январь	106	16	43	17	38	114
Февраль. . . .	106	15	35	33	30	113
Март	89	12	19	11	27	69
Апрель	76	16	15	26	16	73
Май	63	19	12	19	10	60

Число казненных в 1909 году.

В январе—79, в феврале—64, в марте—30, апреле—39 и мае—25, всего 237 из числа приговоренных к смертной казни 567 человек, т.-е. 41,7% [1]).

Необходимо конечно иметь в виду, что в эти списки не влючены те сотни и тысячи крестьян и рабочих, расстрелянных без суда карательными экспедициями Меллер-Закомельского и Ренненкампфа в Сибири, Пантелеева, Сахарова и Дубасова в центральной России, Орлова и др, генералов в Прибалтийском крае.

Сообщил *А. М. Зайончковский*.

Письмо В. Г. Короленко к С. Ф. Шарапову [2]).

В архиве Шарапова, находящемся в настоящее время в Смоленском губернском архивохранилище, в пакете с надписью «Короленко В. Г.», находится письмо Владимира Галактионовича к Шарапову. Оно написано чернилами на почтовой бумаге. Даты в письме нет. Предположительно, оно было написано в 1888 году (в мае или июне месяце), так как письмо Шарапова к Короленко помечено 1 апреля 1888 г.

[1]) II отделение Госуд. архива РСФСР. Папка: Londres Pièces expediées. 1909.

[2]) Сергей Федорович Шарапов род. в 1856 г., умер 26 июня 1911 г., известный правый публицист и неославянофил, издававший, после смерти И. С. Аксакова, еженедельную газету «Русское Дело», «Русский Труд», «Свидетель». Его перу принадлежат: роман «Кружным путем», «По Черноморскому побережью» и др.

В своем письме Владимир Галактионович благодарит Шарапова за приглашение сотрудничать в газете «Русское Дело», но отказывается от участия в силу следующих обстоятельств: во-первых, политического расхождения по многим существенным вопросам, поставленным в основу газеты, во-вторых, что «это участие будет истолковано в смысле согласия с основными взглядами и стремлениями журнала» и, в-третьих, что он обременен постоянной работой.

Это письмо представляет из себя большой ценности документ тем, что оно рельефно вскрывает характерную черту личности Владимира Галактионовича: его принципиальность в вопросах убеждений. Он сразу, без обиняков и колебаний, отказывается от участия в журнале, неприемлемом для него по направлению.

Милостивый государь
Сергей Дмитриевич [1]).

Прошу извинить, что долго не отвечал. Письмо Ваше не застало меня в Нижнем.

Я очень благодарен Вам за внимание и, в свою очередь, посылаю в редакцию свои книжки. К сожалению, не могу принять Вашего любезного приглашения. У меня есть постоянная работа, пишу я немного и едва успеваю выполнить ранее принятые обязательства. Не скрою также, что, сочувствуя некоторым частям Вашей программы, я сильно расхожусь с нею по многим существенным вопросам. Без сомнения, художественная деятельность не может и не должна отражать всех партионных оттенков, но более важные и глубокие различия во взглядах проникают и в эту область, обусловливая различие в настроениях. Не странно ли было бы, напр., видеть «Четыре дня» покойного Гаршина (произведение, несомненно, художественное) напечатанным в журнале, посвященном проповеди войны. Лев Никол. Толстой всюду входит со своей собственной окраской. О себе я никоим образом не могу сказать того же, и мое участие в «Русском Деле», без сомнения, было бы истолковано в смысле согласия с основными взглядами и стремлениями журнала, чего в сущности нет. Поверьте, что не «травля» и не «замалчивание», о которых Вы пишете, меня останавливают, а только интерес истины и убеждения. Надеюсь, Вы оцените настоящим образом мой откровенный ответ. Надеюсь также, что несогласие во взглядах не может помешать взаимному уважению, с которым остаюсь готовый к услугам.

В. Короленко.

Сообщил *В. Дмитриев.*

Николай Романов 28 февраля — 4 марта 1917 года.

Среди бумаг известного ген.-м. Спиридовича, хранящихся в московском Историко-Революционном архиве, в томе 6 («Письма, отправленные Спиридовичем, и разные заметки», л. л. 23—25), имеется отрывок из «журнала», который велся, повидимому, комендатурой царской ставки. Отрывок относится к 28 февр.—4 марта 1917 года и представляет собой три небольших листа, так наз. «академического» формата, содержащих напечатанный на машинке текст, по характеру своему совпадающий с записями камер-фурьерских журналов, регистрировавших, как известно, «высочайшие» приемы, выходы, приглашенных к столу и т. п. Ценность этого отрывка, печатаемого ниже полностью, заключается в том, что он дает точные официальные даты некоторых важнейших моментов поведения Николая Романова в февральско-мартовские дни, а также сведения об окружавших его в эти моменты лицах. Мы получаем, таким образом, возможность с помощью этого документа уточнить и авторитетно установить хронику первых дней февральской революции. Летописец последней отметит, вероятно, любопытную особенность журнала, сохраненного Спи-

[1]) По ошибке написано: «Сергей Дмитриевич», вместо «Сергей Федорович».

ридовичем: для составителя его Николай Романов и Мария Федоровна даже 4 марта продолжали быть «их величествами».

Журнал за 28 февраля.

От 12 час. 55 мин. ночи его величество принимали: начальника штаба ген.-адъют. Алексеева [1]), дворцового коменданта Воейкова [2]).

В 2 часа ночи его величество, министр императорского двора [3]) и лица свиты отбыли в императорский поезд.

От 2 час. 10 мин. ночи его величество принимали: ген.-адъют. Иванова [4]).

В 5 часов утра императорский поезд отбыл на Царское Село.

К высочайшему завтраку в пути: лица свиты, д. с. с. Ежов [5]) и начальник Александровской жел. дороги Чернай [6]).

Во время остановки на ст. Ржев, его величество изволил прогуливаться.

К высочайшему обеду: лица свиты и д. с. с. Ежов.

1 марта.

В 2 часа 30 мин. ночи со ст. Малая Вишера императорский поезд отбыл на ст. Псков.

От 3 ночи его величеству: Дворцовый комендант Воейков.

От 11 час. 15 мин. утра его величеству: дворцовый комендант Воейков.

К высочайшему завтраку в пути лица свиты и д. с. с. Ежов.

В 7 час. 5 мин. веч. императорский поезд прибыл на ст. Псков.

От 7 час. 10 мин. веч. его величество принимали: ген.-адъют. Рузского [1]).

К высочайшему обеду: лица свиты ген.-адъют. Рузский, начальник его штаба ген. Данилов [2]), начальник снабжения армии и фронта ген. Савич [3]) и д. с. с. Ежов.

От 9 час. 45 мин. веч. его величество принимали: ген.-адъют. Рузского и псковского губернатора д. с. с. Кошкарова [4]).

От 10 час. 45 мин. вечера его величество принимали: министра императорского двора.

От 12 час. 5 мин. ночи: ген.-адъют. Рузского.

2 марта.

От 10 час. 45 мин. утра его величество принимали: ген.-адъют. Рузского и дворцового коменданта Воейкова.

К высочайшему завтраку: лица свиты, псковский губернатор Кошкаров и д. с. с. Ежов.

От 2 час. 30 мин. дня его величество принимали: министра императорского двора, ген.-адъют. Рузского, ген. Данилова и ген. Савича.

От 4 час. 30 мин. министра императорского двора.

К высочайшему обеду: лица свиты и д. с. с. Ежов.

От 9 час. 45 мин. веч. его величество принимали: министра императорского двора, ген.-адъют. Рузского, члена государственного совета Гучкова [5]), члена государственной думы Шульгина [6]) и свиты ген.-майора Нарышкина [7]).

В 2 часа ночи императорский поезд отбыл со ст. Псков на царскую ставку.

---

[1]) Алексеев, Мих. Вас., ген.-адъютант., ген.-от инф., начальник штаба верх. главноком.; после февр. революции верховный главнокомандующий до мая 1917 г.

[2]) Воейков, Влад. Ник., ген.-м. свиты е. в.

[3]) Фредерикс, Влад. Бор., гр., ген.-адъют., ген.-от кав.

[4]) Иванов, Ник. Иудович, ген.-адъют., ген.-от арт., б. главноком. армиями юго-зап. фронта (до марта 1916 г.), состоял при Николае Романове.

[5]) Ежов, д. ст. сов., инспектор царских поездов.

[6]) Чернай, Алекс. Людв., инж. путей сообщ., д. ст. сов.

[1]) Рузский, Ник. Влад., ген.-адъют., ген.-от инф., главноком. армиями сев.-зап. и сев. фронтов.

[2]) Данилов, Ник. Алекс., ген.-от инф.

[3]) Савич, Сергей Сергеевич, ген.-от инф.

[4]) Кошкаров, Бор. Дм., д. ст. сов.

[5]) Гучков, Алекс. Ив., член гос. совета, лидер партии октябристов, ездил вместе с Шульгиным к Николаю Романову с предложением отречься от престола.

[6]) Шульгин, Вас. Вит., член IV госуд. думы, правый.

[7]) Нарышкин, Кирилл Анат., ген.-м. свиты е. в., начальник походной канцелярии его величества.

3 марта.

К высочайшему завтраку в пути: лица свиты, д. с. с. Ежов и начальник Риго-Орловской жел. дороги Генрихсен [1]).

От 7 час. веч. его величество принимали: директора дипломатической канцелярии ставки верховного главнокомандующего камергера Базили [2]).

К высочайшему обеду: лица свиты, кам. Базили и д. с. с. Ежов.

В 8 час. 20 мин. веч. императорский поезд прибыл на ст. Могилев.

На станции для встречи собрались: в. к. Сергей Михайлович [3]) и Борис Владимирович [4]), начальник штаба ген.-адъют. Алексеев, генералы Клембовский [5]) и Смагин [6]), ген.-лейт. Кондзеровский [7]), Лукомский [8]) и Егорьев [9]), свиты ген.-майоры Петрово-Соловово [10]), Богаевский [11]) и Сазонов [12]), ген.-майоры Кисляков [13]) и Тихменев [14]), лейб-хирург Вельяминов [15]), губернатор и начальствующие лица штаба верховного главнокомандующего.

По окончании обхода собравшихся для встречи лиц его величество принимали ген.-адъют. Алексеева.

В 9 час. 55 мин. веч. его величество в сопровождении министра императорского двора и лиц свиты изволили прибыть в губернаторский дом.

Журнал за 4 марта.

От 10 час. 25 мин. утра его величество принимали: принца Александра Петровича Ольденбургского [16]).

В 10 час. 45 мин. его величество прошли в штаб.

В 12 час. 15 мин. дня его величество в сопровождении министра императорского двора и лиц свиты отбыли на вокзал для встречи прибывающей из Киева ее величества государыни императрицы Марии Феодоровны.

К высочайшему завтраку: его величество, ее величество, лица свиты, фрейлина гр-ня Менгден [17]), свиты ген.-майор кн. Долгорукий [18]) и действ. ст. сов. Ежов.

В 3 часа 55 мин. дня ее величество в сопровождении фрейлины графини Менгден и свиты ген.-майора кн. Долгорукого отбыли в поезд.

От 7 час. веч. его величество принимали ген.-адъют. Алексеева.

В 8 час. веч. его величество отбыли к обеду в поезд ее величества.

Сообщил *А. А. Сергеев*.

Пенсионная практика Временного Правительства.

Временное Правительство в заседании 4 марта (журнал заседания № 4, п. 2 з) по представлению министра финансов М. И. Терещенко о пенсиях по государственной службе постановило:

Поручить министру финансов сообщить во всеобщее сведение, что все назначенные до сего времени пенсии сохраняются, и что никто не может быть

---

[1]) Генрихсен, Алексей Густав., инж. путей сообщ., д. ст. сов.

[2]) Базили, Ник. Алекс., ст. сов.

[3]) Сергей Михайлович, вел. кн., ген.-адъют., ген.-от арт., полевой ген.-инспектор при верх. главноком.

[4]) Борис Влад., вел. кн., ген.-м. свиты е. в., походный атаман.

[5]) Клембовский, Влад. Никол., ген.-лейт.

[6]) Смагин, Алексей Алексеевич, б. нач. штаба войска Донского.

[7]) Кондзеровский, Петр Конст., дежурный генерал при штабе верх. главноком.

[8]) Лукомский, Алекс. Серг.

[9]) Егорьев, Конст. Ник.

[10]) Петрово-Соловово, Борис Мих., ген.-м. свиты е. в.

[11]) Богаевский, Африк. Петр., ген.-м. свиты е. в.

[12]) Сазонов, Дм. Петр., ген.-майор свиты е. в.

[13]) Кисляков, Влад. Ник., ген.-м.

[14]) Тихменев, Георгий Мих., ген.-м.

[15]) Вельяминов, Ник. Алекс., лейб-хирург, академик, сост. при импер. главной квартире.

[16]) Принц А. П. Ольденбургский заведывал санитарной частью на фронте.

[17]) Менгден, Зин. Георг., гр., фрейлина Марии Федоровны.

[18]) Долгорукий, Вас. Алекс., кн., ген.-м. свиты е. в., гофмаршал, во время войны состоял при ставке.

лишен назначенной пенсии иначе, как по суду.

А в заседании 10 марта (журнал заседания № 14, п. 5) по представлению того же Терещенко о порядке назначения пенсий было постановлено:

1) Впредь до введения в действие нового пенсионного устава, предоставить министрам вносить на уважение Временного Правительства, по предварительному сношению с министром финансов, представления о назначении пенсий вне правил на применявшихся основаниях и в пределах действовавших в последнее время норм.

2) Предоставить министру финансов образовать особое совещание для обсуждения вопроса о возможностях и условиях введения в действие нового пенсионного устава.

Существо приведенных постановлений ясно,—подтверждение законной силы за назначенными до революции пенсиями чиновникам, безоговорочное признание как норм дореволюционного пенсионного законодательства, так и принятого до революции порядка назначения пенсий, а потому надлежит, хотя бы кратко, охарактеризовать это старое, реставрированное Временным Правительством, законодательство.

Пенсионное законодательство имеет давнее происхождение. Оно относится к 1827 г. Однако ввиду того, что, с одной стороны, оклады пенсий, установленные в 1827 г. (от 85 руб. 80 коп. для канцелярских служителей, до 1.143 руб. 60 коп. для сенаторов в год), впоследствии ввиду вздорожания жизни оказались недостаточными, а, с другой стороны, правительство не желало общим повышением ставок отягощать государственный бюджет,— ввиду этих условий был избран компромиссный путь, сохранившийся вплоть до революции, а постановлениями Временного Правительства продолженный и после революции.— На-ряду с уставом 1827 года было введено назначение пенсий «вне правил» сначала по «высочайшим соизволениям», а затем с 10 июля 1881 г. по постановлениям комитета (впоследствии совета) министров. Комитет министров 8 июля 1883 г. принял правила о назначении усиленных пенсий, коими должен был руководствоваться министр финансов при рассмотрении поступавших на его заключение представлений об усиленных пенсиях. Правила эти были негласные, распубликованы они не были, из опасения, как бы нормы усиленных пенсий не получили в глазах служащих значение законных окладов пенсий, на которые они в праве при наличии указанных в правилах условий претендовать, что в виду не имелось.

Вот это-то пенсионное законодательство, эту-то пенсионную практику и узаконило Временное Правительство своими постановлениями 4 и 10 марта. С одной стороны, были оставлены пенсии тем чиновникам, которые оказали особые отличные выходящие из ряда обыкновенных заслуги — старому режиму, а с другой — предписывалось присуждать пенсии чиновникам, отставленным революцией, за те же, очевидно, особые заслуги старому режиму.

Так Временное Правительство, безоговорочно приняв многомиллионное обязательство по выдаче пенсий старого режима [1]), приступило к назначению новых «на прежних основаниях».

Назначение пенсий разрешалось совещанием товарищей министров Временного Правительства, образованным постановлением 19 марта (журнал заседания № 24, п. 2 д) для рассмотрения вопросов, «которые не имеют принципиального значения и требуют немедленного разрешения». К таким вопросам были отнесены и пенсии, и только в исключительных случаях Временное Правительство само назначало пенсии. Таким особым случаем был, например, вопрос о дальнейшем отпуске пособия, производившегося князьям и княжне Романовским. О назначении этого пособия и способах его выдачи узнаем из следующего документа:

---

[1]) По проекту государственной росписи доходов и расходов на 1916 год это обязательство, значительно, конечно, к марту 1917 г. увеличившееся, выражалось в сумме 144.273.652 руб.

Комиссар Временного Правительства над бывшим министерством двора.

18 июня 1917 г.

Временному Правительству.

Наследники покойного князя Георгия Максимилиановича Романовского, герцога Лейхтенбергского, князья Александр и Сергей Георгиевичи и княжна Елена Георгиевна ходатайствуют об очередном (за майскую треть) отпуске сумм, выдаваемых им в виде ежегодного пособия из б. кабинета его величества.

Упомянутое пособие первоначально (в 1899 г.) было назначено покойному князю Георгию Максимилиановичу в сумме 100.000 руб. в год; впоследствии (с 1 мая 1909 г.) по особому высочайшему повелению означенное пособие, ввиду изменившегося семейного положения князя, было уменьшено наполовину (т.-е. до 50.000 руб. в год), с назначением тогда же и срока его производства (на 10 лет, т.-е. по 1 мая 1919 г.).

При отпуске упомянутых сумм с согласия князя удерживалось в пользу племянницы его княгини Д. Е. Кочубей (ныне баронессы Гревениц) сначала по 12.000 руб., а затем (с 1 мая 1909 г.) по 6.000 руб. в год, так что в действительности князю отпускалось сперва по 88.000 руб., а впоследствии по 44.000 руб. в год.

За последовавшей в 1912 году кончиной князя Георгия Максимилиановича бывшим императором было разрешено продолжать отпуск упомянутых 44.000 руб. до наступления предельного срока, на который отпуск этот был вообще назначен (1 мая 1919 г.), вышепоименованным наследникам его: сыновьям Александру и Сергею и дочери Елене, при чем, согласно высочайше утвержденному в сентябре 1913 г. акту о разделе наследственного имущества, отпускаемая из б. кабинета е. в. сумма (44.000 руб.) распределяется следующим образом: княжне Елене Георгиевне — $^1/_8$, т.-е. 5.500 руб., и братьям ее князьям Александру и Сергею — по $^7/_{16}$, т.-е. по 19.250 руб. в год каждому.

Упомянутые деньги выдаются по третям года за каждую треть вперед; последний платеж произведен в январе сего года, т.-е. по 1 мая текущего 1917 года.

Представляя о вышеизложенном, испрашиваю разрешение Временного Правительства на дальнейшее производство означенного денежного отпуска на прежних основаниях до наступления предельного срока, на который отпуск этот был вообще назначен, т.-е. до 1 мая 1919 года.

Подписал: Комиссар *Ф. Головин.*

Временное Правительство, заслушав приведенное отношение в заседании 5 августа (журнал заседания № 148, п. 8 б) постановило:

Производство, установленного князьям и княжне Романовским ежегодного пособия из средств бывшего кабинета его величества продолжать на прежних основаниях до наступления предельного срока, а именно до 1 мая 1919 г.

Так, волею Временного Правительства родственники Николая Романова продолжали получать и после революции пособие из народного достояния [1]).

Как отнеслось бы Временное Правительство к назначению пенсии С. М. Романову, судя по всей его пенсионной практике, сомневаться не приходится. Но в данном случае народные деньги были сохранены.— Вопроса о назначении пенсии С. М. Романову, возбужденного в конце сентября, Временное Правительство рассмотреть уже не успело.

Однако помимо особых случаев обычное назначение пенсий производилось совещанием товарищей министров Временного Правительства. Поскольку в совещании не происходило «разногласия» при решении вопросов и не поступало протестов со стороны того или иного министра, постановления совещания механически утверждались Временным Правительством. Пенсионные вопросы, поставленные на первых же заседаниях совещания, вызвали, однако,

---

[1]) На пенсию претендовал и еще один из родственников Николая Романова—великий князь Сергей Михайлович.

разногласия, так как меньшинство членов совещания, несмотря на указанные постановления Временного Правительства о выдаче пенсий, не могло, очевидно, с прямолинейностью, требуемой этими постановлениями, проводить старую пенсионную политику.

Одно из разногласий произошло на заседании совещания 23 августа (журнал заседания № 163) при разрешении вопроса о назначении пенсий генералам-от инфантерии Маврину и Эверту и генералу-от артиллерии Мрозовскому, по 8.000 руб. в год каждому. По поводу этих пенсий товарищ министра внутренних дел В. Я. Гуревич, говорится в журнале заседания, «заметил, что ввиду оставления значительным числом должностных лиц службы, вследствие невозможности примениться к новому строю, надлежит в настоящее время соблюдать, при назначении пенсий, особую осторожность». Временное Правительство, куда вопрос о пенсиях Маврину, Эверту и Мрозовскому был перенесен вследствие разногласия, происшедшего в совещании, назначило в заседании 10 сентября (журнал заседания № 170, п. 5) пенсии генералам в полном размере.

14 августа (журн. засед. № 155, п.1а), на военное министерство был распространен общий порядок. 6 сентября (журнал заседания № 182) были назначены пенсии членам главного военного суда генералам-от инфантерии Креховецкому-Ющенко, Мухину, Дорошевскому и Волкову, по 6.145 руб. в год каждому, 27 сентября—члену Государственного Совета, сенатору, военному генерал-губернатору областей Австро-Венгрии, занятых по праву войны генералу-от кавалерии Тренову — 7.000 руб., генерал-губернатору областей Турции, занятых по праву войны, ген.-лейтенанту Пешкову — 4.503 руб., б. варшавскому генерал-губернатору генерал-лейтенанту кн. Енгалычеву — 7.000 руб., б. председателю главного военного суда действ. тайн. сов. Быкову — 7.000 руб. и члену государственного совета, сенатору, помощнику военного министра Гарину — 7.000 руб., 11 сентября—командирам корпусов генералу-от кавалерии Васильеву и генералам-лейтенантам Драгомирову и Роде по 6.000 руб. и т. д.

Другое ведомство, в котором революция, как и в военном министерстве, произвела основательную чистку,—министерство внутренних дел, местные агенты которого, губернаторы, полиция, земские начальники были сметены в первые же дни революции, было также взято под покровительство новой власти. Непосредственные руководители министерства внутренних дел Временного Правительства, получив предварительное одобрение министерства финансов, представляли объемистые ведомости о назначении усиленных пенсий, включая в эти ведомости всех отставленных от высших чинов (товарищей министра, директоров департаментов, генерал-губернаторов и губернаторов) до низших чинов городской и земской полиции [1]). Совещание товарищей министров рассматривало представления министерства внутренних дел в заседании 1 сентября. Последняя категория — низшие чины городской и земской полиции — получила пенсии по постановлению этого заседания, что же касается первых, то совещание, не отказав им в пенсиях, *отложило* решение этого вороса, не рискуя, очевидно, сделать такой решительный шаг, не запросив Временное Правительство. Обращение к последнему дало, повидимому, обычный результат.—Часть

[1]) В одной из ведомостей министерства внутренних дел (от 10 июля за № 15720), ничем по личному составу не отличающейся от десятка других того же ведомства, находим 1 генерал-губернатора, 3 члена совета министра внутренних дел, 1 директора департамента, 1 товарища министра, 7 губернаторов, 2 члена совета главного управления по делам печати, 8 вице-губернаторов, 2 чиновника особых поручений при министерстве внутренних дел, 2 пристава петроградской столичной полиции и 1 чиновника особых поручений при департаменте полиции. Все эти лица, как заявляет ведомость, оставили службу «по болезни». Вместо полагающейся им по закону пенсии в общей для всех них сумме—12.917 руб., министерство ходатайствует для них «за особые заслуги» об усиленной пенсии в общей сумме 81.600 руб.

отложенных в заседании 1 сентября постановлениями совещания 11 октября получили пенсии, в том числе члены совета главного управления по делам печати: Александр Муромцев и Александр Андрияшев, пристава петроградской столичной полиции: Владимир Радугин и Павел Зарецкий. До других, если бы Временное Правительство успело, очередь бы, несомненно, также дошла.

Подводя итог пенсионным выдачам по специально пенсионным журналам заседания совещания от 23 августа, 1, 6, 13, 20 и 27 сентября, 4 и 11 октября получаем следующие цифры назначений по ведомствам:

Министерство	финансов	287.410 руб.
»	юстиции	273.943 »
»	внутренних дел	138.132 »
»	земледелия	89.885 »
»	почт и телеграфа	74.911 »
»	народного просвещения	68.181 »
Государственный	контроль	58.421 »
Министерство	иностранных дел	51.325 »
»	путей сообщения	49.109 »
»	исповеданий	43.319 »
»	торговли и промышленности	38.770 »
		1.173.406 руб.

Было бы крайне любопытно дать полный список высших чинов министерств, по осторожному выражению Гуревича, не могущих примениться к новому строю и в конце своей долголетней службы очутившихся на иждивении правительства, поставленного революцией,— такой список был бы, повторяем, любопытен, но ввиду его обширности приходится ограничиться только теми лицами, которые возглавляли или были активными руководителями центральных учреждений. Однако и в таком урезанном виде в списке пенсионеров Временного Правительства находим такое блестящее собрание памятных имен: начальник главного тюремного управления П. Гран, тов. мин. финансов Никольский, члены совета мин. финансов Н. Тавлидаров, И. Шведери, барон Н. Корф, директор департамента госуд. казнач. П. Кутлер, сенатор А. Глищинский, Н. Зайончковский, Джунковский, Н. Зуев, Кузьминский, Шидловский, Вуич, С. Линк, С. Андреевский, тов. об.-прокурора сената О. Виппер, начальники тюрем: донецкой — Болдырев, ревельской — Желтовский, тов. мин. земледелия—Грудистов, посол в Испании—кн. И. Кудашев, посланники в Швейцарии—Г. Плансон-Ростков, Португалии—П. Боткин, Мексики — А. Сталевский, епископ орловский — Григорий и владикавказский — Антонин.

Этот список далеко не исчерпывающий всего состава подобного ранга пенсионеров Временного Правительства.

Вопрос о пенсиях при Временном Правительстве имел острое политическое значение и не иметь такового, конечно, не мог.

Временное Правительство, целиком опиравшееся на старый аппарат государственной власти, естественно поддерживало и материально наиболее видных представителей формально свергнутой монархической власти.

М. Г. Флеер.

Казнь Афанасия Матюшенко.

Восстание на броненосце «Князь Потемкин» в июне 1905 года в достаточной степени освещено в литературе легальной и нелегальной. Однако, освещение подробностей этого события и участников его, путем публикации свежих документов, тем более документов, вышедших из-под пера участников, как нижеприводимое письмо, небезынтересно. События 14 июня в Тендеровской бухте, вспыхнувшие стихийно, опередив организовываемое

«крымским союзом» РСДРП восстание всего Черноморского флота, выдвинули на первый план минного машиниста квартирмейстера Афанасия Николаевича Матюшенко (Матюшенко), даже не числившегося до указанных событий официальным членом партийной организации, а оказывавшего партии только посильное содействие.

Действенность, находчивость, сила воли поставили в центр восстания фигуру А. Матюшенко, расплатившегося за это своей жизнью.

Комиссия, управлявшая восставшим броненосцем, кроме А. Матюшенко, насчитывала в своем составе около 20 матросов, в том числе и автора приводимого ниже письма Ефима Бредихина. И только к одному Матюшенко не был применен седьмой пункт царского указа 21 октября 1905 г. о замене смертной казни 15-летней каторгой.

Следствие «о военном бунте» команды восставшего корабля начато было военно-морским судом уже 30 июня 1905 г. (дело № 1 военно-морского следователя Севастопольского порта). После первого приговора в январе 1906 г. потянулись бесконечные приговоры над вылавливаемыми царским правительством героями черноморской драмы. В московском Историко-Революционном Архиве мы находим дела этого суда (№№ 27, 19 и 20), начатые даже 26 января и 1-го февраля 1917 года (о привлечении к суду бывших потемкинцев И. П. Суржикова, М. И. Павленкова и др.). Февральская революция ликвидировала эти дела, как и многое другое. Тот же военно-морской суд, почти в том же составе, — что интереснее всего, — пересмотрел дела осужденных «потемкинцев» и, в силу указа Временного Правительства от 6 марта 1917 г., они, как осужденные за преступления, учиненные по «политическим побуждениям», от всех последствий судимости были освобождены и восстановлены во всех правах (дела военно-морск. следователя Севастопольского порта № 24 от 5 марта 1909 г., № 137 от 22 декабря 1914 г. и друг.).

В число этих пересмотренных процессов входит и дело Ефима Бредихина, по которому он получил 15 лет каторги (дело № 255 т. I от 26 ноября 1907 г.).

Интересна история ареста Е. Бредихина. Царское правительство, начав следствие о бунте, не оставило работы по «вылавливанию» потемкинцев и неусыпно следило за ними и в России, и за границей.

Как только в Румынии высадились 700 матросов экипажа, тотчас же началась переписка по поводу выдачи всех восставших, о чем имеются шифрованные телеграммы из Бухареста в Петербург на имя министра иностранных дел (Архив б. мин. ин. дел, II Отд. Госархива).

Стоило только 20 марта 1907 г. румынскому министру внутренних дел дать распоряжение арестовать 80 матросов «потемкинцев», обвинявшихся в преступной агитации среди румынских крестьян, как сейчас же последовала самая энергичная переписка между б. директором департамента полиции М. И. Трусевичем, Д. К. Сементовским-Курило [1]), М. Н. Гирсом [2]) и А. А. Нератовым [3]) на тему о высылке «потемкинцев» в Россию и обставлении дела таким образом, чтобы они в России не получили возможности оставаться на свободе. В результате, при высылке Ефима Бредихина в Россию, русской полиции стало точно известно не только местопребывание его, но и факт снабжения румынским паспортом на имя Василия Дингу (дело № 47 м. и. д. 1 департамента, румынский стол «потемкинцы», II Отдел. Госархива).

3 июня (ст. ст.) 1907 г. Е. Бредихин уже арестовывается в Москве и препровождается в Севастополь (дело м. охр. отд. за 1907 г., № 1064 о дезер-

---

[1]) Сементовский-Курило, Д. К., 1907 г. директор департамента полиции.

[2]) Гирс, М. Н., посланник в Бухаресте (в Румынии) 1903—1912 г.

[3]) Нератов, Анат. Анат., чиновник особых поручений при м. и. д. Исполнял обязанности старшего вице-директора 1-го департамента. 1907—09 гг. Товарищ министра с 1911—1917 г.

тире Е. Р. Бредихине нелегально Василий Дингу).

В то время, как Е. Бредихин сидел под крепкими замками в ожидании суда в Севастополе, департамент полиции теми же способами «выудил» и Афанасия Матюшенко.

6 июня 1907 г. департаменту полиции стало известно, что «один из главарей мятежа», Матюшенко, выехал из-за границы в Россию, о чем и даны были секретные циркулярные сообщения по полиции с портретом Матюшенко на предмет его изъятия (III Отд. Госархива. Дело м. охр. отд. с циркулярами департамента полиции № 11 от 1907 г.). А 11 августа (ст. ст.) того же года он уже арестовывается в Николаеве под фамилией Федоренко и опознается.

Подробности ареста и последние минуты Матюшенко мы находим в ниже приводимом письме Е. Бредихина. Письмо в простых, трогающих до глубины души, выражениях четко со всеми характерными подробностями рисует тяжелые минуты прощания Матюшенко с товарищами и его геройскую смерть. Оно направлялось в Бухарест, но по назначению не дошло, так как через секретную агентуру было перехвачено начальником одесского охранного отделения и подлинник направлен в департамент полиции, а копия в Севастополь. Мы ее обнаружили в одном из дел военно-морского суда (III Отд. Госархива, № 255, т. I от 26 ноября 1907 г.) с дознанием и производством о Е. Бредихине. Приводимое ниже письмо сохранилось в делах III Отделения Госархива в копии, напечатанной на машинке с сохранением орфографии не вполне грамотного автора. В печатном тексте исправлена орфография автора и расставлены знаки препинания для ясности смысла.

1907 г. 29 октября.

Дорогой друг, Замфир Арборе [1]). Шлю Вам сердечный привет (и) сообщаю скорбную весть о казни дорогого товарища Матюшенки. 3 июля в Николаеве провокаторски был предан, а из Севастополя офицера ездили устанавливать личность. Узнали и доставили в одесскую тюрьму. 10 октября взят на миноносец, а 11 доставлен в Севастополь. Когда вели в морскую тюрьму, то по всему пути был патруль поставлен: 60 человек конвоя, 7 офицеров. Камера заключения его секретна. Нужно пройти коридор, войти в караульное помещение, из караульного помещения вход в камеру рядом с комнатой кар(аульного) офицера. Ключ у офицера кар(аульного) находился. У дверей часовой и под окном усиленная охрана. На первый же день арестовали, то-есть без постельных вещей и горячей пищи на 5 суток за то, что не вставал на поверку. Выписки не разрешали и никакой передачи от товарищей по заключению. На прогулку вышли только 1 раз за все время. 16 окт. получил обвинительный акт, 17 суд. Также около 100 человек конвоя водили на суд. За потемкинское дело смертная казнь по манифесту 10 окт. 1905 года заменили 15 лет каторги. За прокламацию и воззвание к офицерам армии и флота и карикатуру (на) царя, — смертная казнь — которы(е) [2]) был(и) посланы из Румынии штаб-капитану Данилову под именем Матюшенки, Кара! (кроткий царь). После суда ему разрешили табак курить. С 18 на 19 мы не спали всю ночь: думали, что его возьмут. 19 в 8 час. вечера привезли гроб и столб. Готовая виселa. Тут мы узнали, что

---

[1]) Земфирий Арборе, Ралли, старый революционер, анархист, эмигрировавший в 1871 г. из России за границу, сподвижник С. Г. Нечаева, Ткачева, Бакунина. В 1880 г. принял румынское подданство под фамилией Арборе. (Истор.-Рев. Архив, дело моск. охр. отд. № 1587 от 1908 г., «Былое» за 1906 г. № 7). Живет и поныне в Бухаресте. Дети Арборе, Екатерина и Дмитрий, коммунисты. Семья Арборе встретила Е. Бредихина и А. Матюшенко и других «потемкинцев» тепло и оказывала им необходимое содействие и помощь. Вот почему перед смертью А. Матюшенко вспомнил их и просил передать привет.

[2]) Т.-е. прокламация и воззвание к офицерам армии и флота. *Прим. Ред.*

его вешать будут здесь во дворе, чего еще не было. Я находился на верхнем этаже. Мы, т.-е. заключенные, стали прорезать щели в щитах, которы(е) над окнами, придумал это отец Скрыдлов [1]), т. ч. видно вверх кусочек неба только. В начале 5 часа утра стали вводить войско всех частей: 1 эскадрон казаков, эскад(рон) драгун, 2 роты матросов, но без ружей, из всех благонадежных частей армий, т. ч. полный двор и за двором кругом войско. Половина шестого утра входят в мою камеру, заявляют, что Матющенко просит попрощаться со мною. Я был одетым потому, что следил за всем движением. Когда увели меня в караульное помещение, т.-е. раньше меня предупредили, что говорить нельзя ни одного слова, то я увидел — полное помещение офицеров разного калибра, двери открыты камеры, он стоит, правым плечом опершись о плотную стенку, и смотрит на эту свору, собрав(шуюся) смотреть на его смерть. Мы обнялись и я зарыдал как дите, он сказал: «не стоит плакать», оставил мне крест золотой с надписью «спаси и сохрани», медальончик, вещи, и когда я хотел у него спросить, кому что передать, то меня схватили и вывели, на верхнем этаже продержали и в камеру не впустили, пока его провели. Тогда меня обратно свели вниз, там, где помещался Матющенко. Здесь в углу на полу лежали вещи казенные: одеяло, рубашки, тельники, кальсоны, на койке коробка с табаком. Я первым долгом бросился — записки или надписи, но ничего не нашел. Затем открыл окно, но плохо было слышно, когда читали приговор. На второй день мне товарищи, передали следующее: во время чтения приговора он ходил взад и вперед по — над фронтом. Кончили читать приговор, он сказал: «прощайте, товарищи», и еще что-то хотел сказать, но тут командир с «Потемкина», Акимов, закричал: «замолчи», а он ответил: «чего орешь». И повели к виселице. Он взял сам на стол стал и на столе сказал: «вешайте, трусы, но придет время и вас перевешают на фонарных столбах». Палач, как видно, профессиональный, и стал на табуретку, руками набросил петлю, а ногою выбил стол. Забил барабан. 15 мин. висел. Спустили. Стали снимать кандалы. Крутили ноги, выворачивали, так как неудобно было расковывать с мертвого. И только мяли кандалы, и руки развязали, и в шинели положили в гроб. Похоронили за корабельным кладбищем, где уже покоится два солдата Бресского полка, также повешенные за убийство двух офицеров, 15 ноября 07 года пытались поднять вооруженное восстание, но неудачно. Последнее время он мне успел кое что передать: на суде было два защитника, но он отказался от защиты. Кассации не подавал. На суде все принял на себя, т.-е. убийство офицера. Последние слова его записки: «сегодня приговор будет исполнен, умираю за правду с горестью, как подобает революционеру, передай последний мой привет Арборе, прощай!» Так погиб наш товарищ, оставил нам свой пример, как нужно бороться и как помирать за великое дело освобождения народа! Всецело отдал жизнь за народ. Если бы кто знал, что я испытал за эти дни после смерти его! Не мог кушать, и не могу уснуть: я вижу тени его перед собой, как мы прощались, как висит, как ему ноги крутят и как видел его веселым, когда проходил мимо. Да еще кое что: четыре палача было — два, которые вешали, в халатах, отвернуты воротники, так что лица были закрыты и загриммированы. И на предупреждение прокурора, что осторожней, он опасный человек, палач ответил: «я вешал таких, которые цепи рвали, а с этим справлюсь». Показание на Матющенко прапорщика Алексеева, — а остальные все сволочь — подтверждает именно правда (?), — но и безобразно показание. А если для вас это важно, то я могу вам прислать копию обвинительного акта, так как он передал мне его, но я передал вольным людям, где он будет находиться, пока меня переведут в гражданскую тюрьму. Затем сообщаю вам, что 15 человек «потемкинцев» уже здесь находятся.

[1]) Скрыдлов, Никол. Иллар., вице-адм., ком. черн. и тихо-океанск. флота.

приехали сюда (меня) еще не было. Я ожидаю на-днях суда. Судьба неизвестная. 9 негодяев показывают, как на главного руководителя восстания. По получении моего письма, дайте мне ответ, хоть открыточку. Почему-то я не уверен, что мое письмо будет получено вами. И также сообщите, что нового в вашем царстве. Передайте мой привет дед. Пет. [1]) и Гер. [2]) Рак [3]) и всем товарищам. С искренним почтением Бредихин. Адрес Севастополь, военно-морской арестный дом, содержащемуся под стражей Бредихину.

Не мешает кое что сообщить вам: матросов раньше было 10 экипажей около 16 тысяч, теперь один экипаж. Суда стоят, под стенкой человек, пока матросов караулит. На берегу также нет матросов — есть несколько сот, но все в порту арестованы. Ежедневно отправляют на каторгу, в арестантские роты. В помещениях матросских, где раньше находились матросы, теперь казаки, драгуны, армия. Матросы штыка не доверяют. Оружие у матросов все отобрано. Посты флотские, караул занимают армейские.

---

[1]) Дедом Петром «потемкинцы» звали старого народовольца-эмигранта, умершего в 1911 году, известного под именем доктора Петра—настоящая фамилия которого Василий Ивановский. Часть потемкинцев жила у него в Тульче (в Румынии).

[2]) Герадоброджано Константин, эмигрант, с.-д. из бывших народников. Основатель коммун. партии Румынии. Сын его коммунист. «Потемкинцы», в том числе Матюшенко и Бредихин, жили в его семье и Герадоброджано провожал Матюшенко из Румынии.

[3]) Раковский, Христ. Георг., член Р.К.П.(б.). Когда броненосец «Князь Потемкин» прибыл в Констанцу, Раковский первый взошел на судно.

Сообщила *К. П. Воинова.*

Редакционно-издательская коллегия Центрархива.

Ответственная редакция: { Вл. Максаков. Вяч. Полонский.

СОДЕРЖАНИЕ ВЫШЕДШИХ ТОМОВ ЖУРНАЛА

„КРАСНЫЙ АРХИВ“

ПЕРВЫЙ ТОМ.

Русско-германские отношения. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем. — П. Г. Зайчневский. Обряд публичной казни над С. Г. Нечаевым.—К истории партии Народного Права. — Новое о зубатовщине. — Сибирь в 1905 году. — Письма лейтенанта Шмидта.—Письма Некрасова и Достоевского.— Стихотворения Розенгейма и Голенищева-Кутузова. — Толстой и Короленко.—Александр III о Л. Толстом.

ВТОРОЙ ТОМ.

Дневник А. Н. Куропаткина. — Письма принца Вильгельма Прусского к Александру III. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем. — К истории рабочего класса в России. — Социалистическая печать во время империалистической войны.—Неизданная сказка М. Е. Салтыкова. — Письмо Ф. М. Достоевского из крепости. — Достоевский и Победоносцев. — Письма И. А. Гончарова и А. Мицкевича.— С. В. Зубатов и А. И. Спиридович.—Генерал Алексеев и М. В. Родзянко.—Подкуп китайских сановников Ли-Хун-Чжана и Чжан-Ин-Хуана.

ТРЕТИЙ ТОМ.

Доклады С. Д. Сазонова Николаю Романову 1910 — 1912 г.г. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем. — Дневник А. А. Половцева. — Бакунин перед австрийским судом. —Материалы об Огареве, Лаврове и Герцене.— Письма С. Л. Перовской.—Воспоминания А. Г. Достоевской.—**Из записной книжки архивиста**: Завещание Николая I. — Письмо Н. В. Гоголя к В. Г. Белинскому. — Бальзак в России.— Письма В. Гете и др.

ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМ.

Начало войны 1914 г.—Дневник А. А. Половцева.— Переписка В. Н. Коковцева с Нецлиным.— Семейная переписка Романовых.— Нечаев в Алексеевском равелине.— Отзвуки польского восстания 1863 г.—Письма К. П. Победоносцева.— Л. Н. Толстой в Астапове. — Доклад цензора Матвеева о сожженном марксистском сборнике. — Письма Достоевского, Гончарова, Тютчева. — **Из записной книжки архивиста**: Журнал М. Е. Салтыкова-Щедрина „Русская Правда“.—Достоевский в Твери.—Речь Щапова.— Революционное движение в войсках во время мировой войны.—Материалы к истории живописи. — К истории манифеста 17 октября и т. д.

ПЯТЫЙ ТОМ.

Автографы В. И. Ленина.—Русско-германский договор 1905 г.—Финансовые совещания союзников во время войны. (Доклады мин. фин. П. Л. Барка.) — Дневник А. Н. Куропаткина (с 14 февраля по 25 марта 1904 г.)—Переписка Н. А. Романова и П. А. Столыпина. — Письма участников процесса 193-х. — Письма И. Н. Мышкина из Якутской тюрьмы к брату. — С. Г. Нечаев в Алексеевском равелине.— Верховное командование в первые дни революции. Из переписки Николая I в декабре 1825 г.—Письма Д. И. Писарева из крепости. — Два письма П. Ф. Якубовича.—**Из записной книжки архивиста**: Г. В. Плеханов и „шпионские забавы“.—Казнь П. П. Шмидта, Частника и др.— В. Чернов и июльские дни.—Распутин в освещении охранки.—От редакции.

ШЕСТОЙ ТОМ.

Портсмут. — Константинополь и проливы. — Нечаев в Алексеевском равелине. — Из архива Л. Тихомирова. — Временное правительство после Октября. — Из записок Николая I о 14 декабря 1825 г. — Три письма Л. Н. Толстого к декабристу Н. Свистунову. — Л. Толстой и помощь голодающим. — Из записной книжки архивиста: Два письма Карла Маркса. — Запрещенные стихотворения А. П. Барыковой. — К иконографии декабристов. — Адрес рабочих Н. В. Шелгунову.

СЕДЬМОЙ ТОМ.

Портсмут (окончание). — Константинополь и проливы (окончание). — Из дневника А. Н. Куропаткина. — Автобиографическая записка и письма С. Ширяева. — М. Бакунин и экспедиция на пароходе „Ward Jackson". — Достоевский „Преступление и Наказание". — Омские события при Колчаке. — Из записной книжки архивиста: Неизданный манифест Исполнительного Комитета „Народной Воли". — Неизданные письма Л. Толстого Исламиным. — Стихотворение Я. П. Полонского „Простая быль".

ИЗДАНИЯ ЦЕНТРАРХИВА РСФСР

ЦЕНТРАРХИВОМ ВЫПУЩЕНЫ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

1. „Красный Архив", т. т. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 8. Под редакцией В. В. Адоратского, В. В. Максакова, М. Н. Покровского, В. П. Полонского, В. М. Фриче.
2. Русско-Германские отношения. (Сборник секретных документов.) С предисловием М. Н. Покровского.
3. Достоевский. „Исповедь Ставрогина" (ненапечатанные главы из романа „Бесы") и „Житие великого грешника" (план романа). Под редакцией В. М. Фриче и Н. Л. Бродского.
4. Письма русских писателей. Из архива Достоевского. Под редакцией Н. К. Пиксанова.
5. Дневник А. Г. Достоевской.
6. Сборник материалов и статей по архивному делу.
7. Лейтенант Шмидт. (Письма и воспоминания.) Под редакц. и с предисловием Вл. Максимова.
8. И. С. Тургенев. (Новые материалы.)
9. Крестьянское движение 1902 г. Вып. III. Под редакц. В. В. Веселовского, В. И. Невского и В. М. Фриче.
10. Архивное дело. Вып. I и II.
11. Письма Серафима. Под редакцией А. Сабанеева.
12. Чехов. Неизданные письма.
13. Дневник П. А. Кропоткина. С предисловием А. А. Борового.
14. Политические процессы 60-х гг. Вып. I. Под редакц. Е. П. Ковалика.
15. Переписка Вильгельма II с Николаем II. С предисл. М. Н. Покровского.
16. Переписка Николая и Александры Романовых. Т. III. С предисловием М. Н. Покровского.
17. Бакунин. (Материалы для биографии.) Под ред. В. П. Полонского.
18. Аграрный вопрос в сорте министров в 1906 г. Вып. IV. Под редакцией В. В. Веселовского, В. М. Фриче и В. И. Пичети.
19. Письма Победоносцева к Александру III. Т. I. С предисловием М. Н. Покровского.
20. Южно-Русские Рабочие Союзы. Под ред. В. В. Максакова и В. И. Невского.
21. Морозовская стачка. Под редакцией А. Лозовского и с предисловием В. И. Невского.
22. Русско-японская война. По дневникам А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича. С предисловием М. Н. Покровского.
23. Сборник указаний и распоряжений по архивному делу.
24. Царская дипломатия в мировой войне. С предисловием М. Н. Покровского.
25. Восстание декабристов. Материалы. Т. I. Под редакцией и с предисловием М. Н. Покровского.
26. Партизанское движение в Сибири. Под редакцией В. В. Максакова.
27. Петроградский Совет Р. и С. Д. Под ред. М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева.
28. Дневник Колчака. Под редакцией и с предисловием К. А. Попова.

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ и ПОДГОТОВЛЯЮТСЯ К ПЕЧАТИ:

Материалы по истории восстания 14 декабря 1825 г.
Под редакцией М. Н. Покровского.

1. Следственное дело. Т. I (вышел в свет), тт. II, III (печатаются), т. т. IV, V и VI (подготовляются к печ.).
2. „Русская Правда". П. И. Пестеля. Под редак. С. С. Мильмана, С. Н. Чернова и П. Е. Щеголева.
3. Алфавит декабристов. Под редакц. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса. (Печатается.)
4. Восстание Черниговского полка. Материалы под редакц. В. О. Волосевича и Ю. Г. Оксмана.
5. Дело Н. Ф. Раевского. Материалы под редакц. Ю. Г. Оксмана.
6. Покровский, М. Н. Декабристы. Общий очерк.
7. А. Е. Пресняков. „День 14 декабря".
8. П. Е. Щеголев. Восстание Черниговского полка.
9. С. С. Мильман. П. И. Пестель.
10. М. В. Нечкина. Общество Соединенных Славян.
11. Описи архивных дел по истории декабристов.
12. Литература о декабристах—составила Н. К. Пиксанов и Н. М. Ченцов.
13. Хрестоматия—сост. Н. Ф. Лавров и Ю. Г. Оксман. (Печатается.)

1917 год в документах и материалах.
Под редакцией М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева.

1. Петроградский Совет Р. и С. Д. Протоколы ИК и Бюро ИК (вышло в свет).
2. Аграрное движение в 1917 г.
3. Рабочее движение в 1917 г.
4. Движение военнослужащих в 1917 г. (Печатается.)
5. Материалы II Съезда Советов.
6. Материалы по истории уничтожения старой армии во время войны и революции. (Печатается.)
7. Буржуазия перед революцией. (Печатается.)

3 руб.

ПРИЕМ ПОДПИСКИ НА 1925 ГОД
НА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАРХИВА РСФСР

„КРАСНЫЙ АРХИВ"

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

В. В. АДОРАТСКОГО, В. В. МАКСАКОВА,
М. Н. ПОКРОВСКОГО, В. Н. ПОЛОНСКОГО,
В. М. ФРИЧЕ.

Подписная цена: год—15 р., 6 мес.—8 р.

Подписка принимается Периодсектором Госиздата (Москва, Воздвиженка, 10/2), провинциальными конторами и уполномоченными Периодсектора (имеются во всех губ. и уездных городах) и всеми почтово-телеграфными конторами.